

Мистер Шерлок Холмс

Выпуск 1

«Мистер Шерлок Холмс»

альманах

Выпуск 1

Мистер Шерлок Холмс

Альманах

Выпуск 1

Паровая типолиитографія А.А.Лапудева
Москва
Георгіевскій переулочъ, домъ 19
2014

Мистер Шерлок Холмс. Альманах. Выпуск 1. — Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2014 — 396 с., илл.

Электрическая версия Альманаха, впервые вышедшего в 2003 году.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п.

Все материалы получены из открытых источников.

© Паровая типолитография А.А.Лапудева, состав, редактирование, 2014

раздел первый

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

(материалы о А.К.Дойле)

Акшин Велиев

Сэр Артур Конан Дойл

*«Воздадим ему почести,
какие только человеческий ум и человеческий язык
могут воздать великому человеку с его славой!»*

Адмирал германского флота Тюрк

Артур Конан Дойл родился 22 мая 1859 года в семье художника Джона Дойла.

Атмосфера дома, где рос Артур, дышала рыцарским духом. Руководимый матерью мальчик стал знатоком геральдики и почитателем древностей. Конан Дойл научился разбираться в гербах много раньше, чем познакомился с латинским спряжением. Когда к нему в руки попали школьные учебники, сыгравшие весьма второстепенную роль в его образовании, он уже с головой ушёл во все хитросплетения своей родословной, со всеми младшими ветвями рода и брачными узами за шесть предшествовавших столетий, и, что самое главное, как верное мерило земных ценностей ему был привит незыблемый и неумолимый кодекс древнего рыцарства, со всеми последствиями, которые это может иметь в становлении личности и характера юноши. Волшебными сказками ему служили страницы Фруоссара и Де Монстреле: воображаемые приключения обрастали подробностями из семейной хроники.

Итак, Артур, растущий в лоне семьи, для которой родовая гордость имела бесконечно большее значение, чем неудобства, вызванные сравнительной бедностью окружающей обстановки, с нежнейшего возраста был погружён в рыцарскую науку пятнадцатого века.

Как и всякий аристократ, Конан Дойл крайне пренебрежительно относился к своему возвышению. Он, пока матушка не

уговорила его, отказывался принять рыцарский титул, пренебрёг званием сэра, и лишь после его смерти стало известно, что он был кавалером Короны Италии. Возникает вопрос, почему в своих книгах он не именовал себя сэром. Объясняется это тем, что титулы сами по себе значили для него едва ли больше, чем спортивные достижения.

Первые несколько лет он вёл домашнее обучение. Уже в 1869 году он учиться в подготовительной школе при крупном иезуитском колледже Стонихерст.

Ещё год-другой и Артур поступает в высшее учебное заведение — Стонихерст.

После сдачи экзаменов Стонихерста, в Англии, и получения почётного диплома, Артура переводят на учёбу в город Фелдкирх (западная Австрия), недалеко от Швейцарии.

Обучались в этой школе в основном юноши из немецких католических семей и несколько, человек двадцать, англичан и ирландцев. Артур сразу всем пришёлся по нраву.

По-немецки он говорил бегло, хотя и немного беспорядочно. На обязательных прогулках, когда ученики шли по трое в ряд — англичанин между двумя немцами, — он с упоением погружался в немецкую речь.

Дома было решено, что после Фелдкирха ему следует поступить в Эдинбургский университет изучать медицину.

Идея принадлежала матери; Эдинбург славился на весь мир своим медицинским факультетом и, кроме того, Артур смог бы жить дома. На эту мысль мать натолкнул старинный друг дома доктор Брайан Чарльз Уоллер; человек образованный и добросердечный, агностик по убеждениям, он глубоко заинтересовался юношей и в течение нескольких лет имел на него сильное влияние.

Самого Артура мало беспокоило, какой путь в жизни избрать. Пусть на этом пути его ждало больше науки, чем хотелось бы (почему процесс познания нельзя сделать таким же увлекательным, как у Жюль Верна?), хотя та «наука», с которой он сталкивался на лекциях мистера Лиркома в Стонихерсте, была для него настоящим бедствием. Но таково было желание матушки — и точка. К тому же в профессии может оказаться много привлекательного. Заманчиво было бы в один прекрасный день важно прошествовать в цилиндре к постели больного и, склонив

голову выслушать жалобы, а затем — кратко, без лишних слов — объявить свой диагноз, который потрясёт всех собравшихся и исторгнет слёзы благодарности.

И вот, улучшая часы между коньками и санками, он действительно серьёзно взялся за науки. Доктор Уоллер снабжая его учебниками по химии и вселяющей ужас геометрии с параболами и эллипсами. И никакой беллетристики, если только в ней нельзя почерпнуть практических знаний.

В 1876 году Артур прожил некоторое время рядом с дядюшкой Конаном и тётушкой Сюзан. Однажды в саду с дядей, где тот проводил время, Конан завёл разговор напрямик:

— Твоя медицинская карьера... — Это пять, ну, пусть четыре года. Не будет ли слишком тяжело для отца с матерью?

— Да, сэр. Но если я заслужу стипендию, мне говорили, это значительно покроет расходы. А тогда, понимается (во всяком случае, так объяснял доктор Уоллер), можно поступить ассистентом к врачу и немного подзаработать, не прерывая учёбы.

— Ты хочешь быть врачом?

— Сэр?

— Я, спрашиваю, ты хочешь быть врачом?

Конечно, в каком-то смысле можно было сказать, что он хотел быть врачом. Во всяком случае, не было ничего другого, чем бы он хотел заниматься или к чему испытывал склонность. Он умел упорно трудиться, что ж, Бог в помощь!

Из волшебного Парижа, от цветущих в каштановых кронах уличных фонарей уносится он в город посуровее: к своей подслеповатой матушке, к сёстрам, трёхлетнему брату, отцу. И хотя Артур этого не осознавал, пришёл конец его детству.

Да, он решил изучать медицину...

Артур заслужил стипендию, но по чистой чиновничьей оплошности её не получил. Пройдя уже двухлетний курс медицины, он решил уплотнить годичную программу до полугода, и тогда в освободившееся время мог пойти ассистентом к какому-нибудь врачу, чтобы немного приработать для поддержки семейного бюджета.

Молодой доктор Конан Дойл крадётся под покровом темноты к ограде своего дома, чтобы протереть медную табличку у входа. Соседи ни в коем случае не должны были догадаться, что

он не в состоянии содержать прислугу, тем более в столь фешенебельном пригороде Портсмута.

Вообще профессиональная репутация доктора Конана Дойла была безупречна, если не считать одного случая, когда он в первый же портсмутский день ввязался в драку с моряком, который не слишком галантно лупил свою жену, а потом стал его пациентом.

В начале 1878 года Артур, пытаясь помочь своей семье, нанялся учеником и фармацевтом к доктору из беднейшего квартала Шеффилда. И даже если поначалу ничего не зарабатывал, то, по крайней мере, смог избавить мать от забот по его содержанию.

Артур занимался спортом. При столь массивном сложении он лёгок в движении, как кошка. Ему было достаточно беглых наставлений, чтобы стать стремительным форвардом в регби и первоклассным боксёром. Бокс ему был больше по душе!..

В 1881 году он закончил своё медицинское образование, правда, не без трепета перед экзаменами, долгой зубрёжки и ещё одного сезона ассистентом у доктора Хора. Всё это осложнялось его склонностью, правда, до сих пор не выходящей за рамки приличий: влюбляться в каждую встречную девушку.

Говоря точнее, он был влюблён в пятерых одновременно. У него не было дурных намерений, оправдывался он; однако и жениться на всех пятерых представлялось маловероятным, что приводило его «в жалчайшее состояние и совершенно лишало духа».

Вскоре Артур Конан Дойл получил диплом бакалавра медицины и магистра хирургии.

Однако перспективы перед ним открывались туманные. Он, выдержав последние экзамены, мечтал о новом путешествии, теперь уже в качестве полноценного врача. И когда ему вдруг предложили место на борту грузопассажирского лайнера, направляющегося к западному побережью Африки, казалось, это был подарок судьбы. В середине января 1882 года лайнер бросил якорь в ливерпульской гавани. Но ему хотелось работы, а не той расслабляющей лени в похмелье с пассажирами среди дневной жары, а в ночи — неизбежных костров бушменов вдоль всего побережья. «Я не намерен вновь идти к Африке. Доход ниже того, что я могу заработать пером за такое же время, а климат адский».

Он, решил вернуться, обсудив всё с матерью. Но тут пришло письмо (которого Артур опасался) от его лондонской тётушки. Тётушка вопрошала о приезде племянника, чтобы подумать вместе с ней и дядей о своём будущем. Так перед ним впервые серьёзно встала проблема выбора. Влиятельные связи в католических кругах могли обеспечить будущность юного врача. Артур ответил, что он агностик и что было бы не благородно по отношению к тётушке даже просто обсуждать это впредь. Но, тем не менее, не многим позже Артур отправляется в Лондон. Но вскоре перебранившись со всеми дядями и с тётей (из-за различных взглядов на христианство) в унынии возвратился он в Эдинбург, сознавая, что любой мог бы назвать его недотёпой, упустившим свой единственный шанс; он всё больше утверждался в своих взглядах на религию и дал себе великий обет, что никогда, никогда — только бы хватило сил! — не примет он на веру ничего не доказуемого.

Возвратившись на родину, он получает телеграмму от своего друга, требующего, чтобы Артур приезжал к нему с первым же поездом: «У тебя будет куча всяких приёмов, хирургия, акушерство. Могу гарантировать на первый год триста фунтов».

Артур решил, что это слишком подходящий случай, чтобы за него не ухватиться. Он спешно собрался и отправился в Плимут. Через несколько месяцев его друг предложил ему открыть собственную практику, выбрав любой город в Англии. Артур выбирает Портсмут.

Этот шаг был довольно-таки рискованным. Ему предстояло снять помещение одними лишь уверениями в платёжеспособности, не имея ни счёта, ни ренты, и так же в кредит, собрать запас медикаментов.

Портсмут и чувство полной свободы, обретённое там, вознесли его на седьмое небо. В пригороде Саутси нашёлся приличный дом за сорок фунтов в год. Кое-что из мебели он купил на аукционе. На первых порах необходимо было оборудовать хотя бы врачебный кабинет и, конечно, поставить какую-нибудь кровать в спальне, а также стойку для зонтиков, чтобы украсить прихожую.

Доыл начал работать, хотя больших денег его работа ему не приносила. У входной двери появилась табличка с его именем, написанным крупными буквами. Первые три дня он сидел, ниче-

го не делая. На четвёртый день в комнату вошёл старый солдат со злокачественной опухолью на носу, появившейся из-за того, что курил горячий табак в короткой глиняной трубке. Дойл отправил домой и через два дня в двухколёсном экипаже поехал к нему оперировать. Это была его первая операция в жизни, хотя пациент, к счастью, этого не знал, и из них двоих Дойл нервничал намного больше.

Но операция прошла успешно, и старый солдат был горд аристократической формой, которую Дойл придал его носу. После этого к нему потихоньку потекли больные, и, хотя его пациенты были очень бедны, его заработок медленно увеличивался.

Постепенно число пациентов росло. Он оценил преимущества респектабельности: все окна, выходящие на улицу, были задёрнуты занавесками, так что жители особняков по другую сторону не могли увидеть голые, необставленные комнаты, верхнего этажа. Предметы уюта, конечно, появлялись со временем. О, если бы только как-нибудь завлечь побольше пациентов!

Прошло ещё некоторое время...

Медицинская практика ширилась. Это он заметил, когда стал появляться в обществе, где оказалось много знакомых. Некоторую известность доктору Дойлу принесли крикет и футбол, где он мог сбросить фрак и дать волю своей скованной энергии. Он вступил в Литературно-научное общество.

Доктор часто бывал на балах. «На днях я был на балу, — писал он, — и, леший его знает как, назююкался. Смутно припоминаю, что половине женщин, и замужних и незамужних, я делал предложения». Несмотря на игривый тон, он, конечно, раскаивался в том поступке. Врач не может позволить себе прикасаться к вину в обществе: это не должно повториться, в особенности теперь, когда колокольчик на его двери в доме № 1 по Буш-виллас стал позвякивать всё чаще.

Врачебная комиссия страховой компании пополнила его доходы. Его сосед и приятель — доктор Пайк, тоже подкидывал ему немало вызовов к больным. В домах бедняков или ещё силящихся скрыть нищету, куда заходил он со своим стетоскопом под неизменным цилиндром, видел он смерть и страдания глазами человека умудрённого — ставшего на ноги. И чем больше ширилась его медицинская практика, тем более искал он вдохновения в литературном труде. Ему всё не хватало уверенности в себе,

но, несмотря на это в 1885 году Артур Конан Дойл получил такую степень доктора медицины.

Врачебная практика его увеличилась со 154 фунтов в год до 300, но за эту сумму не переваливала.

11 октября 1899 года Африке Англией была объявлена война (Бурская война).

Доктор Дойл решает вступить в армию. Однако ему не везло. Сколько бы он ни обращался в военное ведомство, ему отвечали, что он слишком стар для действительной службы, а давать какие-либо поручения гражданскому лицу они не станут.

Но была и другая возможность. Почему не отправиться на фронт в качестве врача?

Его друг снаряжал полевой госпиталь за собственный счёт. Госпиталь тот, в отличие от других госпиталей, должен был отправиться напрямик на фронт, и это-то обстоятельство и решило дело, когда Конан Дойлу предложили работать в госпитале.

Война окончилась. Второго апреля 1900 года госпиталь со всем штатом в 45 человек достиг Блумфотейна (Южная Африка), вскоре, после чего вместе с войсками переправились на двадцать миль к востоку — в Паардеберг, где ими было захвачено водопроводные сооружения. Здесь использовали для питья заражённую воду, и началась эпидемия брюшного тифа.

Солдаты, которым прививка от тифа не делалась в обязательном порядке, умирали, как мухи. Потому что мухи-то и были повсюду, жужжа и роясь мерзкой чёрной тучей. Брюшной тиф, ввергая людей в беспамятство и вызывая высочайшую температуру, разъедает стенки кишечника. Тиф влёт смертельное отравление организма и мучительнейшую смерть.

Главный врач госпиталя, не вынесший вида такой смерти, уехал домой. Если бы Конан Дойл не взял всё в свои руки, могла произойти катастрофа. Он и двое младших хирургов начали бороться с эпидемией, свалившей уже двенадцать человек из них. Не приходилось думать о могилах для большинства умерших, тела которых заворачивали в больничные одеяла и сваливали в неглубокие рвы. Пятьсот человек скончалось за апрель и май. Доктор Конан Дойл работал, как лошадь, пока ему буквально насквозь пропитанному заразой, не приходилось мчаться на холмы за глотком свежего воздуха.

«Это один из тех людей, кто делает Англию великой», — писал известный художник Мортимер Мемпес.

Под бормотание бредящих, под истощную скороговорку умирающих он нянчился с ними, развлекал их рассказами, писал за них письма.

В 1903 году Конану Дойлу была вручена огромная серебряная чаша, за его работу во время бурской войны. На сверкающей чаше было выгравировано: «Артуру Конан Дойлу, который в минуту великой опасности словом и делом служил своей стране».

* * *

Писатель Конан Дойл, чьи вымышленные герои были лучше известны среднему англичанину, чем любые другие, кроме шекспировских, жил какое-то время в Девоншир-Терас и именно там появились первые рассказы, в которых Шерлок Холмс завоевал мировую славу, ибо Холмс по популярности оставил позади даже самых известных героев Диккенса. Г.К.Честертон однажды сказал, что, если бы рассказы о Холмсе писал Диккенс, у него каждый персонаж получился бы таким же живым, как Холмс. Мерцание Уотсона доходит до гениальности, но оно лишь добавляет блеска Холмсу.

В настоящее время есть ещё только три героя в английской литературе, которые занимают такое же место, как Холмс, в умах и речи простых людей с улицы. Любой разносчик угля, докер, корчмарь, любая уборщица поймут, что имеется в виду, когда про кого-то скажут, что он «настоящий Ромео», «вылитый Шейлок», «чёртов Робинзон Крузо» или «проклятый Шерлок Холмс». Другие герои, такие, как Дон Кихот, Билл Сайкс, миссис Гранди, Микобер, Гамлет, Миссис Гемп, Скрудж и Ловкий Плут и так далее, известны образованным и полуобразованным людям, но эту четвёрку знает более девяноста процентов населения, миллионы, никогда не читавшие ни строчки из произведений, в которых они появляются. Причина этого — в том, что каждый из них — символическая фигура, олицетворяющая вечную страсть человеческого характера. Ромео означает любовь, Шейлок — скупость, Крузо — любовь к приключениям, Холмс — спорт. Мало кто из читателей видит в Холмсе спортсмена, но именно это место он занимает в народном воображении он следопыт, охот-

ник, сочетание ищейки, пойнера и бульдога, который так же гоняется за людьми, как гончая — за лисой; короче, он сыщик.

Он современный Галахад, не разыскивающий более священный Грааль, а идущий по кровавому следу, фигура из фольклора, но с характерными чертами реальной жизни. Самое любопытное заключается в том, что, хотя он и не создан так полно и безупречно, как все величайшие литературные персонажи, не поверить в его существование невозможно. Хотя он полностью лишён таинственности и многозначительности, присущих великим портретам, он живой и достоверный, как моментальная фотография. Мы знаем, как он должен смотреться и что он должен говорить в некоторых определённых ситуациях; более того, в определённых обстоятельствах мы подражаем его облику и говорим его словами. Как никакой другой герой художественной литературы, он пробуждает ассоциации. Для тех из нас, кто не жил в Лондоне восьмидесятых и девяностых годов прошлого, века, этот город — просто Лондон Холмса, и мы не можем пройти по Бейкер-стрит не думая о нём и не пытаюсь найти его дом. Есть ли другой литературный персонаж, кроме Холмса, целая литература о котором посвящена вопросу: где же он жил? Один топограф, мистер Эрнест Шорт, взялся за дело с усердием, вряд ли достойным лучшего применения, и показал с помощью диаграмм и описаний, что, вероятно, резиденцией Шерлока Холмса был дом, носящий сейчас номер 109, хотя именем «Шерлок» названы конюшни, расположенные за домами напротив.

В произведениях о Шерлоке Холмсе нашли отражение некоторые автобиографические данные автора, которые были вложены в образ доктора Уотсона; черты характера, привычки, увлечения — в образ Шерлока Холмса. Доктор Уотсон, как и автор записок, после женитьбы занимается частной практикой. Увлечение Шерлока Холмса боксом и нелюбовь к перебиранию своих бумаг: «Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно если они были связаны с делами..., но вот разобрать свои бумаги и привести их в порядок — на это у него хватало мужества не чаще одного или двух раз в год», перешло к нему от Конана Дойла, словно от отца к сыну.

Сам Дойл был на редкость ненаблюдательным — он написал, что в доме был эркер, а отличительная черта Бейкер-стрит — в том, что на ней нигде эркеров нет. У Дойла десятки

таких неточностей. Недавно, перечитывая его рассказы, я отметил некоторые из них: 1) в «Жёлтом лице» нам говорят, что, даже когда Холмс ошибался, правда всё равно становилась известна, как в истории со вторым пятном. Но в рассказе «Второе пятно» именно Холмс узнаёт истину; 2) Полковник Себастьян Моран вроде бы казнён за убийство в 1894 году, но Холмс говорит, что он ещё жив в 1902 году; 3) Холмс исчезает 4 мая 1891 года и возвращается 31 марта 1894 года; однако события, описанные в «Сиреновой сторожке», происходят в марте 1892 года, когда Холмс, которого доктор Уотсон и весь остальной мир считали мёртвым, должен был путешествовать инкогнито по Тибету. Дело в том, что Дойлу никогда не приходило в голову, что он создаёт бессмертного героя; он был намного внимательнее, когда рассказывал историю сэра Найджела Лоринга, по сравнению, с подвигами которого приключения Холмса он считал «низшим слоем литературы».

В «Записках о Шерлоке Холмсе», а именно в таких рассказах как «Дьяволова нога», «Пёстрая лента» — любимом рассказе самого автора, «Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс» и других, главные и второстепенные герои были связаны с Африкой.

Холмсовские рассказы изобилуют провалами памяти автора: от обстоятельств ранения Уотсона до цвета глаз персонажа, которые к концу рассказа чудесным образом превращаются в карие. Но, несмотря на это наблюдательность его была столь строй, что он мог лишь однажды взглянув на человека, определить его привычки и род занятий, теми же приёмами, которыми он вооружил своё творение — Шерлока Холмса. Конан Дойл говорил: «Если Холмс и существует, то, должен признаться, — это я сам и есть. Он обладал способностями дедукции, и качества эти не только нашли выражение в рассказах, но и не раз применялись им на практике. «По силе дедукции я не встречал ему равных», — говорил сын Артура Андриан Конан Дойл, вспоминая как его отец использовал своё необычное умение в обыденной жизни. «Путешествуя с отцом по европейским столицам, более всего мне нравилось ходить с ним по знаменитым ресторанам и выслушивать его бесстрастные замечания о характерах, занятиях, увлечениях и других подробностях жизни посетителей, подробностях жизни посетителей, совершенно скрытых от моего взора. Иногда нам не удавалось тотчас же опреде-

лить справедливость его догадок потому, что обсуждаемое лицо не было знакомо метрдотелю; но когда объект наших наблюдений оказывался человеком известным, точность отцовских выводов блестяще подтверждалась».

Много лет спустя Артур Конан Дойл записал в дневнике, что, перечитывая пьесы Шекспира, он был поражён многочисленными неточностями. Мы воздаём такую же дань Дойлу, когда перечитываем приключения Холмса. Но никого не волнуют неправдоподобие и противоречия в герое, который доставляет столько наслаждения, сколько доставляет его Шерлок Холмс.

Москва, 2000 г.

Список использованной литературы:

1. Джон Диксон Карр; Хескет Пирсон – Артур Конан Дойл. 1989 г.
2. Артур Конан Дойл – Записки о Шерлоке Холмсе. 1995 г.

Аполлон Давидсон Забытый Конан Дойл¹

Сегодня мы помещаем первый материал в серии «Письма с мыса Доброй Надежды». Её постоянным автором станет профессор Московского государственного университета, один из виднейших российских африканистов Аполлон Давидсон, чья жизнь тесно переплелась с ЮАР. Последние 6 лет наш автор преподавал в университетах ЮАР, работал в южноафриканских архивах и библиотеках. Результатом этих изысканий стали новые подробности и детали о Редьярде Киплинге, Майн Риде и других известных личностях, которые были связаны с Южной Африкой.

На исходе века самое время вспомнить о первой большой войне нашего столетия и её участниках и героях. В октябре исполняется 100 лет с начала англо-бурской войны, и неудивительно, что растёт приток приезжих в Блумфонтейн, где находится уникальный Военный музей бурских республик. Когда-то этот город был столицей Оранжевого Свободного государства. Чтобы добраться сюда из Кейптауна, надо проехать половину территории ЮАР.

Экспонаты и документы этого музея хранят память о Крюгере, президенте Трансвааля, о Штейне, президенте Оранжевой

¹ 1999 - ж. «Эхо планеты», № 28, с. 36-38.

республики, о Смэтсе, будущем фельдмаршале. Фотографии Уинстона Черчилля — не того грузного, с неизменной сигарой, какого помним мы по фильмам и журналам Второй мировой войны, а тоненького, двадцатипятилетнего, каким он попал в плен к бурам. Ему удалось бежать, и тем, кто его поймают, было назначено вознаграждение — аж целых 25 фунтов стерлингов. Это объявление тоже хранится в музее.

Можно долго перечислять громкие имена тех, кто оказался в двух бурских республиках — Оранжевой и Трансваале — сто лет назад. Киплинг работал журналистом, в том же Блумфонтейне. Ганди, его ещё не называли Махатмой, Великой душой, был санитаром в английских войсках.

К сожалению, в музее меньше материалов о российских добровольцах, сражавшихся на стороне буров. А среди них были два брата Гучковы, Александр и Фёдор. Александр Иванович там и приобрёл первую боевую славу. Она способствовала его успехам в Государственной Думе, председателем которой он стал. Могло ли ему в трансваальских окопах присниться, что он будет принимать отречение у последнего императора России и станет военным и морским министром Временного правительства?

Немало было и других российских людей, чьи судьбы связаны с той войной и о которых не худо бы вспомнить.

Но сейчас, в этом маленьком очерке, речь о человеке, который приехал сюда, в Блумфонтейн, и обосновался в помещении Блумфонтейнского клуба. Он не проливал кровь, а наоборот, залечивал раны.

Правда, справедливости ради надо сказать, что поначалу он собирался не лечить, а сражаться. И стоял в очереди желавших записаться в добровольцы. Но его не взяли. Возраст неподходящий — уже сорок лет. Да и здоровье — не для походной

жизни. Тогда, вспомнив, что он всё-таки и по образованию и по опыту врач, отправился на войну хирургом госпиталя.

Собираясь в Блумфонтейн, он старался не привлекать к себе внимания, но нельзя сказать, чтобы особенно преуспел. В лондонских газетах появились заголовки: «Шерлок Холмс идёт на войну».

Да, это был тот, книгу о ком «Человек, который был Шерлоком Холмсом», я видел там же, в Блумфонтейне.

Для многих поколений читателей и зрителей герой стал неразрывно связан со своим автором. На могильной плите автора так и написано: «Создатель Шерлока Холмса».

Многие ли теперь помнят, что сам Конан Дойл отнюдь не считал создание Шерлока Холмса смыслом своей жизни?

«Я решил убить Шерлока Холмса, он отвлекает меня от более важных дел», — писал он своей матери. И осуществил это желание. В 1893-м появилось «Последнее дело Шерлока Холмса». Лишь под яростным давлением читателей ему пришлось потом оживить полюбившегося всем героя. Но новые книги о Шерлоке Холмсе появились лишь через несколько лет, уже в начале нашего столетия.

А книг он написал около семидесяти — Шерлок Холмс фигурирует лишь в нескольких из них. И не только романы, повести и рассказы, но и книги о путешествиях, и обстоятельно документированные объёмистые исторические тома.

Может быть, немного неожиданно прозвучит сейчас напоминание, что Конан Дойл был возведён в рыцарское звание — получил право именоваться сэром — тоже не за создание Шерлока Холмса, а за книгу о войне в Африке. Не роман, а документальный историко-публицистический труд — «Великая бурская война».

Издание 1902 года. На титуле сказано, что это «полное издание». Семьсот семьдесят страниц. И несмотря на такую громоздкость, тираж по тем временам огромный: шестьдесят три тысячи экземпляров. Ещё поразительнее другое. Это «полное издание» — семнадцатое по счёту. И все семнадцать изданий вышли за очень короткий срок — за два года. Какой же, значит, книга вызвала тогда интерес у людей, которые принадлежали к поколению наших дедов и прадедов!

А вот другая книга — «Война в Южной Африке, её причины и способ её ведения». Тот же 1902 год. Она не столь объёми-

ста, но зато — подумать только! — вышла почти одновременно на многих европейских языках. В Германии — двадцать тысяч экземпляров, во Франции и Бельгии — тоже двадцать тысяч, в Испании — десять, в Венгрии — восемь, в Голландии и Италии — по пять тысяч, в скандинавских странах тоже пять, в Португалии — три. Есть и русское издание. Оно было отпечатано в Одессе — в типографии на воспетой одесситами Екатерининской улице. В 1902 году. Тираж — пять тысяч. Так что, работая в госпитале, Конан Дойл успел ещё собрать громадный материал о той войне. Продумать его. И написать.

И ещё одна отнюдь не маленькая книга — почти три сотни страниц. Целиком посвящённая Африке, она стала последней среди десятков книг, вышедших из-под пера знаменитого британца.

Он назвал её «Наша африканская зима». Описал в ней последнее путешествие по Африке, с женой и детьми, уже взрослыми. «Я хотел показать своей семье некоторые из мест, так знакомых мне со времён бурской войны».

Эту книгу я знаю давно. Ещё в 1961-м мне посчастливилось купить её у ленинградских букинистов. Экземпляр с автографом Конан Дойла и датой, поставленной его рукою — 18 октября 1929 года. За восемь с половиной месяцев до кончины. Узнать бы, как этот экземпляр в добротном синем переплёте проделал путь до наших краёв, до магазина «Академкнига» на Литейном... Чьи руки прикасались к нему после того, как автор, только-только вступив в восьмой десяток своей жизни, всё ещё

твёрдой рукой вывел чёрными чернилами дарственную надпись неизвестному мне человеку...

За страницами этих книг — автор. Он страстно любит жизнь, приключения, романтику, спорт. Увлекался регби, возглавлял регату. Отдал дань боксу. Слово «приключения» сохраняло над ним власть до конца его дней. Даже перед смертью он нашёл в себе силы пошутить: «Приключений в моей жизни было много. Но самое сильное и удивительное ждёт меня теперь».

Африка заняла важное место в его жизни задолго до англо-бурской войны. В 1882 году, ещё безвестным корабельным врачом, двадцати трёх лет от роду, он оказался в Западной Африке — потом описал это путешествие в романе «Торговый дом Гёрдлстон». В нигерийском городе Лагосе отлёживался после тяжёлой болезни.

В конце 1895-го, уже известным писателем, породившим и убившим Шерлока Холмса, приплыл из Италии в Египет и прожил там полгода. Мечтал отправиться в долгое путешествие по Сахаре. Пересёк Египет с севера на юг. Потом на верблюде добрался через пустыню до Вади-Хальфы, городка в северном Судане. В то время возобновлялась война Англии с суданцами, и Конан Дойл решил стать военным корреспондентом — это была единственная возможность пробраться на театр военных действий.

Поразительное совпадение. Несколькими годами раньше, в 1890-м, вышел роман Киплинга «Свет погас». Одно из главных мест действия там — Судан. Та же затяжная война Англии с восставшими суданцами — только её предыдущий этап, ещё восьмидесятые годы. Двадцатипятилетний Киплинг, никогда ещё не бывавший на войне, сумел правдиво описать прозаичную и отнюдь не радостную жизнь военных корреспондентов.

Конан Дойл, конечно, знал роман «Свет погас». Да и с Киплингом познакомился. Восхищался его талантом. И вот в 1896-м, узнав о решении английского правительства возобновить войну и добиться разгрома суданцев, он решает выступить в той самой роли, которая была обрисована Киплингом. В тех самых местах. И в той самой войне.

Но в Вади-Хальфе Конан Дойла ждало разочарование. Сражений, которые он хотел увидеть, ещё не было. Оказалось, что приготовления к началу кампании только начинаются. А тут пришла депеша о тяжёлой болезни жены. Конан Дойлу пришлось

вернуться в Англию. А об опасностях, которые его поджидали в Судане, он написал свою известную «Трагедию Короско».

Когда началась Первая мировая война, он, уже 55-летний, просился на фронт. Его не взяли, но он всё же бывал на войне. Даже в окопах. А в английском флоте плавал корабль «Конан Дойл».

Что и говорить, у него была не плохая слава. Хорошо знавший его Джером Джером воплотил её в краткой характеристике: «Человек большого сердца, большого роста, большой души».

Издание книг об англо-бурской войне сам он, очевидно, считал настолько успешным, а свой опыт, приобретённый работой над ними, настолько важным, что в Первую мировую войну вернулся к этой деятельности. Написал шеститомную историю британских военных действий в Европе в 1914–1918 годах. А в начале 1916-го даже опубликовал «Открытое письмо сэра Артура Конан Дойла к русскому народу», в котором призывал к англо-русскому сближению и заверял, что на Англию как союзника в борьбе против кайзеровской Германии вполне можно положиться. В феврале 1916-го, когда в Англию в качестве военных корреспондентов российских газет приехали Корней Чуковский и Алексей Толстой, он водил их по Лондону, рассказывал о военных усилиях англичан. А заодно, как любитель истории, и о местах, связанных с пребыванием Петра I в Лондоне.

Сколько можно ещё написать о нём! И о том, как он разоблачал колониальные зверства в Конго. Его книга «Преступление в Конго» вызвала когда-то взрыв возмущения деяниями бельгийского короля Леопольда. А его увлечение спиритизмом! Он написал даже книгу «Странствия спирита».

...Всё это, забытое и полузабытое, невольно приходит в голову, когда бродишь по улицам южноафриканского города, искоженным ногами этого удивительного человека.

Нельзя сказать, что тут, в Военном музее бурских республик, самые высокие почести отдаются именно Конан Дойлу. Будучи яростным английским патриотом, он, как это нередко бывает с патриотами, слишком легко оправдывал действия своей родины. И буры помнят это. Но всё же патриотизм не вполне застилал ему глаза. Он стремился в какой-то мере понять и тех, против кого воевала его страна. В Южной Африке помнят и это. И, конечно, чтут его личное мужество. И, прежде всего, талант.

Фотина Морозова

Сэр Артур Конан Дойл и духи²

«...Собака с яростным лаем бросилась на незваного гостя, входящего с террасы. Я увидел, как она прыгнула, будто пытаясь схватить его за горло. Однако, странное дело, кроме нас с Замбой, в комнате не было никого! Лунный свет падал на траву, пруд и террасу, и если бы кто-то вошёл, тень его неизбежно легла бы на пол. Но тени не было! И всё же Замба явно напала на Что-То или на Кого-то: я увидел, как она мгновенно была отброшена назад и упала к моим ногам. Собака была мертва — какая-то чудовищная, неведомая сила свернула ей шею.

Я схватил пистолет и выстрелил в пустоту. Одна свеча — на столе их было четыре — погасла. Помня предупреждение старухи, я положил револьвер на стол и попытался зажечь погасшую свечу от другой. И тут в зеркале напротив я впервые заметил ночного пришельца. Это была Рука, бледная и цепкая. Она схватила револьвер со стола и исчезла».

Кто автор этих строк? Эдгар По? Брэм Стокер? Другой сочинитель историй ужасов? Нет, они принадлежат тому, кого трудно было бы заподозрить в пристрастиях к сверхъестественному: самому, пожалуй, прославленному писателю из всех, творивших в рационалистическом жанре детектива, — Артуру Конан Дойлу.

Странна была личность этого человека. Мистицизм и рационализм сочетались в ней в самых неожиданных пропорциях, не всегда мирно уживаясь между собой, то исподволь враждуя, то дополняя одно другое. Это тайное противостояние иногда осложняло ему жизнь, — зато оно было благотворно для его творчества, ставшем сплавом разума и тайны.

Часто случается, что человек обращается к вере в сверхъестественное под влиянием каких-либо экстраординарных, чаще горестных, событий своей жизни. Биографы Конан Дойла при-

² В первом издании Альманаха была опубликована сокращённая версия статьи под заголовком: *Фрейя Фотина. Добрая фея Артура Конан Дойла*

вычно следуют этой незамысловатой теории, утверждая, что обращение писателя к мистике произошло вследствие смерти его горячо любимого старшего сына Кингсли. Однако они не в состоянии объяснить тот факт, что Кингсли скончался от пневмонии в 1918, тогда как Конан Дойл публично объявил о своей приверженности спиритизму двумя годами раньше — в 1916. На протяжении долгих лет писатель серьёзно интересовался спиритизмом; в 1885 г. даже принимал участие в сеансах столоверчения в Портсмуте. С 1891 г. состоял членом Общества психических исследований, ставившего своей задачей изучение мира духов с научных, материалистических позиций. И это всего лишь верхушка айсберга...

Способность общаться с духами — редкий дар. Считается, что он передаётся по наследству. Для Артура Конан Дойла (1859–1930) в этом плане существовали отличные предпосылки. Начать хотя бы с того, что он происходил из Шотландии — страны, издавна опоэтизированной как прибежище женщин, наделённых так называемым «вторым зрением». Здесь, на этой почве, овеянной гнилым, болотистым и склизким, как кожа сваренной лягушки, ореолом, разворачивается действие «Макбета» — самой безнадежно-мрачной трагедии Шекспира, построенной на сюжетной основе, подошедшей бы для романа или фильма ужасов. Призраки убитых, окровавленные кинжалы, ведьмы, заманивающие человека в ловушку предсказанного ими

будущего (если верить Шекспиру, характерным отличием этих шотландских прелестниц от всех других ведьм служат... борода) — таков антураж классической пьесы, до сих пор пробирающий до костей ледяной жутью впечатлительных зрителей.

Об этих и других полуполюгендарных событиях истории Англии, Шотландии и Ирландии рассказывала маленькому Артуру мать, эмоциональная и одарённая женщина; без неё, вероятно, никогда не появились бы на свет исторические романы «Михей Кларк» и «Белый отряд». Однако от своего отца, Чарльза, будущий писатель получил не менее замечательное наследство. Один из старших братьев Чарльза, Ричард, — знаменитый оформитель обложки журнала «Панч» — был известен как превосходный художник, мастер сверхъестественного и фантастического. Дик Дойл обожал фольклор с его сонмом персонажей — эльфов, гоблинов, духов, фей; он записал в своём дневнике, что когда он был молод, его будили видения фей и гномов, но они исчезали прежде, чем он просыпался достаточно, чтобы зарисовать их. Даже его проект обложки «Панча», впервые созданный им в 1844 г., изображал представителей «маленького народца» (так англичане называют этих волшебных существ) в различных позах и занятиях. Его наиболее известная картина, «В стране фей», была выставлена в 1870 г; четырьмя годами позже его пятнадцатилетний племянник, Артур, впервые посетил Лондон, где проводил много времени с дядей Ричардом. Эти двое крепко подружились, и Дик развлекал племянника, показывая ему свою студию, полную рисунков и картин, изображающих гоблинов и фей, эльфов и призраков, драконов и ведьм. Он также рассказывал подростку некоторые из своих излюбленных историй о привидениях, вводя его в «иной мир», которым был очарован и отец Артура.

Чарльз Дойл был, возможно, даже более талантливым художником, чем его брат, однако алкоголизм и, позднее, эпилепсия, привели к тому, что он оказался не в состоянии реализовать свой значительный творческий потенциал. Тем не менее, благодаря помощи Ричарда, он сделал имя как иллюстратор книг. Он разделял со своим братом увлечение сверхъестественным; имеется его альбом, датированный 1889 г., заполненный рисунками, изображающими причудливых и устрашающих существ.

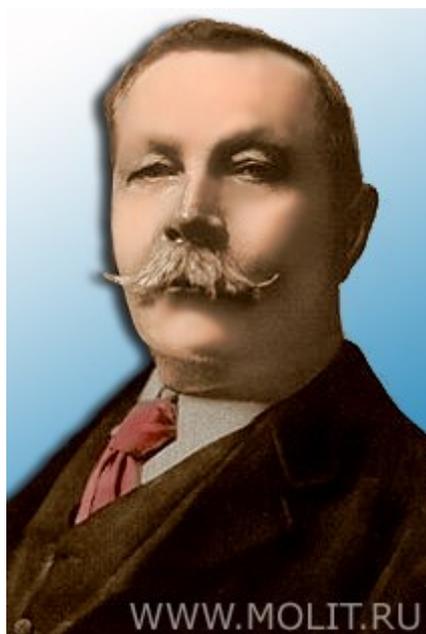
Не истории ли дядюшки Дика дали юному Артуру материал для первых творческих опытов? Не всем известно, что среди его ранних произведений значатся оккультные романы «Паразит» (1895) и «Тайна Клумбера» (1895). Рассказы о сверхъестественном и необъяснимом он продолжал писать всю жизнь: из числа переведённых на русский можно назвать хотя бы «Необычайный эксперимент в Кайнплатце», «Карета призраков», «Рука-призрак», «Сквозь завесу», «Злополучный выстрел»... Особое место в его творчестве занимает роман «Страна туманов», посвящённый деятельности церкви спиритов в Англии вскоре после Первой мировой войны. Современные исследователи привычно числят этот роман по ведомству научной фантастики, но сам Конан Дойл относился к нему по-другому. Для него это произведение было сугубо реалистическим. Во многом даже автобиографическим: ведь практически все ситуации, описанные в «Стране туманов», основаны на событиях, в которых Конан Дойл участвовал лично!

Однако если бы Артур Конан Дойл, следуя семейным умонастроениям, специализировался на историях о привидениях, вряд ли в историю литературы оказалось бы вписано его имя. На дворе стоял XIX век — эпоха господства повальной веры в материализм и оптимизма относительно безграничных возможностей науки. Закономерно, что главный герой Конан Дойла всё же нарядился не в изорванную друидическую хламиду, а в безукоризненный сюртук, и атрибутом его стал не жезл, сделанный из ветки омелы, а колбы с химическими реактивами. Но, несмотря на это, сквозь современную автору оболочку проступает древний, как мир, образ мага, кудесника — волшебника Мерлина, защитника слабых, советника королей.

Речь, конечно, идёт о самом знаменитом детище фантазии Конан Дойла, ставшем до того реальным, что он даже отделился от своего создателя и зажил собственной жизнью, — да, речь ни о ком ином, как о Шерлоке Холмсе.

Это может показаться неожиданным: Шерлок Холмс, будучи сыщиком, расследует загадку преступления, опираясь на факты, а не на потусторонние силы. Однако, если присмотреться, сравнение этого героя с магом не так уж беспочвенно. Рискну предположить, что именно древняя основа образа и предопределила его необыкновенную популярность и долгую жизнь. Прежде

всего, наука для Конан Дойла вообще была новой магией, более сильной, чем магия прошедших веков; подтверждением этого может служить роман «Открытие Ралфа Хоу», в котором алхимия как средство получения благородных металлов из свинца возрождается с помощью такой современной науки, как химия. Точно так же и Холмс, склонившийся с увеличительным стеклом или пипеткой с реактивом над сигарным пеплом или найденными на месте преступления таблетками, овеян мистическим ореолом. Кроме того, в его дедуктивном методе, как даёт нам почувствовать автор, тоже проявляется нечто сверхъестественное: это наука, близкая к искусству, и искусство, близкое к волшебству. Доктор Ватсон (который далеко не глуп — ведь именно с ним отождествляет себя читатель; разумеется, с клиническим идиотом читатель отождествить бы себя никоим образом не мог), инспекторы Скотланд-Ярда Грегсон и Лестрейд, несмотря на то, что работают с Холмсом долгие годы, не могут освоить этот метод; зато осваивает его некий служащий французской полиции, заочно, и ему единственному Холмс соглашается быть учителем... Примерно так подбирают себе учеников выдающиеся спириты, о чём Конан Дойлу было прекрасно известно.

Дело, в общем-то, заключается в том, что сэр Артур Конан Дойл обладал даром истинного мистика — чувством, что наш повседневный, будничный мир пронизан несметным множеством невидимых, однако влиятельных миров, населённых причудливыми обитателями, то добрыми, то злыми, но неизменно загадочными. Под пером этого писателя жанр детектива, со свойственным ему схематизмом и приоритетом логики перед чувством (и тем не менее — не забудем, что создателем жанра был сам Эдгар Аллан По!), приобретает некое влажное потустороннее измерение. Заурядные торфяные болота превращаются в чёрное зазеркалье, опасные поля загробного мира, по которым бегают дьявольская собака с огнедышащей пастью. Лондон викторианской эпохи, казавшийся таким скучным и безопасным современникам Конан Дойла, выявляет свою изнанку, где вершатся зловещие дела. Может быть, поэтому финалы рассказов о Шерлоке Холмсе никогда не разочаровывают читателя? Не потому ли эти рассказы можно бесконечно перечитывать, несмотря на то, что развязка наизусть известна? Мы интуитивно чувствуем: загадка — разгадана, тайна — остаётся. Ибо она неизъяснима.

Однако Конан Дойл не довольствовался сугубо литературным выражением своих взглядов. Он активно искал мистику в жизни. Он жаждал увидеть наяву следы присутствия тех фантастических существ, которые являлись в полудрёме его дяде Ричарду. Как ещё можно расценить связанный с памятью писателя печально известный инцидент, известный как «фотографии фей из Коттинли»?

Эта история случилась в 1917 году в деревушке Коттинли, неподалёку от города Брэмфорда. Туда как раз приехала в гости к родственникам, семейству Райтов, вместе с матерью девятилетняя Франциска Гриффитс. Большую часть своей короткой жизни девочка провела в Южной Африки, и поэтому английская природа казалась ей чем-то новым и необыкновенным. Особенно очаровал её ручей, протекающий между крутыми берегами, куда Франциска часто убегала вместе со своей кузиной, шестнадцатилетней Элси Райт. Там они могли играть часами. Матери и тёте Франциски это не слишком нравилось, потому что девочка возвращалась в перепачканном платье и с мокрыми ногами, и они ругали её за это.

В один прекрасный день обе женщины стали особенно упорно доискиваться: что её так притягивает к этому ручью? Почему это она постоянно туда бежит? Помолчав минуту, Франциска ответила: «Чтобы посмотреть на фей». Реакция матери и тётки, естественно, состояла из гнева и недоверия. Тогда Элси заявила, что она тоже видела фей. Но даже обеим девочкам не поверили. Франциска очень расстроилась. Чтобы ободрить её, Элси предложила взять у её отца фотоаппарат и сфотографировать фей. Франциска с радостью согласилась. Вдвоём девочки сумели убедить Артура Райта одолжить им аппарат и спустились к ручью, чтобы сделать необычную фотографию.

Сразу после вечернего чая Артур Райт удалился в тёмную комнату, чтобы проявить фотопластинку; Элси помогала ему, Франциска ждала снаружи. Медленно проявлялось в фокусе лицо Франциски, окружённое какими-то тенями — мистер Райт подумал, что это могли быть птицы... Постепенно изображение становилось более отчётливым, и, к своему удивлению, он увидел пять маленьких фигур, танцующих вокруг Франциски, которая смотрела прямо в объектив. «Фей, на пластинке феи!» — радостно воскликнула Элси.

Артур Райт был настроен скептически: он знал, что его дочь — неплохая художница, которая в течение нескольких лет увлекалась рисованием фей. Мистер Райт был склонен счесть «фей» фигурками, вырезанными из картона. Однако обе матери не были так уверены в этом. Их девочки такие правдивые! Так или иначе, вопрос замяли. Это случилось в июле, а в сентябре две девочки снова позаимствовали аппарат мистера Райта и сделали вторую фотографию. На ней оказалась запечатлена Элси с чем-то, что, казалось, походило на гнома. После этого мистер Райт отказался давать девочкам фотоаппарат. Однако в течение следующего года с пластинок было отпечатано множество карточек, и миссис Райт и миссис Гриффите показывали их родственникам и знакомым, сопровождая трогательным рассказом об их дочерях, которым удалось сфотографировать фей.

По всей видимости, эта история так и осталась бы достоянием узкого семейного круга, но, к несчастью, Полли Райт и Энни Гриффите увлекались теософией и посещали собрания теософской ложи в Брэдфорде. На одной из таких встреч оратор упомянул фей. После того, как встреча закончилась, Полли Райт

осталась и подошла к оратору. Её дочь, сказала она, сделала фотографии, на которых, как она утверждает, видны феи. Могут ли эти изображения быть подлинными? Этот простой вопрос имел далеко идущие последствия. Фотографии (тем временем их стало уже пять) и фотопластинки были предоставлены вниманию Эдварда Гарднера, известной личности в Теософском движении. Гарднер пришёл в восторг! К маю 1920 г. он широко использовал слайды в своих лекциях, и тут о них узнал сэр Артур Конан Дойл, который как раз получил заказ от журнала «Стрэнд Мэґэзин» — написать к Рождеству что-нибудь о феях. Гарднер ознакомил его с первыми и последующими фотографиями, дал возможность пообщаться с Райтами и Гриффитсами. Конан Дойл, подобно Гарднеру, выразил своё твёрдое убеждение, что фотографии являются истинным доказательством существования духов природы. Статью для «Стрэнд Мэґэзин» он написал — даже две! А за статьями последовала опубликованная в 1922 г. книга «Явление феей». Всё это разочаровало рационалистически настроенных почитателей таланта автора «Шерлока Холмса», но он принимал нападки с гордо поднятой головой, веря, что он прав и поступает как должно. И эксперты как будто бы подтверждали его мнение. Один из них даже объявил, что фотографии не могли быть подделкой, поскольку запечатлённые на них миниатюрные фигурки в момент съёмки... двигались!

На дело пропаганды фотографий с феями были затрачены большие средства, в них уверовали тысячи людей, мало того — они вошли в число самых знаменитых сенсаций XX века... И только в 1983 году старушка Элси Мастер (в девичестве — Райт) призналась, что сенсация была фальсификацией. Фигурки феей девочки вырезали из журналов, а «оживили» их с помощью прищепок и проволоки. Они и не думали никого обманывать! Они просто хотели, чтобы Франциске не запрещали играть у ручья. Ну и ещё... немножко... подшутить над родителями. Не сразу они поняли, что время, когда ещё можно было признаться, что фотографии — всего-навсего шутка, безвозвратно прошло. В какой кошмар превратилась для них тогда жизнь! Единственное, на что они надеялись, — что всё пройдёт и забудется.

Биографы знаменитого писателя до сих пор не могут успокоиться, выясняя, какую же роль сыграл Конан Дойл во всей этой истории. Обманутого? Или обманщика? Трудно себе пред-

ставить, чтобы Конан Дойл решился на сознательную поддержку мистификации: этому противоречит его непримиримость к шарлатанам-спиритам, высказанная в романе «Страна туманов». Ведь шарлатан наносит вред репутации людей, которые действительно способны общаться со сверхъестественными силами, а следовательно, подрывает веру в сверхъестественное! Однако то, что он мог оказаться лёгкой добычей мистификаторов, тоже не вписывается в облик этого человека. Он не был угрюмым фанатиком; не относился также и к тем, кто верит без доказательств. Тема потусторонних существ и сил не раз возникает в его творчестве и в юмористическом освещении, причём характерно, что объектом иронии становятся люди, безоглядно верящие в духов и призраков.

Так, например, в рассказе «Тайна замка Горсорп-Грэйндж» внезапно разбогатевший нувориш приходит к идее, что неплохо было бы ему завести в недавно приобретённом замке... привидение. Респектабельное фамильное привидение, удостоверяющее древность, как замка, так и рода его владельца. После непродолжительных поисков в замок является продавец привидений. Он даёт хозяину снадобье, позволяющее видеть духов. Описания духов драматичны в лучших традициях готической прозы:

«Там стоял необыкновенно высокого роста человек, если только можно назвать человеком эту странную фигуру — тощие кости торчали сквозь полусгнившую плоть, лицо было свинцово-серого цвета. Он был закутан в саван с капюшоном, из-под которого глядели глубоко сидящие в глазницах злобные глаза; они сверкали и метали искры, как раскалённые угли. Нижняя челюсть отвисла, обнажая сморщенный, съёжившийся язык и два ряда чёрных, шербатых клыков. Я вздрогнул и отшатнулся от страшного видения, приблизившегося к меловой черте на полу...»

Однако развязка снимает всё нагнетание ужасов. Продавец привидений оказался грабителем, а снадобье, которым не в меру доверчивый владелец замка дал себя одурманить, — обычным наркотиком...

Полагаю, разгадка дела «фей из Коттинли» заключается в другом. Конан Дойл верил — потому что чувствовал себя наделённым особой миссией: вернуть современной обывательной жизни мистическое измерение. Не секрет, что положение дел в

мире после Первой мировой войны крайне его беспокоило, о чём он прямо высказывается в романе «Туманная страна» устами симпатичного ему персонажа:

«Ситуация полностью вышла из-под контроля. Человечество с презрением отбросило помощь небес, и теперь нельзя было избежать страшного урока. И беда разразилась. Десять миллионов молодых людей полегли на поле брани. Вдвое больше остались изувеченными. Таково было первое Божье предупреждение заблудшим людям. Но и его не услышали. В обществе по-прежнему царил жалкий материализм. Теперь отсрочка, данная человечеству, близится к концу, а перемен нигде не видно... Народы погрязли в грехе, а грех всегда приходится рано или поздно искупать. Россия стала выгребной ямой. Германия так и не раскаялась в страшном грехе материализма, который стал главной причиной войны. Испания и Италия скатились — одна в пучину атеизма, другая — предрассудков. У Франции нет религиозного идеала. Англия потеряла ориентацию и погрузилась в хаос, в ней расплодились нелепые, оторванные от жизни секты. Америка не сумела реализовать свои превосходные возможности и вместо того, чтобы стать любящей сестрой сокрушённой и израненной Европе, занялась собственным экономическим благоустройством... Все погрязли в грехе, некоторые больше других, и всем без исключения воздастся по делам их».

Речь идёт не более и не менее как о спасении человечества... Не всё ли равно: феи, призраки, чудовища? — главное, чтобы они помогли встряхнуть людей, «освободить материалистический XX век от тяжких оков и заставить его заметить очарование и тайну жизни», как выразился по этому поводу сам Конан Дойл. Попытка безрезультатная, заранее обречённая на провал — но в чём-то наивно-благородная. Поэтому будем снисходительны.

Да и — не так всё просто... Франциска, скончавшаяся позже Элси, до конца своих дней настаивала на том, что первые четыре фотографии действительно подделки, зато пятая — подлинная!

Никита Толстой, сын А.Н.Толстого, вспоминает: однажды он задал отцу вопрос о загробной жизни, в ответ на что тот рассказал сыну о своей беседе с Конан Дойлом. Сэр Артур был раздражён упорством, с каким Алексей Николаевич отказывался

поверить в спиритизм, и в конце концов крикнул: «Я буду являться к вам после своей смерти!» Никита с широко раскрытыми глазами ждал продолжения. А.Н.Толстой неторопливо раскурил трубочку и вымолвил: «Ну, проклятый англичанин обманул, конечно...»

Возможно, сторонникам существования жизни после смерти покажется, что это наносит удар по их позициям. Мне так не кажется. Думаю, скорее мы можем порадоваться за Артура Конан Дойла. Ведь, с христианской точки зрения, стремятся к общению с живыми только адские духи. Души, удостоившиеся посмертного блаженства, такой тенденции обычно не проявляют.

А запальчивый ответ Толстому — что ж, всего лишь чудачество человека, для которого мир людей и мир духов были одинаково интересны, привлекательны и реальны.

Геннадий Фролов

Забытая сенсация

Слишком правдоподобная мистификация

В далёком 1908 году газеты Англии обошла сенсационная новость: при раскопках в имении адвоката Ричарда Деусона, близ города Пилтдауна, найден череп доисторического человека, который дополняет цепь эволюции, пройденной разумным существом от обезьяны до человека.

«Пилтдаунский череп», как называли эту находку, стал сенсацией в научном мире. О нём появились многочисленные статьи и увесистые монографии. Между тем с самого начала были учёные, которые сомневались в его подлинности.

Череп и всё, что связано с его находкой, было самым тщательным образом изучено. Была даже попытка организовать официальное расследование с участием членов парламента, но её с негодованием отвергли как «клевету на британскую науку».

С тех пор в течение десятилетий большинство антропологов мира считали «пилтдаунский череп» выдающимся научным открытием. Лишь в 1953 году после рентгенологического и химического анализов, проведённых в лабораториях Скотланд-Ярда, была подтверждена версия учёных-скептиков о фальсификации. По мнению экспертов, её произвёл специалист очень высокой квалификации». Он искусно соединил верхнюю часть черепа человека с челюстью орангутанга.

Но история находки на этом не закончилась. Американский учёный Джон Хетуэй-Уиналоу, который увлекается изучением исторических фальсификаций, недавно обнародовал результаты своих исследований. По его версии, мистификацию задумал и осуществил не кто иной, как всемирно известный английский писатель Артур Конан Дойл.

Согласно свидетельствам того времени, увлечённый археологией адвокат Ричард Деусон неодобрительно отзывался о романах Конан Дойла, загородный дом которого соседствовал с его именем. Уязвлённый Конан Дойл решил подшутить над обидчиком.

Знакомая писателя Джесси Фоулесс, владевшая антикварным магазином, передала ему череп, найденный в древнеримской гробнице. У другого приятеля, врача и зоолога-любителя с острова Борнео, Конан Дойл купил челюсть орангутанга. С помощью надфилей и бормашины писатель обточил череп, чтобы присоединить к нему челюсть обезьяны.

Затем обработал получившееся соединение химикатами, чтобы череп «прачеловека» выглядел вполне «древним».

Зная о привычке своего соседа Деусона вести раскопки в не далёком заброшенном руднике, писатель закопал там свой сюрприз. Адвокат попался на удочку. Найденный череп он предъявил научному обществу Британского музея. Так возникла слава «пилтдаунского человека». Всеобщий энтузиазм по этому поводу был столь велик, что Дойл не решился открыто заявить о своей фальсификации. Но в своём дневнике он написал: «Вместо того чтобы свалить невежд в яму их невежества, я сам закопал там науку». До самой смерти он так и не узнал, что наука всё же откроет истину.

Вл. Гаков

Бросивший вызов³

Литературные герои нередко вытворяют со своими создателями престранные фокусы.

Во всём мире знают знаменитого сыщика Шерлока Холмса, и по сию пору на его лондонский адрес — Бейкер-стрит, 221b — поступает обширная корреспонденция. Писателю, которому мир обязан рождением Холмса, не пишет никто; наша память с детства хранит только это магически-нераздельное: «конан-дойль». И тут же подсказывает: тот самый, «отец» Шерлока Холмса...

Между тем, никакого английского писателя Конан-Дойля — не было. Очевидную ошибку первых переводчиков на русский язык закрепила традиция, в результате многие и поныне убеждены, что фамилия писателя — двойная. Тем более, что жизнь Артура Дойла (Конан — это второе имя) изобиловала «ошибками» куда более серьёзными.

Главная из них — эта та самая неременная привязка к знаменитому сыщику. Сам Артур Дойл во всяком случае считал себя кем угодно — историческим романистом, автором приключенческих книг, писателем-фантастом, — но только не «отцом» пресловутого детектива с Бейкер-стрит. Мало того, что ещё при жизни писателя Холмс всецело подчинил его своей власти — так ещё и единолично присвоил себе всю посмертную славу!

Слава Шерлока Холмса застила глаза не одному биографу писателя. Всевозможные легенды и преувеличения, долженствующие канонизировать образ «создателя Шерлока Холмса», преследовали Артура Дойла ещё при жизни. А она давала в руки исследователя множество интереснейших подробностей, которые однозначно предreshали появление на литературной сцене будущего автора исторических, приключенческих, фантастических романов — но никак не детективных.

Не совсем обычными — с точки зрения этнической — были обстоятельства появления Артура Конана Дойла на свет. Ирландец по происхождению, он родился 22 мая 1859 года в старинном шотландском городе Эдинбурге — причём в семье корен-

³ 1984 - ж. «В мире книг», № 6, с. 71-72.

ных лондонцев, которых погнала на север нужда!.. После школы поступил в Эдинбургский университет на отделение медицины и биологии. Жадно интересовался как естественными науками, так и историей, стал убеждённым атеистом. По окончании университета практиковал как врач. Потом путешествовал. Потом писал.

Вот основные, доподлинно известные факты раннего периода биографии Артура Дойла. Были ещё, разумеется, прочитанные книги; они, вероятнее всего, и послужат самым достоверным свидетельством духовных устремлений будущего писателя.

Когда он появился на свет, мостовые Эдинбурга уже топтал девятилетний Роберт Стивенсон, через многие годы ставший любимым автором Дойла. Едва научившись читать, Артур с головой погружается в книги Майн Рида. В школьные годы появился новый кумир — Жюль Верн, а в пору студенчества юноша открывает для себя историческую прозу, которой со временем он надеялся посвятить и себя.

Ну где тут разглядишь будущего «отца Шерлока Холмса»! Правда, именно в университете случились два примечательных события, на которые с готовностью укажут биографы Дойла. Молодой студент-медик наталкивается в библиотеке на книги Эдгара Аллана По, а кроме того — знакомится с профессором Джозефом Беллом, человеком редкой наблюдательности, настоящим гением дедукции.

Уже теплее... Слов нет, встреча с Беллом и хорошо усвоенные уроки По — всё это, спустя годы, привело к рождению литературного Шерлока Холмса. Но куда важнее оказалась для писателя встреча с реальным прототипом другого героя.

Дело в том, что студентам читал лекции профессор Резерфорд (увы, только однофамилец великого физика), человек нелёгкого нрава, который часто сопровождает блестяще одарённых натур. Красавец с горящим взором и иссиня-чёрной «ассирийской» бородкой, Резерфорд не знал слова «компромисс» и иногда бывал беспощаден к собеседнику. Редко кто ускользал от его колкостей, причём с особым садизмом он донимал коллегу — учёного сухаря и педанта профессора Уэйвилла, участника экспедиции на исследовательском судне «Челленджер»...

Так Резерфорд стал «профессором Джорджем Эдуардом Челленджером», благо фамилия оказалась на редкость подходящей (по-английски это значит «бросающий вызов»). Герой не-

скольких книг Дойла, профессор Челленджер стал поистине любимым детищем писателя, вопреки молве считавшего этот образ вершиной своей литературной карьеры. Современники вспоминают, что он часто даже позволял себе дружеские розыгрыши, наряжаясь на вечеринках «под профессора» — и его же предполагал сделать героем своих первых произведений.

Но — автор предполагает, а судьба (если не нравится слово «Бог») располагает...

После окончания университета на плечи молодого доктора легло бремя забот о семье (отец бросил их давно, оставив почти без средств к существованию). Могла выручить только частная практика; однако получить её оказалось делом нелёгким — и тут Артур Дойл весьма кстати вспомнил о своём давнем увлечении литературой.

Первые рассказы, затем повести и романы (в том числе, о Шерлоке Холмсе) были написаны откровенно для денег. Как же удивился автор-дебютант, когда обнаружил явный читательский интерес к своей продукции! Интерес быстро перерос в настоящий успех, да такой, что его не смогли спрогнозировать ни сам автор, ни редакции журналов, буквально погребённые под письмами читателей. Впрочем, редакторы быстро сориентировались на новый магнит читательских желаний и без зазрения совести закабалили начинающего автора, благо что «кандалы»-гонорары для молодого врача представляли весомый аргумент.

А читатель... читатель настойчиво требовал новых приключений полюбившейся пары — Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Этот читательский диктат не оставлял ошеломлённого и не на шутку раздосадованного Артура Дойла до самой смерти.

Он-то хотел писать совсем о другом! Романы о путешествиях в неведомые страны, исторические книги, научную фантастику! Судовым врачом он успел поплавать в арктических широтах и вдоль берегов Западной Африки, смог оценить красоту сверкавших на солнце ледяных глыб айсбергов и тропических мангровых зарослей, спускавшихся прямо к воде... Словом, писать было о чём, да и читанные-перечитанные книги знаменитых авторов-приключенцев настойчиво бросали ему вызов.

К тридцати годам он расстаётся с врачебной практикой: преуспевающему писателю она ни к чему. Но спустя десять лет, в канун нового столетия вспыхнула англо-бурская война, и, сле-

дуя врачебному долгу, Артур Дойл отправляется в Южную Африку, чтобы основать там полевой госпиталь. Обрато в Англию возвращается уже «сэр Артур»: за проявленную доблесть королева посвящает его в рыцарское достоинство.

Дальше, как пишут биографы, события жизни уступили место написанным книгам.

Собственная жизнь Дойла — если не считать почти профессионального занятия спортом, да несколько скандального увлечения на старости лет модным в ту пору спиритизмом — полностью растворилась в литературе. Непрерывающийся поток «шерлокианы», романы о войне Алой и Белой Роз, приключенческие книги — наконец-то он дорвался до любимого дела!

И научная фантастика, в которой на счету Артура Дойла тоже немало достижений.

Я уже не говорю о его романах про профессора Челленджера, о его «Отравленном поясе» и «Марракотовой бездне». Но даже позабытый ныне рассказ «Опасность!» о будущей подводной войне, в результате которой именно германские субмарины нанесут наибольший урон «владычице морей» — тоже можно смело отнести к его писательским достижениям. Особенно если принять во внимание дату публикации его в лондонском журнале «Стрэнд мэгэзин» — июнь 1914 года, всего за месяц(!) до начала первой мировой войны...

И всё-таки, говоря о научной фантастике Артура Дойла, мы почти неразрывно связываем её с колоритной фигурой профессора Челленджера. О нём же всякий раз вспоминаешь, произнося эти магнетические возбуждающие слова: затерянный мир.

«Затерянный мир» — несомненно лучшее из всех фантастических произведений Артура Дойла, в чём могли убедиться подписчики того же журнала в апрельском номере за 1912 год.

Название следовало за именем автора («сэр Артур Конан Дойл» — в те годы звучало для читателя призывной трубой!), а подзаголовок представлял героев: «Отчёт о самых последних удивительных приключениях профессора Джорджа Э. Челленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Саммерли и г-на Э. Д. Меллоуна из «Дейли газетт». Ещё ниже было помещено четверостишие, сочинённое самим Дойлом (к этим строчкам мы ещё вернёмся), и на первой же журнальной странице — иллюстрация. Отважные путешественники яростно отбиваются от каких-то до-

исторических крылатых ящеров... Короче, редактор мог потирать руки: читатель взят в плен сразу же и останется в нём, пока не дочитает роман до конца!

Хотя и не «про Шерлока Холмса», а всё же роман имел успех. Спустя считанные месяцы «Затерянный мир» вышел отдельной книгой в лондонском издательстве «Ходдер энд Стаутон» и одновременно по другую сторону Атлантики, в нью-йоркском «Доране». И уже в июльском номере (за тот же, 1912 год) русского журнала «Вестник иностранной литературы» появились первые главы романа. На следующий год это произведение начал печатать журнал «Новое слово» и сборник «Мир приключений». А ещё он выходил отдельными выпусками в библиотеке «Синего журнала», издававшегося в Петербурге Горнфельдом...

Чем же смог так захватить читателя Артур Дойл?

Среди многих разновидностей научной фантастики критики уверенно называют и такую: фантастика географическая. Другими словами, фантастические путешествия в неисследованные области земного шара. Много ли таких белых пятен осталось на картах? Оказывается, даже в наши дни — предостаточно, один только Мировой океан послужит писателям-фантастам, надо думать, не одно десятилетие. Во времена же «автора Шерлока Холмса» наша родная планета во многом оставалась шкатулкой сюрпризов.

Вспомним, что научная фантастика зародилась в древнейшие времена из жанра «чудесного путешествия». Позже цель устремлений была предусмотрительно перенесена в космос, и только в прошлом столетии наступает возрождение географической фантастики. Экспедиции к Северному полюсу, в джунгли Амазонки, в подземное «царство»... Но по существу — ничего нового, о том же писали многие авторы «обычной» приключенческой литературы.

Профессор Челленджер со своими спутниками, отправившись на поиски легендарной страны Мепл-Уайта, открыл мир поистине фантастический — мир, в котором время словно остановилось. Динозавры, обезьяночеловеки, диковинные племена, не вышедшие, кажется, из каменного века... Подобное вряд ли взялись бы описать Майн Рид или Фенимор Купер (пробовал Генри Райдер Хаггард, фантастика которого советскому читателю почти не знакома). Артур Конан Дойл первый бросил вызов теме.

Во многом и облегчив себе задачу. Каких трудов ему стоило готовить сцену для очередного триумфа Шерлока Холмса! Всё заранее просчитать, зафиксировать каждую еле приметную деталь, проработать все ложные ходы и заблаговременно обойти логические западни, в которые потом с особым «садизмом» загнать недоумевающего читателя вкупе с бездарью инспектором Лестрейдом... Иное дело — «кусочек» доисторической жизни где-то там, на Гвианском нагорье. Читатель только открыл страницу, прочитал про динозавров и обезьяночеловеков, и уже слышится аппетитное чавканье, свидетельствующее о пожирании всех всеми, и приключения, от которых холодеет кровь и замирает сердце, не заставят себя ждать!

Впрочем, не возглавь экспедицию профессор Челленджер, роман вряд ли выделялся бы в огромном множестве таких же книг. Но в старые мехи — роман приключений, путешествий и научной фантастики — автор влил новое вино: человека. Характер, запоминающийся образ учёного, пусть эксцентричного, вздорного, даже тщеславного (между прочим, в нём, как в зеркале, отражается сам Артур Конан Дойл!), однако бескорыстно преданного науке и не отступающего ради торжества её ни на шаг. Право же, этот несносный бородач куда более привлекателен, чем иные учёные «рыцари без страха и упрёка» современной фантастики.

Научной ли была исходная предпосылка автора? По современным воззрениям, более чем сомнительной. Однако вспомним о нестихающем ажиотаже вокруг загадочной Несси, о толпах энтузиастов, штурмующих горы в поисках «снежного человека»... Видно, не прошло ещё время сюрпризов вроде описанных Дойлом.

Пересказывать все перипетии путешествия Челленджера — значит, лишать удовольствия тех, кто роман не читал.

Впрочем, интересует меня сейчас не содержание книги, а её судьба. С литературной всё ясно: роман породил лавину произведений о «затерянных мирах», из которых советскому читателю наиболее известны фантастические романы видного географа и геолога академика В. А. Обручева. С завидной последовательностью эстафету у литературы перехватило кино: одних экранизаций «Затерянного мира» в мире было сделано более десятка, с научными «ляпами» и без...

Но удивительнее всего, что «затерянный мир» на самом деле существует! Не столь фантастичный, но всё же настоящая Terra Incognita, куда нога человека не ступала до 70-х годов нашего века.

Писатель не ошибся, поместив загадочную горную страну Мепл-Уайта в верховья Амазонки. На Гвианском нагорье действительно в изобилии разбросаны обширные каменные плато («мезас», или «столы», как называют их в Венесуэле), хотя и невысокие, но почти недоступные. Высочайшее — Рорайма (2772 м над уровнем моря) лишь в октябре 1973 года, через шестьдесят лет после экспедиции Челленджера, было покорено его потомками.

Английские учёные и альпинисты прошли маршрутом, очень похожим на описанный Дойлом. Тот мог услышать о плато Рорайма от друга, знаменитого путешественника полковника Фосетта, побывавшего в верховьях Амазонки в 1908-1909 годах, или из отчётов ещё более ранней экспедиции Роберта Шомбрука, первым из европейцев описавшего каменные «столы» Гвианского нагорья.

Как бы то ни было, английский романист рассказал о подлинном «затерянном мире». Уже в наши дни популярный журнал «Вокруг света» писал:

«Гора Рорайма перестала быть «белым пятном». Естественно, никаких игуаноносов, птеродактилей, стего-, ихтио- и прочих «завров» там не оказалось... Но разве дело в живности, доисторической и прочей?.. Разве не самое важное — тот факт, что «затерянный мир», легендарная страна Мепл-Уайта наконец «найдена», покорена и может быть в точности нанесена не только на обычную географическую карту, но и на карту географических открытий — единственную из всех карт, где «белые пятна» означают не снега и не ледники, а места на нашей планете, ещё не пройденные человеком?»

...Всё-таки очень дорог был Артуру Конану Дойлу его «Затерянный мир». Иначе разве попросил бы писатель выбить на своём могильном камне вместо эпитафии то самое четверостишие:

*Я считал бы, удача сопутствует мне,
Если б смог хоть на час я вниманье занять
Мальчишки — ещё не мужчины вполне.
И мужчины, что смог бы мальчишкой стать...*

Евгений Головин

Артур Конан Дойл и спиритуализм

«Необходимо было пробудить человечество от сплетен за чаем, от боязливого преклонения перед мечом, субботнего пьянства, эгоистичного политиканства, теологической болтовни». Так объясняет Артур Конан Дойл «неслыханную катастрофу» Первой мировой войны (*The vital message*, 191, стр. 15). Эта война — последняя, как он полагал, — принесла великое очищение, открыла ворота в обетованную страну смерти, оклеветанную трусами и клерикалами.

«Там, на «другой стороне», — уверяет читателя Конан Дойл, — злобный муж и сварливая жена перестанут досаждать друг другу. Там все будут жить в покое и довольстве, наслаждаясь музыкой и красотой... Не будет ни бедных, ни богатых» (*The vital message*, стр. 95).

Осенью 1916 года произошло событие, резко изменившее жизнь и мировоззрение Конан Дойла: он получил через медиума спиритическое сообщение от брата своей жены, — Малькольма Леки, — убитого на войне. Поскольку там содержалась информация известная только Малькольму, Конан Дойл, который до

сего времени интересовался спиритизмом лишь в силу многоцельного своего любопытства, уверовал в новую религиозную практику резко и окончательно.

Что всё это значит? Почему создатель несравненного Шерлока Холмса, доктор медицины, выдающийся военный аналитик, — автор шеститомной «Британской кампании во Франции», — убеждённый дарвинист и позитивист, почему этот умнейший, судя по всему, человек выказал наивность, достойную старой девы или одинокого графомана? Отличный ребус для литературоведов. Профессор Ричард Кокс в своей прекрасной книге о Конан Дойле иронически спросил: что сказал бы Шерлок Холмс, узнав об этом?

Безусловно, ничего хорошего. Счастье ещё, что великий детектив не отправился вслед за профессором Челленджером («Затерянный мир») на спиритический сеанс и не обратился в новую веру. И, всё же, почему? Очевидно потому, что писатель, в отличие от своих героев, не был ни материалистом, ни рационалистом. Но зачем становиться спиритом или спиритуалистом — различие заключается в религиозной акцентуации второго термина — и активно участвовать в движении, которое скомпрометировало себя бесконечными подлогами, обманами, шарлатанством? Конечно, можно возразить, что ни одно политическое или религиозное движение не застраховано от активного участия пройдох и мошенников. Однако, в спиритизме подобных субъектов насчитывается много больше, чем в любом другом социально-стихийном увлечении за последние триста-четырееста лет. И это понятно.

Потому что спиритизм пытается ответить на традиционно неразрешимые вопросы: есть ли жизнь после смерти? Если да, возможно ли общение с мёртвым? И если на первый вопрос вряд ли кто-нибудь решится ответить однозначно, иное дело — второй. Признание иррациональной, паранормальной стороны бытия ещё далеко не подтверждает правоты спиритической концепции.

Поговорим чуть-чуть об истории новой и ошеломительной гипотезы.

В 1847 мистер Фокс, — фермер, живущий близ Нью-Йорка, — его жена и две дочери услышали необъяснимый стук в стену и увидели необъяснимое движение мебели. Дочери — девочки пятнадцати и двенадцати лет — сверхъестественным способом уразумели, что в подвале зарыт труп человека, убитого

одним из бывших владельцев. Раскопка оказалась успешной. Сенсация. Сёстры Фокс стали профессиональными медиумами, и вскоре новой специальностью овладели тысячи людей, не подозревавших доселе о своих феноменальных способностях. В 1854 году в новую доктрину уверовали около трёх миллионов человек, и в стране насчитывалось десять тысяч медиумов. Затем призрак спиритизма переплыл Атлантику.

Как водится в подобных случаях, под спиритизм довольно быстро подвели историческую основу: некоторые библейские эпизоды, чудеса, совершённые Аполлоном Тианским и, разумеется, египетскими жрецами — всё это объявлялось свидетельствами подлинной, весьма древней традиции. Когда устами медиумов заговорили апостолы и великие святые, ликование «простых людей» не было конца: ведь это подтверждало религиозную истину и уничтожало позитивизм, обрекающий человека на бессмысленное прозябание на не менее бессмысленном кусочке глины, затерянном в бесконечном космосе. Спиритизм быстро завоевал цивилизованный мир: в каждом крупном городе собирались кружки и общества, создавались церкви спиритуалистов и общества психических исследований. Душа и дух — понятия весьма абстрактные, вызывающие усмешку естествоиспытателей, — приобрели неожиданную и властительную реальность. Появились многочисленные книги, объясняющие феномен медиумизма, технику «столоверчения», трактующие «словарь духов», паранормальные стуки и шумы (рапс) и паранормальные видения (бент). Спиритический сеанс стал отличным времяпрепровождением, устраняющим проблему долгих зимних вечеров, темой бесконечных споров и, что самое главное, мишенью пристального научного внимания. Знаменитый физик Уильям Крукс после встречи с медиумом Д.Д.Хоумом резко переменял принципы своего мировоззрения. Он знал о спиритических увлечениях Максвелла и Эдисона, однако считал это обыкновенным чудачеством. Пока в присутствии впавшего в транс Хоума слышались какие-то странные голоса, Крукс ещё предполагал чрево вещание: но после поразительных телекинетических экспериментов и особенно после того, как тело медиума приподнялось к потолку и плавно опустилось, физик серьёзно призадумался над легитимностью основных законов природы. Он предположил существование в человеческом организме неведомой энергии более или менее родственной электричеству и магнетизму, хотя ни ему, ни другим исследователям даже прибли-

зительно не удалось установить режим функционирования и параметры гипотетической энергии. Спиритуалисты пришли к выводу, что это тот самый «тайный свет», который воссиял в первый день творения.

При любом отношении к спиритизму нельзя отрицать загадочной своевременности данного явления: усиленно отрицаемое «потустороннее» властно ворвалось в мирную среду позитивистской идеологии и продемонстрировало прагматическому «другу Горацио», что далеко не всё в этом мире понятно прогрессивным мудрецам. Научный тоталитаризм второй половины девятнадцатого века, основанный на детерминистическом эволюционизме Фурье, Дарвина, Спенсера и подобных мыслителей, выдвинул не очень колоритную, но достаточно надёжную схему бытия. Согласно этой схеме, материя в сложной своей саморегуляции глупеет на периферии минерала и умнеет в антропоцентрическом направлении. Материя способна отражать и познавать себя самую, нравиться или не нравиться себе самой, но ей не с чем себя сравнивать, ибо вне её ничего не существует или, вернее, существует «ничто». Искусство, религия и метафизика, тяготеющие к необъяснимой трансцендентности бытия, по сути, совершенный нонсенс, средневековые реликты, которые несомненно рассыплются в прах под жёстким и справедливым воздействием естественного отбора. Красота и нравственность суть эпифеномены материального бытия, необходимо возникающие при удовлетворении скромных телесных потребностей, кои безусловно будут удовлетворены на соответствующей стадии технического прогресса. Человечество достигнет состояния разумного счастья, правда, весьма преходящего, поскольку земля и солнце остынут, превратившись в мёртвые шары: когда-нибудь, какая-нибудь непонятная сила, возможно, снова приведёт в движение весь этот миллиард.

Поклонники скромной материалистической идиллии мало обрадовались вторжению спиритизма. Ясновидцы, духовидцы, операторы транснормальных посланий посягнули на самое святое, на область смерти, которая ни в коем случае не альтернатива жизненного процесса, но «великая мать», бесконечное чёрное «ничто», обуславливающее герметичность материальной системы, причинно-следственную связь и рутинную повторяемость природного законоведения. Позитивисты абсолютно уверены, что выхода нет, что они живут «на островке жизни в мёртвом космо-

се» (Ренан), который при желании можно назвать полигоном, зоной или даже причинно-следственным изолятором. Отсюда тюремная псевдомораль, порождающая монстров вроде «социальной значимости», «общественной нравственности», «научной объективности» и т.п. Отсюда морализаторская выпренность в разборе «дела спиритизма» с дежурным торжеством по случаю мелкого и крупного разоблачения — в этом смысле историю спиритизма можно сравнить лишь с историей карточных игр. Но если на тысячу шарлатанов найдётся один подлинный медиум — это прецедент для «научно объективного» любопытства, поскольку шарлатанство — явление вторичное, невозможное без парадигмы аутентичного действия.

Спиритизм, спиритуализм — общие и неудачные определения группы самых разнородных феноменов. В прошлом веке под эти определения подпадала эвокация (вызывание духов либо с помощью медиума либо посредством различных приспособлений), телепатия, телекинез, психургия, радиостезия — словом, всё, что сейчас называется «парапсихологией» и экстрасенсорикой. Более того: создавая новую «антинауку», пессимисты технического прогресса — такие как Шарль Рише, Уильям Крукс, Алан Кардек — отлично предвидевшие экологическую катастрофу нашего времени, надеялись отыскать новый вид энергии и новую координату сознания. Приблизительно аналогичной проблеме сэр Артур Конан Дойл (1859 — 1930) — потомок Болдуина д'Ойле, сподвижника Ричарда Львиное Сердце — посвятил последние пятнадцать лет своей жизни.

Роман «Туманная земля», опубликованный в 1926 году, явился, в сущности, беллетристической иллюстрацией, датированной тем же годом двухтомной «истории спиритуализма». Роман интересен с любой точки зрения, кроме художественной, и поэтому оценивать отсутствие его литературных достоинств — занятие малопочтенное. Увы! После «Затерянного мира» — первого романа о Джордже Челленджере (1912), Конан Дойл ощутимо потерял интерес к художественным композициям, что просто-таки потрясло многочисленных почитателей его дарования. Но, тем не менее, «Туманная земля» — любопытный текст, характеризующий трансформированное мировоззрение писателя.

Личность Конан Дойла великолепно освещает момент, связанный с одной из книг его спиритуалистической серии («При-

шествие фей», 1912). Поводом к этой книге послужили фотографии, сделанные двумя четырнадцатилетними девочками. На фотографиях туманно проглядывались странные существа в густой листве. Это показалось автору достаточным основанием для монографии о феях, а в ответ на всеобщее недоумение он просто заявил, что «наивные деревенские девочки не умеют лгать». Очень даже умеют — обнаружилось впоследствии: одна из этих фотолюбительниц десять лет назад дала интервью, где объяснила нехитрую механику «пришествия фей». Собраны многочисленные свидетельства уникальной доверчивости писателя. Отличаясь скрупулёзной честностью, обострённым чувством долга, отвагой и справедливостью, Конан Дойл всегда верил в чистоту людских помыслов и высокое назначение человека, и никакие вопиющие контрдоказательства его не смущали. Он не менее дона Кихота восхищался этическим рыцарским кодексом и считал исторические романы из эпохи столетней войны — «Белый отряд» и «Сэр Нейджел» — лучшими своими произведениями. Его творчеству никак не соответствует предположение Фрейда (теории которого он возненавидел сразу и окончательно) о «рационализации вытесненного героического либидо.» Бригадир Жерар, Челленджер, Шерлок Холмс, несмотря на возможность реальных прототипов, безусловно воплощают разные стороны личности самого писателя. Действительно, ему был присущ неуёмный патриотизм, редкая жизненная сила и страстная любовь ко всевозможным логическим головоломкам. И все эти положительные качества, сойдясь в неведомой глубине подсознания, образовали, наконец, нового человека. В глазах Конан Дойла, отнюдь не в суждении читающей публики.

Почему, собственно говоря, критику так интересует обращение Конан Дойла в спиритуализм? Почему он вообще столь притягателен для социологов и литературоведов? Потому что Конан Дойл не просто писатель, и не просто автор развлекательной беллетристики. Конан Дойл — эпический сказитель, творец мифа о Шерлоке Холмсе — последнего европейского мифа.

Никакого преувеличения. О Шерлоке Холмсе написаны тысячи книг и статей. Его образу, влиянию и мифической пролонгации посвящена специальная наука «холмсология». Это неудобное слово столь же принято в Англии, как «одиссея», «дон-

кихотство», «робинзонада». Когда профессор Ричард Кокс спросил: «что сказал бы Шерлок Холмс?», он просто выразил пленительную наивность многотысячной толпы «верующих», убеждённых в непогрешимости суждений своего героя. Почему Конан Дойл, а не писатель более выдающийся и более, так сказать, «серьёзный», стал последним мифотворцем, нас в данном случае не может интересовать, равно как перипетии данного мифа. Здесь любопытно другое: в личности Шерлока Холмса, на наш взгляд, отразился распад позитивистского умонастроения его творца.

Этот герой был задуман как воплощённый суперлатив европейского позитивизма: блестящий аналитик и властелин индуктивно-дедуктивного метода, хладнокровный, элегантный, непогрешимый Шерлок Холмс — просто-таки венец естественного отбора, чемпион борьбы за существование. Это позитивистский вариант Спасителя, и его главный враг — профессор Мориасти — позитивистский вариант сатаны. Преступление корродирует социальный механизм, препятствует поступательному движению этического прогресса, и человек, которому дано видеть путь, способен устранить дефект. Всё это прекрасно, если бы не было так скучно. И скука — преобладающее настроение Холмса. Индуктивно-дедуктивный метод или последовательный логический детерминизм беспощадно ограничивает восприятие и сковывает воображение железной цепью рации. Шерлок Холмс стал мифическим героем не благодаря, но вопреки своему методу. Он, в сущности, одинокий постбодлеровский романтик: его не волнует окружающая жизнь и не интересуется хорошо или плохо функционирует социальный механизм. Да и как он может сочувствовать адской машине, обрекающей большинство людей на монотонный и угнетающий кошмар. Лондон конца века: ужасающие трущобы Ист-Сайда и Уайтчепла — непрерывно действующие полигоны разврата, нищеты и банальных, унижительных преступлений. Какая там романтическая экзотика, какие там сокровища Агры, голубые карбункулы, пёстрые ленты, собаки Баскервильей! Преступный мир большого города — вот с чем, пожалуй, никогда не имел дела мыслитель с Бейкер-стрит. Знание почв, газетных шрифтов, пепла разных сортов табака — основы криминалистики, хорошо, но ведь и великий музыкант обязан изучать гаммы. И Шерлок Холмс блистает не дедуктивной логикой, но разумом в определении Кольриджа, то есть

«...независимым от предыдущего опыта интуитивным пониманием большого нерва проблемы».

Конан Дойлу импонировали исследователи неведомых земель, составители периодических таблиц, изобретатели телеграфов и телефонов. Такие люди, как он полагал, есть краса и гордость человечества, авангардная группа, ведущая народы к процветанию. В начале двадцатого века, особенно после англо-бурской войны, в которой он активно участвовал, Конан Дойл горько и больно осознал, что эти авангардисты ведут к процветанию только шайку финансистов, дельцов и политиканов. Согласно его любимому Герберту Спенсеру, должна была существовать необходимая связь прогресса технического и нравственного, эволюции материальной и духовной. Если можно прогнозировать химическую реакцию или рост биокультуры в колбе, следовательно, можно прогнозировать любой процесс с достаточно минимальным коэффициентом заблуждения. Развитие и совершенство частного необходимо должно способствовать совершенству целого. Так, по крайней мере, ожидалось от экстраполяции абстрактной позитивистской схемы на многообразие бытия. Но Предсказуемые процессы могут происходить только в системе идеально замкнутой. И когда выяснилось, что сомнительная эволюция отдельного человека, отдельной научной дисциплины, отдельного вида происходит стохастически, в условиях беспощадного инфайтинга, зачастую ценой гибели окружающих и окружающего, тогда гуманисты типа Конан Дойла сильно призадумались перспективой прогрессивных стремлений. Вероятно, Конан Дойл забыл бесстрастное высказывание весьма ценимого им Лейбница: «В центре каждой системы, претендующей на устойчивую целесообразность, будь то геометрическая фигура, научная теория или этическая гипотеза, скрыто её собственное отрицание, частица первобытного хаоса» (Leibniz, J, стр. 260).

Конан Дойл превыше всего полагая рыцарские или, соответственно эпохе, джентльменские добродетели: щедрость, мужество, справедливость, хладнокровие. До своего обращения в спиритизм он, несмотря на рождение в католической семье и воспитание в иезуитском колледже, оставался человеком неопределённо, стихийно религиозным. Он всегда желал верить в потустороннее, но его положительный ум требовал неопровержимых доказательств реальности загробного мира, которые официальная

церковь предоставить не могла. Ситуация в начале двадцатого века приводила его в отчаяние: откровенный цинизм и подлость англо-бурской войны, зверства в Конго, санкционированные бельгийским королём Леопольдом, ужасы на каучуковых плантациях в Бразилии и, в довершение всего — мировая война. Посюсторонний мир рушился, чего никогда не могла принять его здоровая викторианская натура. Цивилизация должна быть гармоничной, логичной, традиционной или... вообще никакой. Весьма иллюстративна цитата из дневника за 1912 год: «Одна из самых странных характеристик нынешней эпохи — взрывы интеллектуального и артистического безумия в разных формах и в разных странах. Если это прекратится, можно будет говорить о курьёзном феномене, если нет — это будет началом серьёзных изменений в человеческом обществе... Надо всё-таки отличать утончённость от сумасшествия, прерафаэлитов от постимпрессионистов, французских символистов от итальянских футуристов. Философия Ницше, на мой взгляд, откровенное безумие, род вербального лунатизма...» (Nordon, P. Confn Doyle, A Diograph', 1967, стр. 338). Комментариев здесь не требуется. Легко представить мнение Конан Дойла о современных направлениях искусства и философии. Но даже сейчас мы не можем однозначно оценить его высказывание. Даже сейчас мы возлагаем надежды на некую организующую мифоструктуру, ибо трудно жить в мире постоянной борьбы открытых конфликтных псевдореальностей, в мире, о котором Готфрид Бенн сказал безжалостно и категорично: «Действительность — демон Европы. Устои, основы рассыпались, остались вероятностные отношения и функции; дикие, беспочвенные утопии: гуманитарная, социальная, пацифистская макулатура, через которую тянется некий процесс в себе: экономика как таковая — смысл и цели нелепы и фантастичны... и на всём этом ползает флора и фауна деловой монады, и под всем этим ползут вероятностные отношения и функции» («Lyrik des expressionistischen Jahrzehntes», 1962, стр. 12).

И всё же, несмотря на самые лучшие и позитивные намерения, Артур Конан Дойл в некоторой степени способствовал распаду «устоев и основ». Уже в конце того века пелена скуки и сплина, тяжёлая, как лондонский туман, начала наплывать на европейскую жизнь. Для человека, желающего «просто жить», а не воевать, торговать или работать за кусок хлеба, существова-

ние утратило смысл. Противоречие между теориями Конан Дойла и практикой его беллетристики налицо: трудно вообразить занятия Шерлока Холмса в мире социальной гармонии. Это тип вполне современного человека, который не может и не умеет жить без допинга. Следующее, безобидное, на первый взгляд, рассуждение писателя имеет коварный подтекст: «Вы можете сочинить приключенческую повесть, трактат по теологии, идиллические, юмористические, серьёзные страницы, — что хотите, но при одном условии: вы должны сделать это интересно. Это главное. Всё остальное — детали.» (Nordon, op. cit., стр. 337). Слово «должны» подчёркнуто. Причём намерения у автора самые хорошие: надо, мол, развлечь усталого рабочего или замученную домашним хозяйством женщину. Но вряд ли такую фразу написал бы, к примеру, Бальзак. Потому что «интерес» надо иметь изначально, интерес нельзя провоцировать, интерес — один из экзистенциалов бытия. Человек, пренебрегающий целым ради одной драстической подробности, не только не ощущает и не понимает целого, но обнаруживает отсутствие собственного индивидуального центра. Он утрачивает возможность активного, свободного выбора и личного этико-эстетического диктата. Он материализует свою воспринимающую душу, а материя как субстанция пассивная может впитывать впечатления до известного предела. Этой косности и ограниченности материи постоянно пытаются избежать герои Конан Дойла. Подобно путешественниками бодлеровского стихотворения «Вояж», они готовы отправиться куда угодно — в небо или в ад — лишь бы найти «новое». И если Конан Дойл не участвовал вместе с Челленджером, Мелоуном и лордом Рокстоном в экспедиции на таинственное плато в джунглях Амазонки, то в впоследствии он возглавил группу: роман «Туманная земля» — свидетельство личных переживаний на спиритических сеансах.

Конан Дойл никогда не был поклонником чистой фантастики: «Затерянный мир» динозавров и птеродактилей, в конце концов, мог бы где-нибудь находиться. Ему оставалось либо послать героев на другую планету, либо... сделать то, что он сделал. Известный трагизм заключается в следующем: он уже не видел здесь, на этой земле, возможности эволюции ни для себя, ни для своих героев. В «Затерянном мире» есть забавная и многозначительная сценка: участники экспедиции едва удерживаются

от хохота, замечая сходство Челленджера с царьком обезьяньего племени. Дарвиновский круг замкнулся — «высший продукт цивилизации» встретился, так сказать, с исходным материалом. Но ведь трудно представить существо совершенней, нежели Челленджер, как того требует неумолимость познавательной агрессии. Челленджер может эволюционировать только в условиях катаклизма, метафизического сдвига. Это и происходит — при доказательственном вторжении потустороннего, когда разбивается броня научного скепсиса. Это и произошло, когда Конан Дойл своими глазами увидел духов, проявленных в эктоплазме: он понял, что загробный мир не кошмарный галлюциноз разлагающейся плоти, но туманная земля интенсивной надежды.

Это его глубоко личный опыт. И поскольку в нашу задачу не входит критика спиритуализма или оценка «научной религии» знаменитого английского писателя, мы можем повторить его слова, сказанные при созерцании фэй: «разве они могут лгать?» Разве он может лгать?

Владислав Корнейчук

Боксёр на дуэли⁴

Артур Конан Дойль был не только писателем, но ещё и врачом, путешественником, солдатом, спортсменом. Крикет, гольф, бильярд, регби, футбол, автоспорт, лыжи... После Олимпиады 1908 года для «Дейли Мэйл» он написал репортаж о марафонском забеге:

«...Наконец он появился. Но как же непохож был он на ожидаемого нами ликующего победителя! Из-под тёмного свода вышел, пошатываясь, человек маленького роста в красном трико, хрупкого, мальчишеского сложения. Выйдя на стадион и услышав гром аплодисментов, он пошатнулся. Потом чуть повернул налево и устало затрусил по дорожке. Друзья и болельщики окружили его плотным кольцом.

Вдруг вся группа остановилась, люди начали бурно жестикулировать. Люди нагнулись и снова выпрямились. Господи, он потерял сознание! Неужели в этот последний миг приз может ускользнуть у него из рук? Все взгляды устремились к тёмному входу. Никто другой всё ещё не появился. Тогда раздался вздох облегчения. Не думаю, что во всей этой громадной аудитории хоть один желал бы, чтобы в последний момент этот отважный маленький итальянец лишился победы. Он завоевал её. Он должен её получить.

Слава Богу, он снова на ногах, — маленькие красные ножки двигаются неуверенно, но топают твёрдо, направляемые высшей внутренней волей. Когда он опять падает, раздаётся стон — и ликование, когда он, шатаясь, поднимается... Из прохода вынырнул второй бегун, Хэйес, на груди его звёздно-полосатый флаг, идёт он прекрасно, полностью владеет собой...»

Каждый, читавший о приключениях Шерлока Холмса, помнит, что сыщик время от времени занимался боксом и даже боксировал с доктором Ватсоном. Конан Дойль был неравнодушен к этому «чисто английскому» виду спорта. Однажды, возвратившись с бала в пять часов утра, он провёл несколько раундов с одним из своих приятелей. При этом оба джентльмена оставались

⁴ 2001 - г. «Алфавит», № 33, 16 августа.

во фраках. Что было причиной поединка? Возможно, неудачные амурные обстоятельства?

Как-то врач Конан Дойль отправился в деревушку в Сассекс, чтобы осмотреть пациента. К больному неожиданно заглянули соседи, один из которых, молодой фермер-атлет, увлекался боксом. Нашлись две пары боксёрских перчаток. Врач и фермер взялись за дело, всё более распаляясь. Вскоре стало очевидно, что в доме недостаточно места для двух тяжеловесов (Конан Дойль принадлежал к этой весовой категории), и боксёры переместились на лужайку перед домом. Недалеко от края её пересекала большая дорога, а низкая ограда была как раз такой высоты, которая позволяла жителям деревни наслаждаться зрелищем, положив на неё локти. Конан Дойль и молодой фермер с большим энтузиазмом провели несколько стремительных раундов.

«Этот поединок, — вспоминал впоследствии писатель, — неизменно сохраняется у меня в памяти благодаря причудливой обстановке и картине старинной Англии, в которую он вписался».

Кроме человека, который сам выступал на ринге, скорее всего, мало кто может до конца оценить некоторых — боксёрских — подробностей романа Артура Конан Дойля «Родни Стоун», их точности и прочувствованности.

Известен случай, когда лежавшему в больнице боксёру-профессионалу прочитали сцену из этой книги, в которой Малыш Джим сражается с Берксом. Больной слушал, всё более оживляясь, а когда секундант на боксёрском жаргоне объясняет Малышу Джиму, как ему одолеть соперника, воскликнул:

— Есть! Он ему врезал. Ей-богу!

В 1909 году писателю даже предложили быть рефери во время боксёрского поединка в США. «Сердца людей в нашей стране, — написал Конан Дойлю в своём письме редактор-распорядитель «Нью-Йорк Морнинг Телеграф» Ирвинг Джефферсон Льюис, — поистине преисполняются радости, если Вы будете находиться на ринге, когда великий негритянский боксёр встретится с белым спортсменом Джеффрисом в борьбе за звание чемпиона мира».

Конан Дойль, несмотря на то, что друзья говорили ему об опасности столкновения со сторонниками того или иного боксёра, очень хотел судить поединок. Однако из-за расстояния —

надо было пересечь Атлантику — и крайней занятости, в конце концов, отказался от своего выступления в качестве рефери. Но, как бы там ни было, Артур Конан Дойль оставил нам своего «Родни Стоуна»:

«Противники заняли позицию друг против друга: Джим держался на ногах легко, точно горный козёл; он стал вполоборота к противнику и выставил вперёд левую руку, а правой прикрывал нижнюю часть грудной клетки; Беркс же стал прямо, расставив ноги, слегка согнув обе руки в локтях, чтобы можно было нанести удар любой рукой. Они окинули друг друга взглядом, и Беркс, убрав голову в плечи, ринулся на Джима и, обрушив на него серию ударов поочерёдно левой и правой, отеснил его в угол. Это не был нокаун, он просто загнал Джима в угол, но изо рта у Джима потекла тоненькая струйка крови. Секунданты мгновенно растащили противников в разные стороны.

— Не желаете ли удвоить ставки? — спросил Беркли Крейвен:

— Четыре против одного за Беркса! Четыре против одного за Беркса! — кричали окружавшие ринг зрители.

— Ставки возросли, как видите. Согласны четыре против одного в сотнях?

— Хорошо, сэр Джон.

— Кажется, после нокауна он стал вам нравиться ещё больше.

— Это не был нокаун, он просто пихнул его на канат, и вообще ни один удар Беркса по-настоящему не достиг цели; к тому же мне понравилось выражение лица этого юноши, когда он поднялся».

Михаил Кубеев

Шутка на званом приёме

Артура Конан Дойла пригласили как-то к занимавшемуся страхованием недвижимости преуспевающему лондонскому банкиру, который только что вернулся из-за границы, где совершил выгодную сделку, и по этому случаю устроил торжественный званый приём. После ужина, когда в саду мужчины запыхтели своими трубками, все наперебой стали просить писателя, чтобы он рассказал им какую-нибудь очередную детективную историю из жизни короля сыщиков — Шерлока Холмса. Желательно финансового характера.

— Хорошо, — ответил, усмехнувшись, писатель, — слушайте. Шерлок Холмс расследовал дело о большой афере, связанной со страхованием имущества. К сожалению, в ней были замешаны вполне благопристойные люди. Речь шла о миллионах фунтов стерлингов. У Холмса имелись вполне определённые подозрения относительно ряда видных банкиров, но не было решающего доказательства. Наконец в один прекрасный день сыщик приступил к действиям и отправил двенадцати самым крупным английским финансистам телеграммы. — В этом месте писатель нарочно замолчал. И все гости наперебой предлагали свои варианты содержания телеграммы. Но ни с одним из них Дойл не согласился.

— В своей телеграмме Холмс написал лишь четыре слова: «Всё открылось! Срочно выезжайте!».

— Гениально! — перебил Конан Дойла хозяин дома. — Сыщик, конечно, тут же вычислил и схватил преступника.

— Как бы не так, — пробурчал писатель. — Получив телеграмму Шерлока Холмса, все двенадцать джентльменов как один немедленно покинули Англию. Все скрылись в неизвестном направлении.

— О, полагаю, что они отправились туда, куда утекли и их капиталы? — спросил один из гостей.

— Совершенно справедливо, — ответил Дойл, — но Холмс не поехал за ними. Он был уверен, что главный из них всё равно вернётся домой.

— Почему? — удивились гости.

— Потому что он находился за границей и не получил телеграмму Холмса. — И посмотрел в сторону побледневшего хозяина дома.

Ирина Мелдрис

Конан-Дойль отравил конкурента

Не так-то легко подсчитать, сколько человек отправил за решётку правосудия знаменитый сыщик Шерлок Холмс, сосредоточенно попыхивая своей трубкой. И только одного, главного преступника, он, похоже, проглядел. Вина его пока не доказана, но имя уже известно. Принадлежит оно, как это ни парадоксально, создателю самого Холмса писателю Артуру Конан-Дойлю.

«После того как вы исключили невозможное, оставшееся, каким бы невероятным оно при этом ни казалось, и есть истина». Вооружившись этим основополагающим методом из логического арсенала Шерлока Холмса, современные сыщики из Скотленд-Ярда приступили к расследованию обстоятельств гибели тридцатилетнего Бертрانا Робинсона в 1907 году.

Поводом к ворошению порядком подзабытого прошлого послужила публикация биографического исследования под названием «Дом Баскервилей», в котором его автор, Роджер Гаррикс-Стил, подробно излагает, как и за что Артур Конан-Дойль свёл в могилу своего друга-журналиста. При этом действовал писатель, по утверждению автора книги, не в одиночку, а в сговоре с женой Робинсона Глейдис, с которой его в то время связывал пылкий роман.

Мотив преступления достаточно убедителен — сокрытие краденого. Дело в том, что сюжет, а также многие детали своего знаменитого романа «Собака Баскервилей» Конан-Дойль, похоже, позаимствовал у того самого Бертрана Робинсона, которого шесть лет спустя — от греха подальше — сам же и отправил на тот свет во избежание унижительной огласки.

Все эти обвинения подробно изложены на 446 страницах «Дома Баскервилей», работе над которым его автор посвятил одиннадцать лет жизни.

Как и следовало ожидать, публикация этого сенсационного «уголовного дела» вызвала шквал протестов со стороны общества поклонников Шерлока Холмса, которые единым коллективом встали на защиту своего кумира и его создателя со словами «бред, вздор и клевета».

Однако на страницах книги её автор, бывший психолог, выстроил такую стройную теорию преступления, опирающуюся на письма, фотографии и завещания, что ею заинтересовался сам Скотленд-Ярд (сколько раз Конан-Дойль с помощью своего героя «утирал нос» нерасторопным сыщикам, и вот пришёл их черёд расквитаться с ним за свою подмоченную литературную репутацию).

Господин Гаррик-Стил занялся расследованием обстоятельств гибели Бертрама Робинсона в 1989 году, после переезда в дом на окраине Дартмура, где происходит действие «Собаки Баскервильей». Причём сподвигла его на это расследование не любовь к истине, а сигнал свыше.

После того как в один прекрасный день Гаррик-Стил обнаружил на пороге своего нового дома детскую фотографию Конан-Дойля, подброшенную неизвестно кем, он какое-то время недоумевал, но в конце концов решил повесить её на видное место в гостиной. Несколько недель она спокойно висела на стене, но потом вдруг начала соскакивать с крючка. Раз, второй, третий, четвёртый. Почувствовав, что здесь что-то нечисто, хозяин дома решил ознакомиться с биографией оригинала. Тут-то он и наткнулся на цепочку следов, приведшую его к написанию книги.

То, что на создание романа, впервые опубликованного в журнале «Стрэнд» в 1901 году, Конан-Дойля вдохновило посещение дома Робинсонов, было известно давно. И то, что именно от своего друга он впервые услышал о таинственных чудовищах, якобы обитавших на окрестных болотах, тоже ни для кого не секрет. Зато мало кому известен тот факт, что за год до публикации «Собаки Баскервильей» Робинсон выпустил в свет книгу под названием «Приключения в Дартмуре». Раскопав её в архивах, Гаррик-Стил обнаружил поразительное сходство сюжетов, именуемое иначе плагиатом.

О том же свидетельствует и бандероль, отправленная в 1902 году на имя Шерлока Холмса в Букингемский дворец вскоре после того, как Конан-Дойлю за его литературные заслуги было пожаловано звание дворянина. В ней оказалось несколько нарядных мужских рубашек. На символическом языке того времени это означало, что их отправитель считает писателя мошенником и обвиняет его в воровстве.

Наверное, особенно резало глаз Робинсону имя его кучера и садовника Гарри Баскервиля, вынесенное Конан-Дойлем на обложку романа, в то время как его собственная фамилия упоминалась мелким шрифтом на титульном листе со словами благодарности. Но не как соавтору, а как другу. Правда, к тому моменту от их дружбы или, точнее, от хороших приятельских отношений уже не осталось и следа.

«Собака Баскервилей» была опубликована через восемь лет после того, как Шерлок Холмс сиганул в водопад за своим заклятым врагом профессором Мориарти. Воскрешение Холмса из мёртвых на болотах Дартмура в компании зловеще подвывающего чудовища имело колоссальный успех. Однако именно он, по мнению Гарри-Стила, поставил Конан-Дойля перед выбором: позор или смерть. Конан-Дойль предпочёл смерть, но не для себя, а для своего друга.

В качестве орудия убийства Конан-Дойль выбрал яд. Памятуя о том, что до вступления на литературную стезю будущий писатель занимался врачебной практикой (благодаря чему Шерлок Холмс мог похвастаться прекрасным знанием ядов), можно сказать, что этот выбор был отнюдь не случайным. Писателю удалось уговорить свою любовницу сделать мужу серию уколов, содержащих яд медленного действия лауданум, он же экстрат опиума.

Согласно официальной версии Робинсон умер от тифа. Однако на фотографии, сделанной за несколько недель до смерти, он выглядит цветущим молодым человеком. Странно и то, что Робинсон ни разу не обращался к врачу по поводу своей смертельно опасной болезни и умудрился не заразить ею никого из окружающих, что случается при тифе довольно редко. Заметьте, смерть от тифа проявляется в тех же симптомах, что и смерть от выбранного Конан-Дойлем яда.

В настоящее время Гарри-Стил ждёт ответа от Министерства внутренних дел, куда он обратился с просьбой разрешить эксгумацию останков тела Робинсона для проведения медицинской экспертизы. Если в нём будут обнаружены следы опиума, виновность писателя, по его мнению, можно будет считать практически доказанной.

Ричард Оуэн

Учёный, который обнаружил влияние Библии на рассказы Конан Дойля

Профессор из Ватикана считает, что детективные рассказы — это зашифрованное Евангелие.

Марио Палмаро, ватиканский учёный, уверен, что, хотя сэр Артур Конан Дойль и не признавал себя христианином, в основу рассказов о Шерлоке Холмсе положены библейские истории.

Палмаро предпочитает философию в римском Университете Regina Apostolorum Pontifical. Он полагает, что на Конан Дойля «сознательно и подсознательно» повлияли несколько лет обучения в иезуитской школе.

В своей книге «Сверхъестественно, Ватсон. Шерлок Холмс и божественный случай» учёный утверждает, что борьба Холмса с Мориарти, которая привела детектива к гибели, и его возрождение в других книгах — это переложение истории о Воскресении Христовом.

Конан Дойль, родившийся в ирландской католической семье в Эдинбурге в 1859 г., в детстве обучался в иезуитской школе в Ходдере, графство Ланкашир, а потом был переведён в колледж Стонихерст. Дойлю эти школы не нравились. В 1876 г. он отрёкся от римского католицизма и поступил в Эдинбургский университет, чтобы изучать медицину. Там он познакомился с Джозефом Беллом, обладавшим редкими дедуктивными способностями и ставшим прототипом для образа Шерлока Холмса. Позднее Дойль увлёкся спиритизмом.

Профессор Палмаро и журналист Алессандро Гноччи считают, что Конан Дойль «так и не перестал бороться с католицизмом». «В Евангелии есть все элементы детектива: тело, убийства, таинственное исчезновение трупа», — сказал Палмаро.

Майор авиации Филип Уэллер, создатель Группы по изучению творчества Артура Конан Дойля, сказал, что библейские образы в рассказах писателя его поражают.

«Например, нет никаких сомнений в том, что чудовище из рассказа «Собака Баскервильей» — это воплощение сатанинской

силы, — считает он. — Конан Дойл боролся с собственным протестанским представлением о католичестве».

По его словам, придумывая название места действия рассказа — «Гримпенская трясина» — Дойль использовал англосаксонский термин, означающий «дьявол».

Грэйс Райли, куратор музея Шерлок Холмса на Бэйкер-стрит, сказала, что считает теорию о библейском происхождении Холмса маловероятной, «потому что Конан Дойл отрёкся от веры».

В рассказе «Последнее дело Холмса» детектив умирает, сражаясь с Мориарти у Рейхенбахского водопада, но потом возрождается истории «Пустой дом».

Холмс считает Мориарти дьявольской фигурой, использующей свои блестящие интеллектуальные способности для достижения дурных целей. Авторы новой книги убеждены, что их схватка — это символ борьбы человека со злом и искупления грехов. По словам исследователей, Холмс жертвует собой ради общественного блага, бросаясь с бездну вместе со своим заклятым врагом.

Гноччи и Палмаро говорят, что разговор Холмса с его старшим братом Майкрофтом в рассказе «Случай с переводчиком» очень похож на беседу Христа с Никодимом. В «Евангелии от Иоанна» (3, 1-15) Иисус и Никодим разговаривают о том, что человек должен родиться заново, чтобы быть спасённым.

Авторы обращают внимание на то, что спор Холмса и Майкрофта по своему ритму очень похож на беседу Иисуса и Никодима.

В рассказе «Жёлтое лицо» (загадочный силуэт в окне оказывается девочкой в маске, запертой в одной из комнат) великому детективу впервые не удаётся разгадать загадку. Авторы новой книги утверждают, что это отражение истории о том, как ученики отказались верить словам Марии Магдалины о том, что Иисус Христос вознёсся к небесам.

Холмс выказал христианское смирение, попросив Уотсона делать ему замечания в тех случаях, когда он начинает вести себя самоуверенно.

Авторы указывают также на то, что, как правило, Холмс приходит к разгадке преступления благодаря озарению «в стиле Марии Магдалины».

В рассказе «Пёстрая лента» тоже можно найти ссылки на историю о могиле Христа. В центре сюжета — смерть в закрытой комнате.

В новелле «Морской договор» Холмс обращает внимание на посторонние детали и делает вывод, что украденный договор всё время находился под носом у следователей. Авторы считают, что это отражает следующую фразу Христа ученикам «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них».

По мнению Палмаро и Гноччи, незначительные детали, на которые обращает внимание Холмс, на самом деле является «главными в истории о сотворении». В том же рассказе Холмс сказал: «Мне кажется, что своей верой в божественной провидение мы обязаны цветам».

Ричард Лэнслин Грин, автор нескольких научных исследований о Холмсе, заявил, что, хотя похороны Конан Дойля в 1930 г. были «спиритическими», в завещании он об этом не просил. Позднее писатель бы перезахоронен в соответствии с правилами христианской традиции в Минстэде.

Н. Петров

Фантазий огненные крылья⁵

*Послесловие к рассказам Роберта Янга «На реке»
и Артура Конан-Дойла «Кольцо Тота»*

«Познай самого себя», — сказал 2500 лет назад Фалес Милетский. «И ты познаешь весь мир», — добавляли другие мудрецы.

Человек — существо бесконечно сложное, одно из самых совершенных проявлений породившей его Вселенной. Недаром древние называли его микрокосмом. И не случайно человек как объект научного изучения привлекает всё больше и больше внимание физиологов и психологов, физиков и философов.

В процессе познания мира как естественного и динамического комплекса явлении нередко достигаются столь глубокие прозрения, делаются столь гениальные открытия, что порой они на века и тысячелетия опережают современный им уровень культуры. В познании мира как единого целого большую роль играет способность человека к фантазии и воображению. Это видно из истории и науки, и литературной фантастики.

Поразительны, например, многие глубочайшие прозрения древних: Пифагора, Аристотеля и Эратосфена — о шарообразности Земли и отдалённости небесных светил; Аристарха Самосского — о гелиоцентрической системе мира; Филолая Кротонского — о том, что наша планета совершает кругообразное движение; Анаксимандра Милетского — об апейроне и Лао-цзы — о дао как неформной (интегральной) первосубстанции мира; индийского мудреца Канады и греческих Левкиппа — Демокрита — об атомах; Анаксагора — о мельчайших разнокачественных частицах, лежащих в основании материальной Вселенной. Все эти прозрения нашли объяснение в современной науке.

Люди художественного склада мышления тоже вносят в познание мира немало. Ведь каждое талантливое художественное произведение — это, как правило, сложный синтез философ-

⁵ 1972 - На суше и на море. Повести, рассказы, очерки, статьи, М.: «Мысль», с. 490-492.

ских, социологических, психологических, морально-этических и других идей и проблем.

Таким образом, человеческая способность к фантазии, воображению, вдохновенному прозрению лежит в основе настоящего великих открытий и творений. Выражаясь языком поэзии:

Фантазий огненные крылья

Нас к солнцам истины стрёмют.

Перед нами два произведения зарубежной фантастической литературы. Попробуем рассмотреть эти рассказы не с позиций их художественных достоинств и недостатков (как обычно поступает литературная критика), а совершенно в ином аспекте; с точки зрения достоверности «безумно-фантастических» идей, заложенных в них.

Не выдержав жизненных испытаний, в каком-то американском городе решает покончить с собой художник Клиффорд Фаррел. Способ прост, проверен тысячами неудачников — отравиться угарным газом от мотора автомашины, работающего в тщательно закрытом индивидуальном гараже. Случилось так, что в то же самое время «с помощью» светильного газа уходит из действительности и Джил Николе — светловолосая, голубоглазая девушка, принуждённая танцевать по вечерам в стриптизе, чтобы добыть себе кусок хлеба. И оказалось, что души этих двух людей как бы настроены на один и тот же «телепатический резонанс».

И вот они встречаются в иной, чем наша земная, «фазе» пространства и времени — на Реке, которая создана их же собственным воображением, — чтобы доплыть по ней до «потустороннего мира теней». Время на этой Реке движется гораздо медленнее, чем в реальном мире: в несколько минут предсмертного томления вмещаются целые дни и ночи другого «пространственно-временного» измерения.

Река и окрестности пустынь. Только двое на плоту в том неведомом мире — двое предназначенных друг для друга людей, не сумевших найти друг друга в каменных джунглях современной Америки. По вечерам на берегу иллюзорной Реки возникают уютные гостиницы — с баром и столовой, любимыми блюдами и чарующей музыкой. Всё вокруг оказывается созданным так, как рисовалось прежде в мечтах. Восхитительный мир, не правда

ли!? По мысли автора рассказа, сама субстанция, составляющая Реку и её окрестности, настолько тонка, эластична, что формируется в предметы и вещи при малейшем усилии человеческой воли и фантазии.

Медленно, но неудержимо течение приближает путешественников к водопаду, за которым уже нет возврата назад, — в пространственно-временную фазу физической Земли. Мужчина, встретивший свою любовь на пороге смерти, отчаянно борется за возвращение в прежнюю жизнь. У своей спутницы Фаррел узнаёт её земной адрес, огромным усилием воли переключает меркнувшее сознание с «фазы Реки» на ту пространственную «фазу», где он задыхался от угарного газа в автомашине. Выбежав из гаража, он успевает спасти девушку, погибавшую в соседнем доме.

Итак, по фантазии Роберта Янга, в бесконечном мире (и соответственно в человеческом сознании) существует ряд «пространственно-временных фаз». Все они по-своему реальны, иначе Фаррел не узнал бы девушку, перенесясь из одной фазы бытия в другую. Идея «многофазовой» (или многоплановой) Вселенной, развитая Янгом в качестве «географического фона» своего рассказа, используется в мировой (в том числе в советской) фантастике не впервые. Вспомним хотя бы изящный лирический рассказ Герберта Уэллса «Калитка в стене»: ведь там герой тоже попадает в иной, весьма своеобразный и поэтический пространственно-временной план.

Разумеется, мысль о возможности перенесения человека из одного мирового плана в другой можно рассматривать как чисто литературный приём. Это и на самом деле так: фантастам надоело отправлять своих героев на иные планеты — «за тридцать световых тысячелетий»; проще перенестись воображением в другой мировой план, соседствующий с нашим физическим планом и, возможно, даже проникающий в него незаметно для земных людей. Но только ли это литературный приём? Не отражает ли фантастическая идея «многофазовости» мира некую реальную закономерность, тщательно замаскированную природой?

Известно, что серьёзная фантастика и наука идут в наше время рука об руку. Нет ли чего-либо схожего с идеей о многоплановости мироздания в современной науке? На ум сразу приходят гипотезы о многомерных пространствах, о мирах и анти-

мирах, «теневого», сопряжённых и «вакуумных» мирах, давно обсуждаемые физиками, астрономами, философами.

Бесконечный мир един. Но он может оказаться многоплановым, разные мировые планы бытия могут проникать один сквозь другой примерно так же, как длинные, средние и короткие радиоволны — друг сквозь друга. (О прозрачности микрочастиц, их способности проникать одна сквозь другую было заявлено в 1970 году советскими учёными на Международной конференции физиков в Киеве.)

Может быть, недалеко то время, когда «ультрафантастическая» мысль о многомерных пространствах, о взаимопроникающих субвселенных подтвердится наукой экспериментально. Перед человечеством откроются новые гигантские возможности познания мира, проникновения в сокровенные глубины Вселенной. «География» космоса, окружающего нашу Землю, раздвинется до беспредельности. И часть заслуги в этом, без сомнения, будет принадлежать фантастам.

Творец всемирно знаменитого Шерлока Холмса оставил, как известно, весьма заметный след и в истории мировой художественной фантастики. Фантастические произведения Артура Конан-Дойла не только лишь развлекательного и познавательного характера: во многих из них автор стремится (интуитивно) осмыслить (в художественно-фантастической форме) некоторые сложные закономерности мира.

В предложенном вниманию читателей рассказе «Кольцо Тота» Конан-Дойл исследует вечную проблему бессмертия (или необыкновенного долголетия — как стремления к бессмертию).

Сын древнеегипетского жреца Сосра создаёт эликсир, который, будучи введён в тело человека, делает его необычайно долгоживущим. Действие эликсира длится тысячелетия. Сосра становится «почти бессмертным». Более того, он не может умертвить себя, даже если бы и очень захотел. Допущение чисто сказочное; но предположим на минуту, что такой путь достижения «почти бессмертия» возможен.

Неожиданно умирает возлюбленная Сосры. Обезумевший от любви и горя молодой человек готов последовать за нею «в потусторонний мир». Однако... «Ни один араб в пустыне не жаждал так свежей воды из родника, как я жаждал смерти. Если бы яд или сталь могли оборвать нить моей жизни, я скоро соединил-

ся бы с моей возлюбленной в стране с узкими воротами. Я делал всё, чтобы умереть, но бесполезно: проклятое средство было сильнее меня», — рассказывает Сосра англичанину. Лишь пройдя через тысячелетние мучения физической жизни, Сосра находит кольцо Тота и обретает долгожданную смерть.

Вывод, содержащийся в подтексте, знаменателен: физическое бессмертие (или «почти бессмертие») человека противоестественно и, значит, антиморально, хотя бы уже потому, что оно входит в неизбежный конфликт с вечно юным, долженствующим периодически возрождаться чувством любви. Конан-Дойл глубоко и верно, на наш взгляд, ощутил в этой проблеме главное: физическое, вообще телесное бессмертие противоречит фундаментальным закономерностям природы. Ведь любая совокупность форм подвержена изменениям и разрушению. Ничто формное не вечно. Не на основе ли «неформности» следует искать решения проблемы бессмертия? Не на этой ли основе решает названную проблему и сама природа?

Как бы то ни было, вывод Конан-Дойла о противоестественности физического «почти бессмертия» представляется гораздо более научным, диалектически и материалистически оправданным, чем измышления некоторых современных фантастов о достижении бессмертия путём омолаживания или копирования человеческого тела, погружения людей в анабиоз, путём замены тех или иных частей живого организма и т. п.

Значит ли это, однако, что человек должен отказаться от обсуждения проблемы бессмертия? Означает ли это, что она вообще неразрешима? Думается, такой вывод был бы ошибочен. Никакая идея не возникает в человеческом сознании беспричинно. Людям предстоит осознать более глубоко и многопланово фундаментальные закономерности бытия. Тогда, возможно, вечная проблема бессмертия найдёт неожиданное, но единственно верное решение.

Степан Поберовский

Следствие ведёт Конан Дойл

Современный читатель уже привык, что авторами известных детективов, боевиков и криминальных романов становятся люди, чья профессия до начала литературной карьеры была тем или иным образом связана с раскрытием преступлений. Примеры тому — Маринина, Кивинов и многие другие. Однако вряд ли вы сумеете сходу назвать писателей, которые от сочинения романов перешли к подлинным уголовным делам. Однако именно это произошло с одним из родоначальников детектива. Его имя вы наверняка знаете с детства — Артур Конан Дойл.

Первое из дел, которыми пришлось заниматься Конан Дойлу, было дело Джорджа Эдалджи. Отец Джорджа был индусом, и Джордж уродился в отца: с тёмной кожей и внешностью уроженца Индии. В деревне, где он жил, его невзлюбили и во время учёбы в Уолсальской школе в 1892-95 гг. буквально засыпали его семью подмётными письмами с угрозами, но полиция тогда посчитала, что это сам Эдалджи пишет себе письма. В 1903 году в окрестностях деревни, где проживало семейство Эдалджи, стали находить убитый домашний скот, причём после каждого убийства в полицию приходило письмо от имени одного из учеников Уолсальской школы, в котором преступник обещал после лошадей приняться за молоденьких девушек.

Полиция обвинила в этом Джорджа Эдалджи, заключив, что он пишет письма, чтобы отвести от себя подозрения. Суд состоялся в Бирмингеме, и на основании утверждения некоего графолога, заявившего об идентичности почерка обвиняемого и почерка подмётных писем, приговорил Джорджа Эдалджи к семи годам за особо циничное и зверское преступление, хотя было очевидно, что улики откровенно фальсифицированы полицией, а свидетельские показания говорят о невиновности Джорджа. В правительство поступила петиция протеста, подписанная более чем десятью тысячами шотландцев, но ответа на неё не последовало. Джорджа Эдалджи просто выпустили из тюрьмы, так и не оправдав, — чтобы замять скандал. Тогда он решил написать

Конан Дойлу, прося у него помощи. Знаменитый писатель в то время только-только оправился после тяжёлой болезни, вызванной смертью его жены, и дело Эдалджи оказалось для него спасительным. Оно целиком поглотило внимание писателя: Конан Дойл посвятил ему целых восемь месяцев — с декабря 1906 года по август 1907 года.

В январе 1907 года произошла первая встреча знаменитого писателя и Эдалджи. Как врач, изучавший в Вене глазную хирургию, Конан Дойл сразу обратил внимание, что Эдалджи близорук настолько, что вряд ли мог бродить ночами по полям в поисках жертв. На собственные деньги он направил Эдалджи на обследование к одному из лучших окулистов в Лондоне.

Тогда же появилась его статья в «Дейли Телеграф», в которой Конан Дойл последовательно, шаг за шагом опроверг все выводы следствия, назвав прошедший судебный процесс английским «делом Дрейфуса». Его поддержали многие общественные деятели и юристы. Министерство внутренних дел предпочло бы снова замять скандал, но под давлением общественного мнения вынуждено было назначить арбитражную комиссию (апелляционного суда ещё не существовало), которой предстояло в полнейшей тайне изучить все материалы дела и дать правительству рекомендации.

Но Конан Дойл понимал, что, какое бы решение ни приняла комиссия, для полного оправдания Эдалджи и восстановления его честного имени требуется найти настоящего преступника. Твёрдо убеждённый в том, что он живёт где-то по соседству с Эдалджи, он завязал переписку с его односельчанами и лично посещал многих из них, чтобы заставить преступника проявить себя.

И тот не выдержал. Весной Конан Дойл получил анонимку с угрозами. Затем письма стали приходиться каждую неделю. И написаны они были тем же почерком, что и подмётные письма, приписывавшиеся Эдалджи. Конан Дойлу удалось установить, что письма с угрозами времён учёбы в Уолсальской школе были написаны двумя разными людьми. Один из них был взрослым и грамотным, а другой — малограмотным подростком. А письма времён убийства животных в 1903 году — тем же малограмотным человеком, только повзрослевшим на десять лет. Разрыв между сериями писем Конан Дойл объяснил себе отсутствием

этого человека в деревне. Ему удалось установить личность человека, учившегося вместе с Эдалджи в Уолсальской школе, имевшего в своей биографии эпизод с посылками анонимок, подвизавшегося некоторое время в качестве ученика мясника. Этот человек провёл восемь лет в море и вернулся в 1903 году, чтобы заняться мясницким ремеслом. Вторым, грамотным, автором первой серии писем оказался старший брат мясника, ненавидевший «цветных» и особенно семью Эдалджи.

Все свои выводы Конан Дойл изложил в записке на имя министра внутренних дел. Результатом работы комиссии стало письмо, полученное адвокатом Эдалджи:

«Джордж Эдалджи был несправедливо обвинён в преступных нападениях на домашний скот, и, таким образом, приговор признаётся неправильным. С другой стороны, нет оснований полагать, что письма, фигурировавшие на процессе, были написаны кем-то иным. Написав все эти письма, Эдалджи сам навёл на себя подозрения и сам виноват в несчастьях, которые на него обрушились. Поэтому ему объявляется помилование, но отказано в компенсации за трёхлетнее пребывание в тюрьме».

В то же время правительство объявило, что оснований для возбуждения уголовного дела против мясника не имеется.

Разгневанные этим решением, английские газеты собрали по подписке значительную сумму, чтобы выплатить компенсацию невинно осуждённому Эдалджи. Конан Дойл добился создания комиссии экспертов-графологов, которые неопровержимо установили, что все письма написаны не Эдалджи, а именно его соседом-мясником. Но дело было закрыто, и виновный остался безнаказанным. А Джордж Эдалджи в сентябре 1907 года одним из первых получил приглашение на свадьбу Конан Дойла.

Вторым было дело иммигранта Оскара Слейтера. Этот человек был приговорён в Глазго (Шотландия) к смертной казни за убийство в конце мая 1909 года, но затем приговор заменили на пожизненное заключение. Конан Дойл узнал об этом деле из письма адвоката осуждённого только в 1912 году.

Слейтеру инкриминировалось убийство богатой старухи и кража у неё алмазной броши в виде креста. Дело развивалось весьма загадочным образом. Вскоре после убийства полиция получила донос на Слейтера, где было сказано, что он продал в ломбард алмазную брошь. Драгоценность нашли, но выяснилось,

что это совсем не та брошь. Однако следователь отправился допрашивать Слейтера и обнаружил, что тот со своей любовницей уехал в Америку.

В полицию Нью-Йорка было направлено требование арестовать Слейтера. Пароходом в Америку отбыли английские детективы и два свидетеля — служанка старухи и четырнадцатилетняя девочка, которые, как утверждалось, видели убийцу в лицо. При опознании обе свидетельницы указали на Слейтера как на преступника. Американский суд был готов отказать в выдаче Слейтера — тот отрицал свою вину, да и показания свидетельниц были сомнительны — обе они ехали в одной каюте, неоднократно обсуждали дело с детективами и вместе то и дело разглядывали фотографию Слейтера.

Однако Слейтер сам решил ехать в Англию, чтобы доказать свою невиновность.

Английский суд был заранее настроен против него. Он не принял во внимание алиби Слейтера, удалил из зала единственного свидетеля, который видел убийцу вблизи, так как тот отказался опознать обвиняемого и взять грех на душу. Суд не стал рассматривать и множество открывшихся фактов. В частности, в качестве орудия убийства был представлен молоток, найденный в доме у Слейтера; на молотке не было даже следов крови. Хотя под конец заседания некоторые присяжные заколебались — уж слишком шатким было обвинение, — суд признал Слейтера виновным.

На этот раз опубликованная писателем брошюра никакого впечатления на власти не произвела. Министерство ответило, что оснований для пересмотра нет. Что делать дальше, Конан Дойл не знал. И вдруг в марте 1914 года один из детективов, осматривавших квартиру убитой старухи, дал показания, что служанка узнала убийцу и назвала его имя одной из ближайших родственниц старухи. Конан Дойл начал планировать дальнейшие шаги в защиту Слейтера. Но проговорившегося детектива уволили из полиции, а потом началась Первая мировая война и всем стало не до Слейтера.

Только в 1925 году Конан Дойл вновь вернулся к делу Слейтера, когда тот передал ему записку из тюрьмы. Помощник писателя — журналист, разыскал служанку убитой старухи и та подтвердила, что знает убийцу, но полицейские потребовали,

чтобы она опознала Слейтера, если хочет остаться на свободе. Вторая свидетельница, которую девочкой возили в Америку на опознание, рассказала, что детективы заставили её выучить на зубок нужную им версию, и сказала, что человек, которого она видела, не был похож на Слейтера. В конце концов, под давлением организованной Конан Дойлом кампании, в 1927 году Слейтер был условно выпущен из тюрьмы. Но писатель не остановился на достигнутом. Через год ему удалось добиться передачи дела в апелляционный суд (созданный после дела Эдалджи), который полностью оправдал Слейтера и даже выплатил ему в качестве компенсации за девятнадцать лет в тюрьме 6 тысяч фунтов стерлингов. Через несколько дней после суда Конан Дойл получил письмо от Слейтера, в котором говорилось:

«Вы — разрыватель моих оков, борец за правду и справедливость. Спасибо вам от всего моего сердца!».

Однако имя настоящего убийцы так и не было опубликовано.

сентябрь 1998

Леонид Саврасов

Сэр Артур и спиритизм ⁶

Поистине пост-гегелевский XX век с полным правом можно назвать «веком историзма». Пишут «истории всего», и эти истории, неизменно пользуясь успехом, составляют силовые линии культуры. Вот и сейчас перед нами ещё один «краткий курс» истории того, что по самому смыслу своего бытия истории, казалось бы, иметь не может. Речь идёт о духах и об истории наблюдений за явлением их миру.

Для начала, как говорится, «несколько слов об авторе». Да, разумеется, это тот самый сэр Артур Конан-Дойль, автор бессмертного Шерлока Холмса (хотя сам досточтимый сэр, считая своими главными произведениями малоизвестные ныне исторические романы, вроде «Белого отряда», всегда сильно морщился, встречая упоминания своего имени в первую очередь в связи со знаменитым сыщиком). Однако ждущий напряжённого повествования читатель будет разочарован: бьющее в глаза желание сохранить «научность» и «объективность» изложения делает книгу просто скучной. Кроме того, ничему так не противоречит данный текст, как именно этой заявленной в манере письма «научности» и «объективности». Сквозь все попытки сохранить стиль не то судебного расследования, не то исторической хроники пробивается горячее желание автора убедить, доказать, отстоять собственное убеждение в том, что предмет исследования (а именно «спиритизм», «общение с духами») не только возможен, но и является неоспоримым фактом. С первых же слов ясно, что пишет человек, страстно заинтересованный в самом предмете своего исследования, и возникает ощущение, что адресат этого послания — сам автор, и убедить он стремится в первую очередь самого себя. Мы легко простим сэру Артуру это горячее стремление, эту плохо скрытую заинтересованность — на это у него были серьёзные причины. Он пережил большую личную трагедию, потеряв единственного сына на фронтах Первой Мировой, и всю

⁶ 1999 - Артур Конан-Дойль *«История спиритизма»*, Издательство журнала *«Звезда»*.

последующую жизнь стремился получить доказательства жизни после смерти, связаться со своим утерянным сыном.

Но наше понимание и снисхождение не спасает книгу. Она потрясает своей наивностью, слишком сильной даже для прогрессистов «просвещённого» XIX века, не говоря уже о более искушённом веке XX. Аргументы, которые приводит автор в защиту спиритизма, не выдерживают хоть сколько-нибудь действительно научной критики.

Особенно показательна заключительная глава о представлениях спиритов о загробной жизни, где автор, ссылаясь на целый ряд полубеллетристических произведений различных писателей, настойчиво проводит мысль о том, что в загробной жизни (особенно в так называемом «раю»), всё в общем так же, как здесь, только «гораздо лучше».

Итак, книга безусловно слаба и, с литературной точки зрения, недостойна автора «Собаки Баскервилей» (да простит нас сэр Артур!). И всё-таки книга имеет для нас ценность, я бы сказал, двоякую. И в обоих случаях речь идёт о портрете эпохи, но в первом — об эпохе, современной автору, а во втором — о нашей. И главное — об их связи.

Для первого случая приведу только один пример. Сэр Артур заявляет: «под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути.... путь этот — путь страданий...» (с. 65). Через двести с лишним страниц находим главу под названием «Эктоплазма». Откуда узнаём, что «так называемые духи» вполне материальны, состоят из вещества под названием эктоплазма, проявляющего себя то как «белое, похожее на небольшое облако образование», то как «вещество грязно-белого цвета», то как «красная липкая субстанция», ощутимая по крайней мере для медиума. И, наконец, прямо говорится о «материи, оставляющей след в атмосфере» (все цитаты со с. 306). Это ли не материализм?! Зачем же было так долго копыя ломать? Всё дело в том, что сэр Артур выступает здесь как носитель и выразитель так называемого «массового сознания», которое не может вырваться за пределы господствующих (пусть и неосознанно) представлений своей эпохи. Если даже противники материализма, яростно нападая на него, сами не замечают, как впадают в ещё более крайний материализм (у них даже духи материальны), то,

значит, эта эпоха и в самом деле эпоха материализма, а ведь мы — наследники этой эпохи.

И второе. Читая произведение Конан-Дойля, трудно отделаться от ощущения, что всё это до боли знакомо, уже где-то слышано или видено. И через некоторое время осеняет — изложение спиритических изысканий автором удивительно похоже на содержание известных и популярных ныне сериалов о «паранормальных явлениях», таких как «Секретные Материалы» или «Полтергейст. Наследие». Те же истории о духах и привидениях, не только проявляющих себя в деятельности вполне материального характера, но и подлежащих исследованию сверхсовременными научными методами, с помощью супераппаратуры, от спектрального анализа до компьютерной обработки фотоизображений «электромагнитных сгустков энергии» (читай: духов и призраков). Куда там сэру Артуру со товарищи с их допотопными фотокамерами и фотопластинками! Да и в смысле убедительности упомянутые сериалы дадут мистеру Конан-Дойлю сто очков вперёд, особенно приключения агентов Маулдера и Скалли.

Вот оно, наследие «прекрасной эпохи»! То, что начиналось в конце XIX — первой трети XX веков, заговорило в полный голос во второй половине XX благодаря масс-медиа. Стоит прочесть «Историю спиритизма» для того, чтобы увидеть собственное отражение!

Людмила Тетюхина

McDonalds против Конан Дойля⁷

Британская газета «Индепендент» пишет, что поклонники таланта сэра Артура Конан Дойля вот-вот выиграют битву против корпорации McDonalds, которая собирается открыть ресторан у дома, где провёл детство писатель.

Конан Дойл жил с матерью в Либертон Банк Хаус в Эдинбурге в 60-е годы XIX века, пока глава семьи Чарлз Алтамонт Дойл, страдавший эпилепсией, находился в больнице.

Члены Общества Шерлока Холмса рассчитывают устроить в заброшенном коттедже, расположенном неподалёку от построенного после войны торгового центра, небольшой музей. Они уверены, что если McDonalds откроет поблизости очередной пункт быстрого питания, дом никогда не будет отреставрирован.

Чиновники, отвечающие за планирование в городском совете Эдинбурга, поддерживают противников экспансии McDonalds и рекомендуют членам городского совета отклонить прошение корпорации. Руководитель отдела планирования Алан Хендерсон говорит, что реализация планов McDonalds повредит всему району.

В доме, где жил Конан Дойл, в течение пятидесяти лет проживал и ещё один известный человек — Марк Бёртон, борец за права женщин.

Коттедж Конан Дойлов и Бёртона был занесён в официальные списки охраняемых строений в 1999 году. Тогда же на него и пал выбор McDonalds.

Алан Хендерсон цитирует инструкцию ведомства по охране исторических памятников Шотландии: «...не допускается строительство одинаковых или больших по размеру сооружений вблизи основного объекта регистрации».

Хетер Оуэн, представляющая Общество Шерлока Холмса в Лондоне, сказала, что рекомендации, предложенные городскому совету Эдинбурга, хорошо продуманы. По её словам, Артур Конан Дойл прожил в этом коттедже пять лет, пока ему не испол-

⁷ Русская служба ВВС. Среда, 30 мая 2001 г.

По материалам газеты «Индепендент».

нилось девять, и эти годы оказали на него очень серьёзное влияние.

«Его мать, — продолжала Хетер Оуэн, — внушала детям, что их семья происходит от ирландской аристократической фамилии, и это проявляется в его творчестве, в особенности в произведениях на темы Средневековья. Его восхищение матерью, её борьбой за сохранение семьи, не знало границ».

Представительница McDonalds заявляет, что когда фирма первоначально подала заявку на Либертон Банк Хаус, никаких данных о том, что там жил Конан Дойл, не было. По её словам, справки, наведённые позднее, показали, что он жил там два года.

Она также сказала, что в заявке компании, поданной владельцу торгового центра, говорится, что новая точка будет отделена от коттеджа невысокой стеной, а внешний вид ресторана спроектирован таким образом, чтобы он гармонировал с окружающей средой.

Даже если сегодня городской совет Эдинбурга примет то решение, которого от него ожидают, McDonalds собирается подавать апелляцию.

Личность Артура Конан Дойля во многом сформировалась именно в Эдинбурге

Джордж Вандеман

Дедуктивная связь ⁸

Восемнадцатого декабря 1912 года мир облетело сообщение: в Англии, в графстве Суссекс, неподалёку от деревни Пилтдаун, в небольшом гравийном карьере найдены древние останки предков человека. Британия гордилась находкой — пилтдаунский человек был признан самым древним.

Но лет через сорок в печати появилось новое сообщение. Оказалось, что пилтдаунский человек — неслыханный подлог, автор (или авторы) которого остались неизвестными. Было установлено, что нижняя челюсть находки — вовсе не человеческая, а принадлежит молодой самке орангутанга, о чём свидетельствуют подточенные зубы и обломанные суставы челюсти. Это было сделано, вероятно, чтобы никто не догадался, что череп и челюсть — разного происхождения. Вот уж поистине британская наука оплошала.

Первым подозреваемым в фальсификации стал сам первооткрыватель Чарльз Дёсен. И хотя прошло уже тридцать семь лет со дня его смерти, решено было убрать его памятник. Впоследствии появились и другие подозреваемые, но Дёсен был самым первым в этом списке.

Но позвольте упомянуть ещё об одном человеке, который тоже посещал раскопки в Пилтдауне, однако посещал особым образом — негласно.

В прошлом врач, прекрасно знающий анатомию, знакомый с химией, геологией и археологией, завятой собиратель древностей, любитель розыгрышей и приключений, наконец, талантливый писатель, он искусно обращался с самым замысловатым сюжетом, и к тому же имел большой «зуб» против британского истеблишмента. Кто же он? Никто иной, как создатель образа Шерлока Холмса, — знаменитый сэр Артур Конан Дойл! «А он что там делал?» — удивлённо спросите вы. Вот об этом-то и пойдёт речь.

Всё началось с того, что наш современник, писатель Хэтэуэй Уинслоу оказался достойным преемником героя попу-

⁸ 1991 - ж. «Чудеса Тайны Открытия», № 8.

лярнейших детективов, Шерлока Холмса, криминалистические методы которого изучаются теперь в качестве обязательного предмета в полицейских школах многих стран мира. Своими потрясающими открытиями Уинслоу поделился с читателями сентябрьского номера журнала «Сайэнс-83». Уинслоу раскрыл замысел Конан Дойла; мы не будем говорить о его аргументах — уверяю вас, они ошеломляют своей убедительностью.

Итак, Дойл жил всего в семи-восьми милях от места раскопок, которые он открыто посетил в 1912 году. К тому времени Дойл был отставной врач, известный писатель. Большой любитель сенсаций, он, несомненно, не раз посещал почти неохранные раскопки, интересуясь работами палеонтологов.

Оставалось только подобрать подходящее существо, подкрасить его под цвет пилтдаунского гравия, достоверно расположить окружающие предметы. А в этом Конан Дойл был искусственным мастером.

Где же взял он челюсть орангутанга? Оказалось, что бывший сосед Дойла недавно вернулся с Малаккского полуострова, где его брат возглавлял местные музеи. Один из этих музеев приобрёл коллекцию животных с острова Борнео, а орангутанги, как известно, живут только там, да ещё на Суматре.

Следующий вопрос: откуда знал Дойл, как нужно обточить зубы орангутанга, чтобы они напоминали изношенные человеческие? Ответ прост: в начале своей медицинской практики он занимал дом, где перед этим жил и работал зубной врач. Здесь-то Дойл и нашёл огромное количество выдранных человеческих зубов.

А как же был подобран подходящий череп? Что ж, и на этот вопрос есть убедительный ответ. У его друга была целая коллекция черепов, и тот не прочь был продать их любому желающему.

Позднее выяснилась ещё одна деталь: некоторые части ископаемых млекопитающих, которые фальсификатор использовал для своей подделки, были средиземноморского происхождения. А это как могло получиться? Да всё дело в том, что К. Дойл со своей второй женой незадолго до этого вернулся из свадебного путешествия. Медовый месяц они провели на Средиземноморье и посетили тамошние раскопки. Время свадебной поездки прекрасно согласуется с последующими событиями.

Как видим, улики налицо, и они одна за другой выстраиваются в стройную схему. Но зачем всё это понадобилось Дойлу? С чего бы ему вносить смуту в британскую науку? Оказывается, повод был, и притом очень веский.

Артур Конан Дойл увлекался не только наукой. В последние годы жизни он стал горячим приверженцем спиритизма. Учёный же Эдвин Рэй Лэнкэстер был непоколебимым дарвинистом, самым деятельным защитником теории эволюции. Спиритизм ему, как говорится, стоял поперёк горла. Он всячески высмеивал спиритов, был беспощаден в нападках на них, прямо одержим страстным желанием изобличить медиумов в мошенничестве.

Для этого Лэнкэстер посетил один сеанс, который проводил американец Генри Слейд — кумир британских спиритов в середине прошлого столетия. В начале сеанса было объявлено, что участникам предстоит общение с духом, который напишет на пластинке несколько слов. Пластинку показали присутствующим, чтобы те убедились, что она чиста. Но не успели участники сеанса услышать скрип пишущего пера, как Лэнкэстер выхватил доску и, к всеобщему изумлению, показал, что слова на ней уже нацарапаны. Городские власти согласились: это — мошенничество, и Генри Слейд покинул Англию.

Конан Дойлу это разоблачение не очень понравилось. Он публично выступил против охаивания всех медиумов из-за какого-то одного мошенника.

Как видите, отношения Дойла и Лэнкэстера оказались не слишком дружественными. Стоит ли удивляться, что такой мастер на выдумку, каким был Артур Конан Дойл, не смог отказать себе в удовольствии внести некоторое замешательство в британскую науку. Мог ли представиться более подходящий повод?

Итак, дедуктивный метод убедительнейшим образом выводит нас на связь между Конан Дойлом и пилтдаунским человеком.

Но наша цель — рассмотреть другие связи, особенно интересные тем, что существуют они между противоположными и даже взаимоисключающими учениями, а именно: теорией эволюции и спиритизмом. Одно из них называют наукой, другое считают антинаучным.

В то время, когда жил Артур Конан Дойл, теория эволюции уже успела основательно подорвать веру в Бога и в Библию. Человек оказался в океане случайностей без ориентиров, без будущего, без надежды. Что нужно делать? На что уповать? К чему стремиться? Эти вопросы терзали тысячи и тысячи людей. Тогда-то и возник спиритизм, которым пытались хоть как-то заполнить образовавшуюся пустоту.

Впрочем, между спиритизмом и теорией эволюции существует и более глубокая связь, ибо и то и другое уходит в самые начала истории нашей планеты. Именно в тех даях возник спиритизм. Ибо уже там мы находим описание первых парапсихологических явлений, увлékших человека в погибель.

Что же касается теории эволюции, то в Книге Бытие мы не найдём ни единого слова, подтверждающего её истинность. Напротив, первые же слова Библии начинаются величественным откровением, что Бог — Создатель всего сущего во Вселенной: «Вначале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1).

Заметим, что именно это и оспаривают дарвинисты, отрицая Божественное начало бытия, заменяя его теорией самозарождения жизни.

Вы никогда не замечали, как неверующие, споря с Библией, больше всего обращают внимание на её первые главы? Это весьма примечательно, поскольку эти тексты пытаются использовать в качестве явного доказательства невозможности существования Бога эволюционная теория.

Что же касается спиритизма, то своими корнями он уходит в историю падения человека, описанную в третьей главе Книги Бытия, где сатана, искушая Еву, обвиняет Бога в сокрытии от человека истины.

История падения человека чаще всего рассматривается как некое народное сказание, занимательная сказка. Начните кому-нибудь говорить: «Яблоко съела Е...», и вам, нимало не задумываясь, продолжат: «Ева». О яблоке и речи нет в Библейском повествовании, но все говорят именно о нём, что свидетельствует о поверхностном знании этого события вообще.

Возникает вопрос: а что если история, описанная в третьей главе Книги Бытия, не народное сказание, а первые и ещё слабые отголоски непрекращающегося сражения между добром и злом, глубина и размах которого с течением времени всё возрас-

тает, принимая буквально космические масштабы? Что тогда? Тогда понятными становятся и многие пока ещё необъяснимые явления.

Представьте себе: вы — корреспондент, ведущий репортаж из космоса. Вам предстоит осветить события, связанные с рождением планеты Земля. Вы — очевидец происходящего.

Несомненно, для Вас это была бы неделя чудес. Вы увидели бы Творца в сопровождении небесных ангелов, увидели бы Его шествие по необъятному пространству, усыпанному мириадами звёзд, собранных в огромные галактики или, подобно нашему Солнцу, одиноко сияющих. Вы услышали бы несравненные звуки небесной музыки, когда ангелы касаются струн своих арф.

И вот вы на краю Вселенной, в пустынном месте. Воочию видите, как Творец ступает в бездну, произнося слова, исполненные бесконечной силы и могущества, и их отзвуки доносятся до самых отдалённых миров. И вдруг там, где совсем недавно ещё ничего не было, через несколько мгновений появляется вращающаяся планета, которая движется по предначертанной ей орбите!

То, чему вы стали свидетелем, невозможно описать словами. Язык бессилён отразить происходящее. Наконец, в пятницу, появляется венец Божьего творения — созданные по Его образу и подобию Адам и Ева.

Вы счастливы. Вам позволено наблюдать дальнейший ход событий. Но будущее не видится таким уж светлым, потому что вы знаете: не всё безоблачно в Божьей Вселенной. Люциферу — одному из высших ангелов, окружавших престол Вседержителя, не нравится утверждённый Творцом порядок. Похоже, пленившись собственной красотой, он отдался во власть вожделенной страсти, желая занять место Бога. Он многим недоволен, но его особенно злит, что Тот, Кто словом Своим сотворил планету Земля, есть Сын Божий. Почему именно Он, а не Люцифер?

Ему пришлось оставить небо — другого выхода просто не было. И вот он теперь здесь, на Земле. Вы помните ярость Люцифера, увидевшего красоту планеты, которую Бог приготовил для Адама и Евы. Вы слышали, как он поносил Бога и решил сделать Землю местом своего мятежа.

Очень важно знать одну весьма простую истину: Бог сотворил Адама и Еву способными к независимому выбору. Создателю не было угодно, чтобы Его чада уподобились роботам. Сле-

довательно, первая счастливая пара могла воспротивиться воле Творца, и это должно было неминуемо обернуться трагедией для всего рода человеческого.

Совсем недавно там, в космосе, вы слышали, как Бог, обращаясь к Адаму, говорил: «Адам, Я даровал тебе свободу: можешь избрать жизнь. И можешь выбрать смерть. Я хочу, чтобы ты избрал жизнь. Но решение — за тобой!»

И ещё сказал Бог Адаму: «Я желаю, чтобы ты жил вечно. Такова Моя воля. Но Я не могу наделить тебя бессмертием, пока не увижу, что ты достоин вечной жизни. И чтобы испытать твою верность, Я объявляю одно дерево райского сада запретным — всего одно дерево. Если ты съешь плодов с него, ты нарушишь животворную связь с Источником жизни, и ты умрёшь. Это не угроза, Адам, потому что смерть — естественный исход противостояния Моей воле. Помни: ответственность лежит на тебе, выбор должен сделать именно ты».

Вскоре вы имели славную возможность услышать ещё одну беседу, когда Бог говорил со счастливой четой о Люцифере. Творец сказал, что тот не сможет искушать их в любой части сада, а только вблизи запретного дерева. После этого Адам и Ева долго рассуждали об этом — у них и в мыслях не было противиться воле своего Создателя, Которого они любили.

Однако роковой день наступил. Однажды Ева, оставшись одна, забылась и как-то незаметно приблизилась к запретному дереву. Она размышляла вслух, почему это дерево запретное. На вид оно было не опасное, даже, наоборот, не уступало в красоте ни одному из остальных деревьев. Присмотревшись внимательно, Ева увидела на одной из веток змея, который с удовольствием вкушал запретный плод. Это очень удивило её, но ещё больше её поразило то, что змей говорил человеческим голосом, чего, кроме человека, не мог делать никто в Эдемском саду. К несчастью, Ева не поняла, что наблюдает первый в истории сеанс спиритизма, в котором роль посредника Люцифера с человеком искусно исполняет змей.

Итак, вы собственными глазами видели, как змей предложил Еве плод, убедив её, что употребление его в пищу не принесёт никакого вреда. В конце концов, он ведь сам ел эти плоды.

Но знайте: вы не были единственным существом, которому хотелось кричать, чтобы остановить Еву. За ней ещё следили

ангелы, наблюдал Сам Господь. Но вмешиваться в происходящее никто не имел права. Затаив дыхание, вы видели, как Ева потянулась к веточке, наклонила её и сорвала плод. Надкусив его, она не почувствовала ничего неприятного и, набрав полные руки плодов, понесла их мужу.

Вам никогда не забыть выражение потрясения и ужаса на лице Адама, когда он увидел, что сделала Ева. Он знал, что теперь ей надлежит умереть. Мысль о разлуке показалась ему невыносимой. Впрочем, Адам понимал, что Бог может создать ему другую спутницу жизни, не менее прекрасную, чем Ева. И всё же он сознательно и намеренно решил, что если Ева умрёт, то вместе с ней умрёт и он.

Именно с этого мгновения род человеческий вступил в эпоху страданий и слёз!

Но хватит фантазий. В действительности вы там не были. Не был там и я. Об этом ничего не написали газеты, не отсняли телекамеры, никто не устроил пресс-конференцию.

Давайте лучше прочтём об этом в Библии. «И заповедал Господь человеку, говоря: «От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него: ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:16-17).

Что это — угроза? Разве можно считать угрозой совет не прыгать с вершины горы, чтобы не разбиться? Нет, конечно! Это было всего лишь предупреждение Адаму о последствиях неверного выбора.

Змей же открыто отвергал то, что сказал Бог. Послушайте, что он сказал Еве. «И сказал змей жене: нет, не умрёте; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:4-5). Вражда между Богом и дьяволом стала открытой. Падший ангел обвинил Бога в неискренности и в том, что Он скрывает от Своих подданных высшие блага. Впрочем, и по сей день дьявол выступает с тем же обвинением. И самое страшное, что ему верят миллионы людей!

Давайте задумаемся. Если падение человека не было чем-то предопределённым и потому, скорее всего, не принималось Творцом в расчёт, то, следовательно, оно и не должно было произойти. Предположим, что жена Адама, вместо того чтобы всту-

пить в разговор со змеем, пришла бы в ужас и быстро убежала искать защиту у мужа. Тогда бы всё было иначе.

О, если бы историю третьей главы Книги Бытия можно было переписать!

Но давайте теперь подойдём к этому с другой стороны. Бог всемогущ. Для Него нет ничего невозможного. Разговор между Евой и змеем занял совсем немного времени. На принятие решения Адаму потребовалось ещё меньше. А время подвластно Творцу. Почему бы Ему не убрать этот краткий эпизод из истории человечества и не соединить разорванные части так, будто ничего не произошло? Действительно ли судьба всего человечества должна зависеть от опрометчивого решения, принятого в течение какого-нибудь часа?

Но — нет! Любовь и праведность Бога не позволяют нам подозревать Его в таком передёргивании событий. Он никогда не обманывает Своих подданных и всегда говорит правду о том, что было. Вычеркнуть трагическую историю падения человека невозможно. Переписать её заново — тоже. Она останется именно такой, как о ней рассказано в Книге Бытия: Ева увидела змея и стала слушать его, а выслушав, поверила. Она поверила врагу!

Скажите, вам приходилось когда-нибудь задумываться о том, насколько сильна зависимость между обманом и смертью? Верно, что люди порой обманывают друг друга из добрых побуждений. Но у падшего ангела, несомненно, таковых не было. Обманывая людей, он желает только одного — окончательно погубить их. Распространяя ложь, он сеет смерть, от которой нет исцеления, нет воскрешения. А уж что касается разнообразия и привлекательности «упаковки», в которую он завёртывает свой смертоносный «товар», — тут сатана непревзойдённый мастер!

Однако, несмотря на бесконечное разнообразие и постоянную смену этикеток, несмотря на самую изысканную обёртку обмана, стратегия падшего ангела и его невидимой армии демонов остаётся неизменной. Она ничуть не отличается от той, которой он пользовался в Эдемском саду.

Сатана действует тайно, прикрываясь посредничеством медиумов, используя сверхъестественные явления, чтобы пленить разум человека, лишит его бдительности и ввести в заблуждение. Он подвергает сомнению подлинность Божьих намерений. Старается убедить свою жертву, что Бог утаивает от нас нечто

высшее. Внушает нам мысль, что мы не умрём, даже если будем жить, как нам вздумается. Он всячески убеждает нас, что, обретя независимость от Творца, мы сами станем, как боги. Таковы отличительные особенности философии великого обманщика.

Запомните эти слова: «Нет, не умрёте!» и «Вы будете, как боги». Будьте внимательны. Где бы вы их ни услышали, как бы они ни были завуалированы, знайте: рядом Люцифер!

Уверяю вас, если бы вам открылось, что происходит в невидимом мире, окружающем нас, — у вас бы волосы встали дыбом.

К несчастью, наше поколение стало лёгкой добычей для дьявола. Мы падки до всего сенсационного, сверхъестественного, до любых зрелищ, напичканных чудесами. Наше поколение обожает магию. Оно без ума от всего ранее неизвестного, от невидимого, от биополя, биоритмов и вообще от всяких новинок.

Миллионы людей просят: «Займите нас, пощекочите наши чувства, явите магическое, покажите сверхъестественное, затмите разум, больше мистики, очаруйте нас, плените наши чувства, пообещайте веселье и славу, а заодно и небо, — и мы пойдём за вами, куда ни позовёте!»

Впрочем, поколение людей, имевших счастье быть современниками Иисуса, не очень отличалось от нашего. Оно тоже требовало: «Покажи нам знамение, что Ты действительно Тот, за Кого Себя выдаёшь. Зажги ночное небо, прыгни с крыла храма. Побей ненавистных римлян. Яви нам знамение!»

Но Иисус никогда не смешивал божественную силу и магию. Он пришёл не для того, чтобы манипулировать сознанием людей, но чтобы обращать грешников на истинный путь, если, конечно, они сами того пожелают. Христос не для того явился, чтобы получить царство, но чтобы быть распятым, быть не Царём, а Жертвой. А тем, кто требовал у Него доказательств, что Он — Божий Мессия, Иисус говорил: «Когда вознесёте Сына Человеческого, тогда узнаете, Кто Я» (Ин. 8:28).

«Когда вознесёте Меня, когда распнёте. Когда вдоволь насмеётесь. Когда кончите глумиться и издеваться. Когда вобьёте в Мои руки гвозди и повесите между небом и землёй на позорном римском кресте, да ещё позовёте сойти с него. Когда оставите умирать без глотка холодной воды. Вот тогда узнаете, кто Я.»

Да, именно так всё и было. Когда Он висел на грубом, неотёсанном кресте, они узнали Его. Узнал разбойник, распятый рядом; узнал римский сотник; узнали враги; узнали надменный Каиафа и Пилат. Узнали и многие безымянные. Они разошлись по домам с чувством вины, с нечистыми руками оттого, что, поддавшись порыву исступлённой толпы, стали соучастниками величайшего преступления — распятия Самого Сына Божия.

Стремительно летит время, сменяются поколения. Но всем нам было дано одинаковое знамение. Этим знамением стал Он Сам, распятый за наши грехи.

Большого знамения и быть не может! И мне, и вам — всем предстоит решать, к кому обратиться: к магу или к Спасителю. И лучшего времени сделать выбор, чем сейчас, у нас не будет!

раздел второй ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК (материалы о Шерлоке Холмсе)

Макс Фрай

Притча о человеке с рассечённой губой⁹

Притон, который я разыскивал, находился в подвале между грязной лавкой и кабаком; в эту чёрную дыру, как в пещеру, вели крутые ступени. Посередине каждой ступеньки образовалась ложбинка — такое множество пьяных ног спускалось и поднималось по ним.

Одна из новелл Конан Дойла о Шерлоке Холмсе — «Человек с рассечённой губой» — начинается с упоминания некоего Айзы Уитни, который «приучился курить опий» и визита в притон, а заканчивается в высшей степени умиротворяющим заявлением Шерлока: «мы поспеем как раз к завтраку».

Не знаю, следует ли напоминать, какие события лежат между посещением курильни опиума и благополучной развязкой: сюжет этого, и многих других рассказов о Шерлоке Холмсе известен каждому с детства. Ладно, напомню, для порядка. В притоне Ватсон встречает Холмса, узнаёт из его уст душераздирающую историю о пропавшем джентльмене по имени Невилл Сент-Клер; высказывается предположение, что надежды найти его живым нет; появляются очаровательная жена предполагаемой жертвы и отвратительный нищий Хью Бун, в комнате которого были обнаружены вещи пропавшего и, что ещё хуже — зловещие пятна крови на подоконнике. Одним словом, напряжение нарастает, а неожиданная развязка обезоруживает читателя: внезапно выясняется, что исчезнувший Сент-Клер и нищий Хью Бун — одно и то же лицо.

⁹ *Gazeta.Ru № 084 от 02.07.1999, 18:25:20*

Лицо сползло с арестанта, как кора с дерева. Исчез грубый тёмный загар. Исчез ужасный шрам, пересекавший всё лицо наискосок. Исчезла разрезанная губа. Исчез отталкивающий оскал зубов. Рыжие лохматые волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса, и мы увидели бледного, грустного, изящного человека с чёрными волосами и нежной кожей, который, сидя в постели, протирает глаза и с недоумением глядел на нас, ещё не вполне очнувшись от сна.

История Невилла Сент-Клера до смешного похожа на историю почти любой человеческой жизни. Его тщательно продуманный грим — не сродни ли он той «защитной маскировке», которой мы все с годами обзаводимся, убедившись, что среди себе подобных без неё не обойтись? Его карьера профессионального нищего почти ничем не отличается от любого другого способа устроиться в жизни (кстати, ещё на моей памяти зарплату называли «получкой» — вполне созвучно «подачке»). Даже тюрьма, в которую мистер Сент-Клер, в конце концов, угодил по, казалось бы, досадной и нелепой случайности — неплохая метафора. Да, кстати, не стоит забывать: Шерлок Холмс вряд ли нанесёт нам визит поутру с мокрой губкой наперевес, поэтому выпутываться из этой дурацкой ситуации придётся самостоятельно...

Любая история может стать (или показаться) притчей — как только читатель решит, что ему требуется притча. Рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе можно читать как «Дао Дэ Цзин» — было бы желание! Любая случайная деталь в рассказе (визит в притон, бесконечные переодевания, пять подушек и полфунта табаку, понадобившиеся Холмсу, чтобы докопаться до истины, детские кубики и мелочь в карманах пиджака, утонувшего в Темзе) приобретает метафорическое значение — если нам взбредёт в голову, будто мы нуждаемся в такого рода метафорах. Участники событий начинают казаться составляющими одной-единственной (причём не слишком сложной) личности: Невилл Сент-Клер и Хью Бун недвусмысленно напоминают о дуальности человеческой природы; Шерлок Холмс символизирует волю, усилие которой способно вернуть обезображенному лицу Хью Буна первоначальный вид; Ватсон — «сторонний наблюдатель», незримо присутствующий где-то на периферии сознания; миссис Сент-Клер, ясен пень, представляет собой эмоциональное

напряжение («о боже, куда подевался я, прежний, такой замечательный парень?!»); «негодяй-ласкар» соответствует прагматичной части человеческого разума, которая настойчиво предлагает свою помощь новой «обезображенной» личности; полицейские сродни привычкам, или твёрдо усвоенным правилам поведения, которые, собственно, и заключают нас в тюрьму... Эту дурацкую игру в сопоставления можно продолжать до бесконечности, но мне кажется, всё и без того уже достаточно наглядно.

Наверное, вовсе не имеет значения, что именно читать: писатель всего лишь даёт нам возможность рассказать себе историю, которую нам позарез требуется услышать — как опий давал Айзе Уитни возможность погрузиться в грёзы, сценарий которых зависел исключительно от него самого...

Владимир Гаков

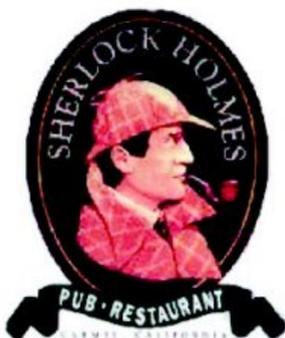
Кругосветное путешествие Холмса: ненаписанный роман Артура Конана Дойла

Конан, сэр!

Миллионы людей в мире прекрасно осведомлены обо всех перипетиях биографии персонажа по имени Шерлок Холмс. В то же время большинство смутно представляет, чем занимался «по жизни» и что ещё создал в литературе его автор.

Это вдвойне несправедливо, потому что судьба писателя не менее драматична и захватывающа, чем у его героя. Который — будем называть вещи своими именами — просто стянул всю славу у своего «отца».

Начнём с того, что никакого Конан-Дойля на свете не существовало — всё это «лажа» первых русских переводчиков. А был ирландец по происхождению, родившийся в Шотландии (подобных парадоксов в судьбе будущего создателя Холмса хоть отбавляй!) в семье обедневшего клерка по фамилии Дойл. Сына родители назвали Артуром Игнатиусом Конаном. Главным из имён было как раз последнее: когда король Эдуард VII возведёт будущего писателя в рыцари и он получит завидную приставку «сэр» (за коей по правилам следует одно имя — без фамилии), называть его будут сэром Конаном. И никак иначе.

Но это случится позже, а начало никаких блистательных успехов не сулило. Отец бросил семью без средств к существованию, и его отпрыск, окончивший местную школу иезуитов, молодой здоровяк Конан Дойл (росту в нём было под два метра, а веса — более ста килограммов!) уже подумывал, не пойти ли рабо-

тать грузчиком. Но вместо этого поступил на медицинский факультет Эдинбургского университета по меркантильным соображениям: на полученный грант новоиспечённый студент смог содержать семью. А кроме того, профессия врача и в ту пору была делом надёжным, денежным.

В университете он серьёзно увлекался спортом и даже задумывался о профессиональной карьере футболиста и регбиста. Однако как раз профессиональный спорт в те годы больших денег не сулил, не то, что сейчас. Нужно было выбираться из нищеты, и Доил как следует налёг на медицину.

В университете же он сделал ещё одно неоценимое приобретение, даже два. Встреча с двумя незаурядными людьми — профессорами Беллом и Резерфордом перевернула его жизнь. Первый — высоколобый, с острыми чертами лица и неприятным высоким голосом — учил студентов наблюдательности и искусству дедукции. Второй — шумный, экспансивный, с чёрной «асирийской» бородой — заражал парадоксальными гипотезами и учил добиваться поставленной цели, чего бы это ни стоило. Наверное, нет нужды пояснять, что первый стал прототипом сыщика Шерлока Холмса, а второй — путешественника и вздорного учёного профессора Челленджера.

Потом была скучная врачебная практика в разных городах Англии, пока, наконец, молодой доктор Доил не осел в приморском Плимуте, где и начал писать — тоже для заработка. Вскоре, поддавшись романтике дальних плаваний, завербовался судовым медиком на китобойный корабль, отправлявшийся в суровые арктические широты. А спустя год — плавание в Африку...

К тому времени как началась война с бурами — это был последний год прошлого века — и доктор Артур Конан Доил отправился в Южную Африку по зову долга, он уже был известен всей Англии и далеко за её пределами. Но не как врач, а как «отец» Шерлока Холмса.

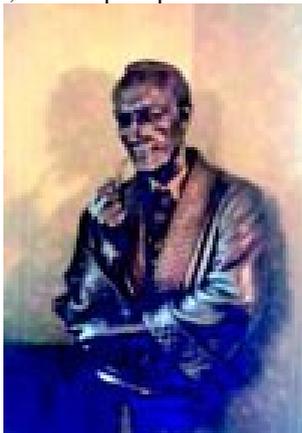
А вот за «сэра» писатель должен благодарить, вопреки общему заблуждению, вовсе не своё литературное чадо. Рыцарское звание ему принёс созданный на фронте походный госпиталь и яркие пропагандистские статьи, восхвалявшие доблести английских солдат. Иными словами, колонизаторов, которые беспощадно уничтожали даже не «чёрных дикарей», а таких же европейцев, переселенцев из Голландии — всего лишь возымевших наглость провозгласить независимость!

Ай-ай-ай, убили Холмса!

Что касается главного творения писателя, то Шерлок Холмс принёс ему не только огромные доходы и славу, но и массу неприятностей. А под конец жизни — почти болезненную ревность.

В 1887 году вышла первая повесть о Холмсе — «Этюд в багровых тонах». А с 1891-го популярный лондонский журнал «Стрэнд Мэгэзин» начал регулярно печатать рассказы о великом сыщике, и к Конану Дойлу пришла слава. Если бы к нему — к его творению!

Успех был грандиозен, Холмс стал любимым литературным героем сотен тысяч читателей, большинство из которых свято уверовало в то, что он реально существовал. Ему строчили письма по адресу: Лондон, Бейкер-стрит 221b...

А ведь Артур Конан Дойл написал ещё множество произведений («не про Холмса» — научную фантастику («Затерянный мир» и другие книги о профессоре Челленджере), исторические романы, рассказы о морских приключениях и о спорте. Причём в

литературном отношении они ничуть не уступали произведениям о сыщике. На склоне лет убеждённый атеист Дойл увлёкся... спиритизмом и прочей чертовщиной и в этой области стал всемирным авторитетом. Но читатель словно не желал ничего замечать.

Шерлок Холмс полностью подавил своего создателя, превратив того в слугу. И даже отчаянная попытка прикончить возомнившего о себе литературного героя руками профессора Мориарти, как известно, успеха не имели. Возмущённые читатели просто вынудили писателя воскресить Холмса.

Знаете, какую роль отвели в Каноне, как величают между собой фанаты собрание всех текстов доктора Ватсона, самому Конану Дойлу? Всего лишь литературного агента последнего!

За что так полюбили Шерлока Холмса — и по сей день загадка.

Да, умница, спору нет. Наблюдателен, одержим жаждой справедливости, законник до мозга костей. Способен на проявления благородства и сострадания: не брал денег с бедных, но жёстко требовал платы, когда клиент не вызывал симпатии и был способен заплатить.

Но давайте объективно взглянем на этот персонаж. Крайний эгоист, высокомерен, порой сварлив и мелочен. Поразительно нелюбопытен до всего, что не касается «дела» (не знал, кто такой Коперник!). Лишённый, насколько можно судить по запискам доктора Ватсона, самых элементарных человеческих привязанностей. А ещё эти морфий, кокаин, опиум (в те годы они были писком моды и не шокировали даже друга-доктора)! И подозрительно прохладное отношение Холмса к женскому полу, вызвавшее лавину специфических «исследований» на тему сексуальной ориентации великого сыщика.

Однако любим мы его, как говорится, не за это. Просто из всей компании таких же персонажей, детективов-романтиков,

подлинных виртуозов своего дела — Эркюль Пуаро, мисс Марпл, комиссар Мегрэ, не говоря уж о более приземлённых американцах, Ниро Вулфе и Перри Мейсоне, — Холмс был и остался первым.

А кроме того, для миллионов читателей неблагоприятный отпрыск Конана Дойла — это ещё и ностальгия по добрым старым временам, когда преступники рано или поздно садились на нары, когда можно было найти справедливость у благородного частного сыщика, а не у пришедших на смену коррумпированных «ментов» или «копов». И вообще, всё тогда казалось надёжным и стабильным, жизнь текла размеренно и была наполнена смыслом. И «Таймс» приносили точно к завтраку, и даму было принято пропускать вперёд, а негодяю не подавали руки, какое бы высокое положение в обществе он ни занимал.

Добавочную славу Холмсу — и снова автор оказался ни при чём — принесли кино и телевидение. Кто только не снимался в роли великого сыщика — боготворимые англичанами Бэзил Рэтбоун и Джереми Бретт, не говоря уж о единичных ролях Кристофера Ли, Питера Кушинга, Майкла Кэйна, Роджера Мура и десятках других актёров.

Ну а для нас непревзойдённым — единственным! — Шерлоком Холмсом остаётся, конечно, обаятельный Василий Ливанов. Хотя, что скрывать, своему герою он изрядно польстил.

Музей ворованной славы

Фото «русского Холмса» красуется на почётном месте в своеобразном зале славы — скромной квартирке на лондонской улице, название которой известно в мире едва ли не больше, чем Тауэр или Биг-Бен.

Музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, 221 был открыт в 1954 году — к 100-летию со дня рождения «хозяина» квартиры. Насчёт точной даты существуют расхождения, но на сегодняшний день дотошные «холмсоведы» вроде бы остановились на 6 января 1854 года. Хуже с конкретным адресом.

Улица Булочников — Бейкер-стрит — в Лондоне есть, это факт. Не такая она, кстати, и маленькая: тянется от Риджент-парка на северо-западе столицы (где расположена одноимённая станция метро — «Бейкер-стрит») почти до пересечения с одной из самых известных лондонских улиц — Оксфорд-стрит. А вот дома под номером 221b на Бейкер-стрит нет. И отродясь «не стояло».

Есть номер 221 безо всякого «бис». И хотя на стене современного здания с мраморным фасадом висит мемориальная доска, там расположен никакой не музей, а всего лишь офис крупнейшей страховой компании Abbey National. Долгие годы, кстати, именно сотрудники банка вынуждены были отвечать на тысячи писем, адресованных известно кому. А в 1981 году руководство его сообразило переименовать артезианскую скважину, находящуюся прямо под зданием банка, в «Холмсовскую». И теперь ежегодно продаётся полсотни тысяч бутылок минералки с портретом великого сыщика!

Зато скромный домик, на котором значится тот самый, известный читателям всего мира, номер, в реальности втиснут между домами 237 и 239. Почему именно там? Просто это единственное строение викторианской эпохи, сохранившееся на Бейкер-стрит. Где же, как не в нём, устраивать подобный музей! Что и было сделано в 1990-м.

Толпы туристов, посещающие сию лондонскую достопримечательность, и те, кто продолжают писать по этому адресу мистеру Шерлоку Холмсу, прекрасно осведомлены о том, что их

дурачат. Но, обнявшись при входе со скульптурным портретом хозяина для ритуального фото — можно даже натянуть на себя его плащ и знаменитую кепку, висящие в прихожей, — все с радостью карабкаются по скрипучей лестнице, считая вслух ступени.

Помните, как позорил Холмс своего ненаблюдательного друга и биографа доктора Ватсона? Так вот, в музее ровно 17 ступенек, ни больше, ни меньше.

И всё время экскурсии посетители не перестают подыгрывать женщине-экскурсоводу, которую и ныне, и присно будут величать, конечно же, миссис Хадсон!

Проходите, леди и джентльмены, сюда, пожалуйста. Это спальня мистера Холмса, а вот гостиная. Здесь любимое плетёное кресло великого детектива, а это — его коллекция трубок. Его личные вещи, на стенах и на письменном столе — галерея родственников и знакомых (да-да, это фото той самой Ирен Адлер). Библиотека мистера Холмса, скрипка Страдивари (интересно, настоящая?), орден Почётного легиона, которым мистера Холмса наградило правительство Франции, закрытый бар с напитками (который в те времена назывался почему-то «танталусом» — иначе говоря, «смертью» по-латыни). И чучело болотной гадюки в кабинете — тоже, разумеется, той самой, из «Пёстрой ленты». Наконец, лаборатория химика-любителя, в которой взгляд среди колб и реторт немедленно выхватывает специфические причиндалы для курения совсем не табака...

Что до табачка, то он, в полном соответствии с Каноном, припрятан в одной из турецких ночных туфель с загнутым но-

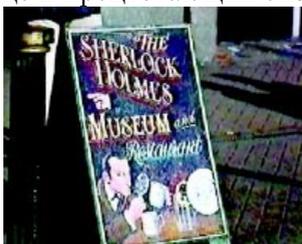
сом. В наличии и истёртая медвежья шкура на полу, и даже знаменитый патриотический вензель на стене: VR (Victoria Regina — королева Виктория). Леди и джентльмены, конечно, помнят, как мистер Холмс, впав в депрессию, упражнялся в меткости таким вот образом!

Игра, игра... И однако играют в неё безотказно абсолютно все — и стар и млад. Потому что перспектива лишиться одного из самых живучих и притягательных мифов, созданных писателями XX века, для поклонников Шерлока Холмса просто невыносима.

Экспонаты музея действительно впечатляют. Полная иллюзия того, что зашёл в обжитую квартиру, где всё сохранено в точности так же, как при прежних постояльцах. Везде благоговейная пыль и мерцающий свет керосиновых ламп. Разве что присланные со всего мира подарки мистеру Холмсу да полнейшая коллекция всех изданий о нём — сотни томов на разных языках, а также постеры и кадры из кинофильмов возвращают экскурсантов к реальности.

Сколько ж труда и энтузиазма потребовалось владельцам музея — супружеской чете выходцев с Ближнего Востока — чтобы восстановить на вполне современной улице Бейкер-стрит такой вот уголок доброй старой Англии!

Впрочем, это ещё и процветающий бизнес.

Плата за вход (6,50 фунтов — взрослый билет, 3 — детский) — лишь крючок с наживкой: внутри музея есть ещё магазинчик сувениров. Ну скажите, кто устоит перед соблазном купить на память кружку с узнаваемым профилем курильщика в кепке и надписью «Бейкер-стрит 221b»? Или саму эту неподражаемую клетчатую кепку — пусть старомодную, зато с тем же самым «лейблом».

Самое любопытное, что кепка такого фасона ни в одном из произведений Канона не упоминается ни разу — проверено! Как

и неподражаемое «элементарно, Ватсон!», кстати. Просто воображение одного из первых иллюстраторов Дойла, Стивена Пейджета, подсказало ему, что великий сыщик должен быть в кепке — и всё. С тех пор и пошло.

В магазинчике есть ещё и майки на любой вкус: с Холмсом, Мориарти, оскаленным чёрным псом с фосфоресцирующими глазами... Я же считаю, что вне конкуренции плюшевый медвежонок, вполне традиционный teddy-bear, но в соответствующем «прикиде»: пресловутая кепка, плащ-шинелька с модной в конце прошлого века пелериной. И трубочка в зубах!

Больница доктора Ватсона и «малина» Мориарти

Внизу, во внутреннем двореке, туристов ждёт уютный ресторанчик «У миссис Хадсон», где всегда полно народу. Он станет для нас отправным пунктом увлекательной пешей экскурсии по Лондону Шерлока Холмса.

Начинается она, впрочем, уже со станции метро. Все, кто побывал в лондонской Tube — «трубе» (так лондонцы без лишнего пиетета называют своё метро), вероятно, согласятся со мной: место это малопривлекательное. В отличие от московского, туда на экскурсии не водят. И, пожалуй, единственным исключением является как раз станция «Бейкер-стрит»: на выложенной мелкой светлой плиткой стене тоннеля взгляд сразу же наткнется на знакомый силуэт мужчины в кепке и с трубкой во рту. А тем, кто в спешке пропустил фирменную метку здешних мест, при выходе о ней деликатно напомнит недавно установленная статуя Холмса.

На Бейкер-стрит расположен и трёхзвёздный отель «Шерлок Холмс», в коем посетителя первым делом проведут в одноимённую гостиную — копию квартирки двумя кварталами раньше.

Далее наш путь — к отелю «Нортумберленд». Именно в нём, напомню, начались несчастья молодого сэра Генри Баскервилья: и башмак там у него украли, и угрожающую записку из

вырезанных газетных букв подбросили. Гостиница существует и поныне и расположена также неподалёку. И странно было бы не встретить под боком, в доме №10 по Нортумберленд-авеню ресторан и паб под легко угадываемым названием «Шерлок Холмс».

Между прочим, интерьер паба представляет собой продолжение экспозиции музея и связан как раз с тем реальным домом №221 по Бейкер-стрит, где расположен банк. Именно там в 1951 году, в рамках выставки, посвящённой викторианскому Лондону, была воссоздана знаменитая квартира, а когда по совету открыли музей, весь сохранившийся «реквизит» оптом скупил предприимчивый хозяин питейного заведения с подходящим названием.

Стены паба увешаны фотографиями (понятно, кого), а на стендах, под стеклом — его трубки, кепки, кружки, пистолеты. И меню вполне соответствующее.

Вот, на закуску можно выбрать «Шесть Наполеонов» (креветки, зажаренные на тостах, с соусом и салатом), на первое — фирменный суп-консоме «Знак четырёх». А что будем заказывать в качестве основного блюда? Предлагаются: «Стейк миссис Хадсон под соусом из грибов и пива», «Выбор Шерлока» (что бы это ни было, неужели кто-то откажется рискнуть!), «Клуб холостяков» (котлетки из ягнёнка под мятно-медовым соусом), «Союз рыжих» (нечто диетическое из помидоров и моркови), «Сэр Артур Конан Дойл» (вообще-то обыкновенный английский ростбиф с йоркширским пудингом; но хоть мэтра вспомнили, и то ладно), «Скандал в Богемии», «Мориарти»... Ну, ещё всякие десерты «от Ирен Адлер», домашняя выпечка «от миссис Хадсон»...

Ресторан недёшев даже по лондонским меркам. И всё равно места нужно заказывать заранее: для этого заведения проблемы пустующих столиков не существует. Как и для одноимённого паба на Норт-Камберленд-авеню рядом с Трафальгар-сквер: чтобы попасть в это популярное у туристов заведение, часто приходится выстаивать долгую очередь.

Ну а самых дотошных фанатов Холмса ждут ещё и «нора Мориарти» в неведомом мне зловещем районе старого Лондона (фото можно посмотреть в музее на Бейкер-стрит). И посещение больницы, в которой служил доктор Ватсон.

Если останется время, гид, может быть, и покажет вам ещё один старинный дом, где проживал некоторое время и содержал частную практику другой доктор — Конан Дойл. Там тоже имеется мемориальная доска — но и только.

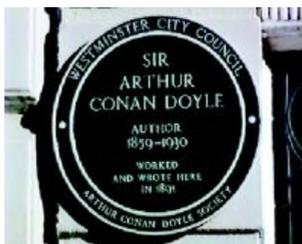
Всё ж не Шерлок Холмс — хватит и доски.

Миленький отдых на Гримпенских болотах

Как помнит читатель, великий сыщик часто покидал свою берлогу на Бейкер-стрит, чтобы расследовать преступления в самых отдалённых уголках Англии. И не её одной.

Страшные Гримпенские болота в Дартмуре, где пугала род Баскервилей чудовищная собака. Рейхенбахский водопад в Швейцарии — место последней смертельной схватки с профессором Мориарти. Следы Холмса можно найти на европейском континенте, на Ближнем Востоке, даже в Одессе, куда он был вызван в связи с покушением на петербургского градоначальника Трепова!

Обо всём этом преданные фанаты Холмса свято помнят. И даже завели в Интернете специальную web-страничку «Sherlock Holmed Atlas». Там можно найти все географические названия, упомянутые в Каноне, с подробной отсылкой к соответствующему месту в тексте.

Но и жители городов и весей, что «посетил» великий сыщик, тоже, оказывается, не теряли времени даром.

Ещё одна точная копия никогда не существовавшей квартиры на Бейкер-стрит находится в Манчестере. Там расположена крупнейшая британская телевизионная студия «Гранада», на

которой был снят сериал о Шерлоке Холмсе (его сыграл популярный актёр Джереми Бретт). Перед началом съёмок постановщики постарались воссоздать точную копию знаменитой квартиры и с этой целью раздобыли, где только смогли, множество подлинных викторианских антиков. И отныне посещение «квартиры Холмса» входит в стандартный экскурсионный тур по павильонам студии. Обойдётся это удовольствие в 11 фунтов, но желающих хоть отбавляй.

И в маленьком приморском городке Сифорд в Восточном Суссексе имеется свой отель под названием «Холмс-Лодж».

А вот никакой «гримпенской» трясины на карте Англии вы не отыщете, как и замка Баскервиль-Холл: это выдумки писателя. Но зато есть мрачные, наводящие тоску торфяные болота с развалинами каких-то доисторических построек, раскинувшиеся на многие десятки миль в Дартмуре, что в графстве Девоншир, — лучших декораций для той самой собаки не придумаешь!

Конан Дойл не раз бывал в тех местах, когда держал медицинскую практику в близлежащем Плимуте. И писал, можно сказать, с натуры. А сегодня популярный путеводитель приглашает туристов с крепкими нервами развеяться в маленькой сельской гостинице, название которой обнадёживает: «У собаки Баскервилей».

Фристайл над могилой Холмса

Всё равно что «массовый заплыв» на Чёрной речке. Кошунство да и только! Однако жители швейцарской курортной деревушки Мейринген, расположенной в Альпах всего в нескольких часах езды от Люцерна или Базеля, особенно не комплексуют, а с традиционной методичностью эксплуатируют свалившиеся на них блага.

Одно из них ниспослано Богом, другое — английским писателем. Первый создал близлежащие снежные вершины, настоящее царство горнолыжников — здесь однажды даже проходил чемпионат мира по фристайлу. А писатель побывал в этих местах в 1893 году. И, видимо, оказался настолько потрясён красотой расположенного поблизости Рейхенбахского водопада, что не нашёл ничего лучшего, как утопить в нём... Вы уже догадались кого.

Водопад, каскадами низвергающийся с 200-метровой высоты прямо в зелёных кущах, действительно красив. Но особую

прелесть этому чуду природы, к которому возносит туристов гондола подъёмника, придаёт посещение ещё одного чуда — рукотворного. Редкий турист, из какой бы страны он ни прибыл, не постоит минуту-другую в благоговейном молчании рядом с установленной на краю бездны бронзовой доской (не поленились же втащить её на вершину какие-то норвежцы-фанаты!):

«Это место над бурлящим водяным котлом стало свидетелем кульминации карьеры Шерлока Холмса, величайшего сыщика всех времён. Здесь, 4 мая 1891 года он победил профессора Мориарти — Наполеона преступного мира».

Жители Мейрингена благодарны за дополнительную рекламу обоим — и Холмсу, и его создателю. Об этом говорит и неизбежный в подобном месте очередной музей великого сыщика. Он создан по проекту английских архитекторов Джона и Сильвии Рейд и размещился в одной из пристроек местной англиканской церкви. И популярный в здешних краях трёхзвездный отель «Шерлок Холмс» на Alpbachallee, 3. И трогательная, какая-то даже «домашняя» статуя детектива: он словно присел отдохнуть прямо на газончике посреди сквера, название коему — площадь Конана Дойла.

А среди поклонников Холмса ходила легенда, что неподалёку, в Люцерне, существовала ещё одна реконструкция знаменитой квартиры с Бейкер-стрит! Её будто бы создал покойный сын писателя Адриан Конан Дойл, унаследовавший от отца не только титул, но и второе имя. Сын действительно снимал в качестве резиденции один из местных замков. Но была ли в нём «маленькая Бейкер-стрит», проверить, к сожалению, не удалось.

Однако даже если таковая существовала, то прихоть владельца замка представляется более чем странной. Ведь известно, что Дойл-сын ненавидел «узурпатора», укравшего всю славу у его семьи, даже больше, чем Дойл-пэр.

Микки Холмс

Ну ладно, Бейкер-стрит в Люцерне или в маленьком датском городке Nykobing Sjaelland (даже не представляю, как это произносится!), где местные фанаты именно так решили «декорировать» магазин детективной литературы, хоть как-то объяснимы. Всё же Европа, которую Холмс извездил основательно.

Но вот памятные «холмсовские места» на североамериканском континенте, на мой взгляд, — явный перебор. Никогда, ес-

ли судить по запискам доктора Ватсона, великий сыщик не выбрался в Новый Свет. Однако туда оперативно добралась его слава...

Итак, загибайте пальцы.

Во-первых, это целая сеть пабов «Шерлок Холмс» (на сегодняшний день открыто уже 4 таких заведения) в канадском городе Эдмонтоне (провинция Альберта). Правда, канадцы всё-таки не теряют связей с бывшей метрополией, во всяком случае желающих посидеть в настоящем «родном» пабе в англоязычной Канаде хватало всегда.

Но и в Штатах, оказывается, фанатов Холмса не меньше.

На Западном побережье рестораны-бары «Шерлок Холмс» можно отыскать в Сиэтле (штат Вашингтон) и в маленьком городке творческой богемы Кармеле, расположенном южнее Сан-Франциско. А отель, названный точно так же, встречает туристов в городе Колтервилле, что прямо на выезде из Йосемитского национального парка. Есть своя Гостиная Шерлока Холмса и в Сан-Франциско — на 30-м этаже отеля «Холидей Инн» на Юнион-сквер. И в отеле «Хартман Хаус Инн», что в городе Ангола (штат Индиана), где к услугам литературно продвинутых туристов специальный номер «Спальня Шерлока Холмса». По соседству со «Спальной Агаты Кристи».

Далее, в Юнион-Сити (штат Мичиган) находится уютная гостиница «Викториан Вилла», занимающая старинный особняк, построенный ещё в 1890 году. Там по субботам устраиваются тематические вечера, посвящённые великому сыщику, на которых посетителям предлагается самостоятельно раскрыть какое-нибудь запутанное преступление!

Есть ещё отель в столичном Вашингтоне, паб в Нэшвилле (штат Теннесси) и ещё два паба в штате Нью-Йорк. Названия первых двух я не сообщаю, чтобы не повторяться, а вот две последние пивные названы пооригинальнее: в городе Трое это «Холмс и Ватсон», а в Саратоге-Спринге — «У профессора Мориарти».

И наконец, финиш. Которая уж по счёту гостиная с Бейкер-стрит, на сей раз в ресторане «Баскервиль» курортного отеля «Гросвенор» в Орландо.

Казалось бы, солнечная душная Флорида — что может быть дальше (во всех смыслах) от туманного, промозглого Лон-

дона? Единственное оправдание — расположенный под боком развлекательный комплекс Диснейуорлд. Интересно, догадаются ли владельцы ресторана установить при входе фигурку знаменитого диснеевского мышонка, обряженного в не менее знаменитую клетчатую кепку и с трубочкой в руке? А что, Микки Холмс — неплохая идея.

Но вот назвать паб именем Мориарти... Хотя идея-то, если подумать, козырная.

Кто, скажите на милость, попав в Орландо или в эту Саратогу-Спрингс, откажет себе в удовольствии пропустить стаканчик-другой в заведении со злодейской рожей на вывеске! Где ещё вам предложат такие, к примеру, фирменные смеси (читаю меню): «Баскервиль» (светлый и тёмный ром, банановый ликёр, лимонный и ананасовый соки, а сверху снова крепчайший ром), «Промозглая Бейкер-стрит» (шоколадный ликёр, анисовая водка, крепкий охлаждённый кофе, лёд, сверху ванильное мороженое) или «Кровавый пёс» (джин, вермут, размятая клубника)?

Только «У профессора Мориарти». Элементарно, Ватсон!

Кажется, не хватает ещё одной — финальной — точки в этом затянувшемся кругосветном романе-путешествии, который мог бы, но не успел написать Артур Конан Дойл.

Так что он там насчёт Одессы? Одесситы, как известно, народ живой, впечатлительный и лёгкий на подъём. И к великим визитёрам относится бережно и уважительно. Остап Ибрагимович, «Саша Пушкин», который «тем и знаменит, что здесь он вспомнил чудного мгновенья»... Не хватает только ещё одного музея — таки ясно, кого — рядом с Дюком! И пивной «У Шерлока на Дерibasовской».

А сколько там ступенек на Потёмкинской, великий сыщик, побывав в Одессе, наверняка запомнил назубок.

Линор Горалик

Шестёрка мирового масштаба ¹⁰

Доктор Ватсон.

Артур Конан Дойл, «Записки о Шерлоке Холмсе»

— Холмс, почему мы мочимся рядом,
однако я слышу звук лишь одной падающей струи?

— Элементарно, Ватсон!

Вы забыли растянуть ширинку!

Школьный анекдот

Если миссис Ватсон хотела быть по-настоящему хорошей женой и хорошей любовницей своему супругу, ей стоило приобрести пару виниловых сапог на высоченных шпильках, семихвостую плетёную и кожаные наручники. Или, с поправкой на время и место действия, тяжёлую деревянную линейку, монашеский чепец и горох, на который школьников ставили в углу на колени.

Современник Леопольда Захера-Мазоха, Ватсон находит явное наслаждение для себя в той отвратительной, надменной и бестактной манере, в которой с ним общается Холмс. Очень важно то, что верный доктор не просто во всём потакает своему «гениальному другу» и не просто терпеливо сносит его язвительные комментарии в адрес своих умственных способностей, — он радостно и охотно подставляется, с удовольствием провоцирует сыщика на фразы, наподобие: «Ватсон, Ваше утверждение неверно, как и вся Ваша аргументация», «Браво, Ватсон! Вы делаете успехи! Правда, Вы упустили абсолютно все значимые детали, но Вы явно мыслите лучше, чем когда-то», «Вы поступили очень глупо, Ватсон! Вы допустили все возможные ошибки и испортили абсолютно всё, что могли!..» Каждый раз, когда Холмс задаёт каверзный вопрос, Ватсон знает, что ему стоило бы помалкивать в тряпочку, но всё равно лезет давать свой постыдно-

¹⁰ Эта статья — десятая из серии заметок Линор Горалик «Вторые роли», цикла, посвящённого литературным героям «второго плана». На этот раз герой статьи — доктор Ватсон, бессменный спутник Великого Сыщика.

наивный ответ, чтобы быть немедленно разгромленным в пух и прах.

Можно, конечно, предположить, что Ватсоном движет любопытство исследователя: он тычет в Холмса своими глупыми фразами, как прутиком в слизня, и пристально изучает выделившуюся секрецию. Но вряд ли существует исследователь, который способен долго продолжать эксперимент, если слизень после каждого тычка раздражается презрительной тирадой в адрес мучителя. Здесь мало исследовательского любопытства, здесь должно быть ещё и какое-то совершенно особое отношение к своему мучителю, отношение, не очень вписывающееся в рамки обычного статуса «помощник гения». Этот тезис становится тем более очевидным, если учесть, что Ватсон не мальчишка, не тупица и не ничтожество: он женатый человек, врач с богатой практикой, он прекрасно образован, он бывший атлет, он военный, он успешно играет на бирже... Человек такого склада редко склонен к тому, чтобы им постоянно помыкали только ради возможности писать рассказы о великих открытиях своего кумира. Кстати, к рассказам Ватсона Холмс относится как к неизбежному злу, как к занятию человека, которому нечем себя занять...

Почему же эти отношения возможны? Почему восторг и преклонение Ватсона никогда не сменяются раздражением? Почему Ватсон не испытывает здорового чувства зависти? Почему ему не мешает роль мальчика для битья, на котором великий сыщик оттачивает свои знаменитые приёмы?

Мне хочется сказать: «Дедукция, мои друзья, дедукция». Чем больше я думаю об этой паре (динамической паре, а?), тем сильнее мне кажется, что всё дело здесь в очень необычной любви. Доктор Ватсон, начинаю думать я, любил Шерлока Холмса, как самого себя. Самого себя любил в Шерлоке Холмсе доктор Ватсон... И тогда у меня начинает возникать странная, немного дикая, но зато очень нескучная версия: а был ли Холмс?

Представим вот что: Лондон, век девятнадцатый, начало. В семье мистера Ватсона, эсквайра, и миссис Ватсон, его почтенной супруги, рождается сын Джеймс. Отличаясь с рождения незаурядными аналитическими способностями и нечеловеческим любопытством, Джеймс уже в юном возрасте оказывается способным свести окружающих с ума своими дотошными расследованиями домашних происшествий и тем, что от несносного маль-

чишки совершенно ничего невозможно скрыть. Скандал следует за скандалом, наконец, когда дело доходит до истории с обручальным кольцом тётушки Анетты, юный Ватсон получает основательнейшую порку, сопровождаемую строжайшим запретом вынюхивать, высматривать и совать нос в чужие дела. Джеймс усваивает урок, однако страсть к аналитическим задачам растёт вместе с юношей. Её, эту страсть, не удовлетворяют ни головоломки из «Панча», ни чтение отвратительных для его пронизательного ума детективов, ни игра в шарады, — ничего, кроме чтения криминальной хроники и вылазок из дома под любым предлогом, чтобы, переодевшись до неузнаваемости, часами бродить по тем частям Лондона, при одном упоминании о которых у его матери сделалась бы мигрень. Юного Ватсона терзает раздражение в адрес медлительной, тупоголовой, лишённой воображения лондонской полиции; раскрыв десятки преступлений, он вынужден сохранять тайну и изо дня в день читать о том, как неповоротливые следователи Скотланд-Ярда отправляют в тюрьмы или на виселицы невиновных, в то время как негодяи продолжают преследовать новых жертв. Наконец решение зреет: Ватсон сообщает близким о своём желании стать военным врачом. В этой карьере Ватсон, прежде всего, видит возможность длительных отлучек без необходимости портить отношения с близкими. К тому же он чётко понимает, что знания анатомии, биологии, химии, медицины, психологии и психиатрии жизненно необходимы ему как сыщику. Всё складывается как нельзя более удачно, и молодой человек, наконец, покидает дом, отправляясь учиться в колледж. Через несколько месяцев Англия начинает говорить о великом и ужасном сыщике, грозе преступников мистере Шерлоке Холмсе.

О том, что доктор Ватсон и Шерлок Холмс — одно и то же лицо, знают очень немногие. Ватсон умеет хранить тайны своих клиентов, в том числе и полиции, — и клиенты, конечно же, отвечают ему тем же, помалкивая о небольших неточностях в записках, которые Ватсон публикует под своим настоящим именем. Он наслаждается, создавая Доктора Ватсона — литературного героя, глупого, наивного, трогательно преданного доктора Ватсона, правую руку и верного пса великого Шерлока Холмса. Этот Ватсон, бумажный Ватсон, — именно таков, каким хотели бы видеть доктора его близкие: недалёкий, но честный, благо-

родный, крайне положительный человек. Он не курит опиума, не возится с сомнительными пробирками, не водит дружбы с отребьем и не занимает семейный сервант коллекцией орудий убийства. На протяжении долгих-долгих лет Ватсон морочит голову всему миру, держа для виду несложную практику и постоянно пропадая в отлучках ради содействия Холмсу. Даже его жена относится к его страсти сочувственно — благородное хобби любимого мужа трогает её даже больше, чем гонорары от лондонских журналов за многочисленные публикации «избранных дел из практики великого сыщика»...

Такая вот версия. С другой стороны, если придерживаться традиционного взгляда на вещи, то можно написать ещё один рассказ (благо, последователей и подражателей у Холмса немеряно, но это отдельная тема) — «Мечь доктора Ватсона». И вот там уже оттянуться...

август 2000

Михаил Гуревич Happy Birthday, Mr Holmes!

Мистер Шерлок Холмс родился 6 января 1854 года. Сам Артур Конан Дойль, правда, никогда не называл этой даты, да и вообще не особенно прописывал биографию своего самого знаменитого героя. Это сделали другие — среди многочисленной армии восторженных поклонников и автора, и персонажа есть немало энтузиастов, воссоздающих «Мир Шерлока Холмса» буквально по крупицам. И без дедуктивного метода здесь не обойтись.

Если год рождения высчитывается довольно просто — год указан в рассказе «Его прощальный поклон», — то с числом пришлось потрудиться. Решение оказалось весьма оригинальным, изящным и остроумным. Мистер Холмс в «Пустом доме» и «Алом кольце» цитирует шекспировскую «Двенадцатую ночь».

Если человек, не высказывавший интереса к изящной словесности, предпочитая чтению химические опыты, аж целых два раза обращается к одному и тому же литературному произведению, то и датой рождения первого «сыщика-консультанта» стали считать именно двенадцатую ночь после Рождества — то есть 6 января.

Вообще энтузиасты «холмсоведения» разобрали всё написанное о гениальном детективе не то что по словам — по буквам. Определено, например, что самое распространённое женское имя — Вайолет. Что расследования чаще всего начинались в пятницу, а реже всего — в воскресенье.

Кстати говоря, совсем скоро можно будет отметить ещё один знаменательный юбилей — сто двадцать лет знакомства Шерлока Холмса и доктора Ватсона и их первого совместного дела, получившего известность как «Этюд в багровых тонах». А вот крылатой фразы «Элементарно, Ватсон!» Холмс не говорил. «Элементарно» — да, «мой дорогой Ватсон» — бессчётно. А вот всё вместе — никогда. Это уже от актёров пошло.

Между прочим, по числу снятых кинокартин Шерлок Холмс среди прочих литературных героев пальму первенства удерживает прочно.

06.01.2001

Игорь Иртеньев

Элементарный Холмс ¹¹

Днём его литературного рождения следует считать дату публикации рассказа «Этюд в багровых тонах». Так что появился он на свет 1 декабря 1887 года, причём сразу будучи двадцати с лишним лет от роду. Между тем кажется, что загадочный этот именинник существовал всегда. Как Биг Бен, Вестминстер, вокзал Чарринг-Кросс, как залитературенный до дыр пресловутый смог.

Высокий, худой, с орлиным носом и длинными тонкими пальцами, постоянно перепачканными в чернилах и химикалиях. Понятное дело, трубка. В редкие минуты отдохновения скрипка, полуприкрытые веки, нервно подрагивающие ноздри... Это вам не майор Пронин. Рядом неизменный друг. Честный, преданный, слегка мудаковатый добряк. Элементарно, Ватсон! Отлично, Холмс! Жутко любил нехитрые трюки с переодеванием. Накладная борода, лохмотья угольщика, матросская блуза, кажется, появлялся и в женском обличе. Точно не поручусь, но, по идее, должен был. Боже праведный, Холмс, это вы! В ответ тихий самодовольный смешок. Жёлтая толстая книжка легендарной серии «Библиотека приключений». Днём на коленях под партой, ночью с фонариком под одеялом.

Тот же плоский, болотного цвета, сзади крышечка, фонарик, привезённый родителями в подарок из летнего путешествия в Таллин, освещает кирпичную кладку подвала. Наверху яркий советский день, перерытая Марксистская, по которой прокладывают трамвайную линию. Здесь тишина, пьянящий аромат засохших экскрементов, битое стекло, сзади напряжённо дышит в спину стриженный налысо Вовка Дворянкин по прозвищу Лимон. Как бы Ватсон. Сегодня его очередь. А банкую я. Ищем секретный немецкий клад, возможно, впрочем, американский. Откуда ему взяться в Москве, не обсуждается. Шпионы повсюду. Да что далеко ходить, когда родной отец что-то постоянно строчит по ночам, скрючившись за письменным столом. Ага, диссертацию, как же.

Дураков нет. А ручка паркеровская у вас, гражданин, откуда?

И опять книжка. Волшебные названия, изнуряющие селезёнку мятым холодком: «Голубой карбункул», «Тайна Боскомской доли-

¹¹ *Gazeta.Ru om 01.12.2000, 16:45.*

ны», «Берилловая диадема», «Пляшущие человечки», «Чёрный Питер», в десятичном издании 1993 года трогательно именуемый «Чёрным свитером». Тех же, примерно, циничных времён, хотя, нет, много раньше, анекдот. Шерлок Холмс и доктор Ватсон отливают на набережной Темзы. «Не правда ли, Холмс, вода сегодня холодная?» — «Да и дно каменистое».

Но это жизнь спустя, а пока всё по-честному, взахлёб, без импотентской этой иронии. Страшный, выбивающий почву из-под ног рассказ «Последнее дело Холмса». С каких дел последнее?! Почему?! Да потому, что нашёлся наконец на хитрую жопу хрен с винтом.

«Бывший профессор Мориарти, знаменитый математик, Наполеон преступного мира...», понял, Лимон, «...он организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в нашем городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них». А ты: «Отец убьёт, отец убьёт...» Нужен ты кому...

Двум гениям оказалось тесно на одной земле. Сойдясь на каменистой тропе в Альпах, сжав друг друга в смертельных объятиях, они рухнули в бездну, к великой радости автора и безутешному горю несчастного доктора. Впрочем, наивный Конан Дойль напрасно потирал руки. Широкая читательская общественность потребовала убийцу к ответу, и ему, стиснув зубы, пришлось откачивать опостылевшего героя. В рассказе «Пустой дом» Холмс появляется вновь, навешав доверчивому Ватсону шитую белыми нитками лапшу по поводу своего чудесного спасения. И понеслось.

Великий, картонный, элементарный Холмс, радость и проклятие нашей с Артуром жизни! Объевишись твоей скрипкой, трубкой и дедуктивным методом, натрясшись с тобой в кебе по лондонским мостовым, вдосталь наобщавшись с твоей пёстрой, подозрительной клиентурой, я проскочил мимо золотого викторианского века английской литературы, мимо Диккенса, Голсуорси и Теккерея, кто там у них ещё. Своими узкими плечами ты напрочь заслонил мне толстого Пиквика, за что меня по сей день молчаливо презирает жена. Когда я стану старым и немощным, я, возможно, постараюсь исправить эту трагическую ошибку. Но не сейчас, не сейчас.

Юлий Кагарлицкий

Нерегулярные полицейские части Бейкер-стрит

Публикуемый текст является отрывком из подробной, насыщенной богатым фактическим материалом книги о сэре Артуре Конан-Дойле и, в частности, о его соотнесённости со своим наиболее знаменитым детищем — Шерлоком Холмсом. Написал эту книгу русский литературовед, доктор филологических наук, вице-президент Уэллсовского общества (Англия), лауреат американской премии «Пилигрим», присуждаемой за заслуги в области научной фантастики, Юлий Кагарлицкий. Мы признательны Юлию Иосифовичу за разрешение ознакомиться с рукописью и хотя бы в минимальной степени познакомиться наших читателей с его работой.

Герой Конан Дойля крепко внедрился в сознание очень многих.

Нетрудно понять поэтому истоки своеобразного культа Шерлока Холмса, процветающего уже много лет. Об этом сыщике написано, пожалуй, больше, чем о любом другом литературном герое. Да и говорено никак не меньше.

Первый шаг к признанию Шерлока Холмса реальным лицом сделал, кажется, сам Конан Дойль, причём не просто в качестве писателя. Он подарил Пейдженту (иллюстратор рассказов о Великом Сыщике. — *Ред.*) серебряный портсигар, на котором было выгравировано «Мистеру Пейдженту от Шерлока Холмса».

Сейчас известны несколько шерлоко-холмсианских обществ, таких, например, как «Нерегулярные полицейские части Бейкер-стрит» в Лондоне, которое издаёт свой журнал, участвует в скачках (в память о рассказе Конан Дойля «Серебряный») и устраивает 6 января ежегодные обеды в предполагаемый день рождения Шерлока Холмса. Почти одновременно с лондонским появилось нью-йоркское общество с таким же названием. Эти два общества, основанные в 1934 году, четыре года спустя после смерти Конан Дойля, были первыми из ста пятидесяти подобных обществ, возникших вслед за ними. Наиболее заметные из них, просуществовавшие два года (1934-36), — Лондонское шерлоко-холмсианское общество и Датское шерлоко-холмсианское общество. Правда, преуспели далеко не все эти общества. «Нерегу-

лярные полицейские части» насчитывают сто семьдесят пять членов и имеют влиятельных спонсоров. Зато в общество «Одинокая велосипедистка» (тоже по названию одного из рассказов Конан Дойля) кроме её основательницы, американки Елены Югасовой, вообще никто не вступил. Елена Югасова так и осталась в заявленном ею одиночестве.

В журнале «Нерегулярных частей» Шерлок Холмс всегда трактуется как живой человек. У него, например, взяли интервью по поводу знаменитого ограбления поезда — «ограбления века». Ну а что касается его положения в обществе, то здесь у авторов журнала нет никаких сомнений. Конан Дойль, если он вообще имел какое-то отношение к своему герою, в чём многие сомневаются, злонамеренно принизил его. В статье Джона Болла, опубликованной в этом журнале в его раннюю пору, в октябре 1955 года, доказывается, например, что Шерлок Холмс не был частным лицом. Он тайно исполнял поручения королевы и пользовался соответствующими привилегиями.

Вообще, по мнению «Нерегулярных частей», Конан Дойль был не более чем литературным агентом, пристраивавшим рассказы и повести доктора Уотсона. Два рассказа, считают они, впрочем, написал Шерлок Холмс, а один — старший брат Шерлока Холмса Майкрофт Холмс. Конан Дойль, правда, тоже обладал некоторыми литературными способностями и написал рассказ «Камень Мазарини». Второй раз он покусился на славу доктора Уотсона, написав вторую часть «Этюда в багровых тонах». Что его отличало, так это полное отсутствие самостоятельности. Он не был человеком творческим.

Эта жалкая личность, разумеется, не заслужила большой славы, и поэтому на ежегодных обедах «нерегуляров» имя сэра Артура редко упоминается. Предпочтение отдаётся Шерлоку Холмсу, доктору Уотсону, миссис Хадсон и даже предполагаемой второй жене доктора Уотсона. Гост во славу Конан Дойля вообще никогда на этих обедах не был произнесён.

«Нерегуляры» — одно из самых известных обществ английских чудаков, но в их преданности если не Конан Дойлю, то, во всяком случае, Шерлоку Холмсу не приходится сомневаться. Что касается простого английского читателя, то он никогда ни Шерлоку Холмсу, ни Конан Дойлю не изменял. Когда в одном из самых известных лондонских магазинов была проведена соответ-

ствующая анкета, то выяснилось, что каждый второй покупатель спрашивает Шерлока Холмса (прежде всего «Собаку Баскервилей»), причём половине из них приходится отказывать — всё распродано.

С американским читателем дело обстоит сходным образом. После выхода «Собаки Баскервилей» «Нью-Йорк Сан» рассказал о человеке, который был так увлечён книгой, что, читая её в метро, не мог оторваться и выйти на поверхность — так и ездил из конца в конец. Ещё упоминалось о женихе и невесте, пропустивших свадьбу, — слишком уж увлекательная книга была у каждого из них в руках.

Таким же был успех по всему миру. Турецкий султан просил сообщить Конан Дойлю, что он с удовольствием читает его книги. В 1895 году (отметим столетие! — *Ред.*) итальянский король наградил писателя орденом итальянской короны.

Признание заслуг великого детектива приходило иногда с самых неожиданных сторон. 18 марта 1927 года служба движения лондонской железной дороги приняла решение присвоить двадцати паровозам имена наиболее выдающихся земляков. Среди них были Бенджамин Дизраэли, великая трагическая актриса Сара Сиддонс, великий физик Майкл Фарадей, сэр Кристофер Рен, замечательный архитектор, отстраивавший Лондон после пожара 1660 года, Оливер Кромвель, лорд Байрон, ещё один писатель — Оливер Голдсмит, мэр Лондона Дик Уиттингтон, сделавшийся героем народной легенды, первая сестра милосердия Флоренс Найтингел и другие. Восьмым номером в этом весьма представительном списке числился Шерлок Холмс, причём никто не задумывался о том, что на этот раз речь идёт всё-таки не о реальном лице, а о литературном герое. К каждому из мемориальных паровозов была прикреплена соответствующая табличка, и паровоз «Шерлок Холмс» не составил в этом смысле исключения. Так он и ходил до сентября 1951 года, когда во время ремонта табличка была утеряна. Для почитателей Шерлока Холмса это был ужасный удар, и Лондонское общество Шерлока Холмса изготовило за свой счёт подобную табличку, добилось того, что её снова прикрепили к паровозу и сняли только в январе 1962 года, когда этот заслуженный образец техники прошлого века пошёл на переплавку.

Потребность видеть в Шерлоке Холмсе реальное лицо не раз приводила к своеобразным курьёзам. Так, в весьма солидном ежемесячнике «Нью Стейтсмен», издаваемом Фабианским обществом, появилась в номере от 5 октября 1929 года статья А. Дж. Макдонелла «Правда о профессоре Мориарти». Автор долго занимался вопросом о периоде наибольшей умственной активности разных выдающихся личностей, но попутно для него встал и вопрос о периодах умственной стагнации. Не следовало ли отсюда, что Шерлок Холмс выдумал весь эпизод с неизвестно откуда взявшимся профессором Мориарти (в предыдущих рассказах он не упоминается, и это наводит на мысль, что и самого этого персонажа никогда на свете не было), дабы уйти с глаз доктора Уотсона на период своей умственной стагнации?

Карина Карева Исчадия ада

Существовала ли на самом деле собака Баскервильей?

Приметы, предвещающие приближение смерти, существуют в каждой стране. Иногда они совпадают у совсем разных, обитающих далеко друг от друга, народов, иногда просто напоминают одна другую, но чаще всего отличаются очень сильно. Поэтому совершенно необъясним тот факт, что только одна из них — примета, связанная с призраком чёрной собаки или стаи собак, — встречается повсеместно: от островной Великобритании до континентальной России.

Какой-то почти реалистический, но не потерявший своей мистичности ужас заключён в псе — предвестнике смерти.

Кто, например, не обмирал от ужаса, читая знаменитую «Собаку Баскервильей», причём обмирал независимо от возраста, в котором эта книга попадала в руки? Между тем Артур Конан Дойл, если верить его дневнику, списал внешность своей «героини» с натуры! И всю жизнь считал, что в живых ему после встречи с этим исчадием ада удалось остаться только потому, что видел он чудовище издали...

В разных частях Британских островов её называли по-разному: в Норфолке — Чёрная Раковина, в Ланкашире — Крикун, в Йоркшире — Бродяга. Однако все описания призрака совпадали полностью: огромная, лохматая, чёрная, как ночь, собака с большими, как блюдца, глазами, светящимися в темноте

красным светом. Считалось, что это призрак собаки Одина — норвежского бога войны. Встречали жуткого пса и на болотах (как это произошло с Конан Дойлом), и на морском побережье, и в центральных графствах. Часто зверь рыскал ночами по полю, и горе тем запоздалым путникам, которым доводилось столкнуться с ним. Заворожённый мутным взглядом призрака человек замирал, а пёс, постепенно увеличиваясь в размерах и становясь ростом с быка, одновременно растворялся во тьме...

Как правило, после такой встречи дни несчастного были сочтены. Так что знаменитому писателю и впрямь повезло, поскольку как раз такую сцену (столкновение с чудовищем запоздавшего фермера) он и наблюдал однажды около полуночи возле мрачных Йоркширских болот — в точности как и описал позже в «Собаке Баскервилей».

Но самым страшным, самым необратимым было, если ночному путнику встречалась не одна собака, а целая стая: именно такой вариант пророчества смерти фигурирует в знаменитом фильме «Омен». И вполне уместно, потому что стаей страшные псы выходили в ночную тьму исключительно под предводительством самого Сатаны.

Как-то около века назад (об этом свидетельствует запись в церковно-приходской книге) загулявший на Уайдкомбской ярмарке девонширский фермер возвращался домой после полуночи. То ли потому, что он выпил слишком много эля, то ли потому, что разыгралась гроза и внезапно стало холодно, дорога домой тянулась медленно. Нахлобучив шляпу почти на самые глаза, крестьянин тащился сквозь дождь и ветер верхом на лошади, едва разбирая дорогу. Вдруг животное резко остановилось.

Сдвинув шляпу, фермер увидел, что лошадь окружена стаей свирепых чёрных псов. А прямо перед ним на чёрном, как уголь, коне восседал охотник, тоже одетый во всё чёрное. Лицо его пряталось под широкими полями шляпы, а к седлу были подвешены туши убитых зверей.

Всё ещё не потеряв весёлости, фермер рассмеялся: «Эй, охотник, поделись своей добычей!» Чёрный всадник, взглянув свысока, снял одну тушу, замотанную в тряпку, и кинул крестьянину. Затем повернул коня и ускакал во тьму.

Фермер открыл неожиданный подарок и чуть не свалился с коня: в свете молнии ему показалось, что там лежало тело его

маленького сына. Но спустя мгновение он не обнаружил ничего, кроме своих трясущихся рук.

Моментально протрезвев, крестьянин пришпорил лошадь и весь оставшийся путь гнал галопом, что было сил. Едва он приблизился к дому, как навстречу ему с рыданиями выбежала жена: на руках у женщины лежало безжизненное тело малыша...

Покинем теперь мрачные просторы туманного Альбиона и переместимся на более привычные — российские. Судя по всему, для настоящих исчадий ада, независимо от географических широт, наиболее привлекательны болотистые местности. Именно огромные, нетронутые торфяники объединяют несколько глухих деревушек на самом краю Рязанской губернии. Расположены они друг от друга достаточно далеко, единственное сообщение — автобусное — осуществляется два раза в неделю, да и то если водитель не заболел или не запил. Он, этот одинокий и запущенный дядя Иван, — единственный, кто соглашается работать на упомянутой линии, причём от явного безразличия к собственной жизни. Потому что вся округа знает о Псе Дьявола, уже более двухсот лет обитающем на этих торфяниках... Если в полнолуние с болот слышен его душераздирающий, морозящий кожу вой, можно с полной уверенностью ожидать, что в течение семи дней кто-то из услышавших его умрёт. Местные крестьяне уверяют, что предвестник смерти в облике огромного чёрного пса, которого периодически видят запоздалые деревенские гуляки на торфяниках, не ошибся за пролетевшие века ни разу... Один его вид и светящиеся красноватым дьявольским светом глаза мгновенно отрезвляют любого пьяницу, повстречавшегося с этим кошмаром.

В одной из деревень мне поведали такую историю, случившуюся в 1946 году. Некто из деревенских, сумевший вернуться домой целым и невредимым, никак не мог остановиться, несколько месяцев подряд отмечая своё возвращение с войны. В итоге, как любому долго пьющему человеку, ему и море стало по колено: он всё время твердил о своей неуязвимости и храбрости. Однажды среди ночи с торфяников донёсся зловещий вой. Все присутствующие на очередной пьяной гулянке тут же притихли, со страхом переглядываясь и потеряв всякий вкус к веселью. Не испугался только наш герой войны, начавший подтрунивать над собутыльниками. А чтобы не быть голословным, заявил, что сейчас же встанет и отправится на болота, чтобы «плюнуть Сатане в

морду». И, несмотря на уговоры более суеверных собутыльников, действительно пошёл... Прождали его долго, и лишь к утру двое самых смелых мужиков двинулись к окраине поглядеть, не возвращается ли храбрец. Хмель к тому моменту как-то повыветрился, поэтому позже никто из деревенских не сомневался, что мужики говорят правду, будто видели мелькнувший в предрасветной мгле силуэт огромной чёрной собаки. И никто не удивился, когда, после восхода отправившись на поиски, вблизи торфяника обнаружили бездыханное тело смельчака.

Никаких следов насилия, как принято говорить в таких случаях, на теле не было: только гримаса неопишемого ужаса, застывшая на мёртвом лице. Позже, в райцентре, куда увезли труп несчастного, доктора констатировали смерть от внезапной остановки сердца.

Наконец, последний случай (пожалуй, самый необычный) связан с центральным кладбищем Новосибирска, находящимся не в центре, а далеко от города. Необычен он тем, что здесь призрак дьявольского чёрного пса появляется не только ночью, но вообще в любое время суток. Необычен, если можно так выразиться, и сам принцип, по которому уже лет 70-80 возникает сатанинская собака.

Дело в том, что огромный чёрный пёс с горящими злобой глазами появляется на могилах людей, которые при жизни, мягко говоря, не отличались склонностью к добродетелям... Подходя к такой могиле, близкие умершего обнаруживают это порождение преисподней... разрывающим могилу! Видение длится несколько секунд, реально захоронение остаётся нетронутым. Но ещё ни разу случившееся не было понято неправильно: родные покойного немедленно бегут в ближайший храм заказывать специальные службы за упокой души своего явно тяжело согрешившего при жизни родственника...

Конечно, здесь можно было бы вспомнить ещё множество подобных поверий, легенд и доказанных документально случаев, не говоря о ярких литературных примерах. Но куда важнее, видимо, попытаться понять суть подобных явлений. Дыма без огня, как известно, не бывает, и точно так же не может возникнуть ни один миф, ни одно поверье без каких бы то ни было реальных оснований. Совсем без повода. В то же время известно: ничего бессмысленного, бесцельного в нашем мире не существует — так

же, как нет в нём ничего «лишнего». Значит, и явления сатанинского пса (а порой и целой стаи исчадий ада во главе с Дьяволом) тоже преследуют какую-то конкретную цель.

Английский учёный и журналист Роберт Мазелло посвятил немало лет сбору фактов, связанных с Чёрными Псами, и их дальнейшему исследованию — вплоть до дотошного изучения биографий людей, которые пострадали от подобных жутких встреч.

Итогом стала редкая у нас книга Мазелло «Падшие ангелы и духи тьмы». Несомненно, уникальная и по содержанию, и по обоснованным выводам.

Первое, о чём говорит учёный, сравнивая описания четвероногих призраков, перед нами НЕ ПСЫ... Артур Конан Дойл в «Собаке Баскервильей» сделал своего страшного четвероногого героя огромным догом. В реальности же (если, конечно, слово «реальность» тут употребимо) эти существа не принадлежат никакой конкретной породе, известной человеку. Ужасные твари не только далеки от образа собаки, вечного друга и спутника человека, по своему поведению, но и по облику тоже. В сущности, это порождение тьмы, покрытое чёрной шерстью, на непомерно длинных лапах, со злобной осмысленной мордой и горящими глазами.

Если бы не стереотип мышления, каждый из пострадавших от них был бы вынужден согласиться, что подобное описание в церковных преданиях соответствует описанию демонов зла, происхождение которых, а также причины столь жуткой внешности известны: «И был низвергнут Дьявол и его сообщники, и три дня и три ночи продолжалось изгнание ангелов с небес в ад, и Господь всех их преобразил в демонов, ибо ослушались они Слова Божьего и перестали почитать Его».

Мало кто интересуется, кем же в небесной иерархии были падшие ангелы до своего падения. А ведь разумно предположить, что пала какая-то совершенно определённая их категория, которая ныне не существует... Так оно и есть. И об этом упоминается в Первой книге Библии, а кроме неё — в еврейской книге «Энок», не вошедшей в Ветхий Завет. До падения Люцифера существовали, помимо известных сегодня уровней ангелов (от Престолов до Ангелов-Хранителей), ангелы-наблюдатели, следившие очень пристально за делами людей день и ночь... Именно

ночные наблюдения, судя по всему, и не прошли для них даром: «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали (их) себе в жёны, какую кто избрал» (Бытие, 6, 1-2).

Так совершилось падение ангелов-наблюдателей, не только бравших в жёны «дочерей человеческих», но и обучавших их тайным наукам, прежде всего магии... Наказанные за всё это Создателем уродливой, жуткой внешностью, падшие ангелы сохранили свою особую способность круглосуточного наблюдения за людьми. Поэтому-то и известны им все, даже самые мельчайшие, грехи каждого человека, его самые тайные пороки.

Таким образом, столкновение с демоном ночи в образе, напоминающем нам собаку, не столько предупреждение о близкой смерти, сколько призыв к осознанию страшных грехов, растлевающих душу жертвы. То есть в первую очередь — призыв к покаянию. Об этом свидетельствует не только жуткое видение новосибирского кладбища, которое, если близкие покойного реагируют на него правильно и заказывают специальные, отмаливающие душу умершего, службы, никогда не появляется на той могиле дважды. Но и факты, которые Роберту Мазелло удалось собрать в районе Йоркширских болот, — на «исторической родине» собаки Баскервилей. Если человек, столкнувшийся с порождением тьмы, пережив первый приступ ужаса, обращается за избавлением от грядущей беды к священнику, осознаёт случившееся как наказание за собственные тяжкие грехи, самое страшное из возможных последствий — смерть — обходит его стороной...

Поскольку подобную встречу приятной не назовёшь, вряд ли стоит испытывать судьбу, прогуливаясь по ночам в пустынных местах. Вот что ровно двести лет назад сказал об этом английский поэт Колридж:

*Как путник ночью по дороге
Шагает, ужасом объят,
И, кинув беглый взгляд назад,
Он только ускоряет шаг,
И больше вряд ли обернётся;
Он знает — чёрный страшный враг —
Злой демон в темноте крадётся...*

Даниэль Клугер

Баскервильская мистерия ¹²

С извечной скукой повседневной жизни меня примиряет существование красивых женщин и детективных романов.

Писать о первых — занятие, на мой взгляд, вполне бессмысленное и проигрышное, приходится писать о последних. Тем более, что между женской красотой и хорошим детективным романом есть внутреннее родство, имя которому — Тайна. Мнение Эдгара По, отца современного детектива, о том, что истинной красоте всегда присуща некая странность, указывает именно на это родство.

Ибо другое имя странности — Тайна.

Тайна всегда иррациональна и мистична. Тайна — нечто, обжигающее нас потусторонним холодом, укрытое мерцающим покрывалом ирреального, скрывающееся, в конечном счёте, за пределами нашего мира. Покров непроницаем для обычного зрения, для восприятия пятью органами чувств, дарованными человеку.

— Но позвольте! — скажет читатель этих строк (если таковой имеется). — Только что вы сказали, что Тайна есть элемент детектива. А герой детективного романа, сыщик — он ведь только и делает, что исследует тайну. И в финале преподносит её нам в изящной упаковке логических умозаключений! Разве не так?

Что же, обратимся ещё раз к уже упомянутому «отцу детектива». Тень «безумного Эдгара» будет постоянно витать над этими заметками, ибо именно его взгляд на какую-то долю секунды, на какое-то мгновение проник за покров им же обнаруженной Тайны и ужаснулся; ужаснувшись же, воспроизвёл на страницах зыбкую игру теней, отражений... При том ведь все его произведения, даже самые странные, пугающие, исполненные чудес и сверхъестественных явлений — все они внешне строятся в соответствии с безукоризненной логикой: «Поскольку из А неизбежно следует Б, то...» — и так вплоть до последней буквы алфавита.

¹² 2001 - Мир «Искателя», № 1, с. 231-246.

Но кроме безукоризненной логики сыщика в детективном романе сохраняется та иррациональная Тайна, о которой говорилось выше и которая никогда и ни при каких обстоятельствах читателю не раскрывается. Детективный роман содержит две категории, чрезвычайно близкие друг к другу, на первый взгляд — чуть ли не синонимы: Тайну и Загадку. Именно вторая любезно подносится читателю на блюдечке с голубой каёмочкой. Однако суть её, этой разгадки, прекрасно раскрывает венгерский литературовед Тибор Кестхейи, прямо выводящий родсловную детектива из волшебной сказки: «Решение сказки всегда фиктивно. Да и не может быть иным — в детективе всё происходит согласно стилизованным законам — и убийство, и расследование, и разумеется, доказательство вины преступника». Заметим ещё, что волшебная сказка в родстве с мифом, и следовательно, детектив тоже кровнородственен с мифом.

Первая же категория — Тайна — остаётся скрытой — при том, что именно её присутствие делает детектив не только не низким, но напротив — самым возвышенным литературным жанром.

И самым поэтичным.

Кому-то может показаться странным такое утверждение — во все времена детектив прочно записывали в массу, «pulpe», чуть ли не в китч.

Меж тем в числе его классиков и эстетов оказались и Р.Стивенсон и Т.С.Эллиот, Джон Макграфт и Николас Блейк, Дилан Томас и Жан Кокто, Г.Аполлинер и А.Версмеер — писатели и поэты, составившие цвет мировой литературы...

В эссе «Философия творчества» Э.По подверг беспристрастному анализу один из собственных поэтических шедевров — стихотворение «Ворон». Среди прочих постулатов, которые он вывел в этом эссе, выделим один: чтобы стихотворение оказалось действительно наполненным магией высокой поэзии, необходимо ощущение присутствия некоей тайны. Иными словами, тайна является обязательным условием высокой поэзии.

И значит, детектив насквозь пронизан поэзией. Только эта литература оперирует тайной как самоценной эстетической категорией. Тайна — вот истинный герой детектива.

Что же до репутации, то сошлюсь на слова одного из классиков жанра английского писателя Р.Остин Фримена: «В лите-

ратуре другим жанрам место отводят на основании их шедевров, в то время как детективы оценивают по их отборсам».

Давайте восстановим справедливость: попробуем оценить детектив по шедевр, каковым безусловно является роман одного из отцов жанра Артура Конан Дойла «Собака Баскервилей».

Нет нужды пересказывать сюжет романа — читатели прекрасно его знают, если не по книге, то уж во всяком случае по регулярно повторяющейся российским телевидением (в том числе, и буквально в эти дни) экранизации с Ливановым и Соломиным. Сюжет — это и есть постепенное и последовательное раскрытие Загадки, решение логической задачи мастером-детективом.

Что же до Тайны, то, думаю, никто из читателей и поклонников этого романа не будет спорить с утверждением о страницах, насквозь пропитанных мистическим ароматом. Повторюсь: в самом сюжете никакой мистики нет, всё строго логично и рационально. Откуда же привкус, откуда ощущение постоянного присутствия потусторонних сил, близости преисподней, inferno?

«Сцена обставлена как нельзя лучше...»

Итак, мы начнём не с собственно детективной истории. Для начала определим место действия.

«По обе стороны дороги поднимались зелёные склоны пастбищ, но впереди, за пределами этого мирного залитого солнцем края, темнея на горизонте вечернего неба, вырисовывалась сумрачная линия торфяных болот, прерываемая острыми вершинами зловещих холмов... Стук колёс нашего экипажа постепенно замер, потонув в густом слое гниющей травы...»

«Перед нами поднималось крутое взгорье, поросшее вереском — первый предвестник торфяных болот. На вершине этого взгорья, словно конная статуя на пьедестале, чётко вырисовывался всадник...»

Обратите внимание: едва эти первые отсветы Тайны обнаруживаются читателем, как тотчас вносится рациональное объяснение, имеющее отношение уже к категории Загадки: «Из принстаунской тюрьмы сбежал арестант, сэр. Вот уже третий день его разыскивают. Выставили сторожевых на всех дорогах.» Впридачу к этим словам доктор Уотсон тут же вспоминает о «деле Сэлдона», которым, оказывается, в своё время занимался Шерлок Холмс... Но напомним читателю цитированное выше

утверждение Т.Кестхейи — насчёт фиктивности объяснений. Прибавим к неподвижным фигурам всадников, стоящих на границе Дня и Ночи, Света и Тьмы (стражи Апокалипсиса?) кровавый цвет неба и загадочную Гемптонскую трясины, торфяные болота, которую всадники эти охраняют: «Где-то там, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческого, чтоно дикий зверь, отлёживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям...»

Если мало этого, обратим внимание на дополнительные характеристики: «Крутой склон был покрыт как бы кольцами из серого камня. Я насчитал их около двадцати.

— Что это? Овчарни?

— Нет, это жилища наших почтенных пращуров. Доисторический человек густо заселил торфяные болота...» К последней теме, кстати, автор обращается ещё один раз: Доктор Мортимер... нашёл череп доисторического человека...» Позволю себе небольшое отступление:

«Я осматривал череп, обратив внимание на его свирепый оскал и словно живой ещё взгляд пустых впадин.

— В нём есть нечто страшное, — рассеянно проговорил я...»

Пршу прощения за небольшую мистификацию. Последняя цитата — не из «Собаки Баскервилей», а из небольшого романа Герберта Уэллса «Игрок в крокет». Действие «Игрока» разворачивается на болоте, и можно с уверенностью сказать: на том же самом болоте, что и действие конан-дойловского шедевра. Географически и, так сказать, метафизически. Правда, Уэллс, менее склонный к недоговоренностям, обозначил это болото очень чётко: «Каиново болото»; что же до раскопанного там черепа, то герои «Игрока» убеждены, что на болоте похоронен первоубийца Каин, а само болото — квинтэссенция мирового Зла.

«Узкий проход между искрошившимися каменными столбами вывел нас на открытую лужайку, поросшую болотной травой. Посередине её лежат два огромных камня, суживающиеся кверху и напоминающие гигантские клыки какого-то чудовища».

Что же, пожалуй хватит деталей в описании сцены действия. Остаётся лишь вслед за А.Конан Дойлом констатировать:

«Сцена обставлена как нельзя лучше — если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела...»

«Восставать против самого прародителя зла...»

Всадники Апокалипсиса вообще-то выполняют функции не столько стражей призрачной границы между материальным миром и миром потусторонним, сколько служат грозным предостережением: Зло вот-вот ворвётся в мир: «И вот: Конь Бледный, и едущий на нём; имя ему — Смерть... И Ад следовал за ним...»

Зло персонифицировано — как и положено для детективного романа — в образе Стэплтона. Конан Дойл снабжает этого героя чрезвычайно любопытной биографией, профессией и хобби. Биография (некоторые её страницы):

«Когда он близко подошёл к Египту, то сказал он Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда увидят тебя Египтяне, то скажут: «это жена его»; и убьют меня, а тебя оставят в живых. Скажи же, что ты мне сестра, дабы хорошо мне было ради тебя...» Уф-ф... Нет-нет, не подумайте, что автор этих заметок по рассеянности процитировал Святое Писание. Вовсе нет. Как ни кощунственно на первый взгляд это звучит, но в биографии Стэплтона и его жены явственно прослеживается библейское заимствование: «Женщина, которую он выдаёт здесь за мисс Стэплтон, на самом деле его жена... Повторяю, эта леди не сестра Стэплтона, а его жена».

Итак, муж и жена появляются в землях, принадлежащих некоему властителю (в романе — сэру Чарльзу Баскервилю) и поселяются здесь с его, властителя, согласия. Властитель, не подзревающий об истинных отношениях «сладкой парочки», принимает чрезмерное участие в судьбе красавицы, за что немедленно карается появлением адского чудовища, рождённого Гемптонскими болотами (между прочим, тоже символ: болотной лихорадки, чумы, и т.д.): «И поразил Господь фараона и весь дом его большими язвами за Сару, жену Аврама...»

Остановимся и подумаем: что может означать это пародирование или ф а р с ирование Библии? Вернее, зададимся вопросом: к т о может позволить себе разыгрывать пародию на Священную историю?

Кто он такой, этот мистер Стэплтон? Присмотримся к нему повнимательнее: «Невысокий худощавый блондин лет тридцати пяти — сорока, с чисто выбритой, несколько постной физиономией и узким, длинным подбородком. На нём был серый костюм и соломенная шляпа. Через плечо у него висела жестяная ботани-

зирка, а в руках он держал зелёный сачок для ловли бабочек...» Казалось бы, ничего, привлекающего внимания — ну разве что сачок. Но уже спустя короткое время автор устами доктора Уотсона сообщает: «От этого спокойного бесцветного человека в соломенной шляпе и с сачком для ловли бабочек (дался им этот сачок!) веяло чем-то грозным. Дьявольское терпение, сопряжённое с хитростью, на губах улыбка, а в сердце чёрная злоба...»

Что же скрывает маска безобидного любителя энтомологии? Почему от него веет «чем-то грозным?» Кстати о безобидном увлечении. Бабочка во все времена и во всех мифологиях выступала символом человеческой души. Римляне и греки изображали Психею в образе юной красавицы с крыльшками мотылька.

В таком случае, кто же гоняется с сачком за беззаботно порхающими душами? Порхающими, между прочим, на границе между миром земным и inferнальным, то есть — на болотах: «Какие там редкостные бабочки!.. Я осмеливаюсь туда ходить, потому что у меня есть своя сложная система примет...» Это слова самого Стэплтона. Что за «энтомолог» у врат адской пучины, профессионально охотящийся за пытающимися упорхнуть душами, опять-таки, вполне понятно.

«Глазам нашим предстало нечто до такой степени странное и неожиданное, что мы замерли на месте. Эта комната представляла собой маленький музей. Её стены были сплошь заставлены стеклянными ящиками, где хранилась коллекция мотыльков и бабочек — любимое детище этой сложной и преступной натуры...»

Между прочим, эту аналогию (бабочка — душа) сам Конан Дойл формулирует достаточно чётко: «Теперь мы его поймали, Уотсон! Завтра он будет биться в наших сетях, как бабочка под сачком! Булавка, пробка, ярлычок — и коллекция на Бейкер-стрит пополнится ещё одним экземпляром». Юмор Шерлока Холмса в данном случае содержит намёк ещё и на некоторые особенности образа сыщика в классическом детективе. Но об этом мы поговорим чуть ниже.

А вот, кстати, слова об одной грешной душе, уловленной «Стэплтоном»:

«— Это и есть виновник всех бед — злодей Хьюго.

Лицо на портрете никто не упрекнул бы ни в грубости черт, ни в жестокости выражения, но в поджатых губах, в холодном, непреклонном взгляде было что-то чёрствое.

— Силы небесные! — воскликнул я.

С полотна на меня смотрело лицо Стэплтона...»

История о дьяволе, похитившем душу грешника и использовавшим его тело как временное обиталище, столь распространена в европейской литературе, что превратилась почти что в штамп.

Правда, автор тотчас даёт поразительному сходству вполне рациональное объяснение: «Любопытный пример возврата к прошлому и в физическом и в духовном отношении». Но это объяснение опять-таки имеет отношение к области, которую мы определили как «Загадку» — логическую задачу, решаемую героем романа; у нас же речь идёт о категории Тайны.

И ещё одна деталь из прошлого «Стэплтона»: «У меня была школа в одном из северных графств. Для человека с моим темпераментом такая работа суховата, неинтересна, но что меня привлекает в ней, так это тесная близость с молодёжью. Какое счастье передавать им что-то от самого себя, от своих идей, видеть, как на твоих глазах формируются юные умы! Но судьба обернулась против нас. В школе вспыхнула эпидемия, трое мальчиков умерли...» Снова эпидемия, мор...

Что же, всё представляется вполне логичным: он пародирует (обезьянничает) Священную историю; он ориентируется в адской трясине как у себя дома; он совращает невинных; он управляет силами ада; он ловит душ в преддверьи потустороннего мира; он способен воспользоваться телом уловленного им грешника для своих целей. Наконец, он и уходит в преисподнюю, когда противник раскрывает истинный его облик: «Он может спрятаться только в одном месте, больше ему некуда деваться. В самом сердце трясины...»

Хочу заметить, что роман «Собака Баскервилей» — чуть ли не единственное произведение Артура Конан Дойла, в котором преступник всё-таки уходит от возмездия. Единственное, о чём говорит доктор Уотсон — это весьма неопределённая фраза о возможном возмездии: «Если земля говорит правду, то Стэплтону так и не удалось добраться до своего убежища».

Стэплтон, «обезьяна Бога»... Об истинной его природе писатель честно предупредил читателя — в самом начале романа: «До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира, — сказал Холмс. — Я борюсь со злом по мере своих скромных сил, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны».

«Словно статуя из чёрного дерева...»

У Агаты Кристи, как известно, в большинстве произведений действуют Эркюль Пуаро или мисс Марпл. Но есть и другие, менее известные персонажи. С одним из них связан небольшой цикл рассказов, занимающих совершенно особое место в творчестве «королевы детектива». Ибо в этих рассказах она обнажает природу главного героя детективного жанра — сыщика.

Цикл рассказов называется «Загадочный мистер Кин». Каждая история начинается с того, что собирается некое довольно разношёрстное общество. Спустя какое-то время возникает вопрос, связанный с совершённым недавно (или даже давно) преступлением. Преступление до сих пор не раскрыто. Собравшиеся высказывают различные суждения — до тех пор, пока в дело не вступает новый персонаж, представляющийся как мистер Арле Кин. Мистер Кин, по его собственным словам, является отставным актёром, любящим разгадывать загадки. Он экстравагантно одет — пёстрый нелепый костюм, наряд Арлекина, Арлекина, мистера А.Кина. Его разговор полон парадоксов и эксцентрики. В игру, вполне безобидную и даже смешную, вовлекаются все действующие лица, и вдруг...

И вдруг перст комического персонажа, только что устроившего сюрреалистический карнавал воспоминаний, шуток и анекдотов, указывает на одного из присутствующих, а голос, почти загробный, произносит а-ля Эдгар По фразу: «Ты еси муж, сотворивый сиё». Ты убийца.

Поражённый преступник не успевает сообразить — как, каким образом его изобличили, что за удивительная игра только что закончилась. Оглушённый, он превращается в соляной столб, жену Лота (сравнение правомочно, ибо и он наказан попыткой оглянуться — увидеть прошлое). Собравшиеся, кто с ужасом, кто с отвращением смотрит на скрывавшегося под респектабельной маской убийцу, а герой-разоблачитель... Где он?

Не знает никто. Загадочный мистер Кин незаметно исчезает. Спасительная мысль, которая появляется у свидетелей: пользуясь всеобщим изумлением, растерянностью, мистер Кин незаметно выскользнул из комнаты.

При этом никто старается не вспоминать, что гениального мистера Кина поначалу тоже никто не замечает. Правда, «доктор Уотсон» — персонаж, глазами которого видит происходящее читатель, — помнит, что видел в неосвещённом углу некую смутную фигуру, но не придавал ей значения. Мало того, ему показалось, что там, в одиноко стоящем кресле просто навалена груда тряпья. И появился он лишь в кульминационный момент, когда обсуждение случившегося грозило перерости в открытый конфликт. Пёстрое тряпье оказалось тем самым нелепым костюмом. Мистер Кин погасил конфликт и одновременно раскрыл преступление. Об исчезновении мы рассказали выше.

Агата Кристи как бы объясняет нам: гениального детектива не существует в природе. Он словно материализуется в подходящий момент, а потом вновь растворяется в воздухе. Его имя, его костюм — Арле Кин в пёстром костюме... Арлекин, выдуманный герой, персонаж итальянской комедии дель арте. Кто же он такой? Нереальное существо. Материализация надежд собравшихся, мечтающих о защитнике. Он и есть защитник, о котором грежит данное общество (а компании, описываемые в рассказах, являются срезом целого слоя общества). И не только защитник, но и воплощённое *ratio*, механизм для решения логической задачи — Загадки детектива.

Но при том на него падает ответ Тайны.

Конечно, английская писательница обнажила перед нами истинную природу героя детективного романа. Чаще наоборот: писатель старается наделить сыщика как можно большим количеством реальных жизненных черт. Но и там, где сыщик кажется вполне реальным, он, по сути дела, — существо как бы потустороннее, имеющее исчезающе малое количество черт, связывающих его с материальным миром. Иными словами: природа этой главной фигуры в том, что она (он) всегда является воплощением надежд прочих действующих лиц детектива (то есть, обычных граждан). Материализацией этих надежд — на тот краткий период, когда некоему кругу людей понадобилась помощь. А после этого — детектив исчезает. Как бы растворяется в туманном

воздухе Лондона (Москвы, Нью-Йорка, средневекового Китая, древней Индии и т.д.), чтобы вновь возникнуть, услышав невысказанный зов, крик о помощи. Разве вы не замечаете отсвет поустороннего на невозмутимом лице с тубкой?

Вернёмся же к нашему роману. Как я уже писал, Гемптонская трясина — символ преисподней, адские врата. Потому наш энтомолог уходит туда и возвращается оттуда с лёгкостью необычайной, безо всякого вреда для себя. Что и неудивительно: коль скоро трясина — врата Преисподней (адская пасть — помните?), почему бы дьяволу испытывать какие-то трудности во время подобных экскурсий? Там ведь для него — дом родной.

Но есть кажущееся противоречие, которое читатель наверняка уже заметил. Оттуда же, с торфяных болот выходит на сцену и антагонист злых сил — сыщик. Именно в болотах его впервые встречает доктор Уотсон — впервые после начала непосредственного действия, разумеется. Хронология мистерии, хронология проявления Тайны не всегда совпадает с хронологией Загадки, хронологией сюжета. Будем рассматривать пока что первую сцену на Бейкер-стрит, рассказ доктора Мортимера, знакомство с сэром Генри Баскервилем и тому подобное — как служебный пролог. Помните у Гёте «Пролог на земле» и «Пролог на небесах». Так вот, Бейкер-стрит — пролог на земле. Покров, сознательно скрывающий мистическую суть происходящего — до поры до времени.

Так что же получается — и этот герой, сражающийся во имя торжества справедливости и добра, тоже обитает в адских глубинах? Как такое возможно? Как этот факт согласуется с утверждением, что Гемптонская топь — Преисподняя?

Вполне согласуется. Нужно лишь внимательнее приглядеться к фигуре частного сыщика (не только у Конан-Дойла) и попробовать понять: какова его природа? Кто он, собственно говоря, такой, этот центральный персонаж детективного романа? Но прежде заметим, что роман «Собака Баскервилей» написана в 1901, а опубликована в 1902 году — то есть, после появления в печати рассказа «Последнее дело Холмса», в котором герой А. Конан-Дойла погибает от рук профессора Мориарти на дне Рейхенбахского водопада. Иными словами — перед нами по-смертная история великого сыщика.

Если считать его (в рамках литературной реальности, разумеется) существом земным. В чём, как мы уже убедились, имеются небезосновательные сомнения.

Но почему же всё-таки Холмс возвращается в наш мир из Преисподней? Ведь он — олицетворение справедливости, возмездия, окончательного воздаяния преступнику, злодею. Не так ли? И если уж преступник есть одно из воплощений Князя Тьмы, то почему же сыщика не представить воплощением предводителя Небесных Воинств?

Вспомним, какими методами оперирует сыщик. Да, он борется со злом — но теми же способами, которыми действует само зло. Он лжёт, лицемерит, угрожает, меняет маски, словом — участвует в том же дьявольском действе, что и его антагонист. В некотором смысле, они представляют собою две испостаси одного существа. К тому же — в рамках опять-таки, культурного мифа, — сыщик самовольно присваивает себе прерогативы самого Бога! Ведь только Бог может определить меру воздаяния. Если тёмная фигура — падший ангел, то светлая фигура, как его антагонист — «падший» дьявол, «неправильный» дьявол, исторгнутый Адом и выступающий на стороне Добра...

Непримиримые противники, антагонисты — убийца и сыщик — в классическом детективном романе имеют явно инфернальную природу и столь же инфернальное родство. Из тьмы приходит в этот мир воплощённое Зло, — но из тьмы же приходит и сила, борющаяся с ним: «И вот тут-то произошло нечто странное и совершенно неожиданное. Мы уже поднялись, решив оставить бесполезную погоню. Луна была справа от нас; неровная вершина гранитного столба чётко вырисовывалась на фоне её серебряного диска. И на этом столбе я увидел человеческую фигуру, стоящую неподвижно, словно статуя из чёрного дерева».

«Адское существо, выскочившее из тумана...»

Второстепенные персонажи «Собаки Баскервильей» тоже окружены мистическим туманом. Вот Бэрримор, бессменный дворецкий, вечный страж Баскервиль-Холла. его традиций и тайн: «Наружность у него была незаурядная: высокий, представительный, с окладистой чёрной бородой, оттенявшей бледное благообразное лицо». И в другом месте: «Чем-то таинственным и мрачным веяло от этого бледного благообразного человека с чёрной

бородой». Его жена: «Весьма солидная, почтенная женщина с пуританскими наклонностями, трудно вообразить себе существо более невозмутимое». Эта невозмутимость сродни жреческому спокойствию. Да они и есть жрецы-хранители, служители идолам Баскервиль-Холла — тем самым «портретам, взирающим со стен с удручающим молчанием». Эти хранители тоже связаны с «торфяными болотами», с «Гемптонской трясинной» — кровно связаны, поскольку жена Бэрримора — сестра каторжника Селдона, патологического убийцы, нашедшего приют там, где только и мог найти приют подобный человек — на болотах. Бэрриморы уже были свидетелями ритуальной жертвы — смерти своего старого хозяина, сэра Чарльза Баскервиля, пожранного потусторонним чудовищем, вырвавшимся из адской пасти (помните — «два огромных камня, суживающиеся кверху и напоминающие гигантские клыки какого-то чудовища»?): «Бэрримор первым обнаружил тело сэра Чарльза, и обстоятельства смерти старика Баскервиля были известны только с его слов...» Они предчувствуют новое кровавое действие, новое жертвоприношение. Фактически, они и совершают его.

«...Зажжённая спичка осветила окровавленные пальцы и страшную лужу, медленно расплывающуюся из-под разбитого черепа мертвеца. И сердце у нас замерло — при свете спички мы увидели, что перед нами лежит сэр Генри Баскервиль!

Разве можно было забыть этот необычный красновато-коричневый костюм — тот самый, в котором баронет в е р - в ы е появился на Бейкер-стрит!...

...Холмс вскрикнул и наклонился над телом. И вдруг начал приплясывать, с хохотом трясая мне руку:

— Это не сэр Генри! Это мой сосед — каторжник!..»

Отдав бедняге Селдену старый гардероб сэра Генри, Бэрриморы становятся невольными виновниками смерти последнего — в м е с т о сэра Генри.

Царь, совершивший кощунственный поступок, подлежит принесению в жертве адскому чудовищу (как его предшественник). Но жрецы находят ему заместителя, царя-на-час. Облачённый в царские одеяния (первый костюм, коронационный!), несчастный отдаётся потусторонним силам во искупление чужого греха, подлинный же властитель продолжает жить... «В Вавилоне ежегодно справлялся праздник Закеев. Начинаясь он шест-

надцатого числа месяца Лус и продолжался пять дней. На это время господа и слуги менялись местами: слуги отдавали приказания, а господа их исполняли. Осуждённого на смерть преступника обряжали в царские одежды и сажали на трон. По истечении пяти дней с него срывали пышные одежды, наказывали плетью и сажали на кол или вешали... Основание было лишь одно — осуждённого предавали казни вместо царя» (Д. Фрэзер. «Золотая ветвь»). Искупительная жертва, принесённая служителями мрачного культа, ограждает настоящего царя от воздействия тёмных сил. Тёмные силы умиротворены, точнее сказать — обмануты подставной жертвой, ослаблены ею; в результате борьба антагонистов заканчивается победой того, кто выступает на стороне Света. Шерлок Холмс убивает чудовищного пса, а хозяин пса, как и должно, убегает в сердце Гемпширской трясины — где ему и место.

Вот мы и добрались до самого мрачного персонажа романа, именем которого названа вся эта история. Удивительная вещь, но собаке крупно не повезло в мифологии. Чрезвычайно редко в мифах и эпосе обыгрываются те качества этого животного, которые способны вызвать симпатию — верность, преданность и т.д. Куда чаще мифический пёс связан со смертью, с тёмными силами, с преисподней. Весьма характерен пример Цербера. Словом, основным качеством собаки в мифологии обычно является способность преследовать и хватать. Ловчий Смерти, неутомимый гонитель, вершитель возмездия — вот каков мифологический архетип Пса. Один из сборников мистических рассказов Агата Кристи так и называется: «Псы Смерти». В образе чёрного пуделя является к Фаусту Мефистофель. Даже адская пасть — врата Преисподней — в средневековых изображениях представляет собою пасть чудовища с весьма собачьими чертами (как пример — полотно И.Босха). Кстати, о клыках гигантского чудовища, обрамляющих «врата» Гмптонской трясины мы уже упоминали.

Тут уместно обратить внимание читателя на то, что символизирует собака в еврейской мистической традиции.

Не менее интересно в нашем случае то символическое значение, которое придаётся собаке в еврейской мистике. Собака в Каббале символизирует сферу Гвура — «суровость», и рассмат-

ривается как символ неотвратимости возмездия, как символ суровости приговора.

Именно в этом облике предстаёт перед героями и читателями собака Баскервильей: «Такой собаки ещё никто из нас, смертных, не видел. Из её отверстой пасти вырывалось пламя, глаза мерцали, словно искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьём воспалённом мозгу не могло бы возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем адское существо, выскочившее на нас из тумана...»

«Тайна остаётся неразгаданной...»

Так о чём же повествует «Собака Баскервильей», образец детективного жанра, одна из его вершин? С одной стороны, речь идёт о решении логической Загадки, о рациональном объяснении странных и страшных событий и в конечном счёте, о раскрытии хитроумно замысленного и совершённого преступления. С другой же — перед нами мистическая драма, разыгрывающая вечную историю борьбы Добра и Зла, борьбы, протекающей наиболее остро на границе материального и потустороннего миров и преломляющуюся в архетипические мифологемы, присутствующие в основе современной культуры. Мистерия скрыта от наших глаз покровом обыденности. Лишь местами, когда этот покров истончается и рвётся, обыденность приобретает сияние ирреальности. Тайна остаётся Тайной — никогда читателю классического детектива не узнать с очевидной достоверностью подлинный источник мистического тумана, укутывающего героев и события. Как сказано в той же «Собаке Баскервильей»: «Тайна торфяных болот, тайна их странных обитателей остаётся по-прежнему неразгаданной».

В тщательном соотношении рационального и иррационального, в их сплетении состоит суть детективного романа. Уберите рациональное, уберите Загадку, сохранив лишь Тайну — и получится мистический роман, роман ужасов или фэнтэзи. Уберите иррациональное, уберите Тайну, сохранив Загадку — и роман станет производственным: полицейским или криминальным.

И лишь пропорция, которую может выдержать лишь подлинный мастер, наделённый особым алхимическим талантом, способна родить шедевр, который именуется «классическим детективом».

Леонид Козлов

Озарённые Холмсом ¹³

Почётный член французского общества Шерлока Холмса, московский художник и журналист Леонид Козлов привёз из Парижа только что вышедшую книгу исследователя темы Великого Сыщика всех времён, члена Холмсианских обществ Великобритании и Франции, эссеиста и историка Бернара Удена. Об этом издании и новой книге двух молодых пензенцев «Озарения Шерлока Холмса» — сегодняшний разговор.

Кто не знает Холмса! Книги, статьи, фильмы, телепередачи, ему посвящённые, продолжают множить список-подтверждение его популярности, какой бы социальный и политический климат ни был за окном. Да, присутствие Холмса в нашем сознании естественно и органично. А если представить себе совсем юного читателя, только входящего в мир изысканнейшей логики интеллектуала-сыщика? Как ему, молодому человеку, последовательно, в спокойной, несбивчивой манере рассказать об этой легендарной фигуре, с которой сравнивают лучших агентов ФБР и работников МУРа? Такую просветительско-холмсианскую задачу и поставил перед собой Бернар Уден энциклопедическим выпуском своего «Расследования Шерлока Холмса». Задача «протанцевать от печки», поведать всё с самого начала — сложна, но увлекательна.

Резюме Бернара Удена: «Холмс стар. Ему более ста, но личность его и карьера сыщика не собираются на пенсию!» Уден написал много интересных книг, в частности, биографию Аристида Бриана, захватывающие полицейские истории о мире преступников-рецидивистов. Наиболее известный его труд — «Великие криминальные загадки нашего века». А последняя работа журналиста и историка-эссеиста, посвящённая Холмсу, ценна не только малоизвестными подробностями жизни детектива, обширным изобразительным материалом, но и списком обществ Шерлока Холмса во многих странах мира. Здесь же приводится география мест, связанных с его знаменитыми расследованиями и ука-

¹³ Рецензия на книгу Михаила Трушина и Владимира Петрина «Озарения Шерлока Холмса». 1998 - г. «Книжное обозрение», февраль.

занием на глобусе этих памятных мест во Франции и Швейцарии, Германии и даже в... России (конечно, в Одессе!).

Со второй книгой, также посвящённой замечательному лондонцу, у меня приключилась забавная история. Года три назад ко мне пришли два молодых журналиста из пензенской газеты «Мир людей» Михаил Трушин и Владимир Петрин, создатели и руководители местного «Общества Шерлока Холмса». У ребят была одна просьба: нарисовать для книги, которую они уже написали (о Холмсе), обложку, чтобы уже с моим рисунком пойти к спонсору, воздействуя на него не только словом, но и визуально. Работу я должен был проделать бесплатно из-за пустых карманов авторов. Им нравился мой альбом «Холмс. 10 000 рисунков», и они хотели, чтобы мой рисунок украшал в будущем их издание, которое, впрочем, может и не увидеть свет.

Без кокетства скажу, что высшего гонорара — ты нужен людям — и представить себе невозможно. Но книга состоялась! Не уступая французскому изданию, о котором только что шла речь, ни в полиграфическом исполнении, ни в изобразительном багаже наполнения литературных страниц. Да, литературных. Причём написанных в жанре трудном, к которому мы иногда относимся с предвзятостью, — жанру-подражанию, развитию уже созданного и хорошо известного образа. Вспомните, сколько на этом пути было проигравших продолжателей «Евгения Онегина», «Мёртвых душ»... Корней Иванович Чуковский, лично знавший Артура Конан Дойла, с ужасом пытался хотя бы своим мнением защитить читателей от «новых» Холмсов. Но были и несомнен-

ные удачи в этом жанре холмсианской литературы — у Марка Твена, Бретта Гарда, О. Генри, в относительно недавно написанном рассказе нашего соотечественника, молодого талантливоего писателя-детективиста Сергея Борисова «Смерть русского помещика», где Шерлок Холмс «помог» Достоевскому и нам, читателям, до конца разобраться с братьями Карамазовыми.

Сборник пензенцев частично нам знаком. Несколько их новелл и повестей уже печатались в литературном альманахе «Сура» и в исследованиях А. Шабурова «Приключения Шерлока Холмса в русских переводах и перевоплощениях». Но, написанные с большим литературным вкусом, эти произведения неподдельны в главном — в большой и нескрываемой любви к Холмсу. Или иными, более точными словами, к понятиям извечных ценностей на земле — порядочности, честности, неподкупности... «Озарения Шерлока Холмса», — пишет Георгий Вайнер в напутствии к данному изданию, — книга умная, весёлая, выдержанная в духе старого доброго жанра. Думаю, она будет иметь большой успех...»

Да, авторы «Озарения...» почувствовали горечь в голосе менестреля Холмса, его друга доктора Уотсона, который сетовал, что записал только шестьдесят расследований замечательного детектива-джентльмена, а если бы не был так ленив, то цифра эта равнялась бы пятистам!

февраль 1998

Александр Локтев

Громкое дело Шерлока Холмса ¹⁴

Убедить поклонников Шерлока Холмса в том, что их героя никогда не существовало, невозможно. Более того, в письмах («на Бейкер-стрит, 221-б»), адрес, по которому жил литературный герой, многие обращались за помощью: распутать сложное уголовное дело, найти виновника, исправить судебную ошибку.

Традиционная английская вежливость и побудила одну страховую компанию взять на себя обязанность пунктуально отвечать на письма.

Кто вы, Шерлок Холмс?

В 1881 году Артур Конан Дойль получил диплом врача после окончания медицинского факультета Эдинбургского университета и попытался практиковать в пригороде Портсмута. Клиентов, однако, не было, и молодой врач решил попробовать себя в литературе. Как это ни удивительно, но и здесь пришёл ему на помощь его учитель по университету, профессор Королевского госпиталя в Эдинбурге, доктор Джозеф Белл. Он был необыкновенно проницательным человеком и умел по внешнему виду, ещё до жалоб пациента, и диагноз поставить, и разглядеть в нём то, что, казалось бы, напрочь скрыто от постороннего глаза.

Это умение Белла производило на студентов ошеломляющее впечатление и казалось им чем-то сверхъестественным.

Однажды к нему на приём пришёл пациент, выглядевший вполне обычно, без каких-либо бросающихся в глаза признаков.

— Всмотритесь внимательнее, — сказал Белл своим ученикам. — Разве вы не видите, что это сержант шотландского полка, недавно, впрочем, демобилизовавшийся. До этого он служил на Барбадосе.

Отвечая на недоумённые взгляды учеников, Белл пояснил:

— Войдя в кабинет и весьма любезно поздоровавшись, этот человек, тем не менее, не снял шляпу. Это говорит об армейской привычке. Далее, у него явное шотландское произношение и ма-

¹⁴ 2001 - г. «По Ярославке», № 12, 03 апреля.

нера держаться низшего чина. К тому же он страдает элифан-тизмом — болезнью, распространённой в Вест-Индии...

Белл советовал своим ученикам пускать в ход силу дедукции, сам постоянно наблюдал, анализировал, делал выводы и весьма редко ошибался. Свой дедуктивный метод Белл использо-вал и в качестве детектива-консультанта местной полиции, на его счету было не одно раскрытое преступление, а память храни-ла многие случаи из уголовной хроники. Ещё во время учёбы в Эдинбурге Конан Дойль не раз слышал рассказы своего учителя из его криминалистической практики. Одна из таких историй и подсказала Артуру Конан Дойлю мысль создать образ сыщика.

Впоследствии Конан Дойль не отрицал, что его учитель Джозеф Белл и послужил прототипом Шерлока Холмса.

Однако ограничиться только констатацией этого было бы неверно. Дело в том, что чем больше Конан Дойль писал о Шер-локе Холмсе, тем больше он развивал собственный навык в де-дукции. К нему тоже стали обращаться за помощью, и писатель сам признавался, что он неоднократно решал методом Холмса проблемы, которые ставили в тупик полицию.

Так что образ знаменитого сыщика вобрал в себя многие черты характера и самого автора.

Дело о бриллиантовом полумесяце

Почти два десятка лет потребовалось Конан Дойлю для того, чтобы справедливость восторжествовала, и Оскар Слэйтер, осуждённый пожизненно и проведший в тюрьме 19 лет, был реабилитирован и освобождён.

Конан Дойль сумел не только доказать его невиновность, но и добиться от блюстителей закона пересмотра дела.

Случилось это в Глазго. Богатая вдова миссис Марион Гилкрайст была убита вечером в своей квартире в то время, когда служанка вышла купить газету. Когда она вернулась, то у дверей дома хозяйки встретила незнакомца, который с улыбкой поздоровался и удалился. Хотя все драгоценности остались нетронутыми (убийца захватил с собой только одну бриллиантовую брошь в форме полумесяца), полиция установила, что убийство было совершено с целью ограбления, а на то, что была вскрыта шкатулка с документами, не обратила внимания.

Вскоре «улыбающийся убийца» был задержан. Служанка опознала в задержанном Оскаре Слэйтере таинственного незнакомца. (Много лет спустя служанка призналась, что её принудили дать ложные показания и даже репетировали с ней, как вести себя в суде). В мае 1909 года Верховный суд приговорил Слэйтера к смертной казни, заменённой потом пожизненным заключением.

А в августе 1912 года появилась книга Конан Дойля «Дело Оскара Слэйтера», в которой автор привёл доказательства невиновности осуждённого.

Почему из всех драгоценностей была взята одна лишь брошь? Потому что преступника интересовали не бриллианты, а иные ценности. Их-то он и искал в шкатулке с бумагами, а брошь была взята для того, чтобы сбить с толку полицию.

Но какой же документ искал преступник?

Миссис Гилкрайст была далеко не молода, и преступника интересовало завещание. Как преступник попал в дом, не взломав дверь и не имея ключа? Старая миссис, у которой была привычка смотреть в глазок, впустила гостя потому, что это был её родственник. Этот вывод подтвердился спустя несколько лет: незадолго до смерти Конан Дойля в 1930 году настоящий убийца открылся сыну писателя.

Такова сила дедукции!

Юрий Лотман

Выход из лабиринта ¹⁵

Имя Умберто Эко — одно из самых популярных в современной культуре Западной Европы. Семиотик, эстетик, историк средневековой литературы, критик и эссеист, профессор Болонского университета и почётный доктор многих университетов Европы и Америки, автор десятков книг, число которых он ежегодно увеличивает со скоростью, поражающей воображение, Умберто Эко — один из самых бурлящих кратеров вулкана современной интеллектуальной жизни Италии. То, что он в 1980 году круто переменяет русло и вместо привычного облика академического учёного, эрудита и критика явился перед публикой как автор сенсационного романа, сразу получившего международную известность, увенчанного литературными премиями и послужившего основой также сенсационной экранизации, показалось ряду критиков неожиданным. Говорили о появлении «нового Эко». Однако если пристально вчитаться в текст романа, то станет очевидной органическая связь между ним и научными интересами его автора. Более того, сделается очевидным, что роман реализует те же концепции, которые питают научную мысль автора, что он представляет собой перевод семиотических и культурологических идей Умберто Эко на язык художественного текста. Это даёт основание по-разному читать «Имя розы».

Поистине можно вообразить себе целую галерею читателей, которые, прочитав роман Эко и встретившись на своеобразной «читательской конференции», убедятся с удивлением, что читали совершенно различные книги.

Первый, наиболее доступный пласт смыслов, который может быть «считан» с текстовой поверхности романа, — детективный. Автор с подозрительной настойчивостью предлагает именно такое истолкование. Уже то, что отличающийся замечательной проницательностью францисканский монах XIV века, англичанин Вильгельм Баскервильский, отсылает читателя своим именем к рассказу о самом знаменитом сыщике подвиге Шерлока Холмса, а летописец его носит имя Адсона (прозрачный намёк на

¹⁵ 1998 - Эко У. *Имя розы*, СПб.: «Симпозиум», с. 650-669.

Ватсона у Конан Дойля), достаточно ясно ориентирует читателя. Такова же роль упоминаний о наркотических средствах, которые употребляет Шерлок Холмс XIV века для поддержания интеллектуальной активности. Как и у его английского двойника, периоды безразличия и протрации в его умственной деятельности перемежаются с периодами возбуждения, связанного с жеванием таинственных трав. Именно в эти последние периоды во всём блеске проявляются его логические способности и интеллектуальная сила. Первые же сцены, знакомящие нас с Вильгельмом Баскервильским, кажутся пародийными цитатами из эпоса о Шерлоке Холмсе: монах безошибочно описывает внешность убежавшей лошади, которую он никогда не видел, и столь же точно «вычисляет», где её следует искать, а затем восстанавливает картину убийства — первого из происшедших в стенах злополучного монастыря, в котором развёртывается сюжет романа, — хотя также не был его свидетелем.

Итак, читатель уверовал, что перед ним средневековый детектив, а герой его — бывший инквизитор (латинское *inquisitor* — следователь и исследователь одновременно, *inquisitor rerum naturae* — исследователь природы, так что Вильгельм не изменил профессии, а только сменил сферу приложения своих логических способностей) — это Шерлок Холмс в рясе францисканца, который призван распутать некоторое чрезвычайно хитроумное преступление, обезвредить замыслы и как карающий меч упасть на головы преступников. Ведь Шерлок Холмс не только логик — он ещё и полицейский граф Монте-Кристо — меч в руках Высшей Силы (Монте-Кристо — Провидения, Шерлок Холмс — Закона). Он настигает Зло и не даёт ему восторжествовать.

В романе У. Эко события развиваются совсем не по канонам детектива, и бывший инквизитор, францисканец Вильгельм Баскервильский, оказывается очень странным Шерлоком Холмсом. Надежды, которые возлагают на него настоятель монастыря и читатели, самым решительным образом не сбываются: он всегда приходит слишком поздно. Его остроумные силлогизмы и глубокомысленные умозаключения не предотвращают ни одного из всей цепи преступлений, составляющих детективный слой сюжета романа, а таинственная рукопись, поискам которой он отдал

столько усилий, энергии и ума, погибает в самый последний момент, так и ускользая навсегда из его рук.

В конце концов вся «детективная» линия этого странного детектива оказывается совершенно заслонённой другими сюжетами. Интерес читателя переключается на иные события, и он начинает сознавать, что его попросту одурачили, что, вызвав в его памяти тени героя «Баскервильской собаки» и его верного спутника-летописца, автор предложил нам принять участие в одной игре, а сам играет в совершенно другую. Читателю естественно пытаться выяснить, в какую же игру с ним играют и каковы правила этой игры. Он сам оказывается в положении сыщика, но традиционные вопросы, которые всегда тревожат всех шерлоков холмсов, мегрэ и пуаро: кто и почему совершил (совершает) убийство (убийства), дополняются гораздо более сложным: зачем и почему нам рассказывает об этих убийствах хитроумный семиотик из Милана, появляющийся в тройной маске: бенедиктинского монаха захолустного немецкого монастыря XIV века, знаменитого историка этого ордена отца Ж. Мабийона и его мифического французского переводчика аббата Валле?

Автор как бы открывает перед читателем сразу две двери, ведущие в противоположных направлениях. На одной написано: детектив, на другой: исторический роман. Мистификация с рассказом о якобы найденном, а затем утраченном библиографическом раритете столь же пародийно-откровенно отсылает нас к стереотипным зачинам исторических романов, как первые главы — к детективу. В какую же из дверей войти? А может быть, вообще не торопиться следовать этим лукавым приглашениям и посмотреть, нет ли каких-либо других дверей? Подыдемся вместе с героями романа по горной тропе и вступим в величественное аббатство, имени которого повествователь, престарелый уже Адсон Мелькский, предпочитает не называть. Может быть, здесь мы найдём настоящие двери, которые поведут нас к разгадке?

Исторический момент, к которому приурочено действие «Имени розы», определён в романе точно. По словам Адсона, «за несколько месяцев до событий, кои будут описаны, Людовик, заключив с разбитым Фредериком союз, вступил в Италию». Людовик Баварский, провозглашённый императором, вступил в Италию в 1327 году. Вот как описывает Никколо Макьявелли события, на фоне которых развёртывается сюжет романа:

«...Преемником его (Генриха VII. — Ю. Л.) на императорском престоле стал Людовик Баварский. К тому времени папский престол перешёл к Иоанну XXII, в его понтификат император не переставал преследовать гвельфов и церковь, защитниками которых выступали по преимуществу король Роберт I и флорентийцы. Так начались те войны, которые Висконти вели в Ломбардии против гвельфов, а Каструччо из Лукки в Тоскане против флорентийцев <...> Император Людовик, чтобы поднять значение своей партии да заодно и короноваться, явился в Италию» [1].

Роберт I Анжуйский, король Неаполитанский, глава тосканских гвельфов, по приглашению флорентийской Синьории одно время управлял Флоренцией. Одновременно тяжёлые конфликты раздирали и католическую церковь. Архиепископ французского города Бордо, избранный в 1305 году на папский престол под именем Климента V, перенёс резиденцию папской курии из Рима в Авиньон на юге Франции (1309 г.). Король Франции Филипп IV Красивый, отлучённый предшествующим папой Бонифацием в 1303 году от церкви, получил возможность активно вмешиваться в дела папства и Италии. Италия делается ареной соперничества французского короля и императора Священной Римской Империи (Германии). Все эти события непосредственно не описываются в романе Умберто Эко. Лишь упоминания о том, как Адсон оказался в Италии, и, в дальнейшем, описание вражды «иностранцев» и «итальянцев» в стенах монастыря служат отсветами этих смут. Но они составляют фон действия и незримо присутствуют в сюжете. Более подробно касается автор (и монахи-летописец) внутрицерковной борьбы.

Кардинальным вопросом внутрицерковной борьбы, отражавшим основной социальный конфликт эпохи, был вопрос бедности и богатства. Основанный в начале XIII века Франциском Ассизским орденом миноритов (младших братьев), в дальнейшем — францисканский, проповедовал бедность церкви. В 1215 году папа Иннокентий III скрепя сердце вынужден был признать легальность ордена. Однако в дальнейшем, когда лозунг бедности церковной был подхвачен воинствующими народными еретическими сектами и получил широкое распространение в массе простонародья, отношение курии к францисканцам сделалось вопросом весьма деликатным. Герард Сегалелли из Пармы, призывавший вернуться к обычаям первых христиан — общности иму-

ществ, обязательному труду для монахов, суровой простоте нравов, — был сожжён на костре в 1296 году. Учение его подхватил Дольчино Торинелли из Новары (Пьемонт), ставший во главе широкого народного движения, возглавленного «апостольскими братьями». Он проповедовал отказ от собственности и насильственное осуществление раннехристианской утопии. Папа Климент V объявил крестовый поход против Дольчино и его армии, укрепившейся на горе Дзебелло и с 1305 по 1307 год упорно сопротивлявшейся, преодолевая голод, снежные заносы и эпидемии. В XXVIII песни «Ада» Магомет обращается к Данте с такой просьбой:

*Скажи Дольчино, если вслед за Адом
Увидишь солнце: пусть снабдится он,
Когда не жаждет быть со мною рядом,
Припасами, чтоб снеговой заслон ^[2]
Не подоспел новарцам на подмогу;
Тогда нескоро будет побеждён.*

(Ад, XXVIII, 55-60, перевод М. Лозинского).

Одним из центральных событий романа «Имя розы» является неудачная попытка примирения папы и императора, который пытается найти союзников в ордене Св. Франциска. Эпизод этот сам по себе незначителен, но позволяет вовлечь читателя в сложные перипетии политической и церковной борьбы эпохи. На периферии текста мелькают упоминания тамплиеров и расправы с ними, катаров, вальденцев, гумилиатов, многократно всплывает в разговорах «авиньонское пленение пап», философские и богословские дискуссии эпохи. Все эти движения остаются за текстом, но ориентироваться в них читателю необходимо, чтобы понять расстановку сил в романе ^[3].

Итак, исторический роман?

Автор сам подталкивает читателя именно к такому выводу в одном из автокомментариев к «Имени розы». Напоминая о делении исторической прозы на произведения, в центре которых — известные в истории лица, и на такие, где последние отнесены на периферию, а действуют созданные авторской фантазией образы простых людей, У. Эко отдаёт предпочтение второму разряду и в качестве образца, которому он якобы следовал, именует «Обручённых» Алессандро Мандзони. Однако подсказки автора «Имени розы» всегда лукавы, и параллель с великим произведением

Мандзони — ещё один ложный ключ, подброшенный читателю. Опыт великого романтика, конечно, не прошёл мимо У. Эко. Им подсказана сама ситуация: автор держит в руках случайно дошедшую до него старинную рукопись, интересную по содержанию, но написанную на варварском языке: «Ломбардские идиомы — без числа, фразы — некстати употреблённые, грамматика — произвольная, периоды — неслаженные. А далее — изысканные испанизмы». «Перемешивая с удивительной ловкостью самые противоположные свойства, он ухитряется на одной и той же странице, в одном и том же периоде, в одном и том же выражении одновременно быть и грубым и жеманным». «Но, отвергая слог нашего автора, как неприемлемый, каким же слогом мы заменим его? В этом весь вопрос» ^[4].

Этот же вопрос стоит и перед Эко. А поскольку он не сомневается, что его итальянские читатели помнят начало классического романа Мандзони, начальный эпизод «Имени розы» приобретает ироническую окраску. Виктор Шкловский назвал бы это обнажением приёма. Но тем разительнее отличие в построении сюжета. Пушкин имел основание говорить о влиянии Вальтера Скотта на Мандзони: приключения влюблённой пары на фоне широко описанных исторических событий, история, пропущенная через приключения простого человека. Сюжетная структура «Имени розы» даже отдалённо не напоминает подобной схемы: любовная интрига сведена лишь к одному эпизоду, не играющему существенной роли в композиции, всё действие происходит внутри одного и того же весьма ограниченного пространства — монастыря. Значительная часть текста — размышления и умозаключения. Это не структура исторического романа.

Итак, обе двери, распахнутые перед читателем коварным автором, ведут не в просторные и ясные залы, а в некоторый запутанный лабиринт. Слово это употреблено нами не случайно: образ лабиринта — один из сквозных для самых разных культур символов — является как бы эмблемой романа У. Эко. Но «лабиринт — это в сущности перекрещение дорог, из которых некоторые не имеют выходов, заканчиваясь тупиками, через которые надо пройти, чтобы открыть путь, ведущий к центру этой странной паутины» ^[5]. Далее этот автор отмечает, что, в отличие от паутины, лабиринт принципиально асимметричен.

Но каждый лабиринт подразумевает своего Тесея, того, кто «расколдовывает» его тайны и находит путь к центру. В романе это, безусловно, Вильгельм Баскервильский. Именно ему предстоит войти в обе двери — «детективную» и «историческую» — сюжета нашего романа. Присмотримся к этой фигуре. Герой не принадлежит к историческим персонажам — он целиком создан фантазией автора. Но многими нитями он связан с эпохой, в которую произвол У. Эко его поместил (как увидим, не только с ней!).

Вильгельм прибыл в «монастырь преступлений» (так Умберто Эко, по собственному признанию, намеревался сперва обозначить место действия) с некоей важной миссией. В чём состоит эта миссия? Мы уже упоминали о конфликте в начале XIII века между папской курией и орденом францисканцев. Спор связан был с вопросом о бедности или богатстве как идеале церковной жизни. Когда папа преследовал «братьев свободного духа» (спиритуалов), генерал францисканцев Михаил Чезенский из тактических соображений поддержал курию. Но позже Михаил отказался от требования папы признать орден владельцем богатств ^[6] и был обвинён в ереси (предлогом стал спор о догмате пресуществления). Для разбора обвинения были вызваны авторитетные богословы-философы Уильям Оккам, Марсилиус Падуанский. Однако они приняли сторону Михаила Чезенского и, как и он, были отлучены папой от церкви (1328 г.). Им удалось бежать, причём Оккам и Марсилиус нашли убежище в Мюнхене у императора Людовика, образовав группу так называемых «имперских богословов». В этой группе не было единства: Михаила Чезенского интересовало лишь сохранение статута ордена, порывать с папой окончательно он не желал, император же хотел иметь надёжный богословский щит в борьбе с папой. Но Оккам и особенно Марсилиус Падуанский смотрели дальше: им мерещилась широкая реформа церкви, верховным органом которой должен был стать не папа, а Вселенский собор, избираемый на неслышанно широкой основе с участием не только клириков, но и мирян. Именно к этой группе принадлежит друг Оккама Вильгельм Баскервильский. Император для них — лишь средство, опорная сила, с помощью которой они стремятся реализовать свои планы. Эта ситуация объяснит современному читателю слова Вильгельма на встрече с папской делегацией: «Если один человек плохо

управляет законами, не лучше ли справятся с этим многие, трудясь сообща». Слова эти могут современному нам читателю показаться анахронизмом, подсказанным нашим историческим опытом, однако они вполне соответствуют исторической истине, суть которой раскрывает Вильгельм в словах, обращённых к Адсону: «Минориты участвуют в императорской игре против папы. Но для Марсилия и для меня игра, которая ведётся, — двойная. И мы хотели бы, чтобы императорская игра способствовала нашей и послужила бы нашей идее человеческого правления». Это же поясняет и слова Михаила, обращённые к Вильгельму после его речи: «Ты, Вильгельм, сегодня высказался весьма ясно и недвусмысленно и дал понять, куда метишь. Так вот, мы метим вовсе не туда. И я прекрасно сознаю, что постановления перуджийцев использованы вами, имперскими богословами, вовсе не в том духе, в котором они замышлялись».

Но Вильгельм выполняет в монастыре и другую роль — он расследует таинственную цепь убийств, всколыхнувшую мирную жизнь святой обители. Здесь ему приходится вступить в лабиринт с другого хода. Как же здесь он — поклонник и ученик Роджера Бэкона и друг Оккама (парадоксальность соединения этих имён в романе подчёркнута) — проявляет себя на этом поприще?

Роджер Бэкон часто упоминается в речах Вильгельма. Однако всегда речь идёт о довольно общих вещах: о вере в возможности разума, любви к науке, о требованиях изучать языки, чтобы черпать мудрость и у язычников-арабов, и т. д. Зато другой брат Вильгельма по ордену, Оккам (и Бэкон, и Оккам, как и Вильгельм, — англичане-францисканцы), оказал значительно большее влияние на стиль мышления нашего следователя. Оккам — логик (Бэкон относился к логике с презрением). В отличие от других наук, оперирующих знаками вещей (словами, обозначающими вещи), логика, утверждает Оккам, оперирует знаками знаков. Здесь мы впервые в ходе наших рассуждений сталкиваемся с понятием знака — осью семиотики, вопросом, которому У. Эко посвятил немало усилий как учёный. Здесь же за историческими коллизиями и криминальными историями встаёт тень чего-то, достаточно нам знакомого и по трудам автора «Имени розы», и — шире — по проблемам культуры наших дней.

Науки изучают отношения слов и вещей в реальном мире, логика — слов и «терминов второго значения» (Оккам), т. е. понятий о понятиях. Реальность многообразна, а логика экономна. С этим связана знаменитая «брита Оккама»: «Сущностей не следует умножать без необходимости» или, как выразился сам философ: «Не нужно делать с большим то, что можно сделать с меньшим». Именно этому правилу следует Вильгельм, когда на очередную попытку Адсона реконструировать сцену убийства замечает: «Слишком много действующих лиц». У Оккама Вильгельм заимствовал и метод создания взаимно противоречивых гипотез. Итак, мы вышли на первый перекрёсток лабиринта, где линии «имперских богословов» и детективного сюжета перекрещиваются.

Попробуем определить в одном предложении, чем занят Вильгельм Баскервильский в монастыре. Он занят расшифровкой. И в прямом смысле — чтением закодированной рукописи, — и в переносном. То, что для других людей — молчащие предметы, для него — знаки, которые многое могут рассказать тому, кто поймёт их язык. Итак — расшифровки, знаки, языки... Вильгельм Баскервильский — семиотик XIII века, и все действия, получения, обращённые к юному послушнику, выкладки можно назвать практикумом по семиотике. Он истолковывает знаки, реконструирует тексты по фрагментам и коды по текстам. Так, реконструкции подлежит утраченная вторая часть поэтики Аристотеля. Особенно изящна расшифровка сна Адсона. Адсон рассказывает Учителю свой сон, который невнимательный слушатель воспринял бы как бессмысленную путаницу образов и идей. Вильгельм ищет в нём смысл, заранее презумируя, что рассказ Адсона — некоторым образом закодированный текст. Вильгельм — не фрейдист, а семиотик: он ищет в запутанном сне юного послушника не подавленные комплексы, не скрытые вождения, вытесненные на периферию сознания, а код, в свете которого хаотическое соединение несоединимых персонажей и действий обрело бы стройность и смысл. Код этот он сразу же называет: сон организован по структуре и системе образов знаменитого «Киприанова пира»^[7]. «Люди и события последних дней стали у тебя частью одной известной истории, которую ты или сам вычитал где-то, или слышал от других мальчиков в школе, в монастыре».

Таким образом — первое звено: сон представляет собой организацию хаотических впечатлений (вернее, кажущихся хаотическими, поскольку кодирующая их структура пока ещё не известна) по законам популярного текста («вывороченной Библии»). Но, установив эту связь, Вильгельм строит следующее звено: если реальность может быть осмыслена с помощью некоторого текста, то нельзя ли предположить, что этот текст является генератором этой реальности? И далее: если все события, развернувшиеся в монастыре, вращаются вокруг некоторой рукописи, а кажущийся хаос этих событий организуется с помощью «Киприанова пира», то не следует ли предположить, что эта сатира имеет какое-то отношение к искомой рукописи? В совокупности с другими расшифровками эта гипотеза позволяет Вильгельму найти таинственную рукопись в каталоге, несмотря на невнятность описания, и, в конце концов, уверенно потребовать от Хорхе рукопись конволюта с латинской переделкой или стихотворным переложением «Киприанова пира».

Вильгельм не сыщик, безошибочно сопоставляющий улики,— он семиотик, знающий, что один и тот же текст может шифроваться многими кодами, а один и тот же код может порождать разные тексты, он пробирается по лабиринту, ищет путь методом проб и ошибок. Так, до того, как он задумался над «Киприановым пиром», он попытался использовать в качестве кода Апокалипсис и, как кажется, успешно. Но объяснение было ложным, случайный ряд в сознании ищущего превратился в квазисимволический.

В итоге диалог:

«— Какой идиот...

— Кто?

— Я. Хватило одной фразы Алинарда, чтобы я вообразил, будто череда преступлений повторяет музыку семи апокалиптических труб. В случае Адельма — град; а это было самоубийство. В случае Венанция — кровь; а это была нелепейшая мысль Беренгара. В случае самого Беренгара — вода. А это чистая случайность. В случае Северина — третья часть небес... А Малахия попросту ухватился за звёздный глобус, как за первый попавшийся тяжёлый предмет».

Но совпадение последней смерти (если не считать убийства аббата, уже не входящего в этот ряд) с апокалиптическим тек-

стом уже не случайно. Это подстроил убийца — Хорхе. И на вопрос Вильгельма, зачем он это сделал, последовал ответ: «Нарочно. Для тебя. Алиnard делился и со мной догадками насчёт Апокалипсиса. Тогда же кто-то из монахов сказал мне, будто ты готов в это поверить. И я осознал, что некий божий порядок определяет эту цепочку смертей, а я за них не в ответе...» «Вот, оказывается, как вышло! — удивлённо замечает Вильгельм. — Я сочинил ошибочную версию преступления, а преступник подлачился под мою версию». Вот такого уж с Шерлоком Холмсом не случилось бы никогда. Ошибочная версия (конечно, принадлежащая служащему полиции, так как Холмс обречён изрекать только истины) — это глупость, она просто не существует и исчезает как пар под лучами логики Холмса. Но, с семиотической точки зрения, «неправильный» текст — тоже текст, и коль скоро он стал фактом, он включается в игру и оказывает влияние на её дальнейший ход. Наблюдатель влияет на опыт, сыщик воздействует на преступление. Однако тут читатель вправе задать вопрос. Прекрасно, но ведь семиотика — наука XX века (многие из читателей и сейчас о ней слыхом не слыхивали), а ведь действие-то происходит в XIV столетии. Не слишком ли наш автор модернизирует ситуацию, пользуясь историческими масками для собственных рассуждений? Герой Мольера говорил прозой, даже не подозревая, что такое слово существует. Семиотика как развитая научная дисциплина, действительно, оформилась в середине текущего столетия. Но, с тех пор как существует научное мышление, грамматика, логика, люди задумывались над сущностью слова, отношением его к обозначаемому им предмету, над основаниями логического суждения. Такие древнейшие виды деятельности, как речь, обмен во всех его видах и т. д., ставили перед человеком проблему знака, и это, бесспорно, один из древнейших вопросов. Однако средневековье, в этом отношении, представляет собой поистине уникальную эпоху. Мышление этого времени насквозь пронизано символами. Мир представляется огромной книгой, смысл которой раскрывается через систему божественных символов. Но и каждый поступок человека воспринимается в двух планах — практическом и символическом.

Вспомним подробное описание кошмарной казни, которой был подвергнут Дольчино. Читатель наших дней воспримет этот

эпизод как «колорит эпохи» и картину «ужасов средневековья». И то и другое имеет смысл. Действительно, картина ужасна, и она, в самом деле, помогает нам перенестись в обстановку социально-церковных конфликтов XIII-XIV веков. Однако этот эпизод не может не вызвать в памяти другой. В «Божественной комедии» Данте сразу же после цитированного нами отрывка — обращения Магомета к Дольчино — следуют такие терцины:

Другой, с насквозь пронзённым кадыком,

Без носа, отсечённого по брови,

И одноухий...

...растворил гортань, извне

Багровую от выступившей крови

(Ад, XXVIII, 64-69).

У Данте эта казнь (ей подвергся Пьер да Медичина) имеет символический смысл: «Те, кто на земле сеяли раздор, виновны были в распрях и раздорах», — несут казнь, символически изображающую их преступление — их тело разрубают на части. То, что Дольчино наказан как «разделитель», ведёт нас к одному из главных символов как романа, так и средневековой культуры в целом. Средневековый мир жил под знаком высшей целостности. Единство божественно, разделение исходит от дьявола. Единство церкви воплощено в инквизиторе, единство мысли — в Хорхе, который, несмотря на слепоту, запоминает огромное число текстов, полностью, наизусть, интегрально. Такая память способна хранить тексты, но не нацелена на создание новых, и память слепого Хорхе — это модель, по которой он строит свой идеал библиотеки. Библиотека, в его представлении, — это гигантский спецхран, место, где в целостности хранятся тексты, а не место, где старые тексты служат отправными пунктами для создания новых.

Символу целостности противостоит символический же образ расчленения, анализа. Ереси («расколы») раздробляют монолитный универсум средневековья и выделяют личные отношения между человеком и Богом, человеком и государством, человеком и истиной. В конечном счёте это вело к непосредственному соприкосновению между человеком и Богом и устраняло необходимость церкви (начало такой тенденции восходит к вальденцам, дальнейшее развитие пройдёт сквозь века). В области мысли это привело к анализу: раздроблению, критическому рассмотрению,

перекомбинации тезисов и созданию новых текстов. Хорхе воплощает дух догмы, Вильгельм — анализа. Один создаёт лабиринт, другой разгадывает тайны выхода из него. Мифологический образ лабиринта связан с обрядом инициации, и Вильгельм — борец за инициацию духа. Поэтому библиотека для него — не место, где хранятся догмы, а запас пищи для критического разума.

В символическом языке романа особое место занимают фантастические перекомбинации образов, стабильно интегрированных в рамках догматического сознания. В романе это, прежде всего, образы фантастических созданий художественного гения, порождающего чудовищные и смехотворные сочетания в орнаментах книжных заставок или на фронтоне и капителях монастырской церкви:

«На полях Псалтыри был показан не тот мир, к которому привыкли наши чувства, а вывернутый наизнанку. Будто в преддверии речи, которая по определению речь самой Истины, — вёлся иной рассказ, с той Истиною крепко увязанный намёками *in aenigmatate*, лукавый рассказ о мире вверх тормашками, где псы бегут от зайцев, а лани гонят львов. Головки на птичьих ножках, звери с человеческими руками, вывернутыми за спину, головы, ошестинившиеся ногами, зебровидные драконы, существа со змеиными шеями, заплетёнными в тысячу невозможных узлов, обезьяны с рогами оленя, перепончатокрылые сирены, безрукие люди, у которых на спине как горбы растут другие люди, и тела с зубастыми ртами пониже пупа, и люди с конскими головами, и кони с человеческими ногами, и рыбы с птичьими крылами, и птицы с рыбьими хвостами, и однотельные двуглавые чудища и двутельные одноглавые». Адсон «над этими листами погибал от восхищения и смеха», а монахи «захохотали во всю глотку». Свободное комбинирование деталей в новых, запрещённых для существующей модели культуры сочетаниях есть творчество. Мир существующий отражается в символах, как учит Адсона Вильгельм, «в неисчерпаемом обилии символов, коими Господь, чрез посредство творений своих, глаголет к нам о вечной жизни». Но если мир, данный человеку, отражается в системе знаков, то творчество, создавая новые, неслыханные знаки, дестабилизирует старый мир и творит новый. Поэтому у творчества — два лица: смех и мятеж. Родство их раскрывается в общем слиянии в стихии кар-

навала. Хорхе Бургосский недаром пытается запретить смех: «Пустословие и смехотворство неприличны вам!» Запрещение смеха в его устах равносильно утверждению неподвижности порядка в мире: «Подобно дурным речам, существуют дурные образы — те, которые клеветают на Творца, представляя созданный им мир в искажённом свете, противно тому, каков он должен быть, всегда был и всегда пребудет, во веки веков, до скончания времён». Но мир подвижен. И монахи обречённого на гибель монастыря уже вовлечены в зловещий киприанов пир, и за стенами монастыря жизнь менее всего обещает быть неизменной «до скончания веков».

Скрытым сюжетным стержнем романа является борьба за вторую книгу «Поэтики» Аристотеля^[8]. Стремление Вильгельма разыскать скрытую в лабиринте библиотеки монастыря рукопись и стремление Хорхе не допустить её обнаружения лежат в основе того интеллектуального поединка между этими персонажами, смысл которого открывается читателю лишь на последних страницах романа. Это борьба за смех. Во второй день своего пребывания в монастыре Вильгельм «вытягивает» из Бенция содержание важного разговора, который произошёл недавно в скриптории. «Хорхе заявил, что невместно уснащать смехотворными рисунками книги, содержащие истины. А Венанций сказал, что даже у Аристотеля говорится о шутках и словесных играх как о средствах наилучшего познания истин и что, следовательно, смех не может быть дурным делом, если способствует откровению истин <...> Венанций, который прекрасно знает... прекрасно знал греческий, сказал, что Аристотель нарочно посвятил смеху книгу, вторую книгу своей «Поэтики», и что если философ столь величайший отводит смеху целую книгу, смех, должно быть, — серьёзная вещь». Смех для Вильгельма связан с миром подвижным, творческим, с миром, открытым свободе суждений. Карнавал освобождает мысль.

Но у карнавала есть ещё одно лицо — лицо мятежа.

Келарь Ремигий объясняет Вильгельму, почему он прикнуд к мятежу Дольчино: «...Я не могу понять даже, ради чего я делал то, что делал тогда. Видишь ли, в случае с Сальвадором всё вполне объяснимо. Он из крепостных, его детство — убожество, голодный мор... Дольчин для него олицетворял борьбу, уничтожение власти господ... Но у меня-то всё было иначе! Мои

родители-горожане, голода я не видал! Для меня это было вроде... не знаю, как сказать... Что-то похожее на громадный праздник, на карнавал. У Дольчина на горах, пока мы не начали есть мясо товарищей, погибших в схватке... Пока от голода не перемерло столько, что стало далее уже и не съесть, и мы сбрасывали трупы с откосов Ребелло на потраву стервятникам и волкам... А может быть, даже и тогда... мы дышали воздухом... как бы сказать? Свободы. До тех пор я не ведал, что такое свобода». «Это был буйный карнавал, а на карнавалах всё всегда вверх тормашками».

Умберто Эко, конечно, прекрасно знает теорию карнавала М.М. Бахтина и тот глубокий след, который она оставила не только в науке, но и в общественной мысли Европы середины XX века. Знает и учитывает он и работы Хёйзинги, и книги вроде «Праздника шутов» Х.Г. Кокса. Но его толкование смеха и карнавала, который всё ставит «вверх тормашками», не полностью совпадает с бахтинским. Смех не всегда служит свободе. Совсем по-карнавальному звучит издевательская речь инквизитора Бернарда к обречённому на мучительную смерть Ремигию: «Скорее мои объятия, брат Ремигий, дай утешить тебя...» Мы невольно вспоминаем карнавализованные ритуалы нацистских лагерей смерти и карнавальную обстановку аутодафе (ср. пушкинское: «Завтра казнь — привычный пир народу...»). Жуткие видения ада, которые посещают воспалённое воображение Адсона под влиянием архитектурных фантазий собора, тоже отмечены печатью карнавальности. Автору, видимо, ближе другой путь к свободе — свобода мысли, путь иронии. Вильгельм Баскервильский — друг Оккама, но его легко можно было бы, перешагнув через два столетия, представить себе другом Эразма Роттердамского. Ирония — дочь сомнения, а сомнение лежит в основе метода, которым Вильгельм ведёт своё расследование: он всегда исходит из возможности существования другой версии. Пожалуй, именно это, в наибольшей мере, позволяет видеть в нём «семиотика до семиотики»...

...Нас пригласили в XIV век, а мы слышим разговоры о семиотике и других мудрых вещах, о Бахтине и Хёйзинге, а отдельные страницы вполне могут быть отнесены не к средним векам, а к нашему XX веку. Не слишком ли поспешно мы отвели упреки в анахронизме, и, может быть, наш автор всё же лишь

прикрывается стариной, а пишет о современности? И да, и нет. Роман Эко — конечно, создание сегодняшней мысли и не мог бы быть создан даже четверть века назад. В нём заметны воздействия исторических исследований, подвергших за последние десятилетия пересмотру многие глубоко укоренившиеся представления о средних веках. После работы французского историка Ле Гоффа, демонстративно названной «За новое средневековье», отношение к этой эпохе подверглось широкому переосмыслению. В работах историков Филиппа Ариеса, Жака Делюмо (Франция), Карло Гинзбурга (Италия), А.Я. Гуревича (СССР) и многих других на первый план выдвинулся интерес к течению жизни, к «неисторическим личностям», «менталитету», т. е. к тем чертам исторического мировоззрения, которые сами люди считают настолько естественными, что просто не замечают, к ересям как отражению этого народного менталитета. Это коренным образом изменило соотношение историка и исторического романиста, принадлежащего к той, художественно наиболее значимой традиции, которая пошла от Вальтера Скотта и к которой принадлежали и Мандзони, и Пушкин, и Лев Толстой (исторические романы о «великих людях» редко приводили к художественным удачам, зато часто пользовались популярностью у самого неразборчивого читателя). Если прежде романист мог сказать: меня интересует то, чем не занимаются историки, — то теперь историк вводит читателя в те уголки прошлого, которые прежде посещали только романисты. Умберто Эко замыкает этот круг: историк и романист одновременно, он пишет роман, но смотрит глазами историка, чья научная позиция сформирована идеями наших дней. Осведомлённый читатель улавливает в романе и отзвуки дискуссий о средневековой утопии «страны Кокань» (Куканы) и обширной литературы о перевёрнутом мире (интерес к текстам, «вывернутым наизнанку», в последние два десятилетия приобрёл прямо-таки эпидемический характер)^[9]. Но не только современный взгляд на эпоху средних веков — в романе Умберто Эко читатель постоянно сталкивается с обсуждением вопросов, которые задевают не только исторические, но и злободневные интересы читателей. Внимательный читатель обнаружит и проблему наркомании, и споры о гомосексуализме, и размышления над природой левого и правого экстремизма, и рассуждения о бессознательном партнёрстве жертвы и палача, а также о психологии

пытки — всё это в равной мере принадлежит как XIV, так и XX веку. Не только западный, но и советский читатель (что уж, наверняка, не входило в расчёты автора) испытывает не только исторический интерес к проблемам книгохранилищ, созданных с целью не допустить читателя к «вредной» книге. Или к конфронтации науки, основанной на сомнении, и богословия, теоретики которого никогда не находят правильных ответов, а только «единственно верные», разумеется всегда ошибочные, но зато «крепко держатся за свои ошибки». Однако наиболее современно звучат не эти мотивы в том концерте идей, партитурой которого является «Имя розы». В романе настойчиво звучит сквозной мотив: утопия, реализуемая с помощью потоков крови (Дольчино), и служение истине с помощью лжи (инквизитор). Это мечта о справедливости, апостолы которой не щадят ни своей, ни чужой жизни. Сломленный пыткой Ремигий кричит своим преследователям: «Мы хотели лучшего мира, покоя и благости для всех. Мы хотели убить войну, ту войну, которую приносите в мир вы. Все войны из-за вашей скаредности! А вы теперь колете нам глаза тем, что ради справедливости и счастья мы пролили немного крови! В том и вся беда! В том, что мы слишком мало её пролили! А надо было так, чтобы стала алой вся вода в Карнаско, вся вода в тот день в Ставелло».

Но опасна не только утопия, опасна всякая истина, исключающая сомнения. Так, даже ученик Вильгельма в какую-то минуту готов воскликнуть: «Хорошо хоть инквизиция вовремя подспела», ибо им «овладела жажда истины». Истина без сомнения рождает фанатизм. Истина вне сомнения, мир без смеха, вера без иронии — это не только идеал средневекового аскетизма, это и программа современного тоталитаризма. И когда в конце романа противники стоят лицом к лицу, перед нами образы не только XIV, но и XX столетия. «Ты дьявол, — говорит Вильгельм Хорхе. — Дьявол — это не победа плоти. Дьявол — это высокомерие духа. Это верование без улыбки. Это истина, никогда не подвергающаяся сомнению».

«Ты хуже дьявола, минорит, — отвечает Хорхе. — Ты шут». Интеллектуальным стержнем романа является поединок между Вильгельмом и Хорхе. Оба они проявляют незаурядную силу ума, причём если для Вильгельма ум Хорхе «извращённый», то его собственный разум, с позиции слепого испанца, «шутов-

ской». На самом же деле — глазами автора — они воплощают две различные ориентации культуры. Хорхе исходит из того, что истина изначально дана, её следует только помнить. Его интеллект — это изошрённая память. Создавать новые тексты кощунственно.

Отождествление ума и памяти характерно для культуры, основанной на запоминании множества текстов, а не на генерировании новых. В частности, средневековая образованность, отождествлявшая обучение с зубрёжкой, видела идеал учёности в безграничной памяти. Этой способности приписывалась магическая сила, и не случайно она связывалась с мощью дьявола. Так, в «*Dialogus miraculorum*» Цезария Гейстербахского есть рассказ о том, что аббат из Моримунды в юности был студентом в Париже. «Будучи туп умом и слаб памятью, так что ему донельзя трудно было что-либо понять и запомнить, он был для всех посмешищем и всеми почитался за идиота». Но однажды к нему явился дьявол и предложил память и познание всех наук в обмен на присягу в верности. Однако студент не поддался искушению. Рассказами о том, что дьявол подарил своему подданному чудесный дар памяти, изобилуют средневековые тексты. Особенно интересно письмо Иоганна Тритимия, аббата Шпонгеймского монастыря, придворному астрологу курфюрста Пфальцского Иоганну Вирдунгу о некоем Георгии Сабелликусе, Фаустемладшем, маге, некроманте и астрологе, который «хвастался таким знанием всех наук и такой памятью, что если бы все труды Платона и Аристотеля и вся их философия были начисто забыты, то он, как новый Ездра Иудейский, по памяти полностью восстановил бы их даже в более изящном виде» ^[10]. Автор XVI века Лерхеймер рисует исключительно любопытную картину дьявола-библиографа и читчика, помогающего своим адептам, «который читает им всё, что только захочется прочесть, и указывает им, в какой книге и в каком месте они могут найти, что им нужно, сообщает им также, что написано в книгах, которые скрыты от людей и никому не известны, существовали прежде, но теперь разорваны, сожжены, а дьявол хорошо помнит и знает, что в них стояло» ^[11].

Здесь мы встречаем ряд мотивов, реализованных Умберто Эко в образе Хорхе: память как высшее проявление учёности, учёный, которому читают и который не забывает ничего из про-

читанного, искусство находить в книгах нужные места, скрытое от других людей и таинственно открытое лишь этому искуснику, и, наконец, мотив сожжённых или разорванных книг Аристотеля, содержание которых таинственно хранится в памяти сатаны.

Вильгельм тоже стремится восстановить утраченный текст Аристотеля. Именно восстановить, так как, прежде чем найти рукопись, ему надо её опознать, т.е. реконструировать в своём уме. Но он интересуется не текстом, который надо хранить интегрированным в памяти, а смыслом сочинения. Поэтому он, в конце концов, утешается после гибели столь вожделенного ему трактата: содержание он смог восстановить по косвенным данным, следовательно, грядущие реконструкторы (вооружённые семиотическими методами, заметим мы) также смогут это сделать. Усилие Вильгельма направлено в будущее: хранить — означает регенерировать, воссоздавать заново. Отсюда же разное отношение к библиотеке: хранить, чтобы спрятать, или хранить, чтобы постоянно генерировать вновь и вновь старое, превращая его в новое. С этим же связаны и два понимания лабиринта: войти, чтобы не выйти, — войти, чтобы найти выход.

Весь строй романа показывает, что автор на стороне Вильгельма. Однако утверждение это хочется сопроводить оговорками: лукавый автор окончил спор двух веков — Хорхе и Вильгельма — ничьей, и это заставляет предположить, что и за Хорхе видится ему какая-то правда, правда Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых». Вообще диалогический опыт Достоевского не прошёл для Эко даром, а рассуждения о сладострастии пытки звучат как прямая переключка с русским автором.

Итак, все завесы пали. Эко не ридит современность в одежды средних веков и не заставляет францисканца и бенедиктинца обсуждать проблемы всеобщего разоружения или прав человека. Он просто обнаружил, что и время Вильгельма Баскервильского, и время его автора — одна эпоха, что от средних веков до наших дней мы бьёмся над одними и теми же вопросами и что, следовательно, можно, не нарушая исторического правдоподобия, создать злободневный роман из жизни XIV столетия. Верность этой мысли подтверждается одним существенным соображением. Действие романа происходит в монастыре, библиотека которого хранит богатейшее собрание Апокалипсисов, некогда привезённое Хорхе из Испании. Хорхе полон эсхатологических ожиданий

и заражает ими весь монастырь. Он проповедует мощь Антихриста, который уже подчинил себе весь мир, оплёл его своим заговором, стал князем мира сего: «Напряжён он и в речах своих и в трудах, и в городах и в усадьбах, в спесивых своих университетах и в кафедральных соборах». Мощь Антихриста превосходит мощь Бога, сила Зла сильнее силы Добра. Проповедь эта сеет страх, но она и порождена страхом. В эпохи, когда почва у людей уходит из-под ног, прошедшее утрачивает доверие, а будущее рисуется в трагических тонах, людей охватывает эпидемия страха. Под властью страха люди превращаются в толпу, обуюнную атавистическими мифами. Им рисуется ужасная картина победного шествия дьявола, мерещатся таинственные и могущественные заговоры его служителей, начинается охота на ведьм, поиски опасных, но невидимых врагов. Создаётся атмосфера массовой истерии, когда отменяются все юридические гарантии и все завоевания цивилизации. Достаточно сказать про человека «колдун», «ведьма», «враг народа», «масон», «интеллигент» или любое другое слово, которое в данной исторической ситуации является знаком обречённости, и судьба его решена: он автоматически перемещается на место «виновника всех бед, участника невидимого заговора», любая защита которого равносильна признанию в собственной причастности к коварному сонму. История цивилизации знает ряд периодов подобных эпидемий страха: они были известны средним векам, они охватили Западную Европу в XIV-XVI веках, затмив её небо дымом костров, они создавали тот психологический фон, на котором тоталитарные правительства XX века смогли осуществлять кампании массового террора. Страх, психология «осаждённой крепости» не раз искусственно подогревались властью имущими и обеспечивали им массовую поддержку волн репрессий. Тема эта звучит в «Имени розы», она, как мне рассказал сам Умберто Эко, определила замысел его нового романа «Маятник Фуко» (1988) — книги, цель которой — победить страх, подвергнув его анализу, как дети побеждают страхи, зажигая в комнате свет. Это своевременно, когда мы вновь слышим, что разум — служитель дьявола.

Роман Умберто Эко начинается цитатой из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово» — и кончается латинской цитатой, меланхолически сообщающей, что роза увяла, а слово «роза», имя «роза» пребыло. Подлинным героем романа является

Слово. По-разному ему служат Вильгельм и Хорхе. Люди создают слова, но слова управляют людьми. И наука, которая изучает место слова в культуре, отношение слова и человека, называется семиотика. «Имя розы» — роман о слове и человеке — это семиотический роман.

Роман «Имя розы» я впервые взял в руки в квартире моего друга профессора Клауса Штедтке в Восточном Берлине. Второе свидание с романом произошло в знаменательной обстановке. Мне посчастливилось посетить находящийся в восточной Финляндии православный монастырь Валамо (бывший Валаамский монастырь на Ладожском озере). Храм, хотя и современной постройки, но в строгом духе новгородской архитектуры XII-XIII веков, и очарование неиспорченной и сохранившей первозданность северной природы: прозрачное озеро, покоящееся меж гранитных скал, вековой сосновый бор, простое и строгое кладбище монахов (первый ряд могил составляют те, кто лёг в землю в 1940 году) — произвели на меня впечатление какого-то глубокого, древнего покоя. Потом меня познакомили с келарем монастыря (он же библиотекарь). Келарь — отец Амброзиус, ещё нестарый человек, был обворожителен, умён и радушен. Я застал его перед компьютером, занятым какими-то расчётами (монастырь имеет хорошее хозяйство и даже разводит каких-то особенно породистых овец на экспорт, кажется, в Египет). Перед ним лежала несколько в стороне, но, видимо, читаемая английская биография Бахтина (Katerina Clark, Michael Holquist. Mikhail Bakhtin. Harvard University Press, 1984). Мы прошли в библиотеку. Обширное семигранное здание умело соединяло строгость современной архитектуры с традицией средневекового строительного искусства. На первом этаже был расположен скромный рукописный отдел, занимающий всё пространство башни. Я поднялся на второй, и сразу же мне бросились в глаза две книги: шведский и финский переводы романа «Имя розы». Я поднял глаза: над головой был семигранный купол из стекла, свободно пропускавший свет. Свидание состоялось в Храме монастырской библиотеки. Позже я посетил церковь. Отец Амброзиус задумчиво и с ласковой улыбкой совершал службу по православному обряду на финском языке. Народу было немного. Впереди прихожан стояли несколько девочек и трогательно пели

тоненькими голосами. Ни компьютер, ни Бахтин, ни роман Умберто Эко не дисгармонировали с этой атмосферой...

Позже я познакомился в Италии с Умберто Эко. В одной из наших бесед я спросил его, когда же он приедет в Советский Союз. «Только после того, как у вас издадут мой роман», — отвечал он. Что ж, я рад, что мне довелось принять скромное участие в том, что ускорит приезд Умберто Эко в страну, где у него есть и читатели, и друзья.

Примечания

1. Макьявелли Н. История Флоренции. Л.: Наука, 1973. С. 37 и 39.

2. В оригинале более ясно:

Si di vivanda che stretta di neve

Non rechi la vittoria al Noarese;

Ch'aldamenti acquistar non saria lieve,

т. е. «чтобы запастись съестными припасами, тогда выпавший снег не принесёт победы Новарцу, которому иначе будет трудно добиться успеха».

Отношение Данте к Дольчино сложно, и вопрос этот вызывает разногласия: то, что предостережение вложено в уста Магомета, осуждённого за внесение раздора, и слова о месте, которое уготовано еретичу-вождю в аду, как бы намекают на осуждение, но искренне звучащая в этих словах забота о судьбе мятежников говорит о сочувствии. Знаток итальянской культуры И.Н. Голенищев-Кутузов имел основание заключить: «Политически и идеологически Дольчино (как, впрочем, большинство представителей других оппозиционных римскому престолу еретических движений) во многом был единомышленником поэта: так же, как Данте, он ненавидел папу Бонифация VIII и неаполитанских королей из династии Анжу и осуществление своих планов связывал, как и Данте, с восстановлением империи» (И.Н. Голенищев-Кутузов. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1979. С. 495).

3. Литература, посвящённая внутрицерковной борьбе этой эпохи, огромна. Из общих работ на русском языке, как наиболее полезную, можем назвать: Л.П. Карсавин. Очерки религиозной жизни Италии XII-XIII веков. Записки историко-

филологического ф-та имп. С.-Петербургского университета. Ч. СХІІ. СПб., 1912. Здесь же обширная литература.

4. Мандзони А. Обручённые. Повесть из истории Милана XVII века. М., 1955. С. 20-21.

5. Brion M. Leonard da Vinci. Paris, 1952. P. 197.

6. До этого францисканцы передавали все дары и поступающие им материальные ценности в формальное владение папы, а сами считались лишь «пользующимися», ссылаясь на пример Христа, который ничем не владел, но пользовался предоставляемыми ему кровом и пищей. Из этого вытекало, что владение богатством само по себе греховно, что, с точки зрения папы, было ересью, так как бросало тень на всю церковь.

7. «Киприанов пир» — анонимный памятник «смеховой культуры» средневековья. Перевод с лат. яз. и комментарий к нему см.: Поэзия вагантов. Изд. подготовил М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1975. С. 355-365 и 584-590. Стихотворное переложение «Киприанова пира» принадлежит диакону Иоанну (IX в.).

8. Существование второй части «Поэтики» Аристотеля, посвящённой комедии, подвергалось сомнению, но в 1839 году в Париже была открыта рукопись X века, содержащая фрагмент сочинения Аристотеля на эту тему. Об опытах реконструкции этой не дошедшей до нас части см. комментарий М. Л. Гаспарова в кн.: Аристотель и античная литература. М.: Наука, 1978. С. 100.

9. Конечно, У. Эко опирается не только на чужие, но и на свои собственные изыскания. Так, читая рассуждения о зеркалах в романе, осведомлённый читатель не может не вспомнить об Эко как авторе пронизательного этюда о семиотике зеркал и зеркальных отражений.

10. См.: Легенда о докторе Фаусте. М.: Наука, 1978. С. 9.

11. Там же. С. 388-389.

Дэйвид Льюиз

Истинность в вымысле

Мы можем истинным образом сказать, что Шерлок Холмс жил на Бейкер-стрит и что он любил демонстрировать свои умственные способности. Мы не можем истинным образом сказать, что он был верным семьянином или что он работал в тесном сотрудничестве с полицией. Было бы прекрасно, если бы мы могли такого рода описания вымышленных персонажей понимать буквально, приписывая им ту же самую субъектно-предикатную форму, что и параллельным описаниям персонажей из реальной жизни. Тогда предложения «Холмс носит шляпу с шёлковым верхом» и «Никсон носит шляпу с шёлковым верхом» оба были бы ложными, поскольку референт субъектного термина — будь то вымышленный Холмс или реальный Никсон — не обладает выраженным предикатом — свойством носить шляпу с шёлковым верхом. Единственное различие было бы в том, что референты субъектных терминов «Холмс» и «Никсон» носят в корне различный характер: один из них является вымышленным персонажем, а другой реальным лицом из плоти и крови.

Я не подвергаю сомнению того, что можно было бы провести такую трактовку в духе Мейнонга, как это сделал Теренс Парсонс. Но не просто преодолеть возникающие при этом трудности. Прежде всего, разве нельзя сказать, что в некотором вполне разумном смысле Холмс, так же как и Никсон, является реальным человеком из плоти и крови? Существуют рассказы о подвигах сверхгероев с других планет, хоббитов, огней и бурь, парообразных интеллектов и других не-людей. Но какой ошибкой было бы относить эти рассказы к тому же классу, что и рассказы о Холмсе. В отличие от Кларка Кента (Кларк Кент — герой фантастических мультфильмов, обладающий сверхчеловеческими способностями. — *Пер.*) и др., Шерлок Холмс является просто человеком — человеком из плоти и крови, относясь к той же самой категории, что и Никсон. Рассмотрим также проблему групповых персонажей. Мы можем истинным образом сказать, что сэра Джозефа Портера, кавалера ордена Бани, посещает группа его сестёр и кузин и тётушек (Ссылка на оперетту Шильберта и Салливана «Военный корабль «Минафор». — *Пер.*). Что-

бы это было истинным, кажется, что область вымышленных персонажей должна содержать не только самого сэра Джозефа, но также много вымышленных сестёр и кузин и тётушек. Но сколько именно — возможно, пять дюжин? Нет, поскольку мы не можем истинным образом сказать, что эта группа насчитывает ровно пять дюжин. Мы не можем истинным образом сказать что-либо точное о её размерах. Тогда, может быть, мы можем сказать о вымышленной группе, но не о вымышленных членах этой группы и, следовательно, мы не можем говорить о числе этих членов? Нет, ибо мы можем истинным образом сказать нечто о её размере. Нам сообщается, что число сестёр и кузин, даже без тётушек, насчитывало дюжины. Мейнонгианец не обязан считать, что кванторы в описаниях вымышленных персонажей должны пробегать по всему диапазону объектов, которые он мыслит существующими, как вымышленных, так и не вымышленных; но ему может быть нелегко сказать, каким образом должна быть ограничена область квантификации. Рассмотрим вопрос о том, можем ли мы истинным образом сказать, что Холмс был умнее всех прочих людей, живших до или после него. Конечно, уместно его сравнивать с некоторыми вымышленными персонажами, такими, как Майкрофт или Ватсон; но не с такими, как Пуаро или Либби. Может оказаться уместным сравнение его с некоторыми невымышленными персонажами, такими, как Ньютон или Дарвин; но, вероятно, не с такими, как Конан Дойл или Фрэнк Рамсей.

Путь мейнонгианца тяжёл, и в этой статье я исследую более простую альтернативу. Вместо того, чтобы понимать описания вымышленных персонажей буквально, будем рассматривать их как сокращения более длинных предложений, начинающихся с оператора «В таком-то художественном произведении...». Такое выражение представляет собой интенциональный оператор, который может быть присоединён к предложению P , чтобы образовать новое предложение. Но затем присоединяемый оператор может быть опущен с целью сокращения, оставляя нас с предложением, которое звучит точно так же, как исходное предложение P , но отличается от него по смыслу. Таким образом, если я говорю, что Холмс любил демонстрировать свои способности, вы будете считать, что то, что я утверждаю, является сокращённой версией истинного предложения «В рассказах о Шерлоке Холмсе Холмс любил демонстрировать свои способности». Что же каса-

ется до включённого предложения «Холмс любил демонстрировать свои способности», то взятое само по себе, в отсутствие присоединяемого оператора, эксплицитного или молчаливо подразумеваемого, оно может разделить общую судьбу субъектно-предикатных предложений с субъектными терминами без денотата: автоматическая ложность или отсутствие истинностного значения, кому что нравится. Многое, что мы могли бы сказать о Холмсе, является потенциально неоднозначным. Эти предложения могут считаться или не считаться сокращениями предложений, содержащих зачин «В рассказах о Шерлоке Холмсе...». На практике контекст, содержание и здравый смысл обычно разрешают неоднозначность. Рассмотрим такие предложения:

Холмс жил на Бейкер-стрит.

Холмс жил ближе к вокзалу Паддингтон, нежели к вокзалу Ватерлоо.

Холмс был просто человеком из плоти и крови.

Холмс реально существовал.

В течение многих лет некоторый человек жил по адресу 221 В по Бейкер-стрит^[1].

Величайший сыщик Лондона 1890 года употреблял кокаин.

Все эти предложения ложны, если рассматриваются в отсутствие зачина, по той простой причине, что Холмс не существовал в действительности. (Или, возможно, по крайней мере некоторые из них лишены истинностного значения).

Все они истинны, если рассматривать их как сокращения предложений с зачином. Первые три предложения, вероятно, рассматривались бы именно этим последним способом, поэтому они представляются истинными. Остальные три, вероятно, рассматривались бы как предложения без зачина, поэтому они представляются ложными. Предложение «Ни один детектив в истории не распутывал практически все дела, которые вёл», вероятно, рассматривалось бы как не содержащее зачина и, следовательно, истинное, хотя оно было бы ложным, если бы рассматривалось как содержащее зачин. Предложение «Холмс и Ватсон — одно и то же лицо», несомненно, будет рассматриваться как содержащее зачин и, следовательно, ложное, но это никак не опровергает систем свободной логики^[2], которые считали бы его истинным, если рассматривать его без зачина. Спешу признать, что некоторые

истины относительно Холмса не являются сокращениями предложений с зачином и также не являются истинными просто потому, что имя «Холмс» не имеет денотата. Например:

Холмс — вымышленный персонаж.

Холмс был уничтожен Конан Дойлем, но впоследствии воскрешён.

Холмс приобрёл последователей.

Холмс символизирует непрекращающееся стремление человечества к истине.

Холмсу не нужны были бы магнитофонные плёнки, чтобы изобличить Никсона.

Холмс распутал бы проблему убийства по алфавиту быстрее, чем Пуаро.

Мне здесь нечего сказать о том, как надлежит трактовать эти предложения. Если мейнонгианец может справиться с ними без специальных ухищрений, то это составляет преимущество его подхода над моим.

Неясность относительно наличия зачина объясняет, почему истины, касающиеся вымышленных персонажей, иногда не приводят к их кажущимся следствиям. Предположим, мы имеем умозаключение (с нулём или более посылок), которое является правильным в том модальном смысле, что невозможно, чтобы все посылки были истинны, а заключение ложно. В таком случае кажется очевидным, что мы получим другое правильное умозаключение, если присоединим оператор «В художественном произведении Р...» в равной мере ко всем посылкам и к заключению исходного умозаключения. Истина в некотором данном художественном произведении заключена в форму импликации.

Но если мы присоединим оператор «В художественном произведении Р...» к некоторым, но не ко всем из первоначальных посылок, тогда, вообще говоря, ни первоначальное заключение, ни заключение, содержащее зачин «В художественном произведении Р...», не будут следовать из посылок. В рассмотренном ранее выводе было две посылки. Посылка, гласящая, что Холмс жил в доме номер 221b по Бейкер-стрит, истинна, только если понимается как имеющая зачин. Посылка, что единственное здание под номером 221b по Бейкер-стрит было банком, напротив того, истинна, только если понимается как не имеющая зачина, так как в рассказах там был не банк, а меблированные комнаты.

Если понимать обе посылки как не имеющие зачина, из них следует заключение без зачина, но первая посылка является ложной. Если понимать обе посылки как имеющие зачин, из них следует заключение с зачином, но вторая посылка является ложной.

Нашей задачей остаётся посмотреть, что можно сказать относительно анализа оператора «В таком-то и таком-то художественном произведении...». Я уже отмечал, что истина в некотором данном художественном произведении заключена в форму импликации. Такая форма является отличительным признаком оператора относительной необходимости, интенционального оператора, который можно анализировать как квантор ограниченной универсальности на множестве возможных миров. Таким образом, мы могли бы заключить следующее: предложение, содержащее зачин «В художественном произведении $P...$ », истинно (или, как мы также будем говорить, P истинно в художественном произведении P) тогда и только тогда, когда истинно в любом возможном мире из некоторого определённого множества, причём это множество каким-то образом определяется художественным произведением P .

В первом приближении мы могли бы учесть в точности те миры, в которых разыгрывается фабула данного произведения, в которых имеет место течение событий, соответствующее рассказанной истории. Тогда истинность в рассказах о Шерлоке Холмсе будет истинностью во всех тех возможных мирах, в которых есть персонажи, имеющие те же свойства, находящиеся в тех же отношениях и совершающие те же поступки, которые в рассказах приписаны Холмсу, Ватсону и др. (вопрос о том, будут ли в таком случае эти персонажи Холмсом, Ватсоном и др., спорный, и мы должны вскоре рассмотреть его). Я считаю, что это предложение не совсем правильно. Во-первых, здесь есть угроза порочного круга. Даже рассказы о Шерлоке Холмсе, не говоря уже о художественных произведениях, написанных менее прозрачным стилем, никоим образом не являются в форме простой хроники событий.

Действительно, понимающий и знающий читатель может обнаружить фабулу и может, если захочет, записать её в форме полностью эксплицитной хроники событий. Но такое извлечение фабулы из текста не является тривиальной или автоматической задачей. Возможно, читатель выполняет её лишь путём опреде-

ления того, что является истинным в рассказах, — то есть лишь путём использования своего скрытого владения тем самым концептом истины в художественных произведениях, который мы и подвергаем сейчас исследованию. Если это так, то анализ, начинающийся с не критического использования понятия фабулы художественного произведения, был бы не слишком информативен, даже если он сам по себе правилен.

Другая проблема вытекает из наблюдения, сделанного Солом Крипке^[3]. Предположим, что Конан Дойл действительно писал целиком вымышленные рассказы. Он просто выдумывал их. У него не было никаких сведений о ком-либо, кто бы совершил поступки, которые он приписал Холмсу, и он не собирал даже осколков информации о ком-либо похожем. Тем не менее, может статься, что по чистому совпадению наш собственный мир является одним из возможных миров, в котором разыгрывалась фабула этих рассказов. Может быть, существовал человек, о котором Конан Дойл никогда не слышал, но который на самом деле участвовал в событиях, случайным образом совпавших с этими рассказами до мельчайших подробностей. Может быть, его даже звали «Шерлок Холмс». Невероятно, немисливо, но, конечно, теоретически возможно! Теперь рассмотрим имя «Шерлок Холмс», как оно используется в рассказах. Является ли референтом имени, используемого в рассказах, человек, о котором Конан Дойл никогда не слышал? Конечно, нет! То, что омонимичное имя используется какими-то людьми, в число которых Конан Дойл не входит, для референции к этому человеку, здесь не релевантно. Мы должны провести разграничение между этими омонимами, точно также, как мы отличали бы название Лондон (Англия) от омонимичного названия Лондон (Онтарио). В нашем мире ложно, что имя «Шерлок Холмс», как оно используется в этих рассказах, имеет референцию к какому-либо лицу. В то же время истинно, что в рассказах данное имя, как оно используется в этих рассказах, имеет референцию к некоторому лицу. Таким образом, мы обнаружили нечто, истинное в рассказах, но ложное (при нашем невероятном предположении) в одном из миров, в котором разыгрывается фабула этих рассказов.

Чтобы избежать этой трудности, было бы полезно думать о художественном произведении не отвлечённо, не как о цепочке предложений или о чём-то в этом роде. Скорее, оно представляет

собой историю, рассказанную повествователем при определённых обстоятельствах. Он может рассказывать свои повести у костра, или же он может отпечатать рукопись на машинке и послать её издателю, но в любом случае имеет место акт повествования. Различны акты повествования, различны и произведения. Когда Пьер Менар заново рассказывает «Дон Кихота», это не то же произведение, что «Дон Кихот» Сервантеса — даже если они рассказаны одним и тем же языком и совпадают слово в слово^[4]. (Дело обстояло бы иначе, если бы Менар воспроизводил произведение Сервантеса по памяти; однако тогда это не было бы тем, что я называю актом повествования.) Один и тот же акт повествования может, однако, представлять собой рассказывание двух различных произведений; одно из них — безобидная фантазия, рассказываемая для детей и для цензоров, а другое — подрывающая устои аллегория, рассказываемая в то же самое время для посвящённых.

Повествование включает в себе притворство. Повествователь делает вид, что рассказывает правду о вещах, которые он знает. Он делает вид, что говорит о персонажах, которые ему известны и к которым он осуществляет референцию, в типичном случае, посредством их обычных имён. Но если его рассказ представляет собой художественный вымысел, он не делает всего этого на самом деле. Обычно его притворство ни в малейшей степени не направлено на то, чтобы кого-нибудь обмануть, и он не имеет ни малейшего намерения кого-либо обманывать. Тем не менее, он играет роль обманщика, делает вид, что рассказывает известные ему факты, тогда как сам этого не делает. Это более всего очевидно, когда художественное повествование ведётся от первого лица. Конан Дойл притворялся, что он доктор по имени Ватсон, занятый тем, что издаёт правдивые воспоминания о событиях, свидетелем которых он сам являлся. Но и случай повествования от третьего лица не является полностью отличным. Автор делает вид, что рассказывает правду о вещах, о которых он каким-то образом узнал, хотя, как именно он узнал о них, не говорится. Вот почему в повествовании от третьего лица, заканчивающемся: «...и не осталось никого, кто бы мог рассказать об этом», — содержится прагматический парадокс сродни противоречию.

Я полагаю, что миры, которые нам следует рассмотреть, — это миры, в которых рассказывается данное художественное произведение, но не как вымысел, а как достоверный факт. Акт повествования происходит там точно так же, как и в нашем мире; но там имеет место то, что здесь ложно изображается имеющим место правдивый рассказ о вещах, которые рассказчик знает^[5]. Наш собственный мир не может быть таким миром, так как если то, с чем мы имеем дело, действительно представляет собой вымысел, то акт повествования в нашем мире не являлся тем, чем он претендовал быть. Не имеет значения, если, неведомо для автора, наш мир принадлежит к числу миров, в которых разыгрывалась фабула его произведения. Реально живший Шерлок Холмс не сделал бы Конан Дойла сколько-нибудь меньшим притворщиком, если Конан Дойл никогда не слышал о нём. (Наряду с этим реально жившим Холмсом мог существовать и реально живший Ватсон, который рассказывал правдиво истории оключениях Холмса, свидетелем которых являлся.)

Но даже если его воспоминания совпали бы с художественными произведениями Конан Дойла слово в слово, это не были бы тождественные повествования — не в большей степени, чем «Дон Кихот» Сервантеса, — это то же самое повествование, что и «Дон Кихот» Менара. Таким образом, наш мир всё равно не был бы одним из тех миров, в которых истории о Холмсе — том же самом Холмсе, о котором Конан Дойл рассказывал в художественных произведениях, — рассказываются как достоверные факты.) С другой стороны, любой мир, в котором история рассказывается как достоверный факт, а не как вымысел, должен принадлежать множеству миров, в которых разыгрывается фабула повествования. В противном случае нельзя было бы ни знать, ни правдиво рассказывать, что она разыгрывается.

Я опираюсь на понятие тождества для повествований, принадлежащих разным мирам; оно частично основывается на дословном соответствии и частично на тождестве (или, возможно, отношении аналогов) для актов повествования, принадлежащих разным мирам. Здесь, в нашем мире, мы имеем художественное произведение f , рассказанное об акте повествования a ; в некотором другом мире мы имеем акт правдивого повествования о достоверных фактах a ; истории, рассказанные в a и в f , совпадают слово в слово, и слова употреблены в одних и тех же значениях.

Означает ли это, что указанный другой мир принадлежит к числу тех, где f рассказывается как достоверный факт, а не как вымысел? Не обязательно, как показывает случай с Менаром. Необходимо также, чтобы a и a представляли собой один и тот же акт повествования (или, по меньшей мере, аналоги). Насколько это плохо? Несомненно, вам хотелось бы узнать побольше о критериях тождества (или отношения аналогов) для актов повествования, принадлежащих разным мирам, да и мне тоже. Но я полагаю, что мы в достаточной степени уяснили себе суть, чтобы имело смысл пойти дальше. Я не вижу здесь опасности порочного круга, поскольку я не вижу способа как бы то ни было использовать понятие истины в художественном произведении в качестве вспомогательного средства при анализе тождества актов повествования в различных мирах.

Предположим, что в художественном произведении используются такие имена, как «Шерлок Холмс». В тех мирах, в которых та же самая история рассказывается как достоверный факт, а не как вымысел, эти имена действительно являются тем, чем они претендуют быть: обычными собственными именами реально существующих лиц, известных повествователю. Здесь, в нашем мире, повествователь лишь делает вид, что «Шерлок Холмс» обладает характеристиками обычного собственного имени. У нас нет ни малейших оснований полагать, что это имя как оно используется здесь, в нашем мире, на самом деле обладает такими характеристиками. В том виде, в каком мы используем его, оно совсем не похоже на обычное собственное имя. В самом деле, оно может иметь в высшей степени нежесткий смысл, зависящий главным образом от тех описаний Холмса и его поступков, которые можно найти в рассказах. Вот что я предлагаю: смысл имени «Шерлок Холмс», как мы используем его, таков, что для любого мира W , в котором истории о Холмсе рассказываются как достоверный факт, а не вымысел, это имя обозначает в W того обитателя W , кем бы он ни был, который играет в этом мире роль Холмса. Разумеется, эта роль включает в себя требование носить обычное собственное имя «Шерлок Холмс». Но это показывает только, что «Шерлок Холмс» используется в W как обычное собственное имя, а не то, что оно используется таким образом в нашем мире ^{[6]: [7]}.

Я также предполагаю, хотя и с меньшей уверенностью, что во всех случаях, когда мир W не принадлежит к только что рассмотренному множеству миров, смысл имени «Шерлок Холмс», как мы его используем, таков, что ему не приписывается никакого денотата в W . Если мы правы в том, что Конан Дойл рассказывал истории о Холмсе как художественный вымысел, то из этого следует, что «Шерлок Холмс» не имеет денотата здесь, в нашем мире. Оно не обозначает реально жившего Шерлока Холмса, о котором Конан Дойл никогда не слышал, если бы таковой нашёлся.

Мы дошли до предположения, которое я назову АНАЛИЗ 0:

Предложение вида «В художественном произведении f » истинно тогда и только тогда, когда f истинно в каждом мире, в котором f рассказывается как достоверный факт, а не как вымысел. Верно ли это? Есть люди, которые не устают говорить нам, что бы мы не вычитывали из художественных произведений, в нём нет ничего такого, что бы там не было высказано эксплицитно, и Анализ 0 отражает подход, принятый теми, кто придерживается указанного взгляда в самой крайней форме. Я, однако, не думаю, что такой подход является сколько-нибудь общепринятым. Большинство из нас склонны читать художественное произведение на фоне достоверно известных фактов, «вчитывая» в произведение содержание, которое не выражено эксплицитно, но получается из соединения эксплицитно выраженного содержания и фоновых знаний. Анализ 0 не учитывает фона. Тем самым он вводит в рассмотрение слишком много возможных миров, не все из которых оказываются истинными в данном произведении. Они могут отличаться от нашего мира каким угодно образом. Среди них могут быть миры, в которых Холмс живёт в Лондоне, устроенном совсем иначе, нежели Лондон нашего мира, в Лондоне, в котором адрес Холмса по Бейкер-стрит гораздо ближе к вокзалу Ватерлоо, нежели к вокзалу Паддингтон. Я не думаю, чтобы такое географическое искажение с необходимостью мешало объектам, которые называются «Лондон», «вокзал Паддингтон» в реальном мире, быть тождественными одноимённым объектам действительного мира или их аналогами. Но, если я ошибаюсь, это не сделает спорным моё утверждение, что существуют миры, в которых эти истории рассказываются как достоверный факт, но в

которых истинно, что Холмс живёт ближе к вокзалу Ватерлоо, нежели к вокзалу Паддингтон. Дело в том, что для нас открыта возможность рассматривать географические названия, как они используются в рассказах, как вымышленные наименования с нежестким смыслом, подобным нежесткому смыслу, который я уже приписал имени «Шерлок Холмс». Это, в частности, означало бы, что название «вокзал Паддингтон», как оно используется в рассказах, не обозначает реального вокзала, носящего это имя.

Подобным образом я утверждаю, что в мире этих рассказов истинно, хотя и не выражено эксплицитно, что у Холмса не было трёх ноздрей; что он никогда не расследовал дела, в котором убийцей оказался бы фиолетовый гном; что он расследовал дела, не прибегая к помощи божественного откровения; что он никогда не летал к спутникам Сатурна; и что он носил нижнее бельё. Могут существовать такие странные миры, в которых истории о Холмсе рассказываются как достоверные факты, но в которых все эти утверждения ложны. Строго говоря, логически ошибочно начинать рассуждения, исходя из смеси утверждений, истинных в реальном мире, и утверждений, истинных в мире художественного вымысла, и делать выводы об истине в художественном произведении. Из смеси посылок с зачином и без зачина ничего не следует. Но на практике часто такая ошибка ни к чему дурному не приводит. Предпосылки из реальности в смешанном рассуждении могут быть частью того фона, на котором мы прочитываем художественное произведение. Они могут переноситься в произведение не потому, чтобы там содержалось что-либо, обеспечивающее их истинность, но, скорее, потому, что там нет ничего, что бы делало их ложными. В рассказах о Холмсе, например, нет ничего, что даёт нам малейшее основание установить пределы нашему фоновому знанию общих контуров лондонской географии. Лишь некоторые детали нуждаются в изменении — в основном, детали, имеющие отношение к номеру 221b по Бейкер-стрит. Передвигать куда-либо вокзалы или даже ставить их расположение под вопрос не требуется. Любое утверждение об их расположении, истинное в действительности, является истинным и в мире этих рассказов. Не является ошибкой рассуждение, исходящее из подобных фактов и ведущее к выводам о том, что ещё является истинным в мире этих рассказов.

Вы уже слышали всё это и раньше. Рассуждение об истине в художественном произведении во многом схоже с контрфактическим рассуждением. Мы делаем контрфактическое предположение — что если бы мы чиркнули этой спичкой? Рассуждая о том, что бы случилось в этой контрфактической ситуации, мы используем посылки, взятые из реальности. Спичка была сухой, вокруг был кислород и так далее. Но мы не используем посылок, взятых из реальности, совершенно свободно, поскольку часть из них пала бы жертвой изменений, переносящих нас из реальности в рассматриваемую контрфактическую ситуацию. Мы не используем взятые из реальности посылки, что спичка в рассматриваемый момент находилась внутри спичечной коробки или что через секунду вокруг неё была комнатная температура. Мы отходим от реальности постольку, поскольку мы должны прийти до возможного мира, в котором контрфактическое предположение истинно (и отходим весьма далеко, если предположение достаточно фантастично). Но мы не делаем немотивированных изменений. Мы сохраняем неизменными те признаки реальности, которые не требуется изменить, если выбирать наименее разрушительный способ сделать истинным это предположение. Мы можем смело рассуждать, исходя из той части наших фоновых знаний, которая таким образом сохраняется неизменной. Пока изложенный здесь подход разделяется целым рядом авторов. Различия в деталях между разными трактовками несущественны для настоящих целей. Моя собственная версия^[8] звучит следующим образом. Контрфактическое суждение вида «Если бы было P , то было бы Q » является истинным нетривиальным образом тогда и только тогда, когда некоторый возможный мир, в котором истинны одновременно P и Q , отличается от нашего действительного мира, если взвесить все различия, меньше, чем любой мир, в котором P истинно, а Q не истинно (для простоты я опускаю ограничения, связанные с достижимостью).

Возвращаясь к истине в художественном произведении, вспомним, что затруднения с Анализом O состояли в том, что он не учитывает фон и тем самым вводит в рассмотрение странные миры, немотивированным образом отличающиеся от реального мира. Вымысел, вообще говоря, потребует некоторых отходов от реальности, тем более, если это фантастический вымысел. Но необходимо держать отходы от реальности под контролем. Не-

верно или, по крайней мере, эксцентрично читать рассказы о Холмсе таким образом, как если бы эти истории могли, не вступая в противоречие с нашими представлениями, происходить в мире, в котором детективы с тремя ноздрями преследуют фиолетовых гномов. Способ справиться с этим затруднением состоит, грубо говоря, в том, чтобы анализировать утверждения об истине в художественном произведении как контрфактические суждения. То, что является истинным в историях о Шерлоке Холмсе, — это то, что было бы истинным, если бы эти истории рассказывались как достоверный факт, а не вымысел.

Формулируя это в соответствии с моей трактовкой контрфактических утверждений, получаем Анализ I: Предложение вида «В художественном произведении f » истинно нетривиальным образом тогда и только тогда, когда некоторый мир, в котором f рассказывается как достоверный факт и f является истинным, отличается от нашего действительного мира, если взвесить все различия, меньше, чем любой мир, в котором f рассказывается как достоверный факт и при этом f не истинно. Оно является истинным тривиальным образом тогда и только тогда, когда не существует возможных миров, в которых f рассказывается как достоверный факт. (Я пока откладываю рассмотрение тривиального случая.) Мы иногда говорим о мире художественного произведения. То, что истинно в рассказах о Холмсе, является истинным, как мы говорим, «в мире Шерлока Холмса».

То, что мы говорим, таким образом, должно навести на мысль, что это верно — рассматривать не все миры, в которых разыгрывается фабула рассказов, и даже не все миры, в которых эти истории рассказываются как достоверный факт. «В мире Шерлока Холмса», как и в реальном мире, Бейкер-стрит ближе к вокзалу Паддингтон, нежели к вокзалу Ватерлоо, и не существует фиолетовых гномов. Но не годится следовать повседневному языку до такой степени, чтобы полагать, что мы можем каким-то образом выделить один-единственный мир из множества миров, в которых эти истории рассказываются как достоверный факт. Является ли мир Шерлока Холмса миром, в котором у Холмса было чётное и нечётное число волос на голове, в тот момент, когда он впервые встретил Ватсона? Какова группа крови у инспектора Лейстреда? Нелепо предполагать, что на эти вопросы о мире Шерлока Холмса есть ответы. Лучшее объяснение этого состоит

в том, что существует целое множество миров Шерлока Холмса и в разных мирах ответы на эти вопросы разные. Если мы можем предположить, что некоторые из миров, в которых эти истории рассказываются как достоверный факт, отличаются от нашего мира минимально, то это и будут миры Шерлока Холмса. То, что истинно в них во всех, истинно и в рассказах; то, что истинно в некоторых из них и ложно в других, не является ни истинным, ни ложным в рассказах. Любой ответ на заданные только что глупые вопросы, без сомнения, попадает в последнюю категорию. Именно по этой самой причине хор сестёр и кузин и тётушек сэра Джозефа Портера не имеет определённого числа участниц: число участниц различно в различных мирах «Военного корабля «Минафор»^[9].

При Анализе I истина в некотором данном художественном произведении зависит от чистой случайности. Я не имею в виду той теоретической возможности, что случайные свойства художественного произведения могут каким-то образом участвовать в определении того, в каких именно мирах данный вымысел рассказывается как достоверный факт. Скорее, случайным является то, какие из этих миров отличаются от нашего мира больше и какие меньше, и какие (если таковые вообще имеются) отличаются меньше всего. Вот почему если это случайность — на самом деле это та случайность, от которой зависят все прочие факты, — то, какой именно возможный мир является нашим действительным миром. В той степени, в какой свойства нашего мира воздействуют на миры Шерлока Холмса, то, что является истинным в рассказах о нём, зависит от того, на что похож наш мир. Если бы лондонские вокзалы имели иное местоположение, в этих рассказах могло бы быть истинным (и не потому, что рассказы были бы другими), что Холмс жил ближе к вокзалу Ватерлоо, нежели к вокзалу Паддингтон.

С этой случайностью всё обстоит очень хорошо, когда истина в художественном произведении зависит от хорошо известных случайных фактов, касающихся нашего мира, как это было в примерах, приведённых мной до сих пор, чтобы обосновать Анализ I. Сложнее дело обстоит, если истина в художественном произведении оказывается зависящей от случайных фактов, не столь хорошо известных. В статье, излагающей малоизвестные факты

касательно движения змей, Карл Ганс рассуждает следующим образом:

В «Пёстрой ленте» Шерлок Холмс расследует таинственное убийство, показывая, что жертва была убита болотной гадюкой, которая взбирается по шнуру для звонка. Чего Холмс не осознавал, так это того, что болотная гадюка не удав. Следовательно, эта змея не способна к стягивающим движениям и не могла взобраться по шнуру. Либо змея добралась до жертвы каким-либо иным способом, либо дело остаётся нераскрытым^[10].

Мы вполне можем смотреть на это рассуждение с подозрением. Но если Анализ I правилен, то правильна и аргументация Ганса. В рассказе нигде не говорится, что Холмс был прав, утверждая, что змея взобралась по шнуру. Следовательно, есть миры, в которых истории о Холмсе рассказываются как достоверные факты, в которых змея добралась до жертвы каким-то иным способом и в которых Холмс, таким образом, попал впро�ак.

По-видимому, некоторые из этих миров меньше отличаются от нашего мира, нежели конкурирующие миры, в которых Холмс был прав и в которых болотная гадюка способна осуществлять стягивающие движения, взбираясь по шнуру. Непогрешимость Холмса, конечно, не обеспечивает сходства с реальностью, которое компенсировало бы указанное несходство: ведь в нашем мире вообще нет никакого непогрешимого Холмса. Более важный пример представлен психоанализом вымышленных персонажей. Критик пользуется (тем, что он считает) малоизвестными фактами человеческой психологии как предпосылками и, рассуждая, приходит к весьма неочевидным выводам относительно детства вымышленного персонажа или его ментального состояния, когда он стал взрослым. При Анализе I эта процедура оправданна. Если в противовес не могут быть найдены никакие соображения, рассматривать миры, в которых эти малоизвестные факты психологии не имеют силы, — значит отходить от реальности немотивированным образом. Психоанализ вымышленных персонажей возбудил энергичные возражения. Если постараться, можно было бы найти возражения и против рассуждения Ганса. Я сохраню нейтралитет в этих спорах и постараюсь предусмотреть нужды как той, так и другой стороны. Анализ I или что-то близкое к этому отражает точку зрения Ганса и литературных психоана-

литиков. Поищем альтернативный анализ, отражающий отличную точку зрения, которой придерживаются их оппоненты. Я не буду пытаться установить, какая из точек зрения в большей степени способствует восприятию художественной литературы и пронизательности критических суждений.

Предположим, мы решим, вопреки Гансу и литературным психоаналитикам, что малоизвестные или неизвестные факты относительно нашего мира не релевантны для истины в художественном произведении. Но не будем снова впадать в Анализ 0; он не является нашей единственной альтернативой. Давайте всё же признаем, что вполне допустимо заключать об истине в художественном произведении на основании общеизвестных фактов.

Обязаны ли они утверждать, что если все известные или вовсе неизвестные факты не релевантны, то столь же нерелевантно и то, что в совокупности представлений, которые, по общему мнению, принимаются за достоверные факты, могут быть и ошибочные. Мы полагаем, что мы достоверно знаем, что фиолетовых гномов не бывает, но что если существует несколько, неизвестных никому, кроме них самих, живущих в уединённой хижине у озера Лох-Несс? Коль скоро мы отказываемся от точки зрения, отражённой в Анализе I, представляется очевидным, что, какие бы фиолетовые гномы ни прятались в каких-то уголках нашего реального мира, в мирах Шерлока Холмса всё же нет ни одного из них. Теперь мы стали рассматривать истинность в художественном произведении как совместный продукт эксплицитного содержания произведения и фона, состоящего из господствующих представлений. наших собственных мнений? Не думаю. Это бы означало, что истинностные значения в художественном произведении постоянно меняются. Могло бы быть так, что Ганс пока не прав, но он может стать правым относительно ошибки Холмса в дальнейшем, если достаточное число людей прочтёт его статью и узнает, что болотная гадюка не может лезть по шнуру. Когда карта викторианского Лондона была бы окончательно забыта, перестало бы быть верным, что Холмс жил ближе к Паддингтону, нежели к Ватерлоо. Как это ни странно, учёный историк имел бы не лучшие возможности знать, что является истинным в художественных произведениях изучаемого им периода, нежели несведущий неспециалист. Это не может быть верно. То, что является истинным в художественном произ-

ведении, когда оно рассказывается в первый раз, остаётся истинным в нём и навсегда. Прибывать и убывать может наше знание о том, что является истинным в этом художественном произведении. В таком случае собственно фон состоит из представлений, господствующих в том сообществе, в котором возникло данное произведение: представлений, которых придерживались автор и его предполагаемая аудитория. И действительно, послышки, которые казались нам приемлемыми, когда мы рассуждали о Шерлоке Холмсе, были частью общепринятых представлений в том сообществе, в котором возникли эти рассказы. Всякий примерно знал, где находятся главные вокзалы Лондона, не верил в фиолетовых гномов и так далее.

И последняя сложность. Предположим, что Конан Дойл тайно верил в фиолетовых гномов; полагая, что больше никто не разделяет его веру в них, он тщательно скрывал её из страха показаться смешным. Предположим также, что некоторые из его первоначальных читателей тоже тайно верили в фиолетовых гномов. На самом деле, предположим, что все, кто жил в то время, тайно верили в фиолетовых гномов и каждый полагал, что больше никто не разделяет его веру. В этом случае ясно (в той мере, в какой вообще что-то ясно относительно такой странной ситуации), что вера в фиолетовых гномов не является «господствующей» в требуемом отношении и что в мирах Шерлока Холмса по-прежнему нет фиолетовых гномов. Назовём представление явным в некотором сообществе в некоторый момент времени, если более или менее все разделяют его и более или менее все полагают, что более или менее все прочие разделяют его, и т.д.^[11] Соответствующий фон, можем мы сделать вывод, включает в себя представления, явные в сообществе, в котором возникло художественное произведение.

Несколько идеализируя действительность, положим, что представления, явные в данном сообществе, являются каждое само по себе и все вместе непротиворечивыми. Тогда мы можем приписать сообществу некоторое множество возможных миров, называемых мирами коллективных представлений данного сообщества, причём это множество включает в точности те миры, в которых все явные представления оказываются истинными.

Только в случае необычайной удачи для данного сообщества реальный мир будет принадлежать этому множеству. На са-

мом деле, реальный мир определяет миры коллективных представлений того сообщества, в котором возникло художественное произведение, и затем подвергается анализу. (Разумеется, дело случая — что представляет собой это сообщество и каковы его явные представления). Мы остались с двумя множествами миров: мирами, в которых художественное произведение рассказывается как достоверный факт, и мирами коллективных представлений сообщества, в котором возникло произведение. Первое множество задаёт содержание произведения; второе задаёт фон господствующих представлений.

Было бы ошибкой просто рассматривать миры, которые одновременно принадлежат обоим множествам. Художественный вымысел обычно идёт вразрез по крайней мере с некоторыми из явных представлений сообщества. К тому же обычно в сообществе, в котором возникает художественное произведение, есть явное представление, что соответствующая история не рассказывается как достоверный факт, — повествователи редко прибегают к обману, — так что ни один из миров, в которых данный вымысел рассказывается как достоверный факт, не может быть миром коллективных представлений сообщества. Даже если два множества пересекаются (вымысел правдоподобен, и автор выдаёт его за факт), миры, принадлежащие обоим множествам, вероятным образом будут характеризоваться особенностями, не имеющими отношения к вопросу об истинности в художественном произведении.

Предложение вида «В художественном произведении f » истинно нетривиальным образом тогда и только тогда, когда какой бы мир W ни был одним из миров коллективных представлений сообщества, в котором возникло f , существует некоторый мир, в котором f рассказывается как достоверный факт и f является истинным и который отличается от мира W , если взвесить все различия, меньше, чем любой мир, в котором f рассказывается как достоверный факт и f не является истинным. Оно истинно тривиальным образом тогда и только тогда, когда не существует возможных миров, в которых f рассказывается как достоверный факт.

Именно Анализ 2 или что-то вроде этого я предоставляю в распоряжение оппонентов Ганса и литературных психоаналитиков.

Я кратко рассмотрю две остающихся области возможных затруднений и набросаю стратегии, позволяющие подойти к ним. Однако я не собираюсь предлагать дальнейшего усовершенствования анализа; отчасти потому, что я сам не вполне уверен, какие изменения следует сделать, а отчасти потому, что Анализ 2 и без того уже достаточно сложен. Я сказал, что истинность в художественном произведении является совместным продуктом двух начал: его эксплицитного содержания и фона, состоящего либо из фактов касательно нашего мира (Анализ 1), либо из представлений, явных в сообществе, в котором возникло произведение (Анализ 2). Возможно, есть ещё третий источник, также вносящий свой вклад: воздействие со стороны другой художественной истины. Различаются два случая: внутреннее воздействие (в пределах того же произведения) и внешнее воздействие (между произведениями).

В «Трёхгрошовой опере» главные персонажи — вероломная компания. Они постоянно уличный певец. Он появляется, поёт предают друг друга ради корысти или чтобы избежать опасности. Среди персонажей есть балладу о Мэкки-Ноже и уходит по своим делам, никого не предавая. Является ли он тоже вероломным человеком? Эксплицитно выраженное содержание не делает его таковым. Реальные люди не столь вероломны, и даже в веймарской Германии не было явного представления, что они вероломны, так что фон также его таковым не делает. Однако есть некоторое основание говорить, что он является вероломным: таковы люди в «Трёхгрошовой опере». В мирах «Трёхгрошовой оперы» всякий, кто подвергается испытанию, оказывается вероломным, а уличный певец вместе со всеми остальными принадлежит этим мирам, так что, без сомнения, он тоже оказался бы вероломным, если бы мы его видели подольше. Вероломство его натуры вытекает путём внутреннего воздействия из вероломства натуры Макхита, Полли, Пантеры Брауна и всех прочих в этом произведении.

Предположим, я пишу повесть о драконе Скрульхе, прекрасной принцессе, лысом рыцаре и так далее. Повесть представляет собой совершенно типичный пример стилизации этого жанра, но только я нигде не говорю, что Скрульх дышит огнём. Дышит ли он тем не менее огнём в моей повести? Возможно, что да, поскольку драконы в повествованиях такого рода дышат ог-

нём. Но эксплицитное содержание не делает его огнедышащим. Не делает этого и фон, поскольку в действительности и в соответствии с нашими представлениями не бывает огнедышащих животных. (Может быть просто аналитически истинным, что ничто не является драконом, если оно не дышит огнём. Но предположим, я нигде не называл Скрульха драконом; я только наделил его всеми стандартными атрибутами дракона, кроме дыхания огнём.) Если Скрульх в моей повести всё-таки дышит огнём, то это (вследствие воздействия между произведениями) вытекает из того, что истинно в отношении драконов в других повествованиях.

Я говорил о рассказах о Холмсе Конан Дойла; но рассказы о Холмсе писали и многие другие авторы. Они имели бы немного смысла, если бы не было внешнего воздействия. Несомненно, многое в этих вторичных историях истинно не вследствие эксплицитного содержания самой вторичной истории и не потому, что является частью фона, но, скорее, потому, что вытекает из исходных рассказов о Холмсе, написанных Конан Дойлом. Аналогичным образом, если вместо того, чтобы спрашивать, что истинно во всём корпусе историй о Холмсе Конан Дойла, мы спросим, что истинно в «Собаке Баскервильей», мы, без сомнения, обнаружим множество вещей, истинных в этом рассказе только в силу воздействия других написанных Конан Дойлом рассказов о Холмсе.

Я, наконец, обращусь к тривиальной истине в невозможных вымыслах. Назовём художественный вымысел невозможным, если и только если не существует мира, в котором он рассказывается как достоверный факт, а не как вымысел. Это может случиться в одном из двух случаев. Во-первых, невозможной может быть фабула. Во-вторых, возможная фабула может подразумевать, что никто не может быть в состоянии знать или рассказывать о соответствующих событиях. Если имеет место второй случай невозможности, то рассказывать вымысел как достоверный факт значило бы знать и рассказывать как об истине о чём-то таком, истинность чего не может быть никому известна; а это невозможно.

В соответствии со всеми тремя из моих анализов, всё, что угодно, является истинным в невозможном художественном вымысле тривиальным образом. Это кажется полностью удовлетво-

рительным, если невозможность является вопиющей: если мы имеем дело с фантазией о затруднениях человека, который нашёл квадратуру круга, или с худшим сортом повествования о беспорядочных путешествиях во времени. Не следует предполагать, что у нас есть какое-то особое понятие истины в вопиюще невозможном художественном произведении, или, пожалуй, следует предположить, что у нас есть таковое, только потребовав — не слишком серьёзно, — чтобы наряду с возможными мирами существовали также невозможные возможные миры.

Но что нам делать с художественным вымыслом, который не является вопиюще невозможным, а невозможен лишь в силу того, что автор оказался забывчив. Я говорил об истине в рассказах о Шерлоке Холмсе. Строго говоря, они (взятые в совокупности) представляют собой невозможный художественный вымысел. Конан Дойл от одного рассказа к другому противоречит сам себе в отношении расположения старой раны, полученной Ватсоном на войне.

Однако я не хочу сказать, что в рассказах о Холмсе истинно вообще всё, что угодно. Я полагаю, что мы могли бы сделать два шага, чтобы сказать, что является истинным в невопиюще невозможном художественном вымысле, таком, как рассказы о Холмсе. Во-первых, перейдём от исходного невозможного художественного вымысла к тем нескольким возможным исправленным версиям, которые стоят максимально близко к исходной. Тогда будем говорить, что истинно в исходной версии то, что истинно в соответствии с одним из наших анализов нетривиальной истинности в художественном произведении во всех этих исправленных версиях. Тогда ничто определённое в отношении местоположения раны Ватсона не будет истинным в рассказах о Холмсе. Но по крайней мере в этих рассказах будет истинным, что Ватсон был ранен куда-то в другое место нежели в большой палец левой ноги. Конан Дойл помещал рану в различные места, но не туда. Поэтому ни в одной из исправленных версий рана не помещается в большой палец левой ноги, поскольку это изменило бы историю более, нежели требуется из соображений непротиворечивости.

Исправленные версии, как и исходное художественное произведение, будут связываться с актами повествования. В отличие от исходной версии, исправленные версии не будут в самом

деле рассказываться ни как вымысел, ни как достоверный факт. Но существуют миры, в которых они рассказываются как вымысел, и миры, в которых они рассказываются как достоверный факт.

Даже когда исходный художественный вымысел не является совершенно невозможным, могут быть случаи, когда было бы лучше рассматривать не истинность в исходном произведении, а истинность во всех соответствующим образом исправленных версиях. У нас есть трёхтомный роман, напечатанный в 1878 г. Из первого тома мы узнаём, что герой в некоторый определённый день ел второй завтрак в Глазго. В третьем томе оказывается, что в этот же день он неожиданно появляется в Лондоне. Этот роман никоим образом не подразумевает какой-то фантазии на тему быстрых перемещений. Автор просто был невнимателен. Мы могли бы получить нетривиальную истинность, применив наши анализы непосредственно к роману в том виде, в каком он написан. Поскольку ближайшие миры, в которых он рассказывается как достоверный факт, — это миры, в которых есть замечательный способ передвижения, результаты удивили бы всякого — например, нашего забывчивого автора, — кто не потрудился тщательно составить расписание передвижений героя. Менее жёстко было бы применить эти анализы не к исходному повествованию, а вместо того к минимальным образом исправленным версиям, которые делают передвижения героя осуществимыми посредством способов путешествия, доступных в 1878 г. По крайней мере, было бы лучше всего, если бы можно было устранить временные неполадки, не изменяя фабулу коренным образом. Это может быть невозможно, и в таком случае, возможно, истинность в исходной версии — как бы она ни была удивительна — есть лучшее, что мы можем получить.

Постскриптумы к «Истинности в вымысле»

А. Воображаемое рассказывание и узнавание

Повествователь — как правило, если не всегда — делает вид, что рассказывает правду о вещах, о которых знает. На самом деле, я считаю процесс повествования составной частью самого повествования; или, другими словами, я ставлю изображаемую истинность рассказываемой им истории в зависимость от того, что он делает вид, будто повествует об истинных событиях.

Таким образом, я избегаю возражения Крипке, что повествование может случайно оказаться истинным, но всё же быть вымышленным. Поскольку случайно оказаться истинной могла бы часть повествования, касающаяся того, что Холмс совершил, но не часть, касающаяся того, откуда берут происхождение рассказываемые нами истории о нём. Я полагаю, что это искусственная уловка, позволяющая преодолеть техническое затруднение. Но статьи о художественном вымысле Кендалла Уолтона^[12] убедили меня, во-первых, в том, что эта уловка не совсем искусственна, и, во-вторых, в том, что изображение повествователем истинности и знания — это только верхушка айсберга. Имеет место кооперативная игра воображения, регулируемая условными соглашениями с играющими (по крайней мере) на двух ролях. Повествователи делают вид, что передают аудитории исторически достоверную информацию; аудитория делает вид, что принимает эту информацию к сведению и соответствующим образом реагирует.

Внимание к более широкой игре воображения связывает воедино до сих пор несвязанные моменты. Аудитория может воображаемым образом узнавать соответствующую историю от нескольких различных повествователей. Они делают в своём воображении то же, что в действительности делают реальные студенты, изучающие историю: соединяют информацию, полученную из нескольких источников. Рассмотрим миры, в которых наше воображаемым образом накопленное знание о драконах соответствует действительности: в наиболее близких из них дракон Скрульх дышит огнём. (Или, точнее, некоторые миры из тех, в которых он дышит огнём, более близки, нежели любой из тех миров, в которых он не дышит огнём.)

Не имеет значения, какое количество сведений о дышании огнём мы получили из сказки о Скрульхе, а какое — из других историй в той же игре. Подобным же образом, возьмём миры, в которых мы получаем правдивые сведения об известных таинственных происшествиях частично от Конан Дойла и Кристи, а частично — из газет. (Тот факт, что мы и на самом деле доверяем газетам, не должен препятствовать включению их в игру.) В наиболее близких из этих миров Холмс, как можно утверждать, раскрыл убийства по алфавиту быстрее, чем Пуаро, и не нуждался бы в магнитофонных записях для того, чтобы изобличить Никсона.

В. Невозможные художественные вымыслы

Внутренне противоречивый вымысел не должен подвергаться непосредственному рассмотрению, иначе всё без разбору окажется в нём истинным. Но если у нас есть противоречивый вымысел, то у нас есть также несколько непротиворечивых вымыслов, которые можно из него извлечь. (Возможно, не в самых трудных случаях — но я полагаю, что эти случаи специально придумывают, чтобы подорвать наши усилия выработать представление о том, что является истинным в художественном повествовании.) Я говорил о последовательных исправлениях, вносимых в исходное произведение. Но, возможно, будет достаточно рассмотреть фрагменты: исправления, полученные вычёркиванием, когда ничего не пишется взамен вычеркиваемых кусков.

Возможно, мы должны взять максимальные непротиворечивые фрагменты, полученные посредством вычёркивания самого меньшего, что даёт нам непротиворечивость. Но я полагаю, что, может быть, лучше сохранить деление повествования на части, даже если это приведёт к тому, что мы получим менее чем максимальные фрагменты. Я думаю, что «Конец вечности» Айзека Азимова впадает в противоречие из-за того, что концепция путешествия во времени изменяется по дороге. Если это так, то возможно, что книга, за вычетом последних глав, представляла бы собой непротиворечивый фрагмент, даже если мы не включим туда разбросанные то тут, то там по заключительным главам кусочки, которые могли бы быть включены в него непротиворечивым образом. Как бы то ни было, что же нам делать с нашими несколькими непротиворечивыми фрагментами (или исправленными версиями), когда мы их получим? Мы посмотрим, что, в соответствии с моим анализом нетривиальной истинности в художественном произведении (в любом варианте — в том, который не требуется), является истинным в каждом из этих фрагментов. И что дальше?

Я предложил следующий метод пересечения: Р истинно в исходном художественном произведении, если и только если истинно в каждом из фрагментов. В настоящее время я бы предпочёл вместо него метод объединения: Р истинно в исходном художественном произведении, если и только если Р истинно в каком-то из фрагментов. (Это не значит, что мы должны выбрать метод

раз и навсегда — мы можем пользоваться обоими методами, различая два вида истины в противоречивом произведении.)

Метод пересечения консервативен. Даже если художественное произведение является противоречивым, то, что в нём истинно, будет всё же содержать в себе некоторую непротиворечивую теорию, полностью замкнутую относительно импликации (излишне говорить, что я имею в виду классическую импликацию). Но за это надо платить: кое-что из эксплицитно выраженного в произведении оказывается потеряно. Теперь эта цена мне кажется чересчур высокой.

Метод объединения даёт нам всю ту истину в противоречивом произведении, что и метод пересечения, и не только. Ничто из выраженного эксплицитно не потеряется, поскольку, по видимому, будет истинным в соответствующем фрагменте. Но мы потеряем непротиворечивость, а также замкнутость относительно импликации. Предположим, два фрагмента не согласованы друг с другом: в одном истинно P , в другом — не- P . Тогда в произведении в целом истинно одновременно P и не- P . Но их противоречивая конъюнкция истинной не является, хотя они, взятые вместе, и имплицируют её. Подобным же образом многие другие вещи не являются истинными в произведении, хотя каждая из них и имплицируется совместным действием двух посылок, которые обе являются истинными в данном произведении.

И так и должно быть. Ведь если мы отрицаем тот факт, что в противоречивом произведении истинны пары противоречащих утверждений, мы отрицаем отличительную особенность такого произведения. Поэтому мы не должны стремиться к замкнутости относительно импликации под страхом утратить различие между тем, что является истинным в повествовании, и тем, что истинным не является. Мы даже не должны стремиться к замкнутости под самым очевидным и бесспорным видом импликации: заключению от конъюнктов к конъюнкции. (Именно здесь ошибаются релевантисты, льстящие себя надеждой, что истинность в противоречивом произведении могла бы всё же быть замкнута под каким-то отношением, которое могло бы носить звучное имя импликации.) В рассказах о Холмсе истинно то, что Ватсон был ранен в плечо; в этих рассказах истинно и то, что он был ранен в ногу. Просто в этих рассказах не является истинным то, что он был ранен и в плечо, и в ногу — у него была только одна рана, не-

смотря на расхождение показаний относительно её местоположения.^[13]

С. Вымысел на службе истины

Некоторые ценят художественную литературу главным образом как средство обнаружения истины или сообщения истины. «Истинность в вымысле» ничего не говорит о художественном вымысле как средстве постижения истины. Но эти темы связаны. Самое простое — это когда между автором и читателем имеется молчаливое соглашение, что то, что является истинным в его произведении, касательно общих вопросов или даже частных, не должно отклоняться от того, что, он действительно считает истинным. И в самом деле: такое молчаливое соглашение может распространяться и на частности. Вообразим скандальное политическое разоблачение, написанное от лица одного из участников, в котором действуют персонажи по имени «Никсен», «Хэйг», «Уогонер», «Бондсмен»... (Намёк на реальных лиц, замешанных в скандале с Уотергейтом: Ричарда Никсона, Артура Хейга и т.д. — *Пер.*) Тогда читатели, если они знают, что автор хорошо информирован, могли бы выяснить истину, выяснив, что является истинным в его произведениях. Кроме того, и автор мог бы обнаружить какую-то истину в ходе усилий по выполнению условий сделки со своей стороны. Без сомнения, говоря о познавательном значении литературы, люди имеют в виду что-то совсем другое. Попробуем обнаружить что-нибудь несколько более возвышенное, что они имеют в виду. Художественный вымысел мог бы служить средством обнаружения модальной истины. Я нахожу, что очень трудно сказать, может ли существовать такой объект, как почтенный нищий. Если может, то это можно доказать при помощи художественного повествования. Автор истории, в которой истинно, что существует почтенный нищий, одновременно обнаружил бы и продемонстрировал бы, что такая возможность существует. То же самое могут сделать актёр или художник. Здесь вымысел служит той же самой цели, что и пример в философском произведении, хотя он не сработает, если повествование о почтенном нищем не будет разработано более полно, нежели наши обычные примеры. И, наоборот, отметим, что философский пример не что иное, как сжатое художественное произведение. Что более важно, художественная литература может сообщать нам содержательные истины касательно нашего мира.

Конечно, это не может служить заменой невымышленных данных. Но иногда дело не в нехватке данных. Мы, пожив в мире хотя бы немного, располагаем множеством данных, но мы, возможно, узнали из них не так много, как мы могли бы. Эти данные опираются на определённую пропозицию. Если только сформулировать эту пропозицию, сразу же станет ясно, что мы располагаем очень хорошими данными в её пользу. А без этого мы так и не узнаем её. И здесь нам может помочь художественный вымысел. Если нам дано художественное произведение, такое, что данная пропозиция в нём очевидным образом истинна, мы вынуждены спросить: а является ли она также истинной *simpliciter*? А иногда, когда мы располагаем множеством неоценённых данных, задать вопрос уже значит узнать ответ. В таком случае автор художественного произведения сделал открытие и даёт читателям средство, позволяющее сделать для себя то же открытие.

Иногда пропозицию, которая становится нам известна таким образом, можно сформулировать сразу же, как только она пришла на ум, уже безотносительно к художественному произведению, привлёкшему к ней наше внимание. В общем случае это не так. Иногда единственный способ сформулировать истины, к которым привлекло наше внимание какое-то художественное произведение, состоит в том, чтобы как-то сослаться на это произведение. Шлёма — это такой человек, что относительно него можно сделать истинные утверждения, поразительно напоминающие утверждения, истинные в некотором художественном произведении относительно некоторого его персонажа по имени Шлёма. На время или навсегда слово «шлёма» стало необходимо для формулировки разнообразных истинных утверждений, сперва для тех, кто знает соответствующую историю, а затем и для тех, кто (подобно мне) не знает её. Таким образом, художественный вымысел может действительно служить истине. Но мы должны быть осторожны, поскольку он может также распространять заблуждения.

(1) Какие бы молчаливые соглашения ни господствовали, может быть так, что вопреки этим соглашениям, утверждения, представленные истинными в художественном произведении некоторого автора, на самом деле не являются истинными, потому ли, что автор ошибся, или потому, что он пожелал обмануть тех, кто положился на предполагаемое соглашение. (2) При методе

объединения в художественном произведении могли бы оказаться истинными несколько вещей, которые в действительности противоречат друг другу. В таком случае художественное произведение могло бы убедить нас в ложном модальном суждении, заставляя нас поверить в реально не существующую возможность. (3) Если накопилось много вводящих в заблуждение данных, то вполне могут быть такие ложные суждения, что достаточно только сформулировать их, чтобы в них поверили.

Д. Загадка хвастливого скотовода

Певец поёт такую песню:

Я скотовод по ремеслу, а зовут меня Гадкий Дейв. Я старый и седой и одноглазый. На дворе я, конечно, искусен, но стоит посадить меня на коня, И я поеду, куда многие молодые не осмелятся.

Дальше хвастовство становится всё более неправдоподобным: езда верхом, хлестание, клеймение и стрижка овец,...

На самом деле, я повелеваю всем, чёрт возьми!

Ясно, что это художественный вымысел. Что в нём истинно? Ответ должен состоять в том, что, в этом художественном произведении скотовод по имени Гадкий Дейв, хвастаясь, лжёт напрапалу^[14]. И мы действительно придём к такому ответу, если мы возьмём ближайшие миры, в которых повествователь действительно делает то, делаемим что он притворяется в нашем мире. Ибо это и есть один из тех исключительных случаев, кратко рассмотренных в примечании 7, когда повествователь не делает вида, что рассказывает правду о вещах, о которых знает. Певец воображает себя Гадким Дейвом, который, хвастаясь, говорит неправду.

Это вымысел внутри вымысла: вымыслы Гадкого Дейва сами по себе являются вымыслом, а его хвастовство — притворным говорением правды. В вымысле внутри вымысла он действительно является повелителем всего. Во внешнем художественном вымысле это не так, он только утверждает это. Этот вымысел в вымысле сам по себе не составляет проблемы. Но рядом лежит настоящая проблема и я не могу предложить никакого решения. Почему этот вымысел в вымысле не рухнет? Когда певец делает вид, что он Гадкий Дейв, делающий вид, что он рассказывает о самом себе правду, то как это отличается от того, как если бы он делал вид, что он Гадкий Дейв, действительно рассказывающий о

самом себе правду? Должно иметь место первое, а не второе; иначе мы должны были бы заключить, что нет никакого вставленного художественного вымысла и во внешнем вымысле — теперь единственном вымысле — истинно, что Гадкий Дейв повелевает всем и рассказывает нам об этом. Это значило бы совсем не ухватить сути дела. Мы должны отличать то, когда кто-то делает вид, что делает вид, от того, когда он действительно делает вид. Интуитивно кажется, что мы в состоянии различить эти случаи, но как следует это анализировать?

*Перевод с английского А. Д. Шмелёва по изданию:
David Lewis. Truth in fiction // David Lewis. Philosophical papers. N. Y.: Oxford UP, 1983.*

Примечания

1. Мне также говорили, что по этому адресу никогда не было никакого здания. Не имеет значения, какое из этих сообщений является верным.

2. Например, система, приведённая в: Dana Scott, Existence and description in formal logic // *Bertrand Russell: Philosopher of the Century* / Ed. Ralph Schoenman (London: Allen and Unwin, 1967).

3. Кратко изложенного в его дополнении к *Naming and Necessity* // *Semantics of natural Language* / Ed. Gilbert Harman and Donald Davidson (Dordrecht: Reidel, 1972) и рассмотренного более подробно в неопубликованном докладе на конференции в Университете Западного Онтарио в 1973 г. и в др. выступлениях. Мои взгляды и взгляды Крипке до некоторой степени схожи. Он также подчёркивает неоднозначность, связанную с присоединением зачина и считает повествователя занятым притворством. Однако выводы, которые он делает из этого наблюдения, значительно отличаются от моих.

4. Хорхе Луис Борхес. Пьер Менар, автор Дон Кихота.

5. Имеются исключения. Иногда повествователь делает вид, что то, что он высказывает, представляет собой смесь правды и лжи о вещах, которые он знает, или же даваемое как бы в бреду бессвязное и искажённое отражение соответствующих событий или что-нибудь в этом роде. Толкиен эксплицитно утверждает, что является переводчиком и издателем *Красной книги*

Вестмарка, древней книги, которая каким-то образом попала ему в руки и которая, как ему откуда-то достоверно известно, является заслуживающим доверия описанием событий. Он не делает вид, что является её автором, в противном случае он писал бы не на английском языке. (На самом деле, составление *Красной книги* несколькими хоббитами описано в самой *Красной книге*.) Я должен сказать то же самое об историческом романе от первого лица на английском языке, в котором повествователь — древний грек. Автор сам не притворяется подлинным повествователем, но, скорее, делает вид, что он — некто из нашего времени, кто каким-то образом заполучил рассказ греческого повествователя, знает, что он правдив и передаёт его нам в переводе. В этих исключительных случаях также следует рассмотреть те миры, в которых акт повествования действительно имеет место, чем бы он ни претендовал быть — бессвязным бредом, заслуживающим доверия переводом надёжного источника или чем-то иным — в нашем мире. В оставшуюся часть статьи я не буду включать упоминания этих исключительных случаев.

6. До некоторой степени сходная трактовка вымышленных имён, отличающаяся от моей тем, что допускает, чтобы реальное и притворное значение имени Шерлок Холмс совпадали, дана в Robert Stalnaker, *Assertions // Syntax and Semantics* / Ed. Peter Cole (New York: Academic Press, 1978).

7. Многие из нас никогда не читали этих рассказов, не могут продуцировать описания, от которых главным образом зависит нежесткий смысл имени Шерлок Холмс, однако используют это имя точно в том же смысле, что и самый искушённый знаток приключений частного детектива с Бейкер-стрит. Здесь нет никакой проблемы. Каузальная картина передачи значения, нарисованная Крипке в *Naming and Necessity*, так же хорошо подходит к нежестким смыслам, как и к жёстким. Несведущий использует имя Шерлок Холмс в стандартном нежестком смысле, если он усвоил его (правильным образом) от кого-либо, кто знает регулирующие дескрипции или кто усвоил от кого-либо ещё, кто знает их, или же... Принадлежащая Крипке концепция жёсткости существенным образом зависит от его концепции передачи значения; но передача без жёсткости кажется бесспорной.

8. Приведённая в *Counterfactuals* (Oxford: Blackwell, 1973).

9. Хайнц не согласен с этим; он полагает, что для каждого художественного произведения должен рассматриваться некоторый единственный мир, но мир, являющийся в некоторых отношениях неопределённым. Я не знаю, что значит неопределённый мир, если я не буду рассматривать его как суперпозицию всех возможных способов разрешения неопределённости — или, проще говоря, множество определённых миров, различающихся в рассматриваемых отношениях.

10. Carl Gans, How Snakes move // *Scientific American*, 222 (1970): 93.

11. Лучшее определение явного представления под именем общего знания (Common Knowledge) можно найти в моей книге *Convention* (Cambridge (Mass.): Harvard UP, 1969), p.52-60. Этот термин был неудачным, поскольку нет гарантии, что это будет знание или даже что это представление истинно. См. также обсуждение общего знания (Mutual Knowledge) в кн.: Stephen Schilbek, *Meaning* (Oxford: Oxford UP, 1972), p. 30-42.

12. В частности, его On Fearing Fiction // *Journal of Philosophy*, 75 (1978): 5-27, и другие цитированные в ней работы.

13. Метод объединения восходит к статье: Stanislaw Jaskowski, Propositional Calculus for Contradictory Deductive Systems // *Studia Logica* 24 (1969): 143-57, и возродился в ходе недавних дискуссий о том, как допустить противоречивость. См. мою статью: Logic for Equivocators // *Nous* 16 (1982): 431-441 и цитируемые там работы.

14. Или, по крайней мере, в этом художественном вымысле неверно, что он говорит правду. Для моих настоящих целей достаточно даже этого. Но проще и достаточно правдоподобнее придерживаться более сильного ответа.

Александр Масалов

Семь процентов разгадки

Первые пародии на популярный цикл о Шерлоке Холмсе появились ещё при жизни Конан Дойла. Более того, есть основание полагать, что одну из первых пародий написал сам сэр Артур, когда его достали издатели, требуя всё новых и новых походов Великого сыщика, а писателя влекли совсем другие сюжеты. Конан Дойл расценивал цикл как халтурку, с каждым годом писал всё хуже — наверное, именно поэтому в рассказах и повестях, написанных после 1898 года, содержится громадное количество хронологических, сюжетных и прочих неувязок.

Количество пародий, созданных почти за сто лет, не поддаётся подсчёту. Самая популярная из появившихся за последние четверть века, принадлежит перу Николааса Мейера. На языке оригинала роман называется «Семь процентов разгадки», а в российском книжном издании — «Вам вреден кокаин, мистер Холмс» (издательство «Вагриус», Москва, 1993 год).

Завязка у романа блистательная. В предисловии сообщается, что найдена неизвестная рукопись покойного доктора Ватсона, писавшего под псевдонимом... Артур Конан Дойл. Якобы переживший Великого сыщика почти на девять лет, доктор Ватсон решил поведать миру, как в действительности было дело с про-

фессором Мориарти. Дескать, раньше он не мог написать правду и «Последнее дело Шерлока Холмса» — это деза, запущенная сыщиком через своего друга-писателя. На самом деле профессор Мориарти был школьным учителем Холмса. Каждый раз, когда Великий Сыщик обсаживался морфием, а такое с ним случалось частенько, у него крыша становилась набок, и Холмс начинал преследовать старого, седого, добродушного профессора, обвиняя его во всех грехах: «опутал сетями весь Лондон», «Наполеон преступного мира», «организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в этом огромном городе и в анналах современной преступности»... Мориарти был вынужден обратиться к доктору Ватсону, и тот, как старый и преданный друг, решил отвезти спятившего Шерлока Холмса к лучшему специалисту по психическим заболеваниям — Зигмунду Фрейду...

Такова завязка. Она густо пересыпана чисто пародийными отступлениями, в которых Ватсон пытается сгладить неувязки и накладки в сюжетах и хронологии цикла. Получается обратный эффект. Нелепости и натяжки проступают рельефнее.

Подыгрывая Холмсу, которому, вроде бы, угрожает смертельная опасность от рук Мориарти, Ватсон увозит его в Вену, и здесь пародия превращается в самое обычное эпигонство а ля Конан Дойл. Дедуктивные рассуждения Великого Сыщика надуманны и банальны — они сразу вызывают в памяти юмореску Аркадия Аверченко «Пропавшая галоша Доббльса». И несмотря на то, что дальше есть всё — вплоть до перестрелки, беготни по крышам вагонов, роман вызывает разочарование. Столь жиденького Шерлок Холмса читатели не простили бы и Конан Дойлу. А уж про Николаса Мейера и речи нет.

А. Л.

London — near the Baker Street

Baker Street — интересный уголок, хотя и находится чуть в стороне от прочих лондонских достопримечательностей. Пожалуй, этот район города один из наиболее «английских», во всяком случае из тех, где мне удалось побывать. Пешком из центра туда добираться не совсем удобно, так что лучше подземкой.

Станция Baker Street мало того, что самая старая станция метро в мире, да ещё и жутко запутанная. Представляю, каково там делать пересадку с одной линии на одну из четырёх других! А сама «основная» станция то ли с шестью, то ли с восемью путями на самом деле похожа на здание вокзала прошлого века, упрятанное под землю. Здесь и красно-кирпичные стены, за одной из которых находится ещё одна одноименная станция, и громадные станционные часы (небось прошлого века) на торцевой стене, и ажурные чугунные мостики, ведущие с одной платформы на другую. Жалко, что эта красота не получилась на снимке — света на станции явно не хватало. И чего удивляться такому сходству с вокзалом, если подземка тогда рассматривалась просто как удобный железнодорожный путь в центр города, если ещё в сороковых-пятидесятых годах нашего века через Baker Street проходили скорые пульмановские поезда. (*Можете себе представить 31-й поезд, останавливающийся или просто проходящий через станцию «Охотный ряд»?*) Но выбраться с этого вокзала гораздо проще, чем пересесть на другой поезд — просто по мостику над всеми этими станционными путями и тупиками и строго по стрелке Way Out. И попадаем на Marylebone Road, где и находятся чуть ли не в одном здании музей Мадам Тюссо и Планетарий.

Восковые фигуры очевидно очень популярны среди туристской братии; это становится ясным потому, что вдоль всего здания развешены таблички с надписями типа «40 минут до входа», «20 минут до входа», а значит очереди здесь бывают многочасовые, хоть и хорошо организованные. У самого входа в музей ещё перед кассами в креслице сидит ехидная старушонка — сама Мадам, и пристально поглядывает на очередь, как бы выбирая из толпы очередную фигурку для своего паноптикума. Это оказыва-

ется её собственный последний прижизненный восковой портрет. А вот билеты на Мадам дороговаты, даже для в принципе недешёвого Лондона. Ну что ж, Мадам и при жизни, наверное, умела зарабатывать...

У самого входа в залы — объявление о том, что фотографировать можно лишь в самих залах, а вот именно здесь желающих заснять со Шварценеггером (хоть в обнимку) снимают лишь фотографы самого музея. А дальше более-менее известных личностей Мадам собрала на Garden Party: вот они с бокалами коктейлей или без оных и изображают «светские беседы» на этой самой Garden Party среди искусственных газончиков и деревьев. Одна такая фигура даже забралась на пальму по верёвочной лестнице — какая-то видимо известная англичанам «спортсменк,.. камсамолк,.. красавиц...». Нам все эти личности мало знакомы; иногда удаётся вспомнить отголоски неких светских скандалов по табличке у ног той или иной фигуры. Хотя вот Наоми Кэмпбелл и без таблички узнаваема, а вот хмыря, который стоит рядом с ней, узнать не помогает даже табличка, ну кто такой Майкл Кроуфорд по сравнению с Наоми?

Суперзвезды эстрады и кино, а также просто звезды, звёздочки, звездульки и звездушки оказались в соседнем зале. Места там для них всех не хватило, поэтому дизайнеры музея создали такую штуку, как «звёздный лифт». Обычная кабина лифта, над дверью мигают лампочки, как будто лифт спускается или поднимается, а когда дверцы открываются, то там обнаруживается каждый раз новая фигура. И то дело — на минимуме площади собрано максимальное количество звёздочек, и среди них отбеленная обезьянка по имени Майкл и по фамилии Джексон; то, что он удостоился только лифта, видимо должно говорить о его не слишком большой значимости, — солидным звёздам в музее отводится отдельное место. Правда, вот и Шер тоже попала в пассажирки лифта, но уж тут явный ляп музейщиков — такой яркой и экзотической даме можно было бы выделить и персональный квадратный метр.

Как лучше всего добраться до станции Victoria? Ден Сяопин глубоко задумался над этим вроде бы незамысловатым вопросом. И правда, разбираться с хитросплетениями линий лондонской подземки — это Вам не страну с миллиардным населением реформировать...

В большом зале собраний политики и исторические личности. Двумя своеобразными центрами экспозиции тут выступают Генрих VIII с шестью своими жёнами (единственное место, где эти дамы могут встретиться друг с другом) и нынешнее королевское семейство в полном составе. Точнее, в почти полном — поскольку после официального развода с Чарльзом принцессу Дайану королева лишила права быть членом королевской фамилии, то её фигуру... нет, не убрали в запасники, а просто поместили хоть и рядом, но не за малиновым канатиком, а в сторонке. За этот малиновый канатик забираться нельзя, так что сфотографироваться в обнимку с королевой или кем-либо ещё из монаршего семейства не получится. А вот с остальными персонами (персонажами???) этого зала — сколько угодно. Вот только когда Женьке захотелось взять под ручку премьера Мейджора, запротестовала одна из смотрительниц музея: она посоветовала просто его обнять, если уж так хочется, а то не дай бог рука оторвётся... Теперь понятно, почему он проиграл следующие выборы — слабый политик, однозначно.

А вот над Битлз музейщики, похоже, поиздевались. Было ли это их целью, или так случайно получилось, но на мой непросвещённый взгляд вся эта устроившаяся на диванчике четвёрка сделана не из воска, а из карамели, причём перед экспонированием эти карамельные создания тщательно облизали. Даже пятнышки Миши Горбачёва и лысинка Володи Ульянова и то не выглядят столь противно...

Ну а в подземелье Ужасов властвуют не столько методы работы Мадам, сколько современные аудиовизуальные технологии. Голова на гильотине отваливается так с совершенно аутентичным звуком (ну как будто топором по кочану капусты), и потоки крови вполне натуралоподобны. Не совсем понятно, что посетители музея там находят интересного, но в эту галерею ужастиков народ так и прёт. А ещё, говорят, в районе Сохо есть отдельный музей ужасов, как бы филиал Тьюссошного, так там только ужасы в самом их концентрированном выражении, на взгляд посетителей, естественно. Иринка жаловалась, что её «сначала туда затащили, а потом вынесли», и она ещё пару суток приходила в себя. Впрочем, кое-кого и из ужастиковой галереи музея Мадам выносить пришлось.

Receipt No. 203875

Mrs. Hudson's Lodging Rooms.
221B BAKER STREET, LONDON NW1
TEL: MARYLEBONE 0171 915 3364

Date: 1988

To accommodation
at the above address
for one person.
Not including meals
and sundries.

Mrs Hudson

5.0.0

Received I rent of £ 5.0.0

"All our rooms have private wash tub facilities."

Оказывается, я тоже снимал комнату у миссис Хадсон

Хотя собственного сайта в Интернете Мадам не завела, существует достаточно интересный неофициальный уголок в сети, а там и подробнее о самой Мадам, и об её экспозиции, да и

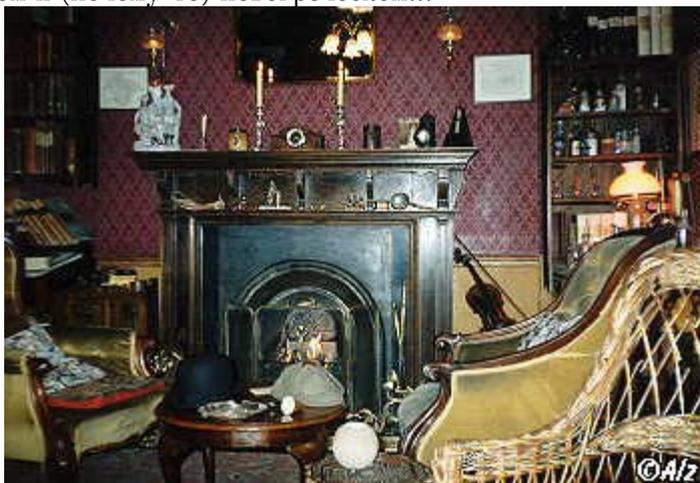
кое-какие фотографии имеются, невысокого качества, впрочем. Ну так этот сайт не для замены музея придуман...

А ещё Baker Street как магнитом притягивает почитателей Конан Дойля. И правда, адрес прекрасно известен — 221b Baker Street NW1 London. Этот дом существовал и в конце прошлого века, так что и частный сыщик, и его биограф вполне могли жить именно в этом достаточно непритязательном здании, в котором комнаты им сдавала не менее легендарная миссис Хадсон. Она и сейчас их «сдаёт», во всяком случае, билет в музей представляет собой квитанцию об оплате за проживание по указанному адресу, («не включая еду и всякие разности»), да и цена указана в столетней давности нотации («фунты – шиллинги – пенсы»). С едой, впрочем, тоже проблем возникать не должно, так как нынешняя миссис Хадсон держит собственный ресторанчик в соседнем подъезде, но это уж *must be paid for separately*.

Говорят, что этот дом посещают либо те, кто прочёл все книги и просмотрел все фильмы о великом детективе, и хочет просто выяснить, так ли всё в этом доме, как они это себе представляли, либо считающие себя экспертами в Шерлоковедении, которые приходят для того, чтобы обнаружить несоответствие со «священным писанием», ошибки и упущения. Я не отношу себя ни к первым, ни ко вторым, тем не менее конечно же я видел некоторые (а может быть даже и все) серии «Приключений Шерлока Холмса», так что их соответствие почти «виртуальной реальности» этого здания хотелось бы установить.

Там многое не так, как показано в наших фильмах. Небольшой площади перед зданием нет и в помине, а есть просто по-английски узкая улочка. И к музею струится очередь жаждущих общения с детективом, не слишком большая впрочем. Очередь эту организует толстенький мужичок в форме Бобби конца прошлого века (по-моему отношения Холмса с лондонской полицией были более чем напряжёнными). Периодически он проходит вдоль очереди и раздаёт музейные проспекты; большинству из ожидающих достаётся проспект именно на его родном языке, что не удивительно — Холмс бы сказал «Это элементарно, Ватсон» — люди в очереди редко бывают поодиночке, и несложно уловить, на каком языке они беседуют, скрашивая ожидание. На стоящих рядом с нами японок этот факт почему-то произвёл неизгладимое впечатление, они радовались как дети, получив

проспекты на японском. А я, получив русский вариант, попросил ещё и проспект на «другом языке»; Бобби ненадолго задумался, а потом сунул мне буклетки на английском, французском, венгерском и (почему-то) новогреческом...

Надо думать, это ЕГО кресло, ЕГО скрипка и ЕГО кепка. Камин, естественно, миссисхадсоновский.

Далее у порога посетителей встречает сама миссис Хадсон. Не-е-е, господа, «наша» миссис Хадсон (Рина Зелёная) явно гораздо хадсонистее этой. Ну никак не тянет интеллигентного вида молоденькая девчужка в очках на роль хозяйки пансиона. Она ходит с группой по зданию, кое-что комментирует, предлагает сесть в кресло Холмса и сфотографироваться в его кепочке (что я, Лужков какой-нибудь им что ли?), и, накрывая на стол в гостиной, между делом сообщает, что сегодня у них будет обедать инспектор Лестрейд, так что стол накрывается на три персоны. По описанию Конан Дойля этот кабинет «overlooking Baker Street was illuminated by two broad windows», хотя я бы не сказал, что окна (их действительно два) уж очень широки; комната сама по себе тоже достаточно мала, во всяком случае, гораздо меньше той, которую показывают в наших фильмах. И обеденный стол не находится прямо по центру, а придвинут к окну, и рассестись за ним даже втрём крайне затруднительно. Спальня Холмса находится на том же этаже, а вот спальни Ватсона (со старинной пишущей машинкой) и самой миссис Хадсон

(с бронзовым бюстом Холмса) этажом выше (а в фильме, по моему, комнаты Холмса и Ватсона были на одном этаже??).

Вообще у меня осталось впечатление, что английский дух лучше передан именно в нашем фильме (хотя вполне возможно, что именно потому, что это наше, национальное, представление о типичном английском доме). Во всяком случае, лестница внутри комнаты — это столь типично для английского дома, в отличие от «Lodging Rooms» миссис Хадсон. Как бы там ни было, крутейшим любителям Холмсиады прямая дорога сюда, на 221b Baker Street. Что бы они ни ожидали там увидеть.

Дополнение от ноября 1999.

Эту страницу я дописал и разместил в сети в августе 1999. И вот в самом конце октября получаю я свежий 43-й номер «Эха Планеты» и вижу там статью о том же музее Холмса корреспондента ИТАР-ТАСС Николая Манвелова. Естественно, несколько иной взгляд, но тем интереснее было бы их сравнить.

Проще всего было бы поставить ссылку на эту Эхопланетянскую публикацию, но на сервере журнала размещаются далеко не все материалы, опубликованные в печатной версии. А убедиться, что материал там действительно размещён, и если размещён, срисовать ссылку, не удалось — в конце октября – начале ноября сервер журнала молчал как партизан. Вот и пришлось отсканировать статью и фотографии и разместить её прямо здесь, для сравнения. Ну и уж коли я её размещаю, то не удержусь от своих комментариев.

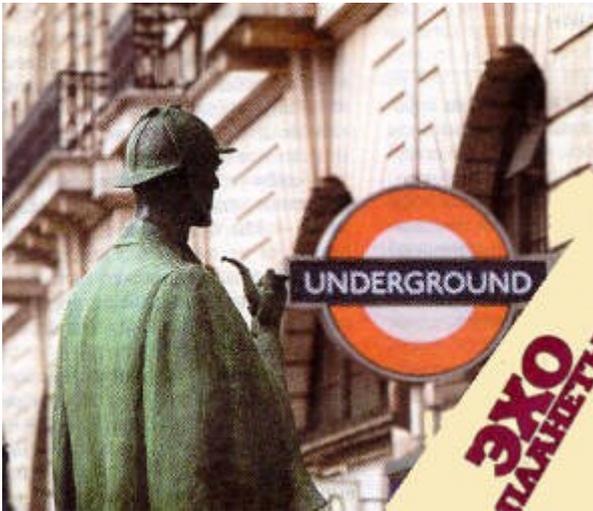
Николай Манвелов

Счастье лондонцев, что я не преступник ¹⁶

«Да сэр, вы не ошиблись. Это действительно дом номер 221-бис». — Я обернулся. Передо мной в тёмной арке подъезда стоял типичный лондонский полицейский-«бобби». Конца прошлого века длинный плащ-пелерина, чёрные ботинки с круглыми носами и чёрная каска с гербом.

— Входите, но имейте в виду, что мистера Шерлока Холмса в настоящий момент нет дома, — бросил полисмен мне вслед.

Музей Шерлока Холмса — возможно, единственная в мире мемориальная квартира литературного персонажа — открылся почти десять лет назад, 27 марта 1990 года. Впрочем, это событие могло бы произойти и значительно раньше. Подобно капитану МУРа Глебу Жеглову для нас в России, для многих людей в различных странах Шерлок Холмс был вполне реальным человеком.

Этим фото проиллюстрирована статья Манвелова; памятник Холмсу, установленный около станции Baker Street.

Ну а кроме того художник «Эха» сосканировал входной билет в музей и тот самый буклетик, полученный автором от

¹⁶ Baker Street — от «Эха Планеты»

упоминаемого им Джереми. Поскольку скан входного билета уже помещён на предыдущей странице, а в музейном буклете нет ничего особо интересного, я решил не загромождать это фото.

И вообще, кто тут определяет дизайн, точнее его хилое подобие???

— Что значит был! — возмущается Джереми, тот самый «полицейский», что встретил меня у входа. — Банк «Эбби Нэшнл», которому принадлежит дом 221, и сейчас получает письма с просьбами помочь распутать сложные дела.

Более того, уже пришлось нанять специального клерка, в обязанность которого входит рассылка десятков ответов на письма — дескать, мистер Холмс, к сожалению, пока не может ответить на ваше письмо.

«Консультирующий детектив» Шерлок Холмс и его друг, доктор Джон Уотсон (наши переводчики, почему-то, наперекор правилам английской транскрипции, чаще именуют его Ватсоном), занимали дом в 1881-1904 годы. Здание, собственно, имеет номер 221, а довесок «бис» относится к меблированным комнатам, располагавшимся на втором и третьем этажах.

Полицейский, встречающий посетителей у входа, перепоручает их миловидным девушкам в строгих платьях времён королевы Виктории. Они продают билеты. Кроме того, гостей приглашают посетить крошечный ресторан «Миссис Хадсон», специализирующийся на блюдах викторианской эпохи.

Билеты, кстати, выдержаны в фирменном стиле и вырываются из специальной квитанционной книжки. Что касается моей «квитанции», то выдана она аж в 1888 году и подтверждает получение платы за жильё в размере пяти фунтов, «исключая пищу и услуги прачечной».

Здесь автор статьи допускает ошибку. Если внимательно присмотреться к билету (скан его — на прошлой странице), то там отчётливо видны слова «Not including meals and sundries». Sundries означает «всякие разности» но уж никак не «услуги прачечной»; очевидно это слово автор прочёл как laundries.

Кстати, под этим sundries наверное скрываются такие мелодвижения миссис Хадсон, как принесённая утренняя газета и драматический комментарий к этому событию вроде

«Ужасное убийство на Олд Бонд стрит, сэр». Судя по игре Рины Зелёной эти «всякие разности» должны были оплачиваться очень высоко. — А.Л.

Квартира великого сыщика (в неё ведут, как известно, ровно 17 ступенек) отличается мизерными размерами и полным соответствием обстановки книгам Артура Конан Дойла. Вопреки тем представлениям, которые создаются по отечественным сериалам, Холмс и Уотсон располагали двумя маленькими комнатусками-спальнями и гостиной — чуть побольше.

— Это было непросто, но мы постарались восстановить ту обстановку, что была при мистере Холмсе, — докладывает Джереми.

Дотошные энтузиасты поместили в комнатах и сифон, и несгораемый шкаф. Сохранены уголок химии и сосновый стол, изъеденный реактивами. На полках по-прежнему стоят пухлые альбомы с вырезками и справочники, которые, по словам Уотсона, «так охотно швырнули бы в огонь многие из наших сограждан». На стенах развешаны малопонятные диаграммы. Если же пошарить взглядом по углам, то в каком-нибудь потайном месте можно обнаружить персидскую туфлю с табаком или скрипку.

— Доктора Уотсона можно только пожалеть — его сожитель не отличался простым нравом и хорошими привычками, — вступает в разговор одетая в строгое чёрное платье маленькая и полненькая Мелинда, представившаяся «племянницей» миссис Хадсон.

Образ жизни сыщика, как известно, был весьма оригинален. Вставал он либо очень поздно, либо несколько дней подряд не вставал с постели вообще. Что же касается посетителей, то Холмс частенько встречал их в халате.

А иногда у Холмса «появлялась охота стрелять, и он, усевшись в кресло с револьвером и патронташем, начинал украшать противоположную стену патриотическим вензелем VR (Victoria Regina — Королева Виктория) при помощи пуль», вспоминал Уотсон.

— Моя тётушка была золотой женщиной, терпеливо сносившей все причуды постояльца, — говорит Мелинда.

— Правда, все неудобства ей оплачивали по-царски — доктор Уотсон как-то посчитал, что денег, выплаченных ими за аренду, хватило бы на покупку всего дома.

Холмсовский Лондон не ограничивается окрестностями Бейкер-стрит. Джереми и Мелинда в один голос посоветовали мне пройтись ещё по нескольким адресам, которые не менее важны для истинного почитателя таланта великого сыщика.

Они напомнили о том, что Бейкер-стрит, расположенная в «спальном районе» тогдашнего Лондона, была не первым обиталищем друзей. Холмс первоначально жил на Монтегю-стрит, рядом с Британским музеем. Ныне в этих местах сосредоточены бесчисленные антикварные магазинчики, юридические конторы, небольшие кафе. На улицах царит смешанный аромат жареных каштанов и старых книг.

Что же касается доктора Уотсона, то он первое время обитал в отеле на Стрэнде — широкой деловой улице, переходящей во Флит-стрит — улицу, где до недавнего времени располагались редакции крупнейших британских газет. Именно здесь уже почти триста лет расположена штаб-квартира всемирно известной чайной фирмы «Твайнинг». А в первом этаже здания работает магазинчик, куда рекомендуется зайти всем истинным ценителям этого напитка — выбор превосходит даже самое богатое воображение.

Куда более солидным был район, где жил Майкрофт Холмс — старший брат сыщика. Квартира крупного государственного чиновника располагалась на аристократической улице Полл Молл, неподалёку от королевского Сент-Джеймского дворца. Отсюда рукой подать и до старого здания Адмиралтейства, и до дома на Даунинг-стрит, 10 — резиденции британских премьер-министров.

...Первым после 20 лет проживания покинет дом номер 221-бис Уотсон. Он купит врачебную практику у Пэдингтонского вокзала — в районе, населённом клерками средней руки, торговцами и небедными рабочими. Затем будет практика в аристократическом Кенсингтоне. Холмс же уедет разводить пчёл в графство Сассекс (у нас его издавна называют «Суссекс»), расположенное к югу от британской столицы.

Но это произойдёт нескоро. А пока друзья активно перемещаются по Лондону, не оставляя без внимания ни единого уголка. Правда, некоторым районам повезло несколько больше.

— Если нанести точки, где бывал мистер Холмс, на карту, то сразу обращаешь внимание, что он занимался расследования-

ми в основном либо в Сити, либо неподалёку от Бейкер-стрит, либо в откровенных трущобах, — отмечает Джереми.

Эти точки уже нанесены на карту Лондона и без помощи Джереми. А сама карта — на сайте музея Холмса — А.Л.

— А место, где было положено на вагон подземки тело Кадогена Уэста, персонажа рассказа «Чертежи лодки Брюса Партингтона»? — не согласился я.

— Да, дело было в Кенсингтоне, но стало лишь редчайшим исключением из правил, — упорствовал сотрудник музея.

Кстати, о метрополитене. Несмотря на то, что к началу деятельности Шерлока Холмса знаменитая лондонская «труба» существовала уже пару десятилетий, сыщик ею практически не пользовался, предпочитая «кэб», то есть извозчика. И это несмотря на то, что ближайшая станция старейшей линии «Бейкерлу» была всего в сотне метров, при пересечении Бейкер-стрит и Марльбоун-роуд.

Заставить Холмса просто бродить по окрестностям тоже было почти невозможно. И это при том, что совсем не далеко от квартиры на Бейкер-стрит расположен один из красивейших в Лондоне Риджент-парк (впоследствии в тех местах будет работать другой не менее известный британец — Джеймс Бонд).

— Как-то весной он был в такой расслабленности, что пошёл со мной прогуляться в парк, — для доктора Уотсона подобный случай был достоин особого упоминания.

Иногда, правда, друзья могли неожиданно пойти на художественную выставку или в оперу. Но куда чаще Холмс шёл в лондонские трущобы. Там было проще всего не только найти преступника, но и получить удар ножом или пулю из-за угла.

— Счастье лондонцев, что я не преступник, — сказал как-то сыщик.

— Ему нравилось затаиться среди пяти миллионов людей, перебирая их своими щупальцами и чутко ловя каждый слух или подозрение о неразгаданном преступлении. Он изменял себе лишь тогда, когда оставлял в покое городского злодея и начинал выслеживать его сельского собрата, — цитирует музейный страж Джереми по памяти Конан Дойла.

Из Лондона сыщик трижды уезжал с Пэддингтонского, а также с вокзалов Ватерлоо и Виктория. Дважды он с доктором

Уотсоном садился в вагон на Черинг-Кроссе. По одному делу «на счету» станций Лондон-Бридж, Кингс-Кросс и Ливерпул-стрит.

Но воздух провинции был приятен Холмсу лишь в последние годы его жизни. До того он не мог даже представить себе длительную разлуку со своей квартирой на Бейкер-стрит. А чтобы недруги, всерьёз опасавшиеся сыщика, не имели возможности расслабиться, у одного из окон гостиной стоял восковой бюст хозяина.

Недавно у самой станции метро «Бейкер-стрит» появился бронзовый памятник знаменитому герою Конан Дойла. Быть может, городские власти надеются, что зримое присутствие знаменитого сыщика поможет повысить раскрываемость преступлений в британской столице?

Лондон — Москва

Акром Мирзамухамедов

А Шерлоку Холмсу до сих пор идут письма

В 1954 году в Лондоне состоялась торжественная церемония: на доме по Бэйкер-стрит при огромном стечении народа была укреплена мемориальная доска, гласящая, что здесь с 1881 по 1903 год жил и работал знаменитый частный сыщик Шерлок Холмс.

Редкий литературный герой, существующий лишь на страницах книг и в памяти читателей, достаивался такой славы. Соперничать с Шерлоком Холмсом может только мистер Пиквик. Его имя в день столетия выхода в свет знаменитого романа Диккенса «Записки Пиквикского клуба» было отмечено мемориальными досками на каждом трактире, где знаменитый герой оставался хотя бы на час.

И ещё в одном герой Конан Дойла превзошёл всех. Ни один персонаж художественного произведения не получает такую массу писем, как Шерлок Холмс!

Литературному герою пишут из разных уголков земли с просьбой помочь распутать сложное уголовное дело, найти пропавшую.

Лондонские полисмены, начиная свою службу, считают неременным долгом придти в музей Шерлока Холмса. Это дань уважения учителю и наставнику.

На каждое письмо, которое, кстати, не вызывает никакого удивления ни у швейцара, ни у почтальона, разместившаяся в доме страховая компания с обычной английской вежливостью отвечает, что, к сожалению, мистер Холмс давно уже не живёт по этому адресу. Но письма идут.

О Шерлоке Холмсе много написано. Существуют даже научные исследования: «Частная жизнь Шерлока Холмса». «Шерлок Холмс и музыка». Лондонское общество Шерлока Холмса организует костюмированные игры, в мельчайших подробностях воспроизводятся сюжеты рассказов о Холмсе.

В доме знаменитого сыщика в его кабинет ведут семнадцать ступенек, те самые, количество которых Холмс так хорошо помнил. Однажды он поставил в тупик Ватсона, задав ему вопрос о количестве ступенек в их доме. В квартире друзей ничего нет

случайного. Любой предмет, хоть раз упоминавшийся в книге Конан Дойла, можно найти здесь. На столе — чашка, молочник и сахарница, рядом две револьверные пули и отмычки, стетоскоп доктора Ватсона. На камине среди трубок, перочинных ножигов и шприцев лежит на первый взгляд совсем безобидная коробочка из слоновой кости. Напомним, что в коробочке находилась игла с ядом, чуть не убившая знаменитого детектива. На полу лежит карта района Дортмута, с помощью которой Холмсу удалось распутать страшную и загадочную историю с собакой Баскервильей. Разумеется, есть и скрипка, с которой Холмс отдыхал от своих расследований. Возле окна — гипсовый бюст человека, точно такой же, как в рассказе «Пустой дом»: «Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине её, отчётливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица — всё это не оставляло никаких сомнений... Это была точная копия Холмса».

Между прочим, облик Шерлока Холмса — вовсе не выдумка писателя. Таким человеком был любимый профессор Артура Конан Дойла в Эдинбургском университете Джозей Белл. Кроме необходимых знаний по программе, Белл учил студентов наблюдательности. Ведь пациенты не всегда правдивы, а порой забывчивы. Поэтому Белл считал, что врач должен уметь по мельчайшим подробностям — по выражению лица, по блеску глаз, по форме рук и пальцев, по пятнам на одежде и обуви — читать их биографию и мысли.

Джозей Белл пользовался огромной популярностью не только среди студентов и преподавателей университета, но и среди полицейских, часто прибегавших к его помощи. Он в совершенстве владел методом дедуктивного мышления и мог не только поставить точный диагноз до того, как больной заговорит, но часто исключительно по одному внешнему виду человека определял, кто он и откуда. Да и сам Конан Дойл стал неплохим следователем за время работы над произведениями.

На Шерлока Холмса, как помнят все, совершалось не одно покушение. Но читатели не позволяли убить любимого героя. Им нужен был живой Холмс, поэтому великому и бессмертному сыщику пишут до сих пор.

Евг. Перемышлев

История из подполья ¹⁷

Странные памятники ставят писателям в нашем родимом отечестве.

То изваяют памятник Пушкину и, написав на постаменте, что поэт в свой жестокий век восславил свободу и потому долго будет любезен читателям, окружают подножие мемориальной цепью.

То соорудят фигуру Грибоедова и украсят её чуть ли не по подолу, словно декоративным узором, малыми фигурками персонажей, среди них найдётся место и оскорблённому Молчалину, и озабоченному домашними делами Фамусову, и остроумному Скалозубу, слова которого вечно толкуют превратно и плоско,— всем им, не понятым критиками и оболганным школьными учителями.

То выставят победительного Гоголя в крылатке и ниже впечатают в камень тяжёлыми буквами: «Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от правительства Советского Союза».

Только ли это дань времени? Новые памятники не лучше старых. Взгляните: вот дедушка Крылов, рассевшийся среди своих аллегорических героев, будто в уголке Дурова.

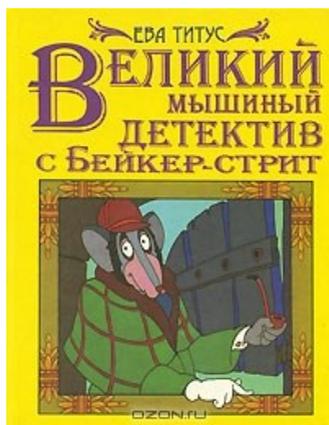
А между тем, пусть нам оно непривычно, бывают памятники, которые не стремятся стать превыше пирамид, а тем более Александрийского столпа. И так выходит при понимании, что всякий памятник — память и символ смирения, о чём мы по российской привычке склонны забывать.

«Посвящается Адриану М. Конан Дойлю в смиренной надежде, что эта книга послужит девочкам и мальчикам мостом к самому Шерлоку Холмсу», — скромно проставлено на чистой странице. Пусть это не великая книга, да это и не важно. И так же не важно, что это не детектив, хотя Шерлок Холмс мышиноного мира Бэзил, учившийся своему делу у ног настоящего Шерлока

¹⁷ *Ева Титус. Великий мышинный детектив с Бейкер-стрит.* — М.: «Букмэн», 1995.

1996 — ж. «Октябрь», № 9.

Холмса, рассуждает с не меньшим дедуктивным искусством, а его верный друг и помощник Доусон потом повествует о происшедшем, как настоящий доктор Ватсон.

И, как настоящий доктор Ватсон, он поражён наблюдательностью и замечательным умом своего друга. Например, о таинственном посетителе Доусон смог сказать только, что тот беден и, судя по старому игрушечному котёнку, выуженному им из кармана, он имеет семью. Однако Бэзил предложил своё решение: «Когда-то он был моряком, но теперь избрал ремесло плотника и живёт в северо-западной Англии, где-то возле побережья. Далее — его инициалы «Г. Х.», и он приехал в Лондон на поезде.

Я был поражён.

— Но как, ради всего святого, вам удалось всё это узнать?

— На самом деле это очень просто. Доказательства всегда под рукой, если ум достаточно тренирован, чтобы обратить на них внимание. Я сразу же заметил крошечную русалку, вытатуированную на его запястье. Моряки, оставившие своё занятие, стараются селиться как можно ближе к морю, это доказанный факт. А что касается его ремесла, то разве вы не заметили плотницкую линейку, торчащую из его кармана? Его речь выдаёт его происхождение: этот северо-западный акцент ни с чем не спутаешь. Его инициалы были вышиты на подкладке кепки, которую

он мял в лапах, а на пальто остались следы паровозной копоти, хотя он и чистил его щёткой...

— Поразительно! — воскликнул я.

— Элементарно, мой дорогой Доусон».

Вот что может сделать глубокое преклонение перед своим кумиром. Ведь не зря Доусон внимательно выслушивал рассуждения Шерлока Холмса, которыми тот делился с доктором Ватсоном, не зря упорно учился и даже трудолюбиво собирал экспонаты для домашнего музея: тут были бумажные клочки, сломанные авторучки, треснувшая лупа и прочие мелочи, прежде принадлежавшие Шерлоку Холмсу.

Когда же Бэзил увидел, что великий Холмс выбросил в корзину для мусора струну от своей скрипки, он подобрал её и кусочек струны натянул на свою собственноручно сделанную скрипку, чтобы наслаждаться музыкой (справедливости ради следует признать, что в отличие от холмсовской его игра была невыносимо фальшива. Тут сказывалось отсутствие долгой практики).

Самым же главным памятником гениальному современнику и не ведающему о том учителю стал построенный по мысли Бэзила в подвале дома номер 221-Б на Бейкер-стрит образцовый мышиный город Холмстед, город, куда приходили мыши со всего Лондона любоваться и восхищаться.

И потому нетрудно понять то чувство, которое испытал Бэзил, когда пропали мышки-близнецы Анжела и Агата, похищенные Ужасной Троицей, а какое-то время спустя пришло письмо, где мышам приказывали покинуть Холмстед, ибо бандиты хотели устроить в подвале на Бейкер-стрит штаб-квартиру своей подлой шайки.

Тем не менее Бэзил не был бы самим собой, если бы всего по нескольким уликам не нашёл похитителей, не вступил с ними в противоборство и в конце концов не одержал бы заслуженную победу. Он спас мышек-близнецов, а мышиный город в подвале знаменитого дома остался таким же образцовым, как прежде. И даже последнее и страшное испытание — тяжёлая битва с амбарной совой — было выиграно благодаря смелости Бэзила, его друга Доусона и раскаявшегося бандита, которого сыщик простил, ибо тот являлся не столько злоумышленником, сколько просто запутавшейся и запуганной мышью.

Итак, закроем и отложим в сторону книгу, которая не натолкнёт ни на какую мысль, кроме одной, хотя и чрезвычайно важной. Есть разные памятники. Есть памятники помпезные и почти раздавленные собственной грандиозностью и величием, памятники, нацеленные в вечность и потому своим существованием отрицающие и живую жизнь, и даже людей, в назидание которым, казалось бы, и были построены. И есть памятники скромные и вовсе ни на что не претендующие, но именно хранящие память. Впрочем, такие не вписываются в нашу традицию, ведь у нас даже обыкновенный день длится, как правило, дольше века.

раздел третий

ПЁСТРАЯ ЛЕНТА

(театр и кино)

Сергей Бехтерев

Рядом с Холмсом и Ватсоном —

Конан Дойль с Секретарём¹⁸

Режиссёр Игорь Масленников завершил в Петербурге съёмки своего нового фильма — 14-серийных «Воспоминаний о Шерлоке Холмсе». Сценарий был готов полтора года назад. Идея телевизионщиков первоначально заключалась в том, чтобы перемонтировать пять фильмов о Холмсе под телевизионный формат (по 52 мин.). Однако старые ленты не связаны сквозным сюжетом. И всё же идея дать вторую жизнь «старой песне» показалась заманчивой режиссёру, и Масленников вместе со сценаристом Владимиром Валуцким придумали историю, которая объединит все прошлые работы. Это — история самого писателя, Конан Дойля. Валуцкий написал текст, который будет перемежаться перекомпонованными фрагментами из старых картин. Сюжетный ход — простой и эффектный: Конан Дойль и его секретарь формируют сборник рассказов о Холмсе. Истории, прежде соединявшие несколько рассказов, теперь будут приведены в соответствие с литературным оригиналом. Конан Дойля играет Алексей Петренко, его секретаря Альфреда Вуда — Сергей Бехтерев. В роли горничной (парафраз миссис Хадсон) — Марина Левтова, в роли жены писателя — Лариса Удовиченко. Практически все съёмки прошли в Институте растениеводства в городе Пушкин, под Петербургом. Институт располагается в старинной усадьбе, построенной в английском стиле и из материалов, привезённых по указанию королевы Виктории из Лондона. Озвучание будет проходить на «Мосфильме», монтаж — на ОРТ. Если не будет перебоев с финансированием, Масленников завершит работу к 1 апреля. На столь неординарную акцию, как создание нового сери-

¹⁸ *Интермедиа «СК-Новости», номер 43 / 2001*

ала, режиссёр решил, чтобы продвинуть своих героев в мир: оказывается, до сих пор из-за нестандартного формата фильма о Холмсе практически не находили покупателей, и только «Собаку Баскервиль» удалось показать по Би-би-си. Теперь же режиссёр надеется на широкую продажу сериала. Оператор фильма — Владимир Ильин. Композитор Владимир Дашкевич. Продюсеры — Константин Эрнст и Анатолий Максимов. Производство — студия «Троицкий мост». Проект производится по заказу ОРТ.

Николай Гладких «Воспоминания о Шерлоке Холмсе»

В течение трёх апрельских недель на российском телевидении шёл знакомый незнакомец — 13-серийный цикл «Воспоминания о Шерлоке Холмсе».

Сколько бы английских и американских экранизаций Конан Дойля мы не смотрели, для россиянина есть один настоящий Шерлок Холмс — Василий Ливанов. Идеальный профиль «долихоцефала», безупречное чувство стиля и неподражаемая ирония сделали его нашим символом «английскости», эталоном «джентльмена» и героем многочисленных анекдотов. По артистизму и юмору к Ливанову-Холмсу приближается разве что русский англичанин Питер Устинов в роли бельгийца Эркюля Пуаро.

Телевизионный цикл, созданный режиссёром Игорем Масленниковым в 1979-1986 годах, включал 5 фильмов: «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» (2 серии), «Сокровища Агры» (2 серии), «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» (3 серии), «Собака Баскервильей» (2 серии), «Двадцатый век начинается» (2 серии). По каналам российского телевидения они повторялись практически непрерывно каждый год. Не только Ливанов — Холмс и Виталий Соломин — доктор Ватсон, но и весь актёрский ансамбль, концептуальная режиссура, мастерство оператора Юрия Векслера, музыкальные лейтмотивы Владимира Дашкевича обеспечили фильмам непреходящую зрительскую любовь.

Фильмы не раз становились лауреатами международных телефестивалей, но их продвижение на мировой телевизионный рынок остановилось из-за нестандартного формата серий. Повезло только «Собаке Баскервильей», купленной Би-Би-Си. И вот пятнадцать лет спустя Общественное Российское телевидение предложило режиссёру создать новую версию цикла сериями по 55 минут.

Игорь Масленников и сценарист Владимир Валущий отнесли к предложению творчески. Они придумали сюжетную канву, посвящённую самому создателю «шерлокианы». Артур Конан Дойль (Алексей Петренко) и его литературный секретарь мистер Альфред Вуд (Сергей Бехтерев) готовят к изданию сбор-

ник рассказов о Холмсе. В процесс работы втягиваются любопытная экономка писателя мисс Кью (Марина Левтова) и его тяжело больная супруга (Лариса Удовиченко). В эту рамку и вставлены хорошо известные зрителям истории о Великом Детективе и его Верном Помощнике. Оригинальные фильмы немного сокращены, а «Пёстрая лента» из первой серии старого фильма переместилась в 11-ю нового сериала.

Получился ли результат удачным? Признаться честно — не очень. Рамочное действие скучновато, а может быть, дело даже в другом. Не знаю, похож ли Петренко на Конан Дойля, как уверяет режиссёр, но его тяжеловесность и одышка накладывают томительный отпечаток на всё происходящее. В сюжет включена детективная история, происходившая на самом деле и подробно описанная в «Жизни сэра Артура Конан Дойля» Дж. Д. Карра. Конан Дойль принял активное участие в судьбе Джорджа Идалджи, индуса-полукровка, обвинённого в калечении скота и сочинении угрожающих анонимных писем без всяких юридических оснований — по сути дела только из-за того, что он был «цветным», а значит, чужим и подозрительным. 50-летний создатель Шерлока Холмса отдал этому делу восемь месяцев жизни, писал статьи и письма в государственные и судебные органы, более того, нашёл настоящего преступника и даже орудие преступления, проявив поразительную энергию и гражданскую активность. В фильме же инициаторы всего — мистер Вуд и мисс Кью, постоянно толкающие к действию неповоротливого и утомлённого жизнью классика.

Всё это не слишком выгодно контрастирует с упругим ритмом и филигранной формой «шерлокхолмсовских» частей фильма. Поэтому, если перед Вами встанет проблема, какой вариант выбирать на российских кассетах — старый или новый, не торопитесь решать его в пользу нового. Но, тем не менее, хочется пожелать, чтобы «Воспоминания о Шерлоке Холмсе» всё-таки добрались до западных телеэкранов. Как бы то ни было, обрамляющий сюжет — только гарнир, а главное блюдо — неувыдающие приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

Апрель 2000 г.

О. Комарова

Страшные сны доктора Ватсона ¹⁹

10 мая ТО «Интрига» представило на сцене государственного театра «Старый дом» спектакль «Ночь в полнолуние, или По ту сторону...». Ещё до начала представления я размышляла о характере предстоящего спектакля. Название подталкивало к мысли о чём-то фантастическом и нереальном, но... Мало ли, как там на самом деле.

Спектакль начался и до конца второго действия актёры держали зрительный зал в напряжении, а я всё думала о возможной концовке и смысле происходящего на сцене. Что происходит? Актёры разыгрывают перед нами комедию о героях Конан-Дойля или они действительно безумны?

Второе действие закончилось и расставило всё по своим местам. Они БЕЗУМНЫ... Кто это — они? Шерлок Холмс, Бэрримор, сэр Генри или Мортимер? Это — ОНИ? Оказывается, что единственным из актёров, изображающим человека, был Ватсон. И все два с половиной часа мы наблюдали не комедию, а трагедию расколотого на мелкие кусочки человеческого разума.

Главный герой (Ватсон) мечется, попав в тупик, и сознание играет с ним злую шутку. Оно ещё больше запутывает его, предлагая несколько вариантов выхода. Можно совершить самый страшный грех, убив себя (Шерлок Холмс). Можно притворяться всю оставшуюся жизнь безумным (сэр Генри). Можно изображать слабого и бессильного, когда вокруг бежит и кипит, не дожидаясь и обгоняя тебя, жизнь (Доктор Мортимер). Что выбрать? Ведь цена за правильный выбор велика — жизнь. Так и не найдя выхода, Ватсон остаётся блуждать в темноте, по ту сторону жизни, реальности.

Главный герой — олицетворение Человека, Так и Не Нашедшего Правильную Дверь к выходу. Он поступил проще — решил жить со всеми «Я» сразу вместе. Правильно ли это? Юмор это или трагедия?

Зрительские мнения об увиденном оказались противоречивы. Как мне показалось, дело в том, что для многих спектакль

¹⁹ 2000 - г. «Университетская жизнь», 22 мая.

остался чем-то вроде развлечения, так и не став объектом для размышлений. И всё-таки закрадывалось сомнение — может быть, интерпретация, данная мной, ошибочна. Сомнения мог разрешить только создатель «Ночи...» — режиссёр Александр Соколов.

— Что вы хотели показать своим спектаклем?

— Я понял, что о серьёзных вещах говорить с кислой физиономией практически невозможно. Поэтому и преподнёс зрителю серьёзную проблему с юмором. Это способствовало более глубокому восприятию спектакля. Ведь что главное для зрителя? — Посмеяться и задуматься. Что главное для актёра? — Чтобы игра доставляла удовольствие зрителю — и ему самому. А вообще это спектакль о вечном поиске каждого человека.

Не будучи особенно искушена в художественной критике, я обрадовалась, что моё мнение и мнение режиссёра совпало. Один классик сказал, что самое невыносимое для человека осознание — это то, что нет ничего невозможного. То есть из каждой сложной ситуации есть выход. Нужно только это понять, хотя иногда нет ничего более сложного.

Евгений Кузьменко

Холмсы бывают разные

Сравнивая два телесериала о Шерлоке Холмсе — английский и советский, — приходишь к интересным выводам.

Нынешний июль для российских шерлокианцев — особый: 19-го числа исполняется 66 лет блистательному Василию Ливанову — актёру, чей Холмс для многих является эталоном; 29-го июля — день рождения первого иллюстратора «Приключений», знаменитого Сиднея Пейджета. Наконец, по одному из российских ТВ-каналов в течение этого месяца идёт показ английского сериала о сыщике с Бейкер-стрит. Для обитателей Туманного Альбиона этот сериал является предметом гордости, а в исполнителе роли Шерлока Холмса — Джереми Бретте — они просто души не чают.

Надо ли говорить, что Ливанов и Бретт по-разному понимают своего героя. Наш, советский, Холмс — плод совместного творчества актёра Василия Ливанова и режиссёра Игоря Масленникова. Создатель «Зимней вишни» Масленников слышит большим поклонником жанра «иронический детектив», свидетельством чему — последнее творение его рук — сериал «Что сказал покойник».

Поэтому не будет преувеличением сказать, что расхождения с подлинником у советского Холмса случаются разительные, ведь Масленникова интересуется скорее парафраз Конан Дойля, чем тщательное воспроизведение первоисточника. Ну разве поднялась бы у настоящего Шерлока рука сделать из престарелой миссис Хадсон агента британской спецслужбы? А ведь именно этот казус происходит в фильме «Двадцатый век начинается». Вызывающие улыбку зрителей диалоги Баскервиля-Михалкова и Бэрримора-Адабашьяна также вряд ли пришли бы в голову сэру Артуру. А уж о боксёрском поединке между Холмсом и Ватсоном, которые мы можем лицезреть в серии «Знакомство», вообще не могло бы быть и речи. Помилуйте, это же викторианская Англия, а не «Рокки»!

Тем не менее, для большинства советских телезрителей именно наш Холмс — настоящий. Уютно-ворчливая хрипотца ливановского голоса, свиное гугуканье миссис Хадсон, взволнованный тенорок Ватсона — и всё это под аккомпанемент восхитительного «домашнего» ретро-вальса Владимира Дашкевича — что ещё надо человеку? И полно говорить о вольной трактовке канонических текстов — я ещё не встречал ни одного человека, способного противостоять убийственному обаянию пары Ливанов-Соломин. Масленникову удалось подобрать блестящий актёрский ансамбль: разве можно забыть туповато-развязного Лестрейда в исполнении Брондукова или рассеянного доктора Мортимера, чью роль столь тонко исполнил Евгений Стеблов?

Снятый для телеканала Би-Би-Си английский сериал подобным актёрским созвездием похвастать не может. Да что там — даже Ватсон отодвинут на второй план, превратившись в безнадёжного статиста. Всё вроде бы по Дойлю, но красок недостаёт: миссис Хадсон — чопорная мадам неопределённого возраста, Лестрейд — безликий хорёк, а уж о Майкрофте Холмсе стыдно и говорить. Снимавший английский сериал режиссёр пошёл своим путём: в центре у него — один лишь Шерлок Холмс в исполнении Джереми Бретта, все остальные лишь подыгрывают. Но удивительное дело — у Бретта хватает таланта, чтобы вытянуть большинство серий! Видимо, не зря в своё время «Гардиан» написала: «Сэру Артуру не стало бы стыдно за Холмса в исполнении Бретта».

Английский Холмс более всего похож на жуткого доктора Лектора а-ля Энтони Хопкинс — но со знаком плюс. Вглядитесь в игру Джереми Бретта: тот же артистический шарм («Моя бабушка — сестра Верне, французского художника»), та же эксцентричная мимика: нервное подёргивание губ, сардоническая улыбка, гипнотический взгляд и склонность к самолюбованию. Наш Холмс, узнав об угрожающей клиенту опасности, стремглав бросается на выручку. Герой Джереми Бретта проведёт немало времени, сонно любуясь собой в зеркало — и лишь потом, позавтракав, возьмёт с Ватсоном кэб и неспешно поедет в гости к клиенту.

Вялое течение английских серий многих отпугивает («Как ты можешь это смотреть? Это же помесь британской ландшафтной живописи с занудной Джейн Остин!» — пожаловался мне приятель). Что ж, вкус вкусу не образчик. Я с одинаковым удовольствием смотрю оба сериала. В версии Би-Би-Си меня привлекают детали — все эти дербиширские дамы с собачками, беспризорники на улице, колотушки на дубовых дверях — человек, интересующийся лубочной атмосферой Британии времён королевы Виктории, получит ни с чем не сравнимое удовольствие, ведь даже традиционную овсянку герои едят особому — тщательно прожёвывая и смакуя эту преснятину дёснами.

И, конечно, Джереми Бретт. «Артистичность, когда она в крови, — замечает в одной из серий Шерлок Холмс, — закономерно принимает самые удивительные формы». Характеризуя Бретта, Харрисон Форд признался: «Он умеет передать сокровенные чувства одним движением бровей. Мне этому ещё предстоит учиться».

Джереми Бретт всю свою жизнь был одержим Холмсом. «У этой роли один недостаток, — сказал он в одном из интервью, — она чертовски трудна, особенно в цвете. Думаю, Бэзилу Рэтбуну (знаменитому Холмсу из доисторической чёрно-белой экранизации — *Е.К.*) было куда проще. Мне приходится до смешного долго гримироваться».

В 1990-ом Бретт заявил о том, что «завязал» с Холмсом. «Играть становится всё труднее», — пожаловался он. Но уже через полтора года с триумфом вернулся: «Холмс — это как его любимый кокаин; однажды сыграв эту роль, не можешь оторваться».

Кокаин — одна из многих причуд, которыми Конан Дойль наделил своего героя. В советском сериале пагубная страсть ве-

ликого сыщика стыдливо замалчивается; в английском — мы даже можем лицедреть, как Холмс колется, а затем — сонно ловит кайф на кушетке. После кокаина Шерлока непреодолимо тянет к игре на скрипке — вот только жаль, что не Дашкевича «играет» Джереми Бретт, а нечто равнодушно-водянистое. Впрочем, здесь я слишком субъективен.

Интересно, что и Ливанов, и Бретт попытались в какой-то мере «отвоевать» Холмса у сэра Артура, наделив его ровную, холодную натуру чертами, в которых сам автор отказал своему герою. «Мне кажется, доброта Холмса проявляется в его общении с беспризорными детьми, — поделился с журналом «TV Guide» своими мыслями Бретт — ему нравится их непосредственность, честность. А в последней серии «Сэр Аугустус Милвертон» мы и вовсе совершили святотатство: Шерлок Холмс целуется! Правда, ухаживая под чужой личиной за служанкой в надежде раздобыть необходимую информацию».

Ливановский Холмс и вовсе не похож на ту «холодную, удивительно отрегулированную машину», какой его рисовал Конан Дойль. Вспомним «Скандал в Богемии» — кстати, самый любимый рассказ многих шерлокианцев, ведь в нём великий сыщик испытывает нечто, весьма похожее на чувство. Тот, кто видел взгляд влюблённого Холмса-Ливанова, найдёт в себе смелость возразить писателю — любимый герой миллионов читателей, оказывается — не бесчувственная ледышка!

Хотя, в общем-то, мы и раньше об этом подозревали...

16 Июля 2001

Елена Ланкина Шерлок Холмс попал в историю

ОРТ предписано прекратить показ сериала «по мотивам» классического фильма.

ГАЗЕТА «Сегодня», писавшая об эксперименте телеканала ОРТ, «модернизовавшего» известные фильмы Игоря Масленникова о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, усомнилась в правомерности подобной «реконструкции» телеклассики. Тогда служба кинопоказа первого канала не ответила нам на вопрос об авторских правах на ленфильмовскую экранизацию Конан Дойла. На днях история с Шерлоком Холмсом получила продолжение в арбитражном суде, куда обратилось с иском к ОРТ ЗАО «Медиа-МОСТ».

По соглашению с «Ленфильмом» «Медиа-МОСТУ» принадлежат права на большой пакет ленфильмовских лент, в том числе на телеприключения знаменитого сыщика. Как сообщил нам руководитель пресс-службы ЗАО «Медиа-МОСТ» Дмитрий Остальский, 19 апреля суд рассмотрел заявление истца о принятии мер по обеспечению иска и вынес определение, по которому уже в прошлый четверг первый канал должен был прекратить показ сериала «Воспоминания о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне». 20 апреля, по словам Остальского, было начато возбуждение исполнительного производства, о чём ОРТ получило письменное уведомление. Тем не менее, показ фильма продолжается.

Это уже не первый случай вольного обращения с собственностью «Ленфильма». Не так давно подобные разбирательства коснулись другой ленфильмовской картины, «Собачье сердце», на показ которой, как было признано судом, ОРТ тоже не имело прав. Обе эти истории — часть давнего спора об авторских правах на кинопродукцию, пока не получившего окончательного юридического разрешения. Одни компании, признающие права кинопроизводителей, предпочитают приобретать права на кино- и телефильмы, а другие ищут обходные пути, доказывая, что ленфильмовское кино, сделанное по заказу Гостелерадио СССР, «Ленфильму» не принадлежит, или затевая перемонтаж фильма через двадцать лет после его выхода. К сожалению, как и в прошлый раз, ответственные лица ОРТ отказались комментировать ситуацию, сложившуюся вокруг сериала о Шерлоке Холмсе.

Виктор Попов

Как Шерлока Холмса оставили без кокаина

Герой произведений Конан Дойла — знаменитый детектив Шерлок Холмс — иногда в минуты депрессии прибегал к кокаину. Исследователи творчества писателя не исключают, что к моменту написания цикла о Холмсе английское общество и сам Конан Дойл до конца не понимали всей опасности этого наркотика. Во время работы над многосерийной (более 40 серий) экранизацией этих произведений на Британском телевидении в 1984-1993 годах исполнитель главной роли Джереми Бретт узнал, что его персонаж пользуется популярностью у детей. Актёр был одновременно обрадован и напуган. Напуган тем, что кумир подростков Шерлок Холмс может служить им дурным примером благодаря пристрастию к кокаину, к которому к этому времени у англичан сформировалось отрицательное отношение. Джереми Бретт получил у дочери Конан Дойла разрешение на изменение в сценарии — в фильме «Нога дьявола» Холмс закапывает шприц в землю, демонстрируя этим полный отказ от наркотиков.

Екатерина Сальникова Кризис Конан Дойла

Доблести Шерлока Холмса оказываются неповторимы.

«ЗАПИСКИ о Шерлоке Холмсе» режиссёра Игоря Масленникова — проект беспроектный в том плане, что интерес к нему гарантирован изначально и многократно. Он отвечает той потребности в телесериалах, которая всё сильнее напоминает, включая в себя ещё и страсть к всевозможным продолжениям известных сюжетов. Видимо, в случае сериала у зрителя происходит привыкание к персонажам уже не как к вымышленным, но вполне живым людям. И тогда хочется, чтобы эти сериальные люди существовали бесконечно. В идеале такие сериалы, как «Семнадцать мгновений весны» и «Место встречи изменить нельзя», должны идти всё время, так сказать, кругами. Да и «Санта-Барбара» тоже. Быть может, уже ни у кого нет сил смотреть, что там творится у барбарянцев. Но пусть они живут в телеэфире, являя собой символ стабильности, если не самой вечности. Сериальные герои не всегда обязаны развлекать. Иногда им достаточно просто успокаивать одним своим подразумеваемым присутствием в телереальности.

Следуя подобной логике, достаточно просто демонстративно, в удобное время запустить все серии «Приключений Шерлока Холмса и доктора Ватсона», чтобы собрать благодарную аудиторию. Однако режиссёр решил доснять к уже существующим сериям новый материал с новыми героями под названием «Воспоминания о Шерлоке Холмсе» (ОРТ). И оказалось, что они не столько плавно вливаются в мир привычных и всеми любимых персонажей, сколько мешают ему своим присутствием. Артур Конан Дойл в исполнении Алексея Петренко, конечно, мог бы стать героем, равномасштабным Холмсу-Ливанову. Однако материала для этого не даёт прежде всего сам сценарий Владимира Валущего, превращающий знаменитого сочинителя детективов в недовольного всем и всеми брюзгу. Он не несёт в себе и сотой доли обаяния и профессионального вдохновения своего героя. Понятное дело, сам Шерлок Холмс вызывает у такого мистера Дойла раздражение как фигура, совершенно затмевающая своего создателя. И честно говоря, временами возникает подозрение,

что Холмс даже и написан-то не мистером Дойлом, а кем-то совсем другим.

Под статью хозяину подобралось и окружение — занудный пьяница-секретарь мистер Вуд и сухая во всех отношениях экономка мисс Кью. Актёры Сергей Бехтерев и Марина Лефтова играют их весьма и весьма достойно, однако они не в силах придать этим лицам то неповторимо индивидуальное очарование, каким были полны доктор Ватсон — Виталий Соломин и миссис Хадсон — Рина Зелёная. Создатели сериала не смогли придумать для новой троицы героев ничего, кроме как постоянно препираться и бросать друг на друга язвительные взгляды. Никакого пафоса творческой или детективной деятельности не наблюдается, даже когда находятся какие-то дела. В результате чего на эти бездействующие лица просто больно смотреть. И какое же счастье, когда они, наконец, уступают место прежней компании во главе с лондонским сыщиком.

В качестве последствий такой чересполосицы возникает ощущение, что Холмс, его друзья и враги существуют совершенно независимо от своего автора. Более того, они как раз производят впечатление людей доподлинных, живущих по настоящему. Чего нельзя сказать о вымученных новых образах. Холмс и Дойл находятся как бы в разных временных пластах и заведомо неравных условиях. Первый развивает свой дедуктивный метод практически в вечности и не знает усталости. Второй же, отдавая всё лучшее своему герою, вступает в период душевной апатии. Тема вампирических свойств нафантазированных персонажей подспудно напрашивается в новой версии сериала, однако никак не развивается.

Остаётся мотив реального Альбиона, отнюдь не туманного, а даже вполне солнечного и с пронзительной зеленью травы. Хорошая погода его, впрочем, не спасает. Благодаря характерам своих новоиспечённых обитателей английская действительность концентрирует в себе всё уныние и безнадёжность, какие можно представить. С британского бытия снимается тот романтический флёр, каким оно было окутано в изначальных «Приключениях Шерлока Холмса...» Игоря Масленникова. Тогда, во времена развитого и переразвитого социализма, вообще любое зарубежное пространство воспринималось идеализированно, чисто эстетически. В нём черпали воодушевление и были склонны видеть

только всё самое лучшее. В иностранных героев перерождались, сообщая им значимость фигур культовых, от которых веет воздухом общечеловеческого гуманизма и свободы. Современная жизнь, открывая постсоветскому человеку весь мир, видимо, поставила его перед лицом стольких практических, а отнюдь не умозрительных проблем, что на повторную мифологизацию зарубежного бытия не хватает никаких сил. По крайней мере у Игоря Масленникова.

Изначальная версия сериала была пронизана радостью открытия вместе с частным сыщиком большого интересного мира. С нынешними добавками приходит прозаическое желание от любого большого мира спрятаться и держаться подальше. Как ни странно, но от героев «Воспоминаний...» веет прежде всего неудовлетворённостью своим бытием и в то же время — боязнью нарушить заунывное течение буден. Такое впечатление, что Дойл вместе со своей болеющей женой (Лариса Удовиченко), Вуд и Кью никакие не мистеры, не миссис и не мисс, а беженцы-самозванцы, отсиживающиеся в комфортабельном тылу, на задворках современного исторического момента. Пока где-то в это время идёт война, разворачиваются экономические кризисы и смены правительств... На лице Конан Дойла и его сотоварищей прежде всего читается самоощущение заведомо проигравших людей, не способных диктовать миру свои правила игры. Даже если им и улыбнётся удача, это самоощущение неудачников и слабых частных людей, боюсь, никуда не денется. Можно долго рассуждать о странности или узнаваемости такой угнетённости и эскапизма. Однако в основе тут как изыски фантазии режиссёра и сценариста, так и неудавшаяся попытка реанимировать прежнее победное самоощущение сильных героев, отстаивающих справедливость и законность, чтобы упорядочить несовершенный мир. Можно всеми мыслимыми средствами воссоздавать внешнюю атмосферу «английскости», но это уже другая Англия. А от прежней, во главе с Шерлоком Холмсом, действительно остаются лишь воспоминания. Хорошо, что эта хроника детективных наслаждений была в своё время отснята на плёнку. Ведь то, что было элементарно для Шерлока Холмса, уже не является таковым для нового мистера Конан Дойла.

Опубликовано в Независимой газете от 08.04.2000.

раздел четвёртый

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

(современная Шерлокиана)

М. Делирий

Загадка пенсионера «Вальдберг»

(Одно из неописанных дел Шерлока Холмса)

Время текло как всегда неумолимо. В конце концов, настал момент, когда финансовые проблемы заставили меня сменить мою квартиру, на более скромную, однокомнатную. Чтобы из однообъёмного помещения сделать хотя бы двухобъёмное, я купил разделяющую панель, ансамбль полок различной конфигурации. Эта деталь мебелировки отделила нишу-спальню от центральной части комнаты. Но, чтобы полки вписались в интерьер их нужно заполнить чем-то соответствующим. Большей частью я решил заполнить их книгами, а отчасти какими-нибудь безделушками. Что касалось книг, то, это проблем не вызывало, их имелось в достатке. А вот насчёт безделушек, встал вопрос. Решать его, в ближайшие выходные дни, я пошёл на «блошиный рынок». Безделушки решил закупить у какого-нибудь старца. «У него они должны быть более «со вкусом», — думал я.

Размышлял я так: «Раньше всё было как-то более изящным, с выдумкой — сейчас, всё упрощённо, практично, а значит примитивно, лаконично».

Итак — «фломаркт»²⁰ и старик, торгующий мелким антиквариатом. К этому навязывалась ещё одна идея фикс: выручить этакое старца, продающего, возможно, последнее, чтобы прожить. Хотя, здесь, в Германии, это...

Не окажется «деда» на рынке с тем, что мне нужно — уйду, ничего не купив. Дело не срочное, потерпит.

Но в первое же посещение на «фломаркте» оказалась персона, которую я искал. Старик, торговавший мелким антиквариатом оказался таким, каким его рисовала моя буйная фантазия и

²⁰ Фломаркт — блошиный рынок.

даже более того. Его пальто и шарф, обмотанный вокруг шеи, а так же шляпа, по-видимому, образец моды прошлого века, походившая на котелок, но лишь походившая, так как на неё видимо садились, имели такой вид, что я невольно подумал: его в таком виде могут и задержать. Он был стар, но возраст его определить было невозможно даже приблизительно. Копна седых волос, закрывавшая полностью уши, удивляла своей густотой. Очки «а-ля Джон Леннон» и шерстяные перчатки без пальцев завершали оригинальный портрет старика.

Когда я стал торговаться на счёт десятка фигурок, он предложил мне купить «оптом» целый ящик.

— Этот ящик будет стоить несколько дороже, чем те фигурки, которые вы хотите приобрести, сэр, но в нём находятся гораздо больше вещей. И скажу вам честно, здесь не только фигурки, которые вас интересуют, но и множество других ценностей. Я имею в виду «ценностей» из-за их старины, — произнёс вкрадчиво старик.

— Старины, какой? — поинтересовался я.

— Некоторые вещицы пережили две «мировые войны», — с гордостью произнёс он.

— Простите, это очень интересно, но если можно, то, чуть-чуть подробнее. Какие времена заключены в этом ящике?

— Если сэр желает знать подробнее, то я могу сказать, что самые молодые, это вещицы шестидесятых годов, но есть кое-что и с конца прошлого века.

— Вы хотите сказать, что в этом ящике более ста лет?!

— Да, не меньше!

— И сколько же стоит это собрание?

— Двести марок. Из примерного расчёта, две марки за год.

«Ну, отец, ты и загнул, — подумал я, — за ящик хлама, пусть даже столетнего — двести марок!»

— Я считал, это стоит максимум сто!

— Да, так может показаться, если не знать содержимого, — заскрежетал старик. — Здесь имеются поистине старые вещи. Я не знаю, какую истинную цену они имеют сейчас. Я, знаете ли, не интересуюсь последними новостями нынешней жизни но, я уверен, да, уверен, что этот ящик стоит больше чем двести марок. Нужно лишь повнимательнее рассмотреть его содержимое. Например, здесь имеются старые журналы, фотографии. Тут он

перешёл на шёпот: «Фотографии красавиц тех времён, и, причём, в довольно нескромных одеждах и позах»...

Уловив, видимо, затухающую искорку в моих глазах, он решил быстро исправить положение:

— Но если вас не интересуют щекотливые вопросы жизни, то, подумайте хотя бы, что некоторым вещам по сто и более лет! Взгляните же!... Заметив в словах старика нотки отчаяния, я почувствовал, как меня тронула жалость.

— Если это всё так, как вы говорите, то ваше предложение будет действительно интересно.

В ящике были уложены какие-то книги, журналы и множество всевозможной мелочи. И что-то, исподволь кольнувшее, заставило меня дать старику двести марок и забрать ящик.

Дотащив с трудом, купленный мною набор старинных вещичек до машины, при этом, ругая себя за то, что отдал двести марок за какой-то хлам, а потом до моей квартиры, я сразу же взялся за его ревизию и расстановку некоторых предметов на своих полках.

Расправившись с сувенирными, скажем так, деталями, уже вечером решил просмотреть несколько журналов, входивших в эту коллекцию.

Листая архаический номер журнала «Стренд мэгезин» за 1896 год, я заметил, что после девятой страницы шла двенадцатая и этот лист, был слишком жёстким и тяжёлым. Перескок был понятен, — страницы склеились. Пролистав ещё два листа, мне вновь попался такой же тяжёлый, а через два следующих ещё один. Заподозрив в этом хитрость, созданную не случайно, я вернулся к первому тяжёлому листу и осмотрел его грани. У основания страниц, нашёл малюсенькое «окно» и, просунув в него тонкий ножик, стал разделять их. Края страниц не разделялись и не разрезались, они просто ломались, крошились. Листы были склеены, видимо клеем, который пересох за долгие годы и представлял уже не соединительную прокладку между страницами, а нечто целое с ними.

Разломав, таким образом, одну сторону листа, я развёл его страницы и обнаружил внутри третий лист. Внутренний лист не был приклеен и я осторожно вытащил его.

На нём оказался напечатан, какой-то текст, несколько необычным шрифтом. Я прочитал заглавие: «ЗАГАДКА ПЕНСИ-

ОНА ВАЛЬДБЕРГ». Заглавие мне ничего не говорило, но заинтриговывало. Не колеблясь больше ни секунды, я взялся за чтение текста, напечатанного явно не на принтере, а на старой пишущей машинке.

Глава 1

— Не кажется ли вам, Уотсон, что небо над Лондоном просто прохудилось? — произнёс Шерлок Холмс, тем самым, нарушив тишину нашей гостиной, в которой до сего момента, на протяжении целого часа царствовал потрескивающий камин.

— Небо прохудилось и прогнулось в виде воронки над нами. И теперь вся дождевая вода стекает на наш город. Дождь идёт целую неделю, не переставая ни на минуту.

— Осень, — ответил я вздыхая.

Холмс поднялся из своего любимого кресла, раскуривая уже пятую подряд трубку, подошёл к окну и глянул через промокшее стекло. Бейкер-стрит была пуста. Кроме тускло пробиравшихся пятен света, уличных фонарей, не видно было ни зги.

— И результат этой дрянной погоды налицо! — продолжал он. — За всю неделю ни одного преступления. Мелкие кражи, о которых пишут газеты, не в счёт. Не буду же я бегать за карманниками!

— По всей видимости, вы переловили всех более-менее серьёзных злодеев и должны быть довольны результатами своего редкостного таланта.

— Нет, Уотсон. Работа для моего мозга должна быть. Я начинаю склоняться к мысли, хоть это звучит наивно, что всё дело в погоде. Именно в ней. Я не занимался статистическими исследованиями, влияния плохих погодных условий на количество преступлений, но думаю, что взаимосвязь есть. Может написать монографию по этому поводу, озаглавив её «Непогода и преступность»?

Уотсон, вздумайте! Ведь должна же существовать какая-то связь между отвратительной погодой и отсутствием, например, краж со взломом в квартирах и домах?

— Вы хотите сказать, что преступник, из-за непогоды, не захочет высунуть носа из своей берлоги? — Своим высказыванием я попытался показать, что предугадываю ход мысли моего друга.

— Нет, Уотсон, наоборот. Потенциальные жертвы ограблений сидят по домам и не собираются покидать их в такое ненастье, чем создают для охотников, за чужим, дополнительные затруднения.

— А что вы скажите по поводу убийств и каких-либо других тяжких преступлений? — поддержал я дискуссию.

— На количество преступлений такого рода, также должна повлиять непогода, правда, не в такой степени как на квартирные кражи но, тем не менее, снизит их число. Умный преступник на дело не пойдёт.

— Умный преступник, хотите сказать, натура артистичная; легко поддаётся влиянию окружающей обстановки; идёт на дело только тогда, когда его посетит муза преступления? А в такую погоду она не приходит. Вы это хотели сказать?

— Опять Уотсон вы промахнулись, не проследили до конца ход моей мысли. При сырости, следов остаётся больше, это я хотел сказать, — договорив, он подошёл к камину и пошевелил в нём угли.

— Холмс, что вы скажите, если я предложу нам выпить по глоточку бренди.

— Согласен, Уотсон, согласен. А выпить вы предлагаете, конечно же, за то, что всё же лучше, когда Шерлок Холмс без работы.

— Совершенно верно. Ну, Холмс! Но я не буду спрашивать, как вы об этом догадались. В данном случае всё просто. Вы вывели это из того, что я доволен отсутствием преступлений.

— Уотсон, вы делаете успехи!

Выпив бренди, Холмс снова сел в своё кресло и поёрзав в нём для уюта, вытянул к камину ноги.

— Я хочу надеяться, — вновь заговорил он, — что сегодня, чтобы там не случилось, нам не придётся покидать нашу уютную квартиру.

И вновь сизый дым повалил из его трубки вишнёвого дерева.

Прочитав страницу, я не сознавая, что у меня в руках, схватил нож и принялся лихорадочно вскрывать следующий тяжёлый лист. Достав из его чрева второй лист и прочитав первые строки — понял, что это продолжение. Я тут же принялся

вскрывать следующий, третий, а за ним четвёртый и т.д. Уже не читая, достал все листы и, сложив их по порядку, рассмотрел последнюю страницу. Она была неполной и на два отступа ниже последней строчки, было напечатано — «конец».

Значит, я держал в руках неизвестный мне рассказ о Шерлоке Холмсе в рукописи! Но чья это рукопись? Имея у себя полное собрание о Холмсе и ряд подражаний, этот рассказ был мне не известен. Всех «Холмсовских» подражаний я не читал но, что касалось Артура Конан Дойла, то, его рассказы были у меня все. Никакого рассказа, с названием «Загадка пенсионера «Вальдберг» у него нет. Этот рассказ явно не публиковался.

Я открыл у только что вместе сложенной рукописи ещё раз последнюю страницу, надеясь отыскать там имя автора. Но такового не оказалось. Вместо имени автора, имелся P. S. и в нём я прочёл следующее:

P.S. — «Настоящим сообщается, что эта рукопись, которую вы держите в руках, ранее нигде не публиковалась и не регистрировалась. Нашедший её, и сумевший в последствии сохранить — считается по праву её автором и имеет право поставить под ней своё имя.

С полной уверенностью констатируется факт того, что читающий рукопись в данный момент, может полностью быть уверен: ранее эту рукопись увидит никто не мог по той причине, что если бы это произошло, то о ней не шёл бы сейчас разговор. Рукописи просто не существовало бы.

После написания, вся рукопись была обработана депотилхлоридом и помещена по отдельному листу в тёмное пространство. Извлёкший рукопись на свет и сумевший в короткий срок её сохранить, становится, поистине, её создателем или убийцей, в противном случае.

Судить о точном времени реакции (она уже началась, т.к. рукопись на свету) очень сложно. Пишущий эти строки не знает, когда рукопись будет извлечена на свет (если такое вообще случится). Вполне допустимо, что в течение длительного промежутка времени (несколько десятилетий или столетие), которое, это произведение будет находиться в недоступном для света месте, химический препарат утратит, в некоторой степени свои свойства и реакция будет протекать менее интенсивно. Но, как бы то ни было, обладающий в дан-

ный момент рукописью, должен проявить расторопность и смекалку, чтобы её сохранить.

В противном случае, в течение непродолжительного времени, (имеется в виду минуты или десятки минут, но не часы) рукопись сгорит: истлеет бумага».

По мере прочитывания постскриптума у меня всё шире и шире раскрывались глаза, а, прочитав до конца, меня охватила паника: «Что делать, я её даже не прочитал?! Прочитать, или сразу переписывать? Это утопия! Переписать за несколько минут столько листов! Читать, читать несколько раз, сколько успею, а потом по памяти записать. Ах, что это?!»

Я заметил: бумага начала желтеть. Она хоть и была сама по себе желтоватой, но сейчас желтизны явно прибавилось.

«Боже, праведный, что же делать? Я не успею прочитать даже двух раз!»

Но вдруг одна идея обдала жаром, как будто втокнула меня в сауноу.

«У меня же есть компьютер со сканером и принтером!»

Метнувшись к нему и включив, призывал его: «быстрее!» — пока он загрузжался программой.

Активизировав программу копирования и вложив в сканер первый лист, со страхом заметил, что бумага стала ещё желтее.

«Не успеть, всё равно не успеть,— подумал я. — Сканирование, потом распечатка — это минимум пять-семь минут на одну страницу».

Включив режим быстрого печатания, в ущерб качеству, тешил себя тем: что потом, не торопясь, разберусь, даже если текст отпечатается не очень чётко. Главное — спасти рассказ — повествование.

После копирования трёх страниц, положение с состоянием бумаги стало катастрофическим, она приобрела светло коричневый оттенок. Ещё одна идея пронзила меня в этот миг. Я решил, что реакция горения бумаги замедлится, если положить рукопись в морозильник. Это решение помогло, но лишь отчасти, процесс замедлился, но не прекратился. И всё же это был выигрыш во времени!

Копия последнего листа вышла самой неразборчивой, но спасённой. Я перевёл дух, вытер влажный лоб и, подойдя к бару, налил себе тройную порцию бренди. Выпив залпом, поднимаю-

щую тонус жидкость, глянул на рукопись, которую примерно час назад извлёк на свет. То, что осталось от неё походило на кучку сгоревшей газетной бумаги. Сам рассказ был спасён. Расслабившись, я рухнул в кресло.

Лишь минут через десять я смог прийти в себя, после нервно-беспокойного часа и взять в руки уже перепечатанную рукопись. Волну возмущения, по поводу такого варварского подхода к выпуску рассказа о Шерлоке Холмсе в жизнь, заглушил ничем неудержимый интерес к неизвестному приключению, и я спешно погрузился в чтение.

Я остановился тогда... а, здесь: «И вновь сизый дым повалил из его трубки вишнёвого дерева».

— Как это ужасно, Уотсон, когда тебе не дают заниматься любимым делом, — вновь заговорил Холмс после недолгого молчания.

— В каком смысле?

— В самом прямом! Преступник пошёл абсолютно бездарный, не только в Лондоне, но и по всей Англии: не хочет задать хотя бы мало-мальски серьёзной задачи.

— Холмс, это кощунство! Взывать к преступникам, чтобы они задали задачку для вашей скучающей головы. А вы подумали о бедных жертвах? — Выпитый бренди разбудил в моём сознании протест и смелость восстать против эгоизма великого сыщика.

— Уотсон, в вас скрывается черта моралиста. Да и почему вы сразу берётесь за крайние мерки? Я вовсе не взываю к кровавым деяниям. Существует же множество преступлений по своему характеру претендующих на категорию сложных, запутанных, и в то же время не связанных с человеческими жертвами.

— И всё же, — не унимался я, — если вы, дорогой Холмс, страдаете от отсутствия головоломок, то могли бы заняться безобидными задачами, но так же требующими работы ума, и, кстати, не требующие даже выходить из дому.

— Хм, это интересно. И чем же, например?

— Например, — шахматы. Их считают гимнастикой для мозгов, и с вашим аналитическим умом, вы будете сильным соперником.

— Дорогой Уотсон, я не хочу отозваться об этой древней игре дурно, но всё же считаю, что для моего «чердака» это лишнее, — при этом он постучал указательным пальцем себя по лбу.

— Ну, Холмс! Я знаю вас уже много лет, но не перестаю иногда вам поражаться. Порой ваш цинизм и скептицизм просто вызывающ! Вы помешались на вашей профессии; для вас не существует практически ничего другого, кроме как распутывания криминальных узлов. Но помилуйте, ведь нельзя же жить только этим! В мире существует множество других интересных проблем. Вот вы сетуете на отсутствие дела, сложнейшей, запутанной задачи, что ваш мозг гибнет от безделья. Значит, вы беспокоитесь о нём, а в то же время курите уже пятую трубку подряд, отравляя свой, как вы говорите, «чердак» никотином. — К раздражителям, исходящим с уст Холмса, теперь добавился ещё сизый туман, густо заполнивший всю нашу гостиную, и к этому моменту уже не позволявший ясно видеть моего оппонента.

— Уотсон! — воскликнул Шерлок Холмс, улыбаясь. — Вы решили прочесть мне лекцию о вреде курения, вспомнив, что являетесь не только моралистом, но и врачом?

— Не иронизируйте, — продолжал я серьёзно. — Да будет вам известно: по данным последних медицинских наблюдений, более девяносто процентов заболевших раком губы курили трубку или мундштук, — и я жестом указал на трубку, дымящуюся в его руке.

— Чем вы это объясняете? — уже серьёзно спросил Холмс. Этот резкий переход, от скептического, ироничного тона к серьёзному, смягчил вспышку моего негодования.

— Затрудняюсь ответить с уверенностью, вопрос этот ещё не изучен. Возникает это предположительно оттого, что трубка или мундштук, используясь множество раз, и, пропитываясь со временем никотином, оказывает опасное влияние на кожу губы. Этому способствует ещё тот факт, что трубку или мундштук держат, обычно, подолгу в одном положении. Сигареты и сигары, как бы их не держали во рту, после курения выбрасывают.

— Что вы посоветуете? Бросить курить или бросить курить трубку? — спросил мой друг, глядя на зажатую двумя пальцами, свою любимицу. — И как это выражается на губе, как выглядит?

— Ну, это будет для вас, слишком радикальный метод. Я даже боюсь, это предлагать. Но, посоветовал бы: чаще менять их. А выражается это в виде белого несмывающегося налёта или язвы.

— Дорогой доктор, я просто уверен, что вы не могли не заметить мой трубочный арсенал. Не обладая такими сведениями, я подсознательно предостерегаю себя от этой неприятности.

Вялая попытка оправдаться, давала понять, что разговор его занимал.

— Да, вы обладаете обилием разных трубок, но курите в основном две: глиняную и вишнёвого дерева, — продолжал я наступление.

— Bravo Уотсон! Право же, вы делаете заметные успехи в области наблюдательности, но почему-то она нацелена лишь на мою скромную персону. Что же касается остальных случаев, то вы упорно не желаете ей пользоваться.

— Холмс, это же напрашивается само собой. Я вижу ваш процесс курения на протяжении многих лет, а за такой промежуток времени это заметит и слепой.

— Ну, не скажите, мой дорогой доктор. Вспомните, хотя бы, пример со ступеньками лестницы, ведущими из прихожей в нашу квартиру. Вы их тоже видели множество раз, а не знали их количество и, наверное, уже забыли и не знаете сейчас.

— Что вы сравниваете, Холмс, какие-то ступеньки и человека. И кстати, на счёт памяти, вы не правы. Я помню тот наш разговор и знаю — их там семнадцать.

— Уотсон, вы меня обезоружили, — добродушным тоном и, улыбаясь, произнёс мой друг. При этих словах я почувствовал, впервые за многие годы нашего знакомства, прилив особого чувства. Наконец-то я, хоть на мгновение мог не уступить Холмсу, хоть на миг выйти из его тени.

— Что это, Холмс! Кто-то позвонил, неужели клиент? — воскликнул я.

— Скорей всего посыльный с телеграммой. Я не слышал звука подъехавшего экипажа. Дорогой Уотсон, будьте добры, спуститесь в переднюю.

— А что, клиенты к вам никогда не приходили пешком?

— Вы совершенно правы, Уотсон. Это лишь моё предположение.

Через минуту я вернулся в нашу квартиру.

— Холмс, вы как всегда правы. Вам телеграмма, — и я протянул ему жёлтый бланк, заметив, как лёгкая тень оживления мелькнула на его лице.

— Конец унылому покою! — произнёс он, прочитав послание.

— Что-нибудь случилось? Интересное дело?

— Может быть да, а может, и нет. Стэнли Хопкинс просит помочь в деле, имеющим «таинственные» моменты. Пенсион «Вальдберг» в графстве Девоншир. Подайте, пожалуйста, справочник «Туризм — Англия».

Пока я доставал с полки справочник, Холмс спросил:

— Как вы думаете, Уотсон, почему эта гостиница имеет немецкое название?

— Видимо владелец её немец или австриец и потому решил её назвать именем, напоминающим ему о родине.

— Возможно, вы правы, посмотрим. ... «Пенсион «Вальдберг», графство Девоншир. Особняк построен в 1790 году, имеет двадцать комнат в двух этажах, ...популярен в сезон охоты». Так... так... так... «Владелец — Франс Даллхор. Особняк был перестроен, под гостиницу в 1850 году... Основатель — Генрих Штайгер. В 1881 году сын основателя, Ханс Штайгер продал пенсион сегодняшнему владельцу». Да, Уотсон, вы не ошиблись: первым его владельцем был немец. Итак, дорогой доктор, как вы смотрите на то, если мы завтра, с первым поездом, отправимся с Паддингтонского вокзала? — Спросив, он встал и, подойдя к полкам, стал искать справочник Брэдшоу.

— Буду только рад возможности сопровождать вас, — ответил я без тени сомнения.

Глава 2

Сидя в вагоне поезда, который, стуча и покачиваясь, нёс нас в Девоншир, я решил заговорить с Холмсом, дабы нарушить его молчание, длившееся с момента нашего отъезда с Бейкер-стрит.

— Вы думаете о деле? — неуклюже спросил я.

— Нет, Уотсон, не о нём. Чего ради, толочь воду в ступе? Мы же ничего не знаем. Дело, возможно, пустяковое. Представьте себе: не зная о нём практически ничего, я срываюсь с места!

Да, видимо всё для того, чтобы не умереть от скуки. Это убийство, может случиться, и вовсе не имеет никаких тайн. Просто, и как всегда, инспектор, ведущий следствие, не захотел должным образом напрячь свою голову.

— Холмс! — воскликнул я. — Ну с чего вы вывели, что это убийство?! Это может быть кража, например, или похищение. Ведь в телеграмме конкретно ничего не сказано. Там же просто написано: «...в деле, имеющем таинственные моменты».

— Это же элементарно, Уотсон! Ведь если чуть-чуть подумать, то, можно прийти к выводу, что это убийство. Конечно же, это не сто процентов, это всего лишь моё предположение.

— Оно окажется правильным. Я в этом не сомневаюсь. Но, хотелось бы узнать, как вы пришли к этому? Вы простите меня, Холмс, но за наши долгие годы дружбы я так и не научился понимать ваши методы: ни из чего делать точные выводы.

— В данном случае всё просто. Если бы это была значительная кража, то, о ней бы уже написали, — и он потряс газетой бывшей в его руках. — Но, в них о пенсионе «Вальдберг» ничего нет. Если кража была бы весомой, то газеты не упустили бы этого. Значит кража незначительная. Но это так же не соответствует истине. Так как в этом случае, Хопкинс не стал бы меня беспокоить. Похищение, я отбрасываю сразу. Похищают кого-либо у людей знатных или богатых. Но газеты молчат. Следовательно, никакого похищения. Что остаётся? Остаётся убийство. Лишь в этом случае, кто бы ни была жертва, расследование имеет значимость. А так как крупные газеты не пишут об этом ни строчки, то я делаю заключение, что убитый личность незначительная, но и не крестьянин.

— Ну а это то вы из чего выводите? — изумился, я.

— Здесь, дорогой доктор, я имею самое зыбкое утверждение. Я делаю вывод об этом из каких-то непонятных мне предчувствий. Они — эти предчувствия — результат смешивания в моём «чердаке» тех данных, которые мы уже имеем. Это: и «пенсион Вальдберг», и «таинственные моменты», и отсутствие в газетах сообщений.

— А, может, пострадавшие просили о неразглашении?

— Уотсон, вспомните, кто нас пригласил! Хопкинс — Скотланд-Ярд! Начато официальное расследование. Какие уж

теперь могут быть тайны. Но из-за незначительности дела интерес, я думаю, проявила лишь местная пресса.

После всех этих доводов я не мог не согласиться с Холмсом.

На маленькой станции, Кэмб-Уэлс, где мы вышли, нас встречал инспектор Хопкинс. Погода встретившая нас в Девоншире, оказалась такой же дождливой, какой нас проводил и Лондон. От горизонта до горизонта небо было равномерно застлано серым морозящим покрывалом. Царило безветрие, и от вертикально падавшего дождя нас прекрасно укрыли наши зонты.

— Очень рад, что вы приехали, мистер Холмс и вы доктор Уотсон. Я надеялся и думал, что если вы, мистер Холмс, согласитесь помочь, то непременно прибудете с первым поездом, — приветствовал нас инспектор.

— Как видите, вы не ошиблись. Далеко ли отсюда до пенсионера? — спросил мой друг.

— Две мили, — ответил инспектор, поёживаясь от сырого холода.

— Едем, и вы введёте нас в курс дела по дороге.

Как только колёса нашей коляски покатались по шоссе, Стэнли Хопкинс начал излагать факты.

— Погибший, — Джордж Пин, из Лондона. Род занятий пока не установлен. Прибыл и остановился позавчера вечером, в половине восьмого. Снял номер на одну ночь. Пообедав, заказал завтрак в номер, на восемь утра. После этого поднялся к себе наверх.

На утро, как он и заказывал, горничная Энн поднялась на второй этаж с завтраком, но на её стуки в дверь никто не отвечал. Дверь была заперта. Горничная, посмотрев в замочную скважину, увидела, что ключ торчит изнутри в замке. Это вызвало у неё беспокойство, и она поспешила за портье Уилкимом. Когда, уже вдвоём, вернулись к двери номера пятнадцать, и не достучались в очередной раз, — подняли тревогу.

Хозяин пенсионера, Франс Даллхор, при помощи проволоки, повернул и протолкнул ключ внутрь. Да, забыл упомянуть, что: сначала, сэр Даллхор хотел проникнуть или хотя бы заглянуть через окно, при помощи лестницы но, окно оказалось закрыто ставнями. И так, протолкнув ключ в комнату, хозяин пенсионера

открыл дверь запасным ключом. Когда присутствовавшие при этом вошли в комнату, то, обнаружили там бездыханное тело сэра Пина. Тут же послали конюха, Тома Рудэра за констеблем. Тот, прибыв на место происшествия и осмотрев его, закрыл номер, забрав оба ключа. После чего он связался со Скотланд-Ярдом. Сюда был направлен я.

Осмотрев комнату, жертву, и опросив потенциальных свидетелей, я усомнился в своих первых выводах. Поначалу всё выглядело как самоубийство. Погибший полулежал поперёк кровати в ночной рубашке. Посередине груди, ближе к сердцу, зияла рана от пулевого ранения. В правой руке, покойный держал револьвер, в котором отсутствовал один патрон.

— Хорошо, Хопкинс. А что же вас побудило усомниться в самоубийстве? — спросил Шерлок Холмс.

— Меня почему-то сразу встревожила одна догадка: почему самоубийство жильца номера пятнадцать, обнаружилось лишь, когда горничная понесла ему завтрак, а не в момент выстрела, который отправил Джоржа Пина на тот свет?

— Превосходно! — произнёс Холмс. В этот момент я заметил, как блеснул огонёк в его глазах. Настал один из тех моментов, которые были для него самым интересным в жизни. Мой друг даже чуть поёрзал, устраиваясь удобнее для внимательного прослушивания информации. Убийство, смерть, — ужас одним словом, привнесли в него интерес и, начали разжигать азарт охотника, хотя сказать, что он был чёрств душой, нельзя было ни в коей мере.

— Когда бы это ни случилось, — продолжал инспектор, — выстрел должен был сразу же поднять беспокойство, а его, как выяснилось, не слышали даже жильцы соседних номеров. Это, пожалуй, единственный момент, указывающий на какую-то таинственность в этом деле. Из вещей как будто ничего не взято: нет следов указывающих, что кто-то в них рылся, да и следов присутствия второго лица не обнаружено. Потайных дверей и люков в номере так же не найдено. Самоубийство? Постоялец застрелился. Но, выстрела никто не слышал. И ещё одна деталь показала мне странной, хотя, может, лишь показалась.

— Давайте Хопкинс, выкладывайте. Мелочи всегда играют важную роль, — потребовал Холмс.

— Характер раны и окружающее её пространство. Рана выглядит так, как будто стреляли с очень небольшого расстояния, но не в упор, как это бывает при самоубийствах. Об этом говорит ещё и внедрение порошинок, следов пороха. Они разбросаны на некотором расстоянии от входного отверстия. Допустим невероятное — Пин стрелялся с вытянутой руки. Тогда удобнее держать револьвер не как обычно, а как бы стреляя от себя, но повернутым к себе стволом и давить на курок большим пальцем, а не указательным, как при нормальной стрельбе. У покойного на курке лежал указательный палец. Да и кто же стреляется с вытянутой руки?

— Хопкинс, вы подметили много важных деталей.

— И ещё на счёт внедрения порошинок. На рубашке и теле погибшего их, как мне показалось, довольно мало. Эта деталь говорит о том, — стреляли с нескольких футов. Если это самоубийство, — это обстоятельство противоречит данному выводу. Если это убийство, то, как убийца покинул комнату? И опять же, выстрела никто не слышал. Не понимаю! Поэтому, мистер Холмс, я попросил помощи у вас. В течение дня мы пытались определиться. Если это самоубийство, то, оно не вызывало бы у нас затруднений и я не стал бы вас беспокоить.

— Когда наступила смерть?

— По словам доктора, вызванного констеблем и осматривавшего тело через час после обнаружения, смерть наступила примерно в три часа утра.

— Время самого глубокого сна. А где находится тело? — спросил Холмс.

— Труп уже отправили в морг, но всё остальное на месте.

За разговором Холмса и Хопкинса путь от станции до пенсiona пролетел незаметно, но при подъезде к нему в нашей коляске наступило молчание. Пенсион «Вальдберг» встречал нас мрачностью и унынием, как будто сожалел о случившейся в нём трагедии.

Глава 3

Как только наша коляска подкатила к главному входу, к нам навстречу вышли констебль и полный мужчина примерно пятидесяти лет с добродушным лицом, красные щёки которого

говорили, видимо, о пристрастии их хозяина к горячительным напиткам.

Выйдя из коляски, Хопкинс поспешил представить нас: «Мистер Шерлок Холмс и доктор Уотсон. Хозяин пенсiona мистер Даллхор».

Пройдя в небольшой холл гостиницы, Холмс быстрым взглядом окинул помещение, в котором встречали и провожали постояльцев. Обставленное старой массивной мебелью тёмного дерева, оно выглядело старомодно и угрюмо, но, потрескивающий камин приносил в помещение уют и сглаживал торосы его невестёлого облика. За стойкой бюро стоял молодой человек на вид лет двадцати восьми, с прилизанными светлыми волосами, напускной серьёзностью и часто моргающими маленькими глазами.

— Это мой портье Джек Уилким, — представил нам его хозяин пенсiona.

Коротко взглянув на портье своим пронзительным взглядом, Холмс попросил проводить нас в номер пятнадцать. Выходя из вестибюля, мы столкнулись в дверях с двумя женщинами. Одна, полная дама с двойным подбородком, примерно сорока пяти лет, оказалась миссис Даллхор. Второй, лет двадцати — двадцати двух с оттенком глуповатости на лице, горничной Энн.

— Я полагаю, это ещё не весь персонал пенсiona? — спросил Шерлок Холмс.

— Нет, у меня работают ещё конюх и кухарка. Вшестером мы вполне справляемся, — ответил хозяин.

Поднявшись на второй этаж, наша процессия, состоявшая из восьми человек, остановилась у номера, у двери которого стоял полисмен. Перед тем как войти Холмс обернулся и выразил недоумение, глянув на шедший попятам персонал пенсiona. Войдя в сумрачную комнату, Холмс попросил, чтобы с ним, остались лишь я и Стенли Хопкинс.

Когда мы остались втроем, Холмс взял у инспектора лампу и приступил с азартом к осмотру места происшествия. Осмотрев окно, которое было всё ещё закрыто ставнями, он распахнул их. Дневной свет, как вздох облегчения, ворвался в комнату. Выглянув наружу и осмотрев пространство вокруг окна, он сказал как бы себе, что окно не открывалось. Затем он начал осматривать

пол. Найдя пару крупных хлопьев пыли, он зажал их двумя пальцами, и поднял, как будто держал за хвост мышь.

— Видимо здесь плохо убирают? — произнёс он.

Потом он осмотрел смятую, с пятном крови, постель.

— Пригласите сюда хозяина пенсионера.

Когда Франс Даплхор вошёл, Холмс задал ему вопрос:

— Мистер Даплхор, вы уверены, что здесь нет потайного люка, равно как и хода?

При этом Шерлок Холмс пристально посмотрел на хозяина пенсионера, пытаясь, видимо, уловить его реакцию.

— Мистер Холмс, я владею этой гостиницей вот уже пятнадцать лет и ни о чём подобном мне не известно. При продаже пенсионера бывший хозяин, Ханс Штайгер так же ни о чём таком мне не сообщил. В бумагах перешедших ко мне вместе с гостиницей, среди которых есть документы касающиеся перестройки особняка под пенсионер, также ничего об этом нет.

— Могу ли я повидаться с бывшим хозяином?

— Нет, мистер Холмс. Он умер четыре года назад, — и предвидя следующий вопрос, продолжил, — а миссис Штайгер, через год после него.

— Пол вы осмотрели тщательным образом? — обратился Холмс к инспектору.

— Да, — заговорил Хопкинс, — мы обследовали пол и стены. Потолок побелён, как видите, намёки на люк отсутствуют. Из-за того, что пол устлан короткими досками, которые уложены со смещением относительно друг-друга, может показаться: потайной люк, имея неправильную форму, возможен. Но такового обнаружить не удалось.

Достав перочинный нож, Холмс стал просовывать лезвие в стыки между досок. Но, опускаясь на глубину примерно трёх дюймов, лезвие упиралось каждый раз в твёрдую преграду. Поднявшись с четверенек, мой друг застыл в раздумье.

— Мистер Даплхор, оставьте нас втроём, — попросил Холмс, и сев в кресло, стоявшее слева от окна, закурил трубку.

— А это следы вашего акустического эксперимента, Хопкинс? — при этом мой друг указал на толстую доску, стоящую у кровати в углу.

— Так точно. Двое: я и констебль были в номере 13 и 17, второй констебль стрелял из револьвера, изъятого из руки по-

койного. Слышимость прекрасная, грохот такой, что разбудит и мёртвого.

— А выстрела никто не слышал, — пробормотал Холмс, уставившись в пол у окна. В номере воцарилась тишина, продолжавшаяся не более одной минуты.

— Да, Хопкинс, надо учитывать, что ночью здесь был сильный дождь, и при эксперименте вы прислушивались, а не спали. А теперь друзья мои, я покину вас ненадолго, — прогуляюсь, осмотрю пенсион, — и Холмс стремительно вышел. Сделав какие-то записи, Хопкинс так же покинул злополучный номер.

Думая как скоротать время, пока будет отсутствовать мой друг, я решил спуститься в ресторацию пенсиона, выпить кофе с коньяком, чтобы согреться изнутри. При такой сырой погоде, стоявшей за окном, схватить насморк, было делом несложным.

Глава 4

В ресторации заправляла делами миссис Даплхор. Выполнив мой заказ, хозяйка подседа ко мне, и заговорила в полголоса.

— Мистер Уотсон, скажите, мистер Шерлок Холмс нашёл уже, хоть какую-нибудь зацепку к тайне нашего пенсиона?

— Я в таком же неведении, как и вы, миссис Даплхор. Мой друг не делится данными о своём продвижении в расследовании раньше времени. Это его стиль. А почему вы говорите «тайна вашего пенсиона»? Точнее будет — загадка этого происшествия?

— Не совсем так. Видите ли, мистер Уотсон, этот случай не первый.

— Что, у вас уже случались здесь таинственные самоубийства? — изумился я.

— Господь с вами, мистер Уотсон. Просто мне кажется, что наш пенсион имеет какую-то тайну. Вот послушайте. Примерно два года назад, у нас на ночлег остановилась одна богатая дама. Хотя может и не очень богатая, но при ней был секретарь. А может и не секретарь, а просто слуга. Но держался он солидно, и на слугу не был похож.

Поняв, что миссис Даплхор любит поговорить, я, с горестью, решил набраться терпения.

Так вот, сняли они два номера, 14 и 16, это напротив того, где случился теперешний ужас. Занесли вещи, и после того как

устроились, спустились они сюда, обедать. И вот, представьте себе, секретарь спустился с небольшим саквояжем. Сразу было ясно, что в саквояже что-то ценное — раз они побоялись оставить его в номере. На ночь саквояж она взяла к себе.

Рассказывая это, миссис Даплхор активно помогала себе мимикой, чем придавала своему рассказу ещё больше таинственности.

— И вы представляете, утром обнаруживается, что из саквояжа пропала небольшая шкатулка с драгоценностями. К счастью это были не все сокровища этой дамы, а лишь те, которые она брала в поездки. А то бы её, бедняжку, хватил удар. Вызвали полицию. Инспектор всё осмотрел, всех допросил, всё, казалось, проверил. Ничего! Никаких следов. Шкатулка испарилась. А ведь эта дама тоже спала с закрытыми ставнями и закрытой изнутри дверью. В соседней комнате спал её секретарь, который тоже, как и она, ничего не слышал. В общем, и так и сяк крутилось следствие, и, в конце концов, решили, что шкатулку, видимо, похитили ещё до прибытия сюда. Возможно, на вокзале в Лондоне ловко поработал какой-то карманник. Ведь они ехали из столицы.

Этот рассказ меня заинтриговал, и я слушал миссис Даплхор с должным вниманием. Ей это льстило, и она рассказывала с душой, стараясь ничего не пропустить. Слушая хозяйку пенсионера, я вспомнил холмсовское умение расположить к себе собеседника.

— Полиция выяснить ничего не смогла, — продолжала миссис Даплхор, — а закрыть дело они хотели. Ну и, исход дела решило то, что хозяйка шкатулки, прибыв сюда, ни разу не заглядывала в саквояж, и сама была не уверена в том, были ли там её драгоценности, на момент кражи, здесь, при ней. Она же потом сама и согласилась: раз в комнату ночью, когда она спала, проникнуть было не возможно, то шкатулка пропала ещё до прибытия в пенсион. На том все и согласились. А я теперь думаю, что шкатулка пропала здесь.

При этой фразе она широко раскрыла глаза и посмотрела на меня в упор. От этого у меня по спине пробежал холодок.

— И я молю Бога, чтобы мистер Шерлок Холмс раскрыл эту тайну, — и помолчав, добавила. — Хотя может я и ошибаюсь.

— Я думаю, то, что вы рассказали, миссис Даплхор, очень важно. Я передам это мистеру Холмсу.

— Передайте, передайте мистер Уотсон, — с этими словами она удалилась заниматься своими делами. Надо было готовить завтраки для постояльцев. Жильцов в pensione в этот момент было всего пятеро и это к счастью не создавало помех следствию.

Я, взволнованный рассказом хозяйки pensione и сгораемый от нетерпения сообщить услышанное Холмсу, вышел в холл, и увидел моего друга у стойки бюро. Он отдавал портье какой-то ключ и при этом спросил его:

— Мистер Уилким, здесь у вас, дежурит ночной портье?

— Да, мистер Холмс. Я и хозяева, дежуриим попеременно.

— В ночь происшествия, дежурил...

— Дежурила миссис Даплхор. Прошедшей ночью дежурил хозяин.

— Следовательно, сегодня дежурите вы?

— Совершенно верно, мистер Холмс.

— Благодарю, — ответил мой друг и направился ко мне.

— Скучаете, Уотсон!

— Вовсе нет. У меня есть новость для вас.

— Поднимемся в пятнадцатый номер, и вы расскажите.

В номере Хопкинса не оказалось. Вместо него там находился констебль.

— А где инспектор? — спросил Холмс.

— На станции, телеграфирует, сэр.

Холмс попросил оставить нас вдвоём, после чего я рассказал об услышанном.

— Уотсон, вы мне здорово помогли. Ваше известие ещё больше убеждает меня в правоте моей гипотезы.

Спрашивать о сути его гипотезы не имело смысла, он не стал бы сейчас делиться своими догадками. Я это хорошо знал и ограничился лишь банальной репликой:

— Я рад, что помог вам.

Но, похоже, моих слов он уже не слышал, погрузившись вновь, уже с лупой, в исследование пола перед кроватью.

Поползав на коленях, минут пять, он с удовлетворением встал. Протянув мне лупу, поднёс ладонь, на которой лежали какие-то микроскопические волоски.

— Взгляните, — предложил он.

Я посмотрел через лупу.

— Похоже на обгоревшие нитки.

— Ваше предположение, Уотсон?

— Возможно, стреляли через подушку, и поэтому выстрел был тих.

— Уотсон! Уотсон! Пожалейте мой слух.

— Ах, ну да... — я хлопнул себя ладонью полбу.

— Вот именно. Здесь перьев было бы как в курятнике.

Преступник был в номере и стрелял из револьвера, плотно и хорошо укутанного в какую-нибудь материю, например, в большое полотенце. Уотсон, идёте к хозяину. Он, я полагаю, у себя в кабинете.

Хозяин пениона действительно, оказался в своём кабинете, напоминавшем скорее подсобку кладовщика. Он сидел за большим письменным столом, заваленным разными бумагами, а на небольшом свободном пяточке стоял стаканчик с тёмной жидкостью, видимо с виски.

— Мистер Даплхор, — задал сразу же вопрос Холмс, — помимо случая исчезновения шкатулки, случались ли здесь ещё какие-нибудь подобные происшествия?

— О, это уже известно вам! Догадываюсь от кого. Ох уж эти бабы! В них сидит бес, не дающий им покоя, пока они не почешут языком. Да, произошла эта история в стенах этого пениона. Думаю, вам так же доложили, что следствие пришло к заключению: шкатулка пропала раньше, не здесь. И с этим согласилась и сама её хозяйка.

Холмс, глядя на хозяина пениона, молчал.

— Вы только не подумайте, что я помалкиваю об этом из каких-то неблагоприятных соображений. Просто я опасюсь... слухов. Поймите меня! Ведь если люд узнает обо всех этих случаях, а к ним добавится ещё этот, последний. Всё, — гостиницу можно будет закрывать. Все постояльцы будут стороной объезжать пенион. Полиция уже здесь, теперь не хватает только газетчиков! Скандальное дело. И за что такое наказание?!

— Я вас понимаю, мистер Даплхор, но, в интересах правосудия и в ваших собственных интересах, лучше ничего не утаивать. Здесь есть какой-то секрет и будет, несомненно, лучше раскрыть его сейчас и покончить с этой тайной.

— Вы правы, мистер Холмс. Скажите, вам удалось хоть...

— Мне не хватает лишь пары штрихов, для полной уверенности в правоте моей гипотезы.

— А что за... — Даплхор не договорил. Холмс прервал его вопрос своим острым взглядом.

— Я готов вам помочь, но теперь уже не знаю чем. О случае со шкатулкой вам ведь уже известно, — поправился хозяин.

— Вспомните всё мало-мальски странные случаи, если таковые ещё имелись.

К тому же, вы сказали минуту назад о случаях происшедших до последнего, во множественном числе.

— Был ещё один, — кряхтя и как бы нехотя, выдавил из себя Даплхор, — примерно полгода назад. В номере семнадцать, ночью открылась дверца шкафа и вещи жильца были сброшены на пол. Проснувшись утром, жилец был сильно перепуган, твердил, что это приходил чей-то дух. Спал он, закрывшись изнутри на задвижку. Окно и ставни были тоже закрыты. В номер попасть никто не мог, разве что, действительно, дух или приведение.

При этих словах Холмс выпрямился, расправив плечи, отчего стал ещё выше своего высокого роста.

— Скажите, мистер Даплхор, шкаф в семнадцатом номере, стоял своей задней стенкой к стене отделяющей комнату от коридора, рядом с входной дверью?

— Совершенно верно мистер Холмс, — произнёс хозяин пенсiona, выпучив глаза.

— Конечно же, ничего более худшего, чем испуг постояльца, тогда не произошло?

— Нет, но объяснить этого никто не смог, — и хозяин пенсiona печально улыбнулся.

— Вам не приходит мысль, что все эти случаи происходят на втором этаже?

— Да, это так, но я не могу этого объяснить. Это какая-то мистика!

— Теперь скажите, кто у вас самый старый работник?

— Конюх, Том Рудэр. Он работал ещё у сэра Штайгера.

— А Уилким?

— Портье у меня года три не больше.

— А нет ли такого совпадения, что один или несколько жильцов, снимали номер, находясь здесь при каждом происшествии?

— Не могу сразу сказать. Я сейчас просмотрю книги учёта постояльцев.

— Хорошо. И ещё одно. Позаботьтесь о плотнике или вы сами сможете им быть?

— Зачем это?

— Будем вскрывать пол в пятнадцатом номере.

От удивления у хозяина пенсионера раскрылся рот с застрявшим на губах возгласом. Возникла немая сцена.

— Да, да. И я вас попрошу, мистер Дапхор, никому пока об этом не говорить.

— Хорошо мистер Холмс. А поработать топором смогу и я сам.

— Прекрасно. Идёмте Уотсон, Хопкинс наверно уже здесь. Услышав своё имя, я вздрогнул, и вспомнил, что я есть.

Выйдя в коридор, Холмс обратился ко мне:

— Теперь вы согласны, Уотсон, с тем, что в комнаты второго этажа можно проникать при запертых дверях.

— Согласен, но не пойму как?

— Через пол.

— Но ведь потайных люков не найдено!

— Не найдено потому как они хитро устроены, — спокойно произнёс Холмс, давая понять мне, что громко говорить в коридорах не следует.

Перед тем как подняться наверх, Холмс заглянул в ресторацию к миссис Дапхор и поинтересовался коллективом, обслуживающим постояльцев во время обеда вечером. Хозяйка пенсионера ответила с лёгким смущением:

— Если посетителей достаточно много, то мы работаем здесь вчетвером. На кухне кухарка, я между кухней и залом, в зале Энн, и за стойкой бара Джек.

— А позавчера вечером, вы тоже обслуживали вчетвером? — спросил Холмс.

— Сначала мы были вчетвером, пришло несколько человек из деревни выпить пинту другую пива. Когда Джек закончил с разливом напитков, он попросился уйти, сказав, что у него раз-

болелась голова. Я его отпустила. Посетителей было в общем-то не очень много.

— Скажите, а жилец пятнадцатого номера, где находился в этот момент?

— Здесь в зале. Он обедал.

— Благодарю вас, миссис Даплхор за эти сведения и за то, что вы сообщили доктору Уотсону. Вы мне очень помогли, — сказал мой друг заулыбавшейся хозяйке.

Глава 5

Инспектор Хопкинс мерил злополучный номер шагами, и было видно, что он с нетерпением ожидал Холмса.

— Я получил из Лондона очень интересные известия, мистер Холмс!

— Это заметно по вашему лицу, инспектор. Вы выяснили кто такой Джордж Пин?

— Да! Он клерк банка в Лондоне на Пэл-Мэл. Помните, четыре года назад неудачная попытка ограбления банка? Джордж Пин проходил тогда по делу главным свидетелем. Ах да, я забыл, вас тогда не было в Англии.

— Я читал об этом в газетах, — произнёс Холмс и в задумчивости добавил. — Вот вам и мотив преступления, который до сего момента был неясен.

— И ещё: я попутно выяснил о Хансе Штайгере. За последние годы он никаким новым делом не обзавёлся, и обеднев, — тихо доживал свой век. Обеднеть ему помог его единственный сын, который вёл разгульную жизнь и был заядлым картёжником. Вдова, миссис Штайгер, доживала последние свои дни в бедности.

— Почему, о сыне Штайгера вы сказали в прошедшем времени?

— Разорив отца с матерью, он исчез из поля зрения. Поговаривают, что он отправился в одну из наших колоний, видимо решив сколотить там капиталец.

— Но возможно, что... — протянул тихо Холмс. — Как его имя?

— Роланд Штайгер, — отрапортовал Хопкинс.

Неожиданно в номер открылась дверь и вошёл слегка запыхавшийся хозяин пениона, неся топор, фомку и молоток.

— Что вы решили, мистер Холмс? — спросил инспектор.

— Я, думаю, не ошибусь, если попрошу вскрыть пол, здесь, около двери. Не мог же преступник быть невидимкой, и пройти в номер незаметно вместе с жертвой, а потом выйти, когда сюда ворвалась толпа. Мистер Даплхор, как дела с постояльцами?

— Не нашлось никого, кто проживал здесь хотя бы два раза в эти дни, мистер Холмс.

— Хорошо, вскрывайте пол здесь, — произнёс уверенно Холмс и, подойдя к двери, топнул ногой, указывая место, где требовалась работа топора.

Когда хозяин гостиницы собрался уже ударить, Холмс вдруг остановил его:

— Да, мистер Даплхор, чуть не забыл. Сделайте пожалуйста так, чтобы портье, ваша жена и горничная удалились настолько, что б не слышать этот грохот.

— Хорошо. Я отпущу Энн на пару часов домой, жену пошлю в подвал, принести нам самого старого портера, какой она только отыщет. А вот куда послать Уилкима, ума не приложу.

— Портье пошлите в свой кабинет. Он находится в другом крыле. Дайте ему задание, которое сами недавно проделали. Пусть сверится по книгам учёта постояльцев. Подождите, это ещё не всё. Потом позовите сюда конюха. А чтобы он не сразу пришёл, пусть прихватит верёвку футов сто длиной. Если такой не найдётся, то две или три коротких, но чтобы они вместе составили нужную длину.

Слушая приказ Холмса, хозяин пениона побледнел, и я заметил как капельки пота стали скатываться по его вискам. Получив приказание, он поспешно удалился с маской испуга на лице. В номере пятнадцать воцарилась тишина, нарушаемая лишь шагами Холмса. Закурив трубку, он стал медленно вышагивать по комнате, сразу же погрузившись в свои мысли. Ни я, ни Хопкинс не решались нарушить молчание, захваченные магической силой ожидания развязки, которая должна была видимо скоро произойти.

Минут через пятнадцать появился Даплхор и своим появлением внёс ослабление в напряжённость нашего ожидания. Войдя, он молча посмотрел на Холмса.

— Рубите! — коротко скомандовал знаменитый сыщик. И Даплхор со вздохом обречённости взмахнул топором.

Минут десять нещадно рубил он пол в пятнадцатом номере собственной гостиницы, прежде чем удалось в многослойном настиле прорубить окно в тёмное пространство.

В этот миг все замерли в изумлении, а через несколько секунд вздрогнули. У хозяина пенсионера из рук выпал топор.

Взяв у полисмена, потайной фонарь, Холмс лёг на живот и заглянул в подпол. Осматривая подполье тщательным образом, он по пояс проник в дыру, в которую смог бы пролезть лишь ребёнок. Закончив осмотр, и встав, отряхиваясь, дал команду рубить дальше. Но как только, обливающийся потом мистер Даполхор вновь взялся за топор, появился конюх Рудэр с двумя кольцами смотанных верёвок.

— Хозяин, эти две вместе будут не меньше ста футов, — пробурчал конюх.

— Возможно хватит и одной, а то и вообще может не понадобится. Мистер Даплхор, принесите керосиновую лампу.

— Зачем, мистер Холмс, ведь есть потайной фонарь?

— Ми-сте-р Да-пл-хор, — растягивая слова, сказал Холмс — там слишком темно и поэтому я прошу принести керосиновую лампу.

Растерянный и взмокший хозяин, поспешно удалился, вскинув взгляд в поднебесье, видимо беззвучно молясь.

— А вы, Том, возьмите топор и расширьте окно, — при этом Холмс указал рукой на дыру, прорубленную в полу.

Взяв топор, конюх исподлобья глянул на инспектора, потом на Холмса, потом на дыру.

— Ну, рубить, что ли? — спросил он и, не дожидаясь ответа, ударил топором в пол.

Наблюдая со стороны, то за Холмсом, то за Хопкинсом я замечал, как инспектор Скотланд-Ярда несколько раз порывался в ходе расследования задать вопрос или вставить какую-нибудь реплику. Но каждый раз не решался это сделать. По мимике его лица читались различные состояния, от полного недоумения до неподдельного восхищения.

Вскоре появился хозяин пенсионера с керосиновой лампой. К этому моменту отверстие, вырубленное в полу, было достаточных размеров, чтобы в него мог свободно пролезть человек, правда, не имеющий излишков веса. Шерлок Холмс взял лампу, зажёл фитиль и поставил её недалеко от края вырубленной в полу ды-

ры. Несколько поодаль от керосинки он поставил на пол потайной фонарь.

— Надо пройти по этому тайному ходу и найти выход-вход. Том, окажите нам услугу. Спуститесь в потайной ход и проверьте, куда он ведёт. Обвяжитесь верёвкой, так, на всякий случай.

— Хорошо сэръ, — проворчал конюх и, обвязавшись, нехотя спустился в подпол.

Перед тем как с головой уйти в потайной лаз, он взял стоящую не далеко от края проруба, керосиновую лампу и уже чуть было не скрылся с ней под полом, как Холмс неожиданно окликнул его:

— Подождите Том! Пожалуй, чтобы не терять время, мы с доктором Уотсоном хотим успеть на последний поезд в Лондон, пойдите подготовьте экипаж. Мы попросим кого-нибудь другого пройти по проходу.

При этих словах все находившиеся в номере взглянули с изумлением на Холмса. Если он собрался успеть на последний поезд в Лондон и уже сейчас посылает конюха запрягать, то это означает, что загадка уже разгадана. Но при всём этом, нам он, даже словом, об этом не намекнул. Судя по разворачивавшейся здесь две минуты назад ситуации, казалось, не то что бы кому-то из нас, но и самому Холмсу не было всё ясно или, по крайней мере, он имел ещё большие сомнения, и буквально миг назад для него всё разрешилось. Зная моего друга уже более полутора десятка лет, я понимал, что он в данный момент на пике раскрытия. И как бы кто не старался его расспросить и вытянуть хоть какое-то пояснение, ничего бы не достиг. Оставалось лишь выполнять его указания и быть немymi участниками.

Обдумывая ситуацию, я пытался определить, в какой момент для Шерлока Холмса клубок распутался, — ведь всё произошло у меня на глазах и тем не менее я этого важного момента не увидел. Но как говорит Холмс: «Увидел, но не обратил внимания».

Когда конюх ушёл, Холмс нарушил немую сцену:

— Мистер Даллхор, пригласите сюда вашего портъе. Хватит ему отсиживаться в вашем кабинете.

Не сказав ни слова, лишь вздохнув, хозяин удалился, жестикулируя кистями рук, по немому сетуя и поблёскивая влажными висками.

— Мистер Холмс, что случилось? Вы собрались в Лондон. Всё уже раскрыто?

— Нет дорогой Хопкинс, ещё не всё. Но мне стало ясно: конюх здесь не причём.

— Убей меня гром, не понимаю! Каким образом вы это решили?

Но Холмс вопроса Хопкинса как будто не слышал.

— Инспектор, наступает заключительный момент, слушайте меня внимательно. Если я подам знак — дотронусь до вашей руки, то вы тут же окликните того кто будет спускаться в потайной ход, сказав ему, чтобы, тот обвязался верёвкой, для страховки, на случай если там окажется лабиринт. Когда он выглянет наружу, вы наденете на него наручники. Но только если я подам знак. Я подам его, если буду полностью уверен.

У Стэнли Хопкинса на секунду широко раскрылись глаза, но он, переборов недоумение, кивнул в знак согласия, ничего не спросив. Но по нему было видно, что его терзают муки непонимания.

Через несколько минут, появились мистер Даплхор и портье Уилким. Увидев прорубленную в полу дыру, на лице портье выразилась растерянность и испуг как у напроказившего ребёнка.

— Хм, значит, в этом номере имеется потайной ход! — воскликнул портье.

— Насколько он потайной, мы ещё не знаем, — сказал Холмс, — хотим это сейчас выяснить, и просим вас выполнить одну нашу просьбу. Спуститесь, пожалуйста в подпол, осмотрите его и попытайтесь найти выход-вход.

Растерянно, портье взглянул на хозяина.

— Может послать Тома?

— Джек, дело в том, — оправдываясь, заговорил Даплхор, — что у мистера Холмса и доктора Уотсона возникла необходимость — им нужно успеть на последний поезд в Лондон. Я послал Тома запрягать.

— Ну что ж, раз мистер Холмс уезжает, придётся лезть, — чуть оживившись, произнёс Уилким и спустился в прорубь.

— Возьмите лампу и молоток. Если найдёте выход, и он не будет открываться изнутри, начните стучать. По вашим ударам из недр мы попытаемся определить, где вы находитесь, и откроем потайную дверь, — дал последние указания Холмс.

Взяв молоток, Уилким потянулся за потайным фонарём. Вооружившись нехитрыми инструментами, портье взглянув на свой костюм со вздохом, нырнул в подпол. В этот момент Холмс дотронулся до руки Хопкинса. Инспектор, вздрогнув и застыв лишь на мгновение, громко произнёс.

— Мистер Уилким, один момент. Обвяжитесь на всякий случай верёвкой, для страховки, если там окажется лабиринт.

Портье, как мне показалось, появился не сразу. Но как только он, вынырнув, выложил на поверхность пола молоток и фонарь, Хопкинс, стоя уже на краю люка, ловко защёлкнул наручники на его запястьях. Встрепенувшись, Уилким взглянул на инспектора полными ужаса глазами.

— Что это значит, господа? — вымолвил он.

— Это значит, — заговорил Шерлок Холмс, — что вы арестованы по обвинению в убийстве Джорджа Пина и за соучастие в попытке ограбления банка, в Лондоне на Пэлл-Мэл в 1892 году.

— Это страшная ошибка, — произнёс упавшим голосом портье.

— Видите ли, мистер Уилким, а вернее сказать герр Роланд Штайгер...

У хозяина пенсiona открылся рот от изумления.

— Не было ещё случая за мою многолетнюю практику, чтобы я ошибся, давая сигнал к аресту, — твёрдо сказал Холмс и продолжил. — Мои принципы таковы: я многократно проверяю все факты и улики, и только на основании стопроцентной уверенности делаю окончательный вывод.

В этот момент, постучав, в номер вошла миссис Даплхор и, не успев что-либо сказать, ахнула, увидев вырубленную в полу дыру и портье в наручниках. Потеряв дар речи, она прислонилась к косяку двери с широко раскрытыми глазами.

После недолгой паузы, вызванной замешательством хозяйки, Холмс заговорил вновь, невозмутимо, как будто не прерывался.

— Ещё минут десять назад, я подозревал двоих — конюха и вас, портье. Мистер Даплхор отпадает. С его комплекцией по

туннелю не пройти. Конюх же мог знать о существовании потайного хода, так как работал, здесь, ещё при бывшем хозяине. Незадолго до вашего прихода, герр Штайгер, я просил Тома осмотреть подпол. Спускаясь в люк, он взял стоящую рядом керосиновую лампу, которую я поставил умышленно поближе. Этим он доказал свою невиновность. Вы же, не взяли стоящую рядом лампу, а потянулись за поодаль стоящим потайным фонарём. Почему вы не взяли лампу, а взяли фонарь, хоть это было и неудобно? Потому что вы знаете, как выглядит тоннель. Стенки его покрыты мохнатой пылью, которая скопилась там за десятилетия, и если вы спуститесь туда с керосиновой лампой, то девятью девятью шансов против одного, что возникнет пожар, — воспламенится пыль, и вы сгорите там заживо. Вы знали это, потому как, уже бывали там. Об этом говорят и ваши глаза, сохраняющие ещё незначительные следы раздражения. Двигаясь по туннелю, вы завязали рот и нос платком, чтобы не задохнуться от пыли, не чихать и не кашлять. Глаза вы завязать не могли. Револьвер вы пышно укутали материей, видимо большим полотенцем, дабы заглушить звук выстрела. Естественный звук сразу бы поднял тревогу. Жильцы соседних номеров, его услышали бы и вас, как одного из работников пенсионата, сразу могли спохватиться. Например, помочь открыть дверь в номер или вызвать констебля. Пройти же быстро, по очень низкому туннелю, вернуться незамеченным в свою комнату и придать себе надлежащий вид спавшего человека — невозможно.

Теперь об истории со шкафом в семнадцатом номере. В этом случае одна ножка шкафа стояла на люке. Люки, я говорю о них во множественном числе, так как они имеются во всех комнатах второго этажа, устроены так: под полом коридора этого этажа имеется проход, из которого в каждую комнату в районе входной двери есть люк. Место это выбрано не случайно. Пространство перед входной дверью всегда свободно. Так вот, люки, имея хитрые устройства, опускаются сначала параллельно полу, а потом сдвигаются в сторону. Опускание пола под ножкой шкафа, замечу, здесь явная ошибка злоумышленника, заранее не убедившегося, свободна ли поверхность люка, вызвало его сильный наклон. Отсюда открытие дверцы и выпадение содержимого полок.

Миссис Даллхор тихо ахнула от услышанного.

— Шум выпавших вещей напугал злоумышленника, и он, закрыв люк, как можно быстрее ушёл восвояси. Происшедшее оказалось тогда необъяснимым. Мотив — попытка воровства. Я правильно излагаю, мистер Штайгер? Если я где-то ошибусь, вы поправьте меня, — обратился Холмс к арестованному, который, не реагируя на его слова, сидел на краю люка, сверля глазами пол.

— Нижняя часть крышек люков, со всех сторон, шире верхней и перекрывает щели по периметру, не позволяя обнаружить пустое пространство под полом. Теперь мотив этого преступления. Портье устранил свидетеля его участия в попытке ограбления банка четыре года назад. Я уверен, это подтвердится в Скотланд-Ярде.

Инсценировка самоубийства была придумана несколько опрометчиво. Зачем человеку, решившему покончить счёты с жизнью, ехать для этого из Лондона в Девоншир, снимать гостиницу, заказывать завтрак на утро в номер, а потом стреляться в три часа ночи. Ведь уйти из жизни можно было без особых хлопот и в Лондоне. А зачем, скажите, Роланду Штайгеру ехать в колонии? Узнав от отца о тайне пенсионера, он решает покинуть Лондон, где его разыскивал Скотланд-Ярд. Приезжает сюда и устраивается на работу в пенсион. Видимо зная, так же от отца, что о туннеле никому из здешних обитателей не известно, он решает разбогатеть, обворовывая богатых постояльцев. Делая это изредка и необъяснимым для непосвящённых образом, рассчитывал оставаться неуязвимым для правосудия.

Клерк Джордж Пин, остановившись случайно на ночлег в пенсионе, сталкивается здесь с Роландом Штайгером — портье, и узнаёт в нём одного из грабителей банка. Естественно, что и портье узнаёт в постояльце свидетеля событий четырёхлетней давности.

Джордж Пин, собираясь сообщить в полицию, но, видимо, не ранее чем на следующий день (в тот вечер был ливень), сделал вид, что не признал в портье одного из нападавших.

Он не рассчитывал на то, что ночь в пенсионе будет для него последней.

Удачно проверив (случай со шкатулкой), потайной ход, портье решает убрать свидетеля, инсценируя его самоубийство. Клерк волновался и чутко спал, так как не получил, обедая в ре-

сторации, снотворного в напитке, как это было в остальных случаях. Портье почти не помогал в тот вечер за стойкой бара. Он был напуган, увидев свидетеля. Несмотря ни на что, глубоко ночью, он пошёл на преступление, предпочтя побегу убийство. Рассчитывал он на сильный шум дождя, но жертва услышала в последний момент убийцу. Вскочив, свидетель был тут же убит, выстрелом в сердце. Это объясняет, инспектор, почему выстрел был произведён с очень близкого расстояния, но не в упор.

Супружеская чета Даллхор владеет пенсионом уже пятнадцать лет, и столько же прошло лет, как семейство Штайгеров покинули эти места. Тогда Роланду было, если не ошибаюсь, лет двенадцать — тринадцать. За это время утекло много воды: сильно изменился выросший и повзрослевший Роланд Штайгер, да и обитателей здешних мест многих уж нет. Поэтому все эти годы сын бывшего хозяина жил здесь под другим именем, никем не узнанный. В этом его расчёт был верным.

Это, пожалуй, всё, господа, — закончил своё повествование Шерлок Холмс.

На протяжении всего рассказа Холмса, арестованный так и не проронил ни слова, слушая пояснения, которые были, видимо, абсолютно точны, с опущенной на грудь головой.

— Ну, дорогой Стэнли Хопкинс, — обратился мой друг к инспектору, — поздравляю вас, с очередным раскрытием. Остальное всё за вами. Ну, а нам с доктором надо спешить на станцию. Надеюсь, экипаж уже готов.

Щёки инспектора порозовели, он был явно смущён сарказмом Холмса.

Буквально за полминуты до отправления, мы с Холмсом сели в вагон последнего поезда на Лондон.

— Не умереть бы с голоду, Уотсон, пока мы доберёмся до Бейкер-стрит. А я ещё надеялся успеть дать телеграмму миссис Хадсон, чтобы она к нашему приезду приготовила вкусный обед.

— Будем надеяться, что наша дорогая хозяйка догадается об этом сама. Холмс, если бы вы не заговорили об обеде, я возможно и не вспомнил, что не ел с самого раннего утра. А теперь я чувствую, как сосёт под ложечкой.

— Бытует мнение, что курение притупляет чувство голода. Давайте закурим, дорогой доктор и до самой нашей квартиры, не будем вспоминать о еде.

Как только мы раскурили наши трубки, Холмс заговорил вновь.

— Вы знаете, Уотсон, о чём я сейчас подумал?

— Конечно, нет, — усмехнулся я.

— Я подумал о том: если бы этот Уилким-Штайгер, выстрелил клерку в упор и вложил в руку убитого закутанный в материю револьвер, то это могло показаться действительно как самоубийство, лишь с несколько причудливым исполнением. И тогда Хопкинс не пригласил бы меня, и убийца остался бы ненаказанным. Портье сделал верную ставку на тайну пенсионера, но он не рассчитывал, что будет приглашён Шерлок Холмс.

— Холмс! Ну, Холмс! — воскликнул я, глядя на лукавую улыбку моего друга.

Глава 6

Уже ближе к полуночи, когда, поев и разморившись в креслах от бренди и тепла, мы попыхивали трубками, наслаждаясь уютом нашей гостиной, в которой весело потрескивал камин, а за окном по-прежнему бушевала стихия, я спросил Холмса:

— Что же вас твёрдо убедило в том, что нужно вскрывать пол?

— Ах, Уотсон. На эту мысль меня наводили многие детали. Во-первых; крупные, плотные хлопья пыли. Под кроватью и в углах, я пыли не обнаружил, — значит, убирали добросовестно. Откуда тогда такая специфическая пыль? Во-вторых; расстояние от пола до подоконника было несколько меньше обычного. На первом этаже, расстояние от верхней кромки окна до потолка, разнилось с архитектурными пропорциями. Создавалось впечатление, что на первом этаже потолок опущен, а на втором приподнят пол. Вы видели, как я возвращал ключ портье. Это был ключ от номера три, он находится под пятнадцатым. Потом, случай со шкатулкой, и случай с вывалившимися из шкафа вещами. Последний случай навёл меня на мысль об устройстве люков, которые не могли обнаружить.

Вот, скажите Уотсон, зачем Хансу Штайгеру при реконструкции нужно было проделать этот тоннель? А может, он только усовершенствовал уже имеющийся? Я думаю, что этот тайный ход, открывающийся лишь изнутри, служил для неблагоприятных целей. И если это так, то выходит, что у трёх поколений

Штайгеров рыльце в пушку. И этот, последний, Штайгер — яблоко недалеко укатившееся от яблони.

— А почему вы попросили удалить хозяйку и обслуживающий персонал подальше?

— Я хотел устроить так, чтобы портье не узнал раньше времени о том, что мы догадываемся о существовании потайного хода и вскрываем пол. Если бы я попросил удалить лишь одного портье, то женщины могли ему сообщить о наших действиях без всякой задней мысли, — лишь из желания посудачить. И тогда у портье появилась бы возможность обдумать всевозможные для него последствия. Хоть я и не давал ни малейшего намёка на подозрение в его адрес, всё же, кто знает, насколько он подозрителен и умён. Поняв, что я иду в правильном направлении, портье мог бежать, дабы не испытывать судьбу. Когда же он увидел вскрытый пол, то, ни времени на раздумья, ни возможности бежать у него уже не было.

— А если предположить, что портье догадался и взял бы лампу?

— Тогда, дорогой доктор, следствие потребовало бы немного больше времени, и нам пришлось бы заночевать в пенсоне «Вальдберг». Но мой эксперимент удался.

— Холмс, ваше поразительное умение замечать всевозможные мелкие детали, незаметные неискущённому глазу, делать скрупулёзные наблюдения, чему я не раз был свидетель, и на этой основе строить точные выводы, не оставляют преступникам ни единого шанса.

— Спасибо, Уотсон, спасибо. Но вы, право, слишком уж высоко расцениваете мои скромные возможности.

— Ну, не скромничайте, не скромничайте, Холмс. Вы же прекрасно знаете, что сейчас, в конце девятнадцатого века, вряд ли найдётся кто-то, кто сможет конкурировать с сыщиком-консультантом с Бейкер-стрит.

Взглянув на моего друга, я заметил сквозь клубы табачного дыма, как тень растроганности слегка коснулась его лица. А в нашей гостиной вновь вступила в свои права тёплая, уютная тишина, отчасти поделившая свои права с потрескивающим каминном и барабанящим за окном дождём.

Закончив читать рукопись, я неподвижно сидел, оставаясь в плену непонятного впечатления. Мне подумалось: «Может это один из тех рассказов Уотсона, который входил в число записей дел, хранившихся в его курьерской сумке в банке «Кокс и К`» на Чарринг-кроссе? Каким-то образом записки были изъяты, текст был выправлен, доработан и таким необычным образом пущен по миру? А может это просто подражание. Как бы там ни было, автор этого рассказа или способа — явно оригинал».

Неожиданно я вспомнил P.S. и ощутил лёгкое дуновение гордости: «Я же «написал» новое приключение Шерлока Холмса!»

Мысленно я начал благодарить странного деда с блошиного рынка и вспоминать, как я торговался с ним не желая купить ящик «хлама». И тут меня обожгла одна догадка. Оставалось ещё несколько не просмотренных, старинных журналов. А что если в одном из них?...

Ю. Конан-Дойл

Исчезновение набожной тётушки

Глава 1

Был серый и пасмурный ноябрьский день... Мы с Шерлоком Холмсом удобно устроились у горящего камина и вели неторопливую беседу. Мой гениальный друг был в благодушном настроении после окончания нашумевшего дела о пропаже изумрудной табакерки. Он намеревался отдохнуть неделю в имении своего брата Майкрофта и настойчиво приглашал меня с собой. Внезапно наша беседа о прелестях сельской жизни была прервана миссис Хадсон. Она доложила, что какая-то молодая особа настойчиво добивается встречи с мистером Шерлоком Холмсом...

Девушка, которая хотела видеть знаменитого сыщика производила очень приятное впечатление. Её блестящие серые глаза и румянец наводили на мысль о свежем деревенском воздухе и здоровой пище. Одежда её была очень простой, но шла к её стройной фигуре и пышным каштановым волосам. Когда она заговорила в её речи ясно послышался йоркширский акцент, но говорила она достаточно правильно.

— Присаживайтесь, мисс, — произнёс Холмс. — Какое неотложное дело заставило вас обратиться за моей помощью?

Тяжело вздохнув, девушка твёрдо произнесла: «Мне кажется, что с моей тётушкой Энн случилось что-то ужасное».

— Расскажите нам поподробнее, — попросил Холмс и закуривав трубку принялся внимательно слушать рассказ Дороти Хопкинс, как представилась девушка.

«Я — сирота. Сейчас мне 17 лет. Мои родители умерли когда мне было всего 7 лет и меня воспитала моя тётя миссис Энн Луиза Симс. Она рано овдовела, у неё не было детей и она заменила мне мать. Тётя Энн была очень требовательной и строгой, но всегда проявляла ко мне подлинную доброту и сочувствие. Когда мне исполнилось 10 лет она отправила меня в прекрасный пансион в Йоркшире и я там получила превосходное воспитание и образование. Тётя Энн регулярно навещала меня в течение всех лет обучения, делала мне подарки, интересовалась моей учёбой и успехами. Каникулы я всегда проводила у неё дома, который стал для меня родным. Мы с ней очень близки и у нас

никогда не было друг от друга тайн. Тётя Энн родом из Ирландии, как и моя мать и очень набожная католичка. Поэтому она сумела привить мне строгие моральные принципы и я очень ей за это благодарна. Я окончила пансион 2 года назад с похвальной грамотой и мне было предложено остаться там в качестве преподавательницы. Тётя Энн хотела, чтобы я жила вместе с ней, но не стала препятствовать мне в выборе карьеры. Я решила попробовать свои силы и попросила тётю разрешить мне остаться в Йоркшире. Я привыкла к тамошним местам, у меня там есть друзья и есть один человек... В общем, есть один молодой человек, его зовут Джон и он сын тамошнего священника... Мы тайно помолвлены и надеемся пожениться, когда он получит место викария в соседней деревне. Наши отношения с тётёй несколько охладели в последний год. Тётя стала мне реже писать не навещала меня больше, но всё так же продолжала высылать мне небольшие суммы на карманные расходы.

Эти суммы приходили строго 10 числа каждого месяца. Но в прошлом месяце деньги не поступили. Я была удивлена и отправила тётё письмо, но не получила ответа. Меня охватило беспокойство и я отпросилась у директрисы и решила съездить навестить тётю.

Вчера днём я прибыла поездом в 13.20 и отправилась прямо к тётё. Долгое время никто не отвечал на мой стук и звонки. Наконец дверь отворилась и я увидела слугу тёти Энн Саймона Хорсфилда. Он служит у неё недавно. Некогда он служил под началом мужа тёти Энн, капитана Симса и тётя приняла его на работу в память о покойном дяде Роберте. Увидев меня Хорсфилд был поражён и даже побледнел. Я хотела войти в дом, но он сказал, что это невозможно, так как тётя отсутствует и он не получал насчёт меня никаких указаний. Это было чрезвычайно странно и оскорбительно. На мой вопрос, где тётя и когда она вернётся — он ничего не ответил, пожал плечами и закрыл дверь. Тётя не вернулась и к ночи, и на другое утро...

Я обратилась в полицию. Хорсфилд был допрошен и сообщил, что тётя решила отдохнуть в Бате и поэтому уехала туда неделю назад и собиралась остановиться в отеле «У короля Георга». Однако, на запрос полиции было отвечено, что миссис Симс в отеле не останавливалась. Хорсфилд был задержан и допрошен, но стоял на своём. В это время по почте пришло письмо

из Бата, где тётя писала, что она очень довольна отдыхом и собирается задержаться там ещё на месяц. В письме была приписка с просьбой Хорсфилду оправить мне мои карманные деньги от её имени. К сожалению, тётя не указала обратный адрес. Полиция отпустила Хорсфилда и посоветовала мне приехать через месяц, чтобы встретиться с тётей.»

— Письмо было написано почерком миссис Симс? — Спросил Холмс отрывисто.

— Да, несомненно. Я хорошо знаю её почерк и манеру писать письма.

— Тогда я не понимаю, что же вы хотите от нас.

— Я уверена, что с тётей Энн, что-то случилось и через месяц я всё равно не увижу её. Но в полиции со мной не хотят больше разговаривать, поэтому я прошу вашей помощи, мистер Холмс.

Мой друг подумал несколько секунд и решительно поднялся.

— Хорошо, мы попытаемся разыскать вашу тётю, мисс.

— Я надеюсь, что она всё же в Бате и хорошо проводит время в кругу друзей, мистер Холмс. Тогда моя настойчивость покажется просто смешной... Но сердце мне подсказывает, что тётя уже никогда не заключит меня в свои объятия...

После ухода юной девушки, Холмс некоторое время сидел помешивая жар в камине, но потом решительно поднялся.

— Нам нужно навестить слугу, Ватсон... Без него нам не найти ключ к решению этой проблемы.

Когда мы подошли с небольшому особнячку на тихой Батчер-стрит, было время пятчасового чая. Холмс энергично позвонил, дверь распахнулась и мы увидели Саймона Хорсфилда. Это был коренастый мужчина добродушного вида, с длинным острым носом и рыжими бакенбардами. На вид ему было лет 40-45. У него были большие мускулистые руки и слегка кривые ноги, как у многих моряков. Холмс представился и попросил разрешения осмотреть дом. Тяжело вздохнув, Хорсфилд ответил:

— Я не могу разрешить сделать это. Хозяйка будет недовольна, сэр.

— Мы хотим убедиться, что с вашей хозяйкой всё в порядке, Хорсфилд. Мы хотим осмотреть дом прежде чем отправляться

в Бат на её поиски. Вы ведь заинтересованы в том, чтобы полиция не беспокоила вас?

Ещё раз тяжело вздохнув Хорсфилд пропустил нас в прихожую. Он провёл нас по небольшому но уютному особнячку, где всё блестело чистотой. Над камином висел портрет стройной зеленоглазой девушки с пышными рыжими волосами и вздёрнутым носиком. Как оказалось это был портрет тётушки Энн в молодости. Напротив висел портрет седобородого капитана, её супруга, написанный незадолго до его смерти, как нам пояснил Хорсфилд. Холмс попросил разрешения осмотреть спальню миссис Симс, но Хорсфилд ответил, что она заперта и у него нет ключа, так как миссис Симс не разрешает ему входить туда в её отсутствие. Домик дышал спокойствием и уютом и мне показалось, что все страхи юной племянницы совершенно беспочвенны. Но тут Холмс попросил разрешения осмотреть сад и Хорсфилд заколебался.

— Видите ли, в саду постоянно бегают три большие сторожевые собаки. Они охраняют розарий и теплицу...

— Ваша хозяйка увлекается садоводством?

— Да, она страстно любит розы и орхидеи и много времени уделяет их разведению. Она часто посылает цветы для украшения алтаря в церковь Св. Марии и Марфы, она её прихожанка...

— Можем мы хотя бы взглянуть на сад?

— Да, конечно.

И Хосфилд подвёл нас к большому окну во всю стену. Мы увидели небольшой, тщательно ухоженный сад и купол теплицы. Под ближайшим деревом лежал чёрный пёс свирепого вида, ещё два таких же создания бегали вдоль забора.

— Кто ухаживает за собаками, Хорсфилд?

— Я, сэр. Это одна из моих обязанностей. Я кормлю их три раза в день. В саду есть небольшая сторожка, там я и готовлю им еду. Приходящая кухарка отказывается делать это.

— Ну что же, Хорсфилд. Благодарим за помощь. Мы намерены отправиться в Бат и там разыскать вашу хозяйку. Не могли бы вы подсказать нам хоть примерно, где её искать?

— Я не знаю, мистер Холмс. Её отъезд был очень неожиданным и быстрым. Она получила письмо от какого-то старого друга и поспешно собралась в дорогу. Она была очень оживлённой и даже напевала, когда я видел её в последний раз...

— И что же она напевала? Не могли бы вы припомнить?

— У меня нет слуха, мистер Холмс и я не способен отличить одну мелодию от другой... По-моему это была какая-то ирландская песня, где говорилось про вновь обретенную любовь...

— Мы хотим осмотреть сторожку, Хорсфилд.

— Тогда мне нужно закрыть собак в загоне, мистер Холмс.

Сторожка оказалась небольшим домиком, с полом выложенным каменными истёртыми плитами и большой плитой, на которой в котле кипело какое-то варево, распространявшее отвратительный запах.

— Чем вы кормите собак, Хорсфилд?

— Я покупаю требуху на бойнях, сэр. Иной раз покупаю слегка подпорченную рыбу на Фиш-маркет. Эти животные очень прожорливые и если они голодны, с ними трудно сладить. Они могут разорвать на клочки любого постороннего, сэр...

Когда он произнёс это, тон его стал внезапно очень многозначительным и он пристально посмотрел на Холмса.

— Не завидую я тому бродяге, который решит поживиться розами и орхидеями, сэр... На клочья, на мелкие клочья...

Глава 2

— Что вы думаете обо всём этом, Ватсон? — спросил меня мой друг в кэбе.

— Я думаю, что набожная вдовушка получила письмо от старого поклонника и возможно сейчас уже готовится к второму браку. Она была чертовски хороша в молодости, наверняка сохранилась хоть часть её обаяния и красоты.

— Нет, Ватсон... Вдова Симс не покидала своего дома и не уезжала в Бат... Всё что нам рассказал этот Хорсфилд — ложь от начала и до конца. Я думаю, что мне нужно срочно встретить инспектора Лестрейда.

Инспектор был явно не в восторге от нашего визита.

— Дорогой Холмс, все мы ценим и уважаем ваш ум, но в этот раз вы идёте по ложному следу... Я уверен, что миссис Симс приятно проводит время в Бате...

— Не сообщив об этом единственной племяннице?

— Это её право... Племянница уже взрослая девушка, сама зарабатывает на жизнь, помолвлена и не нуждается ни в чьей

опеке... Я думаю, что через две недели мы увидим миссис Симс живую и здоровую.

— А я думаю, Лестрейд, что нам не суждено больше увидеть миссис Симс... Мне нужно, чтобы вы получили разрешение на обыск.

— И что же я буду искать?

— Труп миссис Симс или то, что от него осталось...

Обыск в доме не дал ничего... Хорсфилд замкнулся и был очень мрачен.

Когда он отказался открыть спальню миссис Симс, Лестрейд велел взломать дверь. Мы увидели чистенькую комнату с распятием у изголовья кровати и небольшим домашним алтарём. Именно там миссис Симс проводила свои молитвенные часы. Мы уже собирались уходить, когда Холмс внезапно подошёл к платяному шкафу и стал его разглядывать...

— Смотрите-ка Лестрейд, здесь есть потайная дверь...

— Нет, не надо! — мы услышали крик Хорсфилда и обернулись.

Слуга пришёл в исступление.

— Не открывайте эту дверь, прошу вас! Хозяйка не простит мне этого! Мне категорически запрещено даже подходить к этой двери. Там тайник, в котором во времена преследований спасались католические священники. Хозяйка говорит, что это святыня для неё!

Мы заколебались, но затем Лестрейд и Холмс переглянулись и дверь была взломана.

Лестрейд зажёл свечу и нашему взору предстала очень небольшая комната, без окон, но с вентиляционным отверстием у потолка. Комната была такой маленькой, что там помещалась только кровать и прикроватный столик, на котором стоял ещё один канделябр. Впрочем это была не просто кровать... Это было роскошное ложе, покрытое чёрным бархатным покрывалом. Холмс подошёл к столику и начал пристально рассматривать канделябр, свечи в котором были почему-то чёрного цвета. Продолжая осмотр Лестрейд поднял свечу выше и мы увидели висящее над кроватью распятие необычного вида. Внезапно я заметил какой-то отблеск на потолке и поднял голову.

— Холмс, взгляните! На потолке укреплено большое зеркало!

Вдруг сзади послышался сдавленный стон и шум падения тела. Мы оглянулись и увидели бледного Хорсфилда, лежащего без чувств у порога потайной комнаты.

Глава 3

Когда Хорсфилд пришёл в себя, Холмс наклонился к нему и тихо спросил:

— Где тело?

Хорсфилд, казалось, совершенно не удивился вопросу, но не сразу ответил. Горестно нахмутив брови, он смотрел в потолок остановившимся взглядом и молчал.

— О каком теле идёт речь, мистер Холмс? — настороженно спросил Лестрейд.

— О теле миссис Энн Луизы Симс, — ответил великий сыщик, не сводя своего пронизательного взгляда с бледного лица Хорсфилда.

— Вы ведь были её любовником? — продолжал он пристально глядя на слугу.

— Нет. Я не был её любовником — резко ответил Хорсфилд. И помолчав еле слышно добавил:

— Я был её законным мужем.

Мы изумлённо переглянулись.

— Расскажите нам всё, облегчите душу... Произнося эти слова, Холмс с состраданием смотрел на некрасивого, остроного мужчину, сделавшего нам подобное признание.

«Я впервые увидел Энн 20 лет назад. Вы знаете, что я моряк. В то время я ходил на каботажном судне «Бель Канари» и нередко проводил время в компании других моряков. Однажды один из моих друзей познакомил меня с своей сестрой... Это и была будущая миссис Симс. Я влюбился в неё с первого взгляда — в её рыжие волосы, дерзкие зелёные глаза, летящую походку. Ей было всего 18 лет, но она уже знала чего она хочет в жизни. Она хотела свободы для родной Ирландии. Все её помыслы и мечты были посвящены делу освобождения родины. Она знала о моей любви, но не хотела ответить на неё. За капитана Симса она вышла тоже ради Ирландии — он перевозил оружие для заговорщиков и она стала его почётным призом. Их брак был непродолжительным. Вскоре капитан скончался от несварения желудка, а юная вдова полностью отдалась политическим интри-

гам. Она не имела детей и была очень привязана к своей единственной племяннице. В целях конспирации она отдала её в английский пансион и это было роковой ошибкой. Девочка была воспитана в духе преданности Англии и не проявляла никакого интереса к родине своей матери и тётки. Почти 15 лет я не видел Энн и не имел от неё известий. Как многие моряки я увлёкся социальными вопросами и стал членом Ист-Эндской секции Интернационала. Я был выбран казначеем за свою общеизвестную честность и в течение 10 лет я был чист перед товарищами... Но тут я встретил Энн Симс...

Хорсфилд закрыл лицо руками и мы услышали сдавленные рыдания.

Энн уже много лет была вдовой. Когда я случайно увидел её на митинге в Гайд-Парке я узнал её сразу же. Она стала ещё красивее. Она была одета в скромное серое платье и шляпку с вуалью, но её рыжие волосы всё так же полыхали огнём, а дерзкие зелёные глаза стали ещё более зовущими... Она очень обрадовалась, встретив меня и мы провели много чудесных вечеров, прогуливаясь по дорожкам парков или сидя в небольших кондитерских за чашкой кофе... Вскоре я почувствовал, что я вновь без ума от неё. Она, казалось, отвечала на мои чувства. Как-то раз она пригласила меня домой. Мы были совершенно одни... Она показала мне потайную комнату, где предавались преступной страсти с беглыми монахами бабушка и прабабушка капитана Симса... Я был как безумный... Упав к её ногам я просил её руки — и она не отказала мне! Её единственным условием было сохранение тайны нашего брака. По её словам это было связано с условиями завещания. Я пошёл на все возможные уступки. Мне пришлось притворяться её дворецким... Но я был счастлив — я обладал ею и она была моей всецело. Потом Энн начала проявлять интерес к деятельности Интернационала и не раз посещала наши собрания, переодевшись горничной или продавщицей. Она сказала, что давно не интересовалась политикой, отдав в молодости дань борьбе за свободу Ирландии, но идеи социального равенства и братства ей очень близки... Я, глупец, поверил... Но счастье моё длилось недолго... Однажды придя в банк, я обнаружил, что из секретного сейфа пропала вся казна Ист-Эндской секции Интернационала, всё золото партии... Мрачные подозрения охватили меня, когда я увидел, что сейф не был взломан, но

был открыт ключом. Этот ключ я постоянно носил на шее, не расставаясь с ним ни на миг... Я бросился домой... Энн как раз собиралась выходить. Она была одета по-дорожному и на полу прихожей стояли её сундуки.

— Куда ты, Энн? — спросил я.

— Я еду в Бат, Хорсфилд — холодно ответила она мне.

— Между нами всё кончено... Я сделала ошибку выйдя замуж за такое ничтожество...

— Энн! Ответь мне — где золото партии? Ведь это ты украла его!

— Да, я — гордо ответила она. Это золото нужно на покупку партии оружия для Ирландской Республиканской Армии! Знай, глупец, что вся моя жизнь подчинена одной цели и мужчины мне нужны только для того, чтобы приблизить час освобождения моей родины!

В глазах у меня потемнело и я ударил её. Она упала навзничь и потеряла сознание. Я взял её на руки и отнёс в потайную комнату. Там я привязал её к кровати и стал ждать пока она очнётся...

Вскоре сознание к ней вернулось... Не буду рассказывать как много часов подряд я умолял её вернуть украденное... Она то симулировала потерю памяти, то уговаривала меня присоединиться к ИРА, то проклинала меня... На третий день она пообещала открыть мне, где спрятано похищенное золото, если я займусь с ней любовью...

Лестрейд покраснел и смущённо хмыкнул.

— Да! Она была коварна, но она была всё так же мною любима... Я уступил её желаниям... Зеркало на потолке повторяло наши страстные объятия и поцелуи... Наконец, я вновь спросил Энн о золоте партии...

— Его не вернуть, — грустно ответила мне она. — Оружие уже закуплено... Я специально тянула время, чтобы мои товарищи могли закончить переговоры и увезти оружие в Ирландию...

Я понял, что она вновь обвела меня вокруг пальца. В бешенстве я схватил её за горло и сильно встряхнул... Зубы её лязгнули и вдруг лицо её залила смертельная бледность...

— Ампула... Из-за тебя разбилась ампула с ядом, имплантированная в зуб... — прошептала Энн. — Я умираю...

— Всё ясно, — сказал Лестрейд, — типичный несчастный случай. У нас десятки подобных смертей из-за халтурной работы дантистов... Ох уж эти заговорщики... А куда же вы дели труп?

— Я сварил его и скормил собакам... Как раз в тот момент, когда мистер Шерлок Холмс посетил меня в первый раз — в сторожке варилось то, что осталось от дерзкой и коварной Энн Симс!

Мой друг подумал несколько секунд и решительно поднялся.

— Рад был познакомиться с вами, мистер Хорсфилд. Я думаю, что молодую мисс не стоит посвящать в подробности запутанной семейной истории... Кстати, а существует ли завещание?

— Мистер Холмс, я не буду помехой ни в чём... За утрату золота партии мои товарищи вынесли мне общественное порицание...

Серая тень скользнула по лицу Хорсфилда и мы увидели начертания его роковой судьбы...

Когда мы приехали на Бейкер-стрит и уютно устроились в креслах у камина, я спросил Холмса о том, как он сумел догадаться о происшедших роковых событиях.

— Элементарно, Ватсон. Некогда я побывал на приёме в посольстве Центрально-Африканской Империи и у собачьей похлёбки Хорсфилда был тот же самый запах, что и у блюд подававшихся на банкете в посольстве. А ведь, как известно, в этой империи процветает каннибализм!

— Как просто, Холмс! Удивительно, как я сам не догадался. Ведь я же видел в котле с похлёбкой изумрудный браслет и обручальное кольцо! Видимо Хорсфилд позабыл снять их с трупа!

— Совершенно верно!

Мой друг помолчал и задумчиво добавил:

— Надеюсь, что общественное порицание будет быстрым и безболезненным, Ватсон. Мне жаль беднягу Хорсфилда...

Геннадий Гацура

Необыкновенное расследование Шерлока Холмса

Рассказ был написан в 1982 и впервые опубликован на русском и латышском в 1987 году к столетию «со дня рождения» Шерлока Холмса, благодаря известному латышскому писателю детективов Анатолю Имерманису (у автора были проблемы с латышской цензурой). Ради этого Имерманису пришлось пойти на открытый конфликт с руководством журнала «НАУКА И ТЕХНИКА» (Рига). Страшно подумать, но теперь любой из компьютеров, на мониторе которого вы видите этот текст, в десятки, а то и в сотни тысяч раз производительней тех, самых совершенных, ЭВМ начала восьмидесятых годов 20 века.

Слухи о том, что Шерлок Холмс прекратил свою деятельность, не соответствуют действительности. Совсем недавно я был проездом в Лондоне и зашёл к нему в гости.

Шерлока Холмса я застал за чтением газет. В гостях у него находился его друг доктор Уотсон.

Разместившись в креслах, мы, естественно, повели разговор о последних расследованиях. Я спросил у Холмса, что он думает о статьях, появившихся в лондонских газетах.

— Вы эти статьи имеете в виду, — спросил Шерлок Холмс, показывая мне «Таймс». На первой странице газеты сразу же бросались в глаза напечатанные флуоресцентными красками заголовки: «подделки в Лондоне» и «Антиквары Лондона в панике». — Знаете, я уже давно заинтересовался этим делом. Мне кажется...

Холмс не договорил, в дверь начали сильно стучать. Он отложил газету и попросил:

— Дорогой Уотсон, впустите, пожалуйста, семерых антикваров, а то они от нетерпения сломают свои палки.

Доктор Уотсон спустился и открыл дверь. В дом, действительно, ворвались семь человек. Размахивая тростями, они бросились вверх по лестнице, прямо к Шерлоку Холмсу и, перебивая друг друга, начали умолять избавить их от страшных злоумышленников, пытающихся разорить бедных антикваров.

Холмс попросил посетителей успокоиться. После того, как они разместились на стульях, Шерлок Холмс обратился к ним:

— Итак, господа, как я понял, вы являетесь крупнейшими антикварами Лондона и хотели, чтобы я избавил вас и Англию от людей, которые заполняют антикварный рынок подделками, выполненными на очень высоком уровне.

Антиквары закивали головами, а самый старый из них сказал:

— Мистер Холмс, дело обстоит намного хуже, чем описано в наших газетах. Начали появляться первоклассные подделки не только картин известных художников и старинных рукописей, но и подделки автографов мировых знаменитостей. Вот посмотрите: это письма Наполеона, якобы написанные им в Англию с острова Святой Елены...

— Мы стараемся, конечно, скупать и уничтожать фальшивки,— продолжил другой антиквар,— чтобы поддержать свой престиж и не сеять панику. Но кто может поручиться, что завтра на рынок не выбросят поддельные письма нынешнего премьер-министра? А это грозит отставкой правительству и может даже привести к международным конфликтам. Мы, антиквары, как никто, заинтересованы в мире. Во время войны никому не будут нужны наши картины и скульптуры. Мистер Холмс, мы не стоим за ценой, но только сделайте так, чтобы не появлялось больше этих фальшивок.

— Хорошо, господа. Я помогу вам. До свидания!

Антиквары простились и ушли, постукивая тростями с серебряными набалдашниками.

— Мистер Холмс, как вы догадались, что приехали именно антиквары и их семь человек? Вы же никого не ждали,— спросил я, едва захлопнулась входная дверь.

— Всё очень просто, мой дорогой друг,— ответил Шерлок Холмс, вставая с кресла.— Уотсон расскажет вам об этом, он в совершенстве изучил мой метод, а мне нужно идти. Возможно, я буду отсутствовать несколько дней, думаю, доктор постарается скрасить ваше пребывание в Лондоне. Надеюсь, вы дождётесь моего возвращения, чтобы узнать конец этой истории.

Надев шляпу и слегка поклонившись, Холмс вышел вслед за антикварами.

— Вы, кажется, хотели узнать, как Шерлок Холмс догадался, кто пришёл к нему? — спросил меня доктор, поудобнее устраиваясь в кресле,

— Сгораю от любопытства!

— Он услышал, как около дома остановились два такси. Пять дверец машин хлопнули почти одновременно, а шестая — с небольшой задержкой. Вероятная причина задержки? Через эту дверцу могли выйти один за другим два человека. Это и дало количество людей. Понятно?

— Да, конечно. Пять плюс два равняется семи, — сказал я.

— В дверь постучали, а не позвонили, — продолжал объяснять доктор Уотсон. — Кто в современном Лондоне способен пренебрегать электрическими звонками и ходить с тростями? Только люди, в силу профессиональных привычек далёкие от современного, уклада жизни...

— Почему с тростями? — перебил его я.

— Потому что именно ими стучали. У них очень характерный стук! Можете сами попробовать постучать тростью в дверь. Вспомнив, что в Лондоне восемь крупных антикваров, причём один из них никогда, ни под каким предлогом не выходит из дома, и увязав всё это с сегодняшними статьями в «Таймс», Холмс решил, что в его дверь ломаются семь антикваров... Всё весьма просто.

— Да, — усмехнулся я, массируя кончиками пальцев виски. — Конечно, просто! Особенно после того, когда тебе всё разложат по полочкам.

— Нам приходилось решать и более сложные загадки, — авторитетно заявил доктор Уотсон. — А теперь, дорогой гость, как насчёт обеда? Я сведу вас в любимый ресторан Шерлока Холмса.

Несколько дней, проведённые с доктором Уотсоном, пролетели незаметно. Мои записные книжки распухли от записей. На третий день, едва на улице стемнело, внизу позвонили. Я спустился и открыл дверь.

На пороге стоял сгорбленный старик с огромной седой бородой.

— Мне нужен мистер Шерлок Холмс или доктор Уотсон, — сказал он противным скрипучим голосом и закашлялся.

— Пожалуйста. Пройдите наверх,

Старик, тяжело кряхтя и опираясь на мою руку, начал подниматься по лестнице.

Доктор Уотсон сидел у камина спиной к лестнице. Не обращившись, он сказал:

— Холмс, прекратите валять дурака. Сколько вам говорить, что если вы хотите меня разыграть, то прежде смените марку табака.

Я повернулся и чуть не упал от удивления. Старик выпрямился во весь рост, а из-под его густых седых бровей на меня смотрели весёлые глаза Шерлока Холмса.

— Мой дорогой друг, извините меня за маленькую шутку,— сказал Холмс и скрылся в ванной комнате. Выйдя из неё, но уже без грима, он сел в кресло и закурил свою любимую трубку.

Не в силах больше сдерживать любопытство, я спросил:

— Мистер Холмс, как же закончилась эта история с подделками?

Он удивлённо посмотрел на нас.

— Разве вы не читали утренних газет?

Мы с Уотсоном переглянулись и разом ответили:

— Нет.

— Милый Уотсон, включите, пожалуйста, телевизор, сейчас как раз время вечерних сообщений.

Доктор Уотсон включил телевизор. На экране появился диктор.

— Как мы уже сообщали, сегодня утром на берегу Темзы в огромном особняке, принадлежавшем когда-то герцогу Девонширскому, произошёл сильный взрыв. Полиция, прибывшая на место происшествия и начавшая расследование причин взрыва, обнаружила подпольную мастерскую, в которой создавались подделки, наводнившие в последнее время наш лондонский рынок. К сожалению, преступникам удалось скрыться. Если вам что-либо известно о преступниках, просим звонить в любое время к нам на телестудию...

Шерлок Холмс встал и выключил телевизор. Сев снова в кресло, он начал свой рассказ.

— Вы знаете, у меня есть много знакомых среди разных слоёв населения. Пользуясь их услугами, я вышел на посредников, занимавшихся продажей подделок. Юные помощники помог-

ли проследить за ними и привели меня к особняку на берегу Темзы. Загримировавшись под немощного старика, я навёл справки. В интересующем меня доме недавно умер сторож. Я направился прямо туда. Мне повезло, у двух мужчин, представившихся хозяевами особняка, моя внешность не вызвала подозрений, и меня сразу же приняли на работу. Ночью я проник в дом. Как вы думаете, дорогой Уотсон, что я там обнаружил?

Доктор Уотсон немного подумал и сказал:

— Думаю, Холмс, вы обнаружили там художественную мастерскую.

— Я тоже думал обнаружить в доме мастерскую с рядами мольбертов и столов для каллиграфов, но я ошибся, Особняк от подвала до чердака был заставлен машинами, которыми управляла ЭВМ последней модели. Преступники давали задание, а вычислительная машина выполняла его. Допустим, ей нужно создать роман в стиле какого-либо писателя. Она находит в памяти образец почерка писателя, анализирует его произведения и даёт задание бумагоделательной машине. На изготовленной бумаге механический каллиграф пишет почерком писателя текст. Затем в специальной камере всё это «старится». Проходит несколько часов, и перед вами лежит не отличимая от подлинника рукопись.

— А как они поступали с живописью? Ведь в разные времена были свои составы красок, холсты, подрамники и даже гвозди.

Холмс с интересом посмотрел на меня.

— Я вижу, вы неплохо разбираетесь в материалах для живописи... Действительно, каждой эпохе соответствует свой грунт, состав красок, лак и даже гвозди, которыми прибивают холст на подрамник, но это не было секретом и для преступников. У них стояли машины, ткавшие холсты и изготавливавшие краски нужных составов. Эти люди покупали старинную мебель, разбирали и делали из неё подрамники. Они всё предусмотрели, но одного не учли, что им придётся иметь дело со мной...

Холмс взял со стола пепельницу, выбил трубку, затем повернулся к доктору и спросил:

— Уотсон, вы ещё не забыли то нашумевшее дело о «сумасшедшей» электронно-вычислительной машине?

— Вы имеет в виду дело о тридцати миллионах?

— Да. Помните, что привело машину в такое возбуждённое состояние?

— Конечно. Кто-то из клерков случайно положил детектив в стопку книг по экономике, которые должна была изучить машина. Прочитав Агату Кристи, ЭВМ...

— Спасибо, доктор Уотсон... Так вот, я вспомнил этот случай и решил дать почитать машине что-нибудь, не имеющее отношения к тому, чем она занимается. Совершенно случайно у меня в кармане оказалась довольно редкая в наше время брошюра о пиротехнических эффектах. Пришлось ею пожертвовать. Не успел я отойти от дома и ста ярдов, как раздался взрыв и из окон вырвалось пламя. Об остальном вы уже знаете из телевизионной передачи.

— Извините, Холмс, но я не могу понять, почему произошёл взрыв. Ведь у машины, наверное, не было никаких взрывчатых веществ.

— Конечно, но из того, что у неё было «под рукой», она быстро составила соответствующие смеси и тут же испытала их.

— Подумать только! — после минутного молчания восклицательно воскликнул я. — Лучшие сыщики Скотланд-Ярда бились над этим делом несколько месяцев, а вы, мистер Холмс, справились с ним за три дня!

Холмс выпустил густую струю дыма и улыбнулся. Доктор Уотсон, который на протяжении всего рассказа что-то записывал в небольшую книжечку, наконец, поставил точку и сказал:

— Думаю, это расследование Холмса стоит назвать «необыкновенным», — предложил он.

Мы ещё немного поговорили, но было уже поздно, и беседу пришлось отложить до моего следующего приезда в Лондон.

Так закончилась история «необыкновенного расследования», начавшаяся на моих глазах.

Что касается меня, то утром, без всяких происшествий, я сел на самолёт Аэрофлота и, уже через несколько часов, выкладывал на стол в своей московской квартире записные книжки.

1982

Евдокия Коркина

Ядовитая улитка

— Холмс, похоже, у вас есть интересное дело, — сказал я, глядя в окно. Холмс лениво встал и подошёл к окну. По улице шли два джентльмена, вернее, один из них не шёл, а его тащил второй. Я оказался прав. Скоро в дверь раздался звонок и на лестнице послышались шаги. Дверь отворилась и в комнату действительно вошли те два джентльмена.

— Здравствуйте, — сказал Шерлок Холмс. — Видимо, вы живёте в Суссексе. Работаете секретарём. А вы, — обратился Холмс к другому, — повар, не так ли?

Один из джентльменов удивлённо посмотрел на Холмса и сказал:

— Как вы догадались?

— Это мой метод, — проговорил Холмс.

— Но всё-таки — как вы догадались? — спросил мужчина, показавшийся мне вполне нормальным.

— Я пришёл к выводу, что вы приехали издалека, потому что вы очень устали, а самая далёкая от Лондона местность в Англии — это Суссекс. Правая рука у вас испачкана чернилами, а чаще всего писать приходится секретарям.

— А как вы узнали, что мой спутник — повар? — в изумлении сказал наш клиент.

— Я заметил на руках вашего брата пятна от еды, — объяснил Холмс.

Наш клиент чуть было не подпрыгнул в кресле:

— Как же вы узнали, что мы — братья? Мы же совсем не похожи друг на друга! Мы сводные братья, у нас один отец и разные матери!

— Я видел, с какой заботливостью вы помогали идти вашему брату, а только братья поддерживают друг друга с такой заботливостью.

Я уже не первый раз удивлялся проницательности Холмса и чувствовал себя ослом.

— Но что же вас сюда привело? — спросил Шерлок Холмс.

Наш гость вздохнул и приступил к рассказу. Во всё время рассказа его брат не произнёс ни слова, а только сидел и всхлипывал.

Вот рассказ нашего гостя.

«У моего брата умерла собака. Вчера вечером собака убежала гулять одна на речку и не вернулась. А сегодня утром её нашли мёртвой с искажённой мордой. На её теле обнаружили пять маленьких красных пятнышек — три на спине и два на животе. Это и заставило нас прийти к вам. Мы бы хотели, чтобы вы помогли нам распутать это дело. Мой брат был так расстроен, что у него случился приступ сумасшествия. Умоляю, помогите нам!»

— Я с удовольствием возьмусь за ваше дело, — сказал Холмс и приступил к расспросу.

— На каком месте вы обнаружили собаку — у воды или в воде?

— У воды. Она лежала прямо у воды.

— Вы осмотрели место происшествия?

— Нет, мы решили, что лучше вы сами осмотрите место, потому что нам там ничего не понять.

— У вас есть, кроме собаки, ещё какие-нибудь животные?

— Да, у нас ещё есть кошка и попугай.

— Не лучше ли будет, если вы приедете ко мне послезавтра? — сказал Холмс.

— Хорошо, — ответил наш клиент.

— Ах, да! Как вас зовут? — спохватился Холмс.

— Мистер Эдвард Лоуксон, а моего брата зовут Вандер.

— А мою собаку звали Факси, — промямлил вдруг Вандер.

— Ну, джентльмены, я услышал всё, что хотел. Вы можете заехать ко мне послезавтра. За это время, думаю, я смогу установить кое-какие факты, а может быть, и раскрыть эту тайну, — сказал Холмс и протянул руку для прощания. Наш гость пожал её и они вышли.

Как только дверь за ними захлопнулась, Холмс глубоко задумался. Он сидел в кресле и курил свою чёрную трубку. Внезапно он вскочил и начал ходить по комнате. По его лицу было видно, как напряжённо работает его мысль.

— Ватсон, я близок к разгадке этого дела, — медленно произнёс Холмс.

Помолчав ещё минут двадцать, он воскликнул:

— Ну, конечно же! Что же ещё может быть?

— Что же это?— спросил я

И Холмс, усевшись в кресло, повёл такую речь:

— Когда я услышал слова нашего клиента про пять маленьких пятнышек, я сразу подумал о книге «Научный сборник Лондонского университета», в которой я прочёл статью «Ядовитая улитка». Она обычно водится около воды и питается кровью домашних животных, оставляя на теле несколько красных пятнышек. Конечно, меня слегка удивило, что пятнышки были на животе, но и этому факту скоро нашлось объяснение: эта улитка была из породы тех, что пьют кровь в любых местах. И я сделал вывод, что именно эта улитка и убила собаку нашего клиента.

Холмс замолчал и, видимо призадумавшись над чем-то, прибавил:

— Интересно, как у нас насчёт обеда?

Адриан Конан Дойл Преступление в Фаулкс Расе ²¹

²¹ В первом издании Альманаха автором рассказа была ошибочно указана Агата Кристи. В настоящем издании рассказ исключён, ввиду его включения в восьмой выпуск Альманаха.

Александр Лазаревич

Самое простое дело Шерлока Холмса

— Ах, Ватсон, — сказал Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону утренние газеты, — до чего же неизобретательные пошли преступники! Последние несколько месяцев не было ни одного случая, где мне пришлось бы напрягать свои умственные способности. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: когда в полиции сидят всякие олухи, преступник перестаёт относиться к своей профессии как к искусству и превращается в ремесленника. Зачем ему быть изобретательным, когда достаточно банальнейших приёмов, чтобы поставить Скотланд-Ярд в тупик...

Внезапно дверь открылась, и в нашу скромную квартиру на Бейкер-стрит вошёл Симпсон, сыщик из Скотланд-Ярда, который своей блестящей карьерой был во многом обязан Шерлоку Холмсу. На Симпсона, обычно весёлого и жизнерадостного, было жалко смотреть: он еле держался на ногах, под глазами виднелись синяки от бессонницы.

— Здравствуйте, мистер Холмс, — сказал он понуро, и на минуту замолк, как бы собираясь с мыслями. Наконец он сказал: — Наверное, вам покажется свинством, что я снова пришёл за советом. Я прекрасно понимаю, что своим продвижением по службе обязан тому прошлогоднему делу об убийстве, которое Вы так блестяще расследовали, но из скромности позволили плоды славы пожинать мне. Теперь я жестоко наказан за своё тщеславие: считая меня хорошим сыщиком, начальство поручило мне расследовать невероятно загадочное происшествие...

— Ну ладно, — нетерпеливо перебил его Холмс. — Хватит извинений, переходите к делу!

— Дело такое, мистер Холмс, — начал Симпсон. — Три недели назад полиции удалось, наконец, задержать одного очень опасного преступника. Этот малый — большой ловкач: он уже однажды бежал из тюрьмы, перепилив решётку. Поэтому его на всякий случай посадили в подвальную камеру — камеру, из которой абсолютно невозможно сбежать. В этой камере нет окон, а чтобы попасть в неё, необходимо сначала открыть одну железную дверь толщиной почти что в фут, затем вторую такую же, и лишь за ней будет собственно камера. В каждой двери по два

замка. Ключ от одного замка находится у начальника тюрьмы, от второго — у министра внутренних дел, от третьего — у судьи, от четвёртого — у прокурора. Таким образом, открыть камеру можно лишь в присутствии всех четверых. Разумеется, неудобно тревожить этих высокопоставленных лиц каждый день, только для того, чтобы арестант мог выйти из камеры по нужде. Поэтому в этой камере установили унитаз и подсоединили его к городской канализационной системе.

Когда три недели тому назад нашего узника сажали в эту камеру, ему дали запас еды и воды почти на месяц, чтобы он смог сидеть там до самого суда. И с тех пор до вчерашнего дня, когда по ходу следствия понадобилось задать преступнику один вопрос, двери ни разу не открывались. Можете себе представить, что было, когда открыв тяжёлые железные двери, все присутствующие увидели, что камера пуста. Нет, конечно кровать, унитаз и даже почти не тронутый запас пищи и воды были на месте, не хватало лишь одного, самого главного — узника! Он исчез!

— Великолепно! — прошептал Холмс, сидя в своём кресле с полузакрытыми глазами. Хорошо зная своего друга, я видел, что он прямо-таки наслаждается рассказом Симпсона.

— Я даже не знаю, как подступиться к этому делу, — продолжал сыщик из Скотланд-Ярда. — Около входа в камеру все три недели круглосуточно стояли часовые. Они клянутся, что никто даже не подходил к двери. Замки в дверях абсолютно исправны. Но самое главное, что дверь была опечатана, и печать была в целости и сохранности. Вы возможно сочтёте меня суеверным, мистер Холмс, но чем больше я размышляю об этом деле, тем сильнее у меня впечатление, что преступник просто взял и прошёл сквозь стены! О, мистер Холмс! Вы всё можете! Спасите меня! Если это дело не будет распутано, моя карьера рухнет! Я ведь знаю, Вы любите такие запутанные дела...

— Я должен осмотреть место происшествия, — сказал Холмс, энергично поднимаясь с кресла...

... Медленно, со скрипом, отошла одна тяжёлая железная дверь, за ней вторая. Нашим глазам открылась маленькая комнатка без окон. Тусклая лампочка освещала каменные стены и грязный цементный пол. У одной стены стояла кровать. Постель была в страшном беспорядке: подушка валялась на полу, одеяло

и простыня тоже частично съехали на пол и были сильно измяты. Короче говоря, были заметны следы борьбы. Кроме кровати в комнате находились также ящики с пищей, и унитаза.

Холмс посмотрел на маленькое, не больше дюйма в диаметре, отверстие на потолке.

— Это вентиляция?

— Да, мистер Холмс, но туда и мышь не пролезет.

Холмс подошёл к унитазу, и стал его разглядывать. Симпсон, и без того очень нервный, начал терять терпение.

— Мистер Холмс, я высоко ценю Ваши способности, но, по моему, Вы сейчас занимаетесь глупостью. Ведь совершенно ясно, что если бы узник даже и захотел туда залезть, у него бы не вошла голова. Да и дальше канализационная труба не превышает шести дюймов в диаметре.

— Я так и понял, — спокойно ответил Холмс. — А что это за грязь на полу?

— Понятия не имею. Когда арестованного сажали сюда, пол был абсолютно чистым.

— Похоже, что это из канализации... — сказал Холмс задумчиво. Но тут взгляд его остановился на ящиках с пищей. На них стояли бутылки с водой. Рядом, на цементном полу, в маленькой лужице, валялись осколки ещё одной. — Только два вопроса, Симпсон. Первый: когда вчера открыли камеру, бутылка уже была разбита?

— Да.

— Второй: вы уверены, что узник почти ничего не съел из этих запасов?

— Съедено столько, сколько он обычно съедал за два дня.

— И тем не менее, он исчез отсюда не после двух дней заточения, а всего лишь двое-трое суток назад, — заметил Холмс. — Об этом нам говорит вот эта лужица. Если бы бутылку разбили три недели назад, вода бы высохла.

— Так чем же он питался? — одновременно вырвалось у нас с Симпсоном. Холмс не ответил на наш вопрос: он думал...

Здесь я должен прервать свой рассказ, и вот почему: когда расследование этого происшествия уже было закончено, Холмс сказал мне:

— Ватсон, если Вы задумаете описать это дело, то сразу после эпизода с разбитой бутылкой посоветуйте читателю отложить книгу в сторону и несколько минут подумать. К этому моменту у читателя уже есть достаточно фактов, чтобы догадаться каким образом арестант мог исчезнуть из камеры.

Я присоединяюсь к словам Холмса и рекомендую прежде чем читать решение этой задачи, сначала сопоставить все известные Вам данные. Пусть даже Вам не удастся решить её, всё равно, узнать ответ к задаче, над которой хоть сколько-нибудь думал, будет гораздо интереснее...

... Наконец Холмс задумчиво произнёс:

— Скажите, Симпсон, как по Вашему, если кому-либо нужно было бы убить нашего узника, он мог бы пустить в камеру через вентиляционное отверстие отравляющий газ?

— Не думаю. Вентиляционная труба идёт из камеры на крышу тюрьмы, а там тоже стоит часовой.

— Мне нужно немедленно позвонить, — сказал Холмс. — Проводите меня к телефону, Симпсон.

Я видел, что Холмс напал на след, и мне было чрезвычайно интересно проследить за дальнейшим ходом событий, однако, как назло, я должен был ехать к больному. Мне удалось освободиться только к вечеру, и приехав на Бейкер-стрит, я застал своего друга в чрезвычайно плохом настроении, какое у него обычно бывало при отсутствии интересных дел.

— Боже мой, Холмс, неужели Вы бросили распутывание этого загадочного происшествия! — воскликнул я.

— Оно уже распутано, Ватсон.

— Как, всего за несколько часов?!

— Да, Ватсон, поначалу я и сам не ожидал, что это дело окажется самым простым в моей практике. Устраивайтесь удобнее в этом кресле, и я Вам всё объясню. Самое трудное в этом деле было в том, чтобы найти в себе смелость признать невероятное, раз это невероятное подкреплено фактами. Симпсон не нашёл в себе смелости признать тот невероятный факт, что узник ушёл не через дверь, хотя это подтверждалось несломанной печатью на двери и показаниями часовых. Если Симпсону и приходила в голову мысль о том, что преступник мог уйти не через дверь, он тут же отбрасывал её как совершенно абсурдную.

— Признаюсь, Холмс, мне подобная мысль тоже кажется безумной, — сказал я.

— Вот видите! А между тем, решение задачи логически вытекает из неё.

— Неужели потайной подземный ход! — воскликнул я.

— Хм, — усмехнулся Холмс, — подобная мысль пришла мне в голову ещё тогда, когда Симпсон только начал рассказывать о происшествии. Но я отказался от неё, как только увидел эту камеру. Эта гипотеза совершенно не объясняла каким образом грязь из канализации попала на пол камеры, и почему запас пищи почти не тронут, хотя бутылка была разбита кем-то всего три дня назад. Давайте предположим, что потайного хода не существует, и посмотрим, какие логические выводы отсюда следуют.

Итак, каким же образом узник мог исчезнуть из камеры, если он не вышел через дверь и не существовало потайного хода? Грязь на полу наводит на мысль о канализации...

— Помилуйте, Холмс! Ведь это же сушья бессмыслица! Ваше предположение о том, что потайного хода не существует, явно неправильно!

— Ах, мой дорогой Ватсон! В пылу спора Вы совершенно забыли, что я уже знаю решение задачи, и лишь пытаюсь объяснить Вам ход своих мыслей. Так что, забегая вперёд, могу сказать с полной уверенностью, что подземный ход тут совершенно ни при чём.

— Но не мог же он уйти из камеры через унитаз!

— Но мы вынуждены признать это под давлением фактов.

— Но это же невозможно!

— Почему?

— Вы, очевидно, смеётесь надо мной, Холмс! Ведь отверстие унитаза меньше головы человека, не говоря уж о туловище.

— В таком случае, — сказал Холмс, — мы опять же **ВЫНУЖДЕННЫ** предположить, что узник проник в канализацию будучи либо разрубленным на куски, либо вытянутым в тоненькую верёвочку, либо ещё каким-нибудь образом изменив свою форму.

Мне показалось, что Холмс бредит.

— Одумайтесь! — воскликнул я. — Каким образом человек мог сделать такое сам с собой?!

— Вы совершенно правы, Ватсон, сам он этого сделать не мог, значит, в камере был кто-то второй. И этот второй пришёл в камеру через канализацию — об этом говорит грязь на полу, которая, очевидно, стекала с него, когда он, весь вымазавшийся, вылез из унитаза. — Тут Холмс посмотрел на меня, и по видимому, прочёл в моих глазах нечто такое, что заставило его сказать: — Нет, Ватсон, пожалуй лучше будет сразу рассказать, как было совершено преступление, чем объяснять Вам ход моих мыслей, не то Вы запрячете меня в психиатрическую лечебницу раньше, чем я закончу свои пояснения. А то я вижу, Вы твёрдо уверены, что раз человек прошедший сквозь узкую канализационную трубу не способен «подготовить» другого человека к такому же «путешествию», то отсюда будто бы следует ошибочность моих выводов.

— Но ведь действительно, Холмс, если в канализацию можно попасть только мёртвым (согласитесь, что после разрезания на куски, живым человека уже не назовёшь), то ни о каком втором человеке из канализации, который «изменил форму» узника, не может быть и речи!

— Совершенно верно, Ватсон. Значит, этот второй не был человеком, — Холмс снова посмотрел на меня и усмехнулся. — Всё-таки, Ватсон, лучше сразу рассказать Вам о результатах расследования. Как мне удалось узнать, заключённый был лишь одним из членов довольно большой банды, и, как говорить, «он слишком много знал». Бандитам, во что бы то ни стало нужно было выкрасть или убить арестованного. И вот, в первую же ночь, после того как узника заточили в подвальную камеру, они совершают налёт на... на что бы Вы думали? На зоопарк! И крадут оттуда... нет, не выручку! Они уносят оттуда шестиметровую змею-анаконду, гордость лондонского зоопарка! Целый день они морят её голодом, а следующей ночью, крепко привязав к её хвосту толстый длинный канат, приносят её в клетке к ближайшему от тюрьмы канализационному люку, как раз в том месте, где идёт ответвление к подвальной камере. Они вываливают змею в канализационный колодец, и палками загоняют в нужную трубу. Анаконды прекрасно плавают в грязи, и поэтому, несколько минут спустя, змея вползает в камеру.

Узник спит погасив свет. Но змеи прекрасно чувствуют тепло, исходящее от людей или животных. Анаконда тут же об-

вивается вокруг спящего, и душит его, а затем и проглатывает. Надо сказать, что змеи не прожёвывают свою добычу, а глотают её целиком, и потом неделю, а то и две, лежат и ждут, когда она переварится. И вот наш узник лежит в желудке анаконды, постепенно «изменяя свою форму», то есть перевариваясь и равномерно распределяясь по всему телу шестиметровой змеи.

Наконец, три дня назад, ночью, бандиты снова пришли к канализационному колодцу. Как я уже говорил, к хвосту змеи был привязан длинный канат. Другой конец каната остался в этом колодце. Бандиты потянули за канат, потревожили змею. Та дёрнулась и опрокинула на пол бутылку с водой. Наконец бандиты вытащили змею, посадили её в клетку. Не знаю, что они собирались сделать со змеёй, но они понесли её по городу, и на одном из перекрёстков попались в руки полиции, которая давно уже искала украденную из зоопарка анаконду.

— Но как вы обо всём этом догадались, Холмс? — воскликнул я.

— О том, как я догадался, что это было животное, а не человек, я уже рассказал. Животное, которое может пролезть через узкую трубу, должно быть тонким, но при этом большим, раз оно смогло справиться со взрослым человеком. Тонкое и большое — значит длинное. Назвать такое животное сможет даже ребёнок. Меня смущало лишь то, что преступники выбрали такой сложный способ для расправы с заключённым. Помните, я спросил Симпсона, нельзя ли было пустить в камеру отравленный газ? Получив отрицательный ответ, я больше не сомневался, что здесь замешана змея. Но откуда может взяться здоровенный удав в большом городе? Я позвонил в зоопарк, и там мне ответили, что действительно, три недели тому назад у них украли анаконду, но воры уже пойманы. Мы с Симпсоном поехали в ту тюрьму где они сидели, но они не сознавались в убийстве узника из подвальной камеры, пока я не рассказал им то, что рассказал сейчас Вам. Сейчас Симпсон допрашивает их.

Холмс на мгновение замолчал, а потом добавил:

— Вот Вы, Ватсон, спросили меня, как я обо всём этом догадался. А ведь и Вы, и Симпсон, и многие другие люди, вполне способные мыслить логически, смогли бы это сделать сами, если бы не побоялись признать некоторые совершенно невероятные вещи, которые, однако, подкреплены фактами...

В этот момент в комнату вошла миссис Хадсон, и положила на стол только что пришедшие вечерние газеты.

— Боже мой, Холмс! — воскликнул я, скользнув глазами по заголовкам. — Симпсона повысили в должности за арест убийц узника подвальной камеры! Ему поручено вести новое совершенно безнадежное дело о... Вы меня слышите, Холмс!

Холмс сидел в своём кресле полузакрыв глаза, потирая руки в предвкушении нового интересного дела...

Сергей Саканский

Тайна рыжей цветочницы ²²

— Итак, дорогой друг, наступает традиционный момент, характерный для конца любого моего расследования. Я закуриваю свою любимую вересковую трубку и рассказываю вам всё с самого начала. Удобно ли вы устроились, Ватсон? Не замёрзли?

— Отнюдь, — сказал доктор Ватсон простуженным голосом. — Я весьма внимательно вас слушаю.

Два старика сидели в креслах у камина, укрытые одинаковыми клетчатыми пледами. Хрипло потрескивали ольховые поленья, тихо пощёлкивала трубка Холмса, дождь в качестве аккомпанемента барабанил о стекло.

— Любое преступление, — проговорил Холмс, глубоко затянувшись из трубки, — подобно симптому болезни. Анализ симптомов позволяет произвести диагностику в целом, как вам хорошо известно из вашей недолгой врачебной практики. Изучая историю криминалистики, можно сделать вывод, что человеческое общество давно и неизлечимо больно. Прогресс — есть одна из многочисленных иллюзий самообмана. Ведь даже тяжело больной человек может с каждым годом всё лучше одеваться, покупать дорогие вещи и так далее. Мне приходилось бывать на раскопках в Малой Азии. Общий вид культурного слоя толщиной в шестьдесят футов производит удручающее впечатление. Культурный слой — это, грубо говоря, огромная мусорная яма времени. На самом её дне, в троянских отложениях покоятся черепки удивительных расписных сосудов, каждый из которых был настоящим произведением искусства. Наверху же — современные банки и склянки. Трудно рассуждать о прогрессе человечества, стоя у этой стены. Ничем иным, как постоянным падением, нельзя объяснить и другие хорошо известные вещи, например, извечный конфликт между отцами и детьми. То же касается и моего поприща — криминалистики. Давайте рассмотрим шаг за шагом наше последнее расследование. Помните, как всё началось?

²² Из книги «*AVE MEDIA*»

— Разумеется, — сказал Ватсон. — Ваши удивительные способности всегда восхищали меня.

— Ах, оставьте свои комплименты. Месяц назад, когда всё это началось, я был в таком же тупике, что и Скотланд-Ярд. Десять убийств на улицах Лондона, совершённых всего за двое суток, причём, среди бела дня! Одним и тем же способом — удар в затылок тупым тяжёлым предметом. Никаких признаков ограбления. Никаких следов убийцы. Тут есть над чем поломать голову, извините за грубый каламбур...

Холмс закусил чубук своей трубки, с намерением глубоко затянуться, но трубка погасла. Он взял с мраморного столика коробок спичек, тряхнул им в воздухе и с досадой зашвырнул в камин.

— Миссис Хадсон! — позвал он. — Не будете ли вы столь любезны, чтобы принести мне спички?

— О да! — сказал Ватсон. — Я никогда бы не придумал ничего подобного.

Холмс внимательно посмотрел на него.

— Да уж чего тут думать... Эти семечки не только скворчат в моей любимой вересковой трубке, но и постоянно тушат её.

Вошла экономка, трясая на серебряном подносике коробок спичек. Холмс сухо поблагодарил её и легонько шлёпнул по задку.

— Ну и шуточки у вас, мистер Холмс! — сказала она, хлопывая подносиком о бедро.

Она прошла в соседнюю комнату и присела на край стула. В крошечной гостиной, характерной для этого небогатого дома на Бейкер-стрит, уютно сидел молодой человек, невысокий и плотный. Он грыз миндальное печенье и пристально смотрел в дверной проём, где был хорошо виден камин и по обеим его сторонам — два старика в креслах и пледах.

— Почему мистер Холмс называет вас «миссис Хадсон»? — спросил он.

— Так звали прежнюю экономку, которая умерла несколько лет назад. Он хочет, чтобы всё было по-старому, особенно, если курит свою трубку.

— Кое-что странное сразу бросилось мне в глаза, — продолжал Холмс, и голос его был хорошо слышен в гостиной. — Я имею в виду способ убийства, этот удар... Во всех случаях, удар был во-первых, один, во-вторых, нанесён сзади, в-третьих — что

самое непостижимое — удар был настолько чудовищный, что убийцей мог быть только человек огромной физической силы, человек, которых в Лондоне можно по пальцам пересчитать. С этого конца и начал своё расследование инспектор Лестрейд.

Были проверены все находящиеся в городе силачи: цирковые борцы, угольщики, метальщики ядер и тому подобное. Констебли задерживали всех прохожих подозрительно крупного телосложения. Однако, эти усилия не дали никаких результатов.

Второй путь — поиск связей между жертвами. Поскольку мотив преступления неясен, можно было подумать, что жертвы либо замешены в какой-то тайной организации, либо явились свидетелями некоего события.

Скотланд-Ярд тщательно проследил биографии всех девятнадцати жертв, прямо-таки с их рождения на свет. Среди них был один мелкий банкир, два студента, католический священник, два молодых офицера, четверо слуг, четыре служанки, трое рассыльных, один телеграфист и один портье. Что-то странное сразу бросается в глаза в этом списке, не правда ли, Ватсон?

— О да! — прохрипел доктор. — Удивительно!

— То-то и оно. Правда, вряд ли вы сможете сказать, что именно. То же и наша прославленная полиция. Все эти люди, кроме двоих, не были даже знакомы между собой. Я имею в виду офицеров, которые служили в одном полку и ухаживали за одной и той же девушкой. Полиция сразу уцепилась за этот ложный след и ухлопала два дня. А я скажу другое: эти люди и не должны были знать друг друга. Лестрейд просмотрел главное. Большинство жертв из списка были ничем иным, как служащими, именно — курьерами. А курьеры, дорогой друг, часто что-то носят с собой... Миссис Хадсон! Лапушка... Будьте добры, приготовьте мне пожалуйста ещё одну трубку. Только прошу вас, пробейте хорошенько, а то спасу нет от этих семечек.

Держась на почтительном расстоянии от старика, экономка приняла из его рук длинную трубку, протянутую мундштуком вперёд, и вернулась в гостиную. Она отделила чубук от мундштука, устроила его в специальном зажиме и принялась готовить курительную смесь. Сняв с деревянного крючка крупное сито, бросила в него пучок сухой травы. Словно Гингема в её юные годы, она принялась растирать траву круговыми пассами. Гость с интересом наблюдал за её работой.

— Простите, мисс Марпл, — деликатным голосом проговорил он, — разве то, что вы делаете, не противозаконно?

— Почему это вас так интересует, мистер? Вы что — служите в полиции?

— Никоим образом, леди. Но я учусь на юриста. Если бы вы совершили на моих глазах, скажем, убийство, то в каком бы положении оказался я? В положении соучастника. Следовательно, если с помощью наркотиков вы совершаете медленное убийство этого господина, то...

— Допустим, в его положении убийством было бы не давать ему наркотиков. Мистер Холмс употреблял кокаин в течении десяти лет. Ему удалось сойти с этого зелья путём перехода на опиум, с которого, в свою очередь, мистер Холмс слезает с помощью марихуаны.

— А что будет потом?

— Вероятно, виски.

— А дальше?

— Дальше ничего не будет, сэра.

Номер «Тайм», развёрнутый на столе, стал быстро покрываться слоем зелёного порошка.

— Это марихуана? — спросил гость.

— Нет, лопух.

— Вы хотите сказать, что обманываете своего хозяина, вместо губительного зелья подсовывая ему безобидную траву? О, теперь я начинаю вас понимать!

— Ничего вы не начинаете. Я произнесла не — нет, лопух — с многоточием, а — нет, лопух — с точкой. Слово относилось к вашей персоне. Потому что вы не следите за беседой и задаёте глупые вопросы. О, мой шеф любит сложные коктейли! Я добавляю несколько листьев яга, щепотку молотого кофе и немного птичьего гуано с Багамских островов.

— Что ж! Это любопытно... Но ради всего святого, мисс Марпл! Я пришёл сюда, чтобы встретиться с величайшим детективом в истории человечества, и что же в итоге? Лично к нему вы меня не допускаете, и всё, что я вижу — почти неподвижный старик, который наркотически бредит перед этой ещё более неподвижной куклой Ватсоном.

— Должна вам сказать, что вы недалеко от истины, когда употребляете слово кукла, сэра. Мистер Холмс разменял сто пер-

вый десяток. Он так чудовищно стар, что это выходит за грань реальности. Шерлок Холмс сейчас пишет книги по криминалистике: детективные рассказы, воспоминания... Он сочинил серию рассказов, опубликовав их под нарочито смешным, вымышленным именем. Этот писатель — одна из многочисленных мистификаций мистера Холмса, причём, мистификация двойная: рассказы-то написаны якобы от лица доктора Ватсона... Впрочем, мистер Холмс не пишет, а наговаривает. Вы как раз и присутствуете при таком сеансе звукозаписи.

— Почему же я не вижу фонографа?

— Фонограф спрятан. По замыслу мистера Холмса, даже он сам не должен его видеть. Он хочет забыть о том, что ведётся запись. Я её расшифровываю и даю ему для редактирования. Иногда мистер Холмс думает, что всё это пишу я сама.

— И где же спрятан фонограф?

— А вы догадайтесь.

Мисс Марпл собрала набитую трубку и, удалившись в кабинет, вручила её Холмсу, который до сих пор пребывал в задумчивости, может быть даже спал, но, закурив, сразу же и заговорил:

— Итак, Ватсон, два дня — суббота и воскресенье. В понедельник всё стихло. У полиции создалось впечатление, что убийца затаился, поскольку улицы стали усиленно охраняться. И это было ошибкой. Не прошло и недели, как всё повторилось. Снова два дня — суббота и воскресенье. На сей раз — двадцать четыре трупа! И теперь полиция, похоже, напала на след. Сличая показания людей, оказавшихся поблизости от мест преступлений, Лестрейд заметил, что в целых трёх случаях упоминается одна и та же особа, а именно: девушка цветочница, которую свидетели видели неподалёку от места преступления. Знаете, такие юные соблазнительные девушки на грузовых велосипедах, с огромной корзиной цветов?

— О да! — воскликнул Ватсон. — Это просто нечто эксклюзивное.

— Эксклюзивное? Что-то не припомню подобного слова. Впрочем, не важно... Девушку нашли, задержали и подвергли допросу. Было ясно, что она каким-то образом связана с преступлениями, но как? Кстати, она работала именно по субботам и воскресеньям, когда цветы пользуются особым спросом... Сама

она, тщедушное слабое создание, разумеется, не способно нанести удар такой чудовищной силы. Может быть, некто, некий сильный и ловкий сообщник, ходит по Лондону, засунув руки в карманы, а девушка просто возит орудие преступления, пряча его среди цветов? Пусть так, но каков мотив? Ведь новые жертвы также не были ограблены, и по-прежнему на мостовой не осталось никаких следов, кроме следов велосипеда. Во всяком случае, девушку отпустили за недостатком улик. Версия маньяка отпадает: у маньяка не может быть сообщника. Разве реальна такая девушка-цветочница, вполне вменяемая, которая возит по городу оружие маньяка? Не правда ли, доктор?

— О да! — воскликнул Ватсон. — Это просто нечто эксклюзивное.

— Что вы сказали? — нахмурился Холмс.

— О да! — повторил доктор. — Это просто нечто эксклюзивное.

— Мисс Марпл! — крикнул Холмс в дверной проём. — Вернее, как вас там? Миссис Хадсон! Что случилось с нашим дорогим другом Ватсоном? Кажется, его необходимо срочно прооперировать.

Экономка взяла со стола большой разделочный нож, назначение которого до сих пор было не ясно гостю, и подошла к Ватсону. Вставив нож в грудь доктора, она поддела в нём какой-то орган, и в Ватсоне открылась крышка. Мисс Марпл склонилась над овальным отверстием и что-то покрутила внутри.

Доктор Ватсон поднял и отпустил обе руки и скрипучим голосом проговорил:

— Потрясающе! Умопомрачительная логика.

— Теперь вы всё знаете, — сказала экономка, вернувшись в гостиную. — Доктор Ватсон, действительно — всего лишь механическая кукла. Трудно представить, что оба собутыльника могли дожить до столь преклонных лет.

— Но зачем?

— Вы не догадываетесь? Мистеру Холмсу необходим образ собеседника. Он так привык к этому завершающему этапу своего расследования, что первое время после смерти Ватсона у него вообще ничего не получалось. Вот и возникла идея сделать примитивного робота.

— Робота? Я не понимаю этого слова.

— Это слово придумал сам мистер Холмс. Оно обозначает... Ну, именно то, что вы видите. Мы заказали его у мадам Тиссэ. Внутренности исполнила фирма Эдисон и Ко. Всё это стоило 650 фунтов. Нехитрый механизм подымает и опускает руки. Внутри находятся два фонографа, пишущий и воспроизводящий. Только и всего.

— Но каким образом? Почему Ватсон вставляет реплики вовремя?

— О, пустяки... Как вы хорошо знаете, в английском языке вопросительная интонация сопровождается повышением голоса... Впрочем, нет, вы не хорошо об этом знаете, судя по вашему акценту.

— Всё в порядке, мадемуазель. Я уже понял. При повышении голоса мембрана колеблется с большей амплитудой. Длинное плечо рычага отклоняется, замыкает контакт, и...

— Кстати, ваш акцент... Вы явно с континента, но я бы не сказала, что вы француз.

— Я бельгиец, мэ. Изучаю право в Оксфорде. Хочу стать адвокатом. Но теперь... Я имею в виду сегодняшний вечер. У меня возникают сомнения по поводу моей будущей специальности.

— Вот как?

— Я бы хотел стать частным детективом, как мосье Холмс. В принципе, это весьма просто: достаточно лишь найти себе внимательного слушателя.

— Что ж, когда мистер Холмс... Вы сами понимаете... Я могу тогда продать вам куклу доктора Ватсона, а цена вам известна...

— Прошу прощения, мисс Марпл, но ведь сам Холмс тоже знает, что перед ним кукла! Так как же он...

— Это сложный вопрос. С одной стороны, он же и наговорил на фонограф её реплики, принимал участие в её создании, с другой, когда он впадает в наркотический транс... Как вы думаете? Отдаёт ли он себе отчёт вообще в чём бы то ни было?

— Итак милый Ватсон, — послышался голос Холмса из кабинета, — подытожим сказанное. Перед нами явный серийный убийца, но не маньяк. Жертвы никак друг с другом не связаны. Мотив ограбления отсутствует. Есть один-единственный персонаж, рыжая цветочница, которая имеет какое-то таинственное

отношение к делу. Преступник обладает чудовищной силой, но не оставляет следов, как бы перемещаясь по воздуху...

Любое преступление, Ватсон, имеет всего лишь три компонента, а именно: преступник, его жертва и мотив. Все классические детективы начинаются с жертвы. Интрига, как правило, вертится вокруг преступника и мотива. В плохих детективах сначала всплывает мотив, затем преступник. В средненьких — происходит наоборот. В хороших — два компонента выявляются одновременно, причём, на самых последних страницах. Убийца, при этом, не может быть богом из машины, он просто обязан присутствовать в тексте почти с самого начала, иначе, опять же, получится скверный детектив.

Посмотрим трезво на нашу ситуацию. Кто у нас присутствует с самого начала?

— Однако, — сказал доктор Ватсон. — Я слушаю вас с нарастающим вниманием.

— Именно! Цветочница и только она. Значит, никакого сообщника нет, а цветочница — и есть убийца. Но это невозможно, скажете вы. Ведь убийца, по умолчанию, обладает недюжинной физической силой. А эта миниатюрная, хрупкая, нежная девушка... Не правда ли?

— Удивительно. Вы меня просто интригуете.

— Давайте проведём эксперимент, Ватсон. Я беру свою любимую трубку и бью вас по колену мундштуком. Мы слышим слабый глухой звук, как если бы эбонит ударился о эбонит. Впрочем, так оно и есть... А теперь я ударяю вас наоборот — чубуком, держа трубку за мундштук. Звук гораздо сильнее. Но вовсе не потому, что теперь о тот же эбонит бьётся древесина. Почему же?

— В самом деле! Вряд ли я сам смогу об этом догадаться.

— Правильно, ибо для этого нужны мозги. Сила удара пропорциональна массе ударяющего тела. В данном случае, массивный вересковый чубук на длинном мундштуке, ударяясь о ваш эбонит, и производит более громкий звук. И ещё, как нам известно из физики, сила удара пропорциональна скорости. Да, Ватсон, скорости! Эти остолопы из Скотланд-Ярда не знают никакой физики. Они искали человека чудовищной силы, а такового нет. Рыжая, нежная цветочница, вооружённая массивным молотком на длинной ручке, двигаясь на своём велосипеде со ско-

ростью десять миль в час — вот он, этот мифический силач. Вы удивлены?

— О да! Я никогда бы не придумал ничего подобного.

— Это вполне естественно для вас, Ватсон. Теперь второе: мотив. Ошибка была в том, что мы считали, будто бы жертвы не были ограблены. Это не правда. Ограбления всё же состоялись, вопрос только в том, что именно являлось предметом похищения. Вспомните странную закономерность в выборе жертв. Курьеры, рассыльные, мальчишки на побегушках... Все они могли что-то нести в руках. Что-то такое, что носят не в кармане, не в сумке, а именно, в руках, и только в руках. Предмет этот можно выхватить на ходу, прямо с быстро движущегося велосипеда, не прерывая движения... Этим предметом были цветы...

— Цветы? — не выдержал Ватсон, вернее, конечно, доктор-то промолчал, а реплику подал гость из гостиной.

— Именно, Ватсон! Картина преступления представляется мне следующим образом. Невинная юная цветочница разъезжает по улицам и продаёт свои цветы. В корзине она прячет молоток на длинной буковой ручке. Вот появляется покупатель, выбирает букет и, предвкушая встречу с красивой, полногрудой дамой, идёт вдоль улицы. Рыжая цветочница седлает велосипед и, быстро набирая скорость, движется за ним. С чудовищной силой, умноженной на скорость, обрушивается тяжёлый молоток на голову жертвы. Мгновение — и цветы выхвачены из слабеющих рук. Через полчаса те же самые цветы продаются другой жертве. И так изо дня в день. Ничего себе, бизнес, не правда ли?

— О да! Я никогда бы не придумал ничего подобного.

— А я придумал и, разумеется, оказался прав. Для меня всё это оказалось, как всегда, элементарно, Ватсон. Девушка была схвачена, Лестрейд провёл допрос с пристрастием, и она во всём призналась. Вам, вероятно, в диковинку как само преступление, так и подобный мотив — ведь вы, добрый поклонник стиля «ретро», предпочитаете иную музыку, доктор Ватсон... Но эволюция не стоит на месте, и преступление, как молодая женщина, с каждым годом наряжается в новые модные одежды. Представьте себе, дальнейшую судьбу этой рыжей голубоглазой цветочницы, не вмешайся в это дело я. Преступница остаётся неуловимой многие годы. В то время как полиция ищет маньяка, наделённого чудовищной силой, эта худенькая, стройная девушка, переезжая

из города в город, продолжает свой бизнес. Если допустить, что ей удавалось бы отправить на тот свет порядка пятидесяти человек в неделю, то в год это число дошло бы до двух с половиной тысяч. Если принять, что бизнес продолжался бы около тридцати лет, то человечество лишается населения целого города. Если бы, конечно, не моё личное вмешательство, не мои мозги, их удивительное серое вещество...

— Серое вещество! — воскликнул гость в гостиной.

— Ну да, — отозвалась мисс Марпл. — А что вас так возбуждает?

— Это замечательные слова, мэм! Мозг человека, удивительную, сложнейшую, думающую машину так запросто назвать серым веществом! Вы не находите, какая мощная, точная метафора?

— О да! — услышал доктор Ватсон возбуждённый голос молодого человека. — Это просто нечто эксклюзивное.

— Мисс Марпл! — вскричал Холмс. — Вырубите наконец этого дурака!

— Потрясающе! — сказал доктор. — Умопомрачительная логика.

Мисс Марпл быстро прошла в кабинет и, засунув руку глубоко под клетчатое одеяло, что-то резко дёрнула у Ватсона в паху. Кукла вздрогнула и замерла. Холмс, улучшив момент, коротко ущипнул девушку за ягодицу.

— И предупредите вашего приятеля, — проговорил он, — приятеля, который сидит там, в гостиной, который прибыл в Англию с континента, который носит тупоносые ботинки, пять дней назад отремонтированные в мастерской на Барби-стрит, который в детстве болел скарлатиной и свинкой, который и до сих пор иногда занимается онанизмом, у которого голова как нечищенное варёное яйцо, у которого дядя живёт в Петербурге и никогда не оставит ему наследства, поскольку через пять лет его убьют большевики... Скажите ему, что... Впрочем... Всё это не имеет значения...

С этими словами Холмс откинул голову на подушку и мгновенно уснул.

Мисс Марпл вернулась в гостиную, где гость сидел, взволнованный и красный.

— Откуда он... Про скарлатину, про свинку?

— Ах, оставьте! Мистер Холмс всегда, знаете ли...

— И кто такие большевики, и за что они убьют моего дядю? Кстати, у меня вовсе нет никакого дяди.

— Вот и прекрасно. Значит, нам и не надо знать, что такое большевики.

— Простите, мисс Марпл, а это преступление? Столь блестяще раскрытое на наших глазах...

— Такого преступления не было.

— Действительно! Его же просто не могло быть. Чудовищная жестокость, совершенно ничтожный мотив, плюс, как я понял, абсолютная вменяемость убийцы.

— Я бы сказала, что этого преступления ещё не было. Видите ли, наряду с книгой воспоминаний, мистер Холмс пишет криминальную футурологию. Прогнозируя возможное развитие общества, проектирует и будущие преступления. Лет через сто подобная мотивация и такая жестокость станут вполне возможными, если так считает мистер Холмс. Будьте спокойны, мы с вами до этого не доживём.

— Здесь есть одна ошибка и, по-моему, очень серьёзная. Дело в том, что рыжая цветочница никак не могла продавать в течение месяца одни и те же цветы. Они бы просто завяли. И вообще... Мне что-то расхотелось погружаться с головой в эту кровь и грязь. Я передумал учиться на юриста, держать частное сыскное бюро. Лучше я тоже буду писателем, буду создавать замечательные детективные романы.

— В добрый час, — сказала мисс Марпл, поднимаясь со стула и тем самым молча говоря гостю, что аудиенция окончена.

— Знаете что, — сказала она уже в дверях — Вам бы очень пошли усы, господин... Как вас там?

— Усы? — смешался гость. — Мне?

— Да-да. Такие тонкие усики, чуть-чуть загнутые сверху... Помните у Кагановича, замечательного русского поэта? Встречных увеча пиками усов... Так и вы. Мало того, что это добавит пикантности вашему оригинальному лицу, но и станет своеобразным символом для ваших будущих читателей, а также великолепным хобби, которое придаст дополнительный смысл всей вашей будущей жизни.

Для любопытных любознаек

(Также для тех, кто вообще ничего не понял)

Здесь вы можете посмотреть фрагменты переписки, прямо относящиеся к данному произведению. Своеобразный комментарий.

Прочитав рассказ ТАЙНА РЫЖЕЙ ЦВЕТОЧНИЦЫ, Н. Дикий направил его автору письмо, содержащее некоторые замечания. Мэтр отреагировал на них должным образом и ещё раз отредактировал рассказ. Замечания Дикого, помимо значка герлу, выделяю цветом. А отсюда вы можете прямо попасть в переписку с Н.Акимовым, коллегой-редактором (на ту же тему)

> В цветочнице два места непонятны:

> — Должна вам сказать, что вы недалеко от истины, когда употребляете слово кукла, сэ. Мистер Холмс разменял сто первый десяток.

Это я совсем отупел тогда к утру. Сделаю десятый десяток, что ли? Тоже паршиво.

Тут ещё и в другом дело. Первый рассказ Конан Дойла из этой серии, «Этюд в багровых тонах», вышел в 1887. Самое смешное, что его многие журналы отвергли. Может, из-за того, что видели в нём кальку с рассказов Эдгара По и считали, что читатель всё это уже знает... Дальше он печатался по журналам, а в 1892 издал первым сборником. Успех был, конечно, ошеломительный. Но я не о том. «Собака» была написана аж в 1902-м. То есть, Холмс, который, не помню, упоминает ли он его возраст, но кажется нам всегда человеком лет сорока. При этом, определённо, принадлежит концу 19 века. Пуаро же — житель 20-х годов. И он уже тогда вполне средних лет. То есть, реально Эркюль должен был родиться в 80 годах. Где-то ровесник Блока или Гумилёва. То есть, когда он был молодым человеком и там с юной также мисс Марпл кадрился на кухне или где уж забыл, в маленькой гостинной, Холмс должен был быть ещё полным сил, за собакой Баскервией по болотам гоняться... А, если взять упоминание о большевиках и срок смерти дядюшки, то действие происходит около 1912 г.

Надеюсь, проницательные читатели мне эту маленькую натяжку простят, потому что поймут, что иначе, как с этой натяжкой, никто не смог бы столкнуть Холмса и Пуаро, а ведь им, наверно, хочется...

Ещё есть вариант: касательно «мир без наркотиков». Она могла бы сказать что-то вроде, что Холмсу хоть и немногим более шестидесяти, но он такая развальня, потому что кокаин нюхал и т.д. Тогда ещё придётся объяснять раннюю смерть Уотсона и т.д. К чёрту. Пусть меняет одиннадцатый десяток. (Это, между прочим, по правде, уже сороковые годы)

> — О да! — услышал доктор Ватсон возбуждённый голос молодого человека. — Это просто нечто эксклюзивное

> Так и задумано?

Здесь, согласен, невнятица. Имелось в виду, что механизм робота сработал, когда Пуаро повысил голос. Тоже исправлю и правленную копию сразу вышлем.

> Читал с удовольствием. Только про роботов — должен был Чапек услышать,*) а не Эркюль.

Вот-вот, я очень рад, может, Чапека, кроме тебя, ещё кто-нибудь заметит. Правда, мобыть, только мы с тобой такие умные, классикой начитанные. Впрочем, все эти тексты на начитанных (классикой) и рассчитаны.

Тут соображаю: а ведь найдутся и такие, которые в молодом человеке даже Пуаро не узнают, не то что там какого-то в Ленноне Чэпмена. Ну пусть их. В таком случае, гость будет играть роль безликого наперсника. Эти читатели не будут недоумевать, зачем он там вообще нужен, когда и без него можно было обойтись. Такие читатели не задаются подобными вопросами. И моих опусов не читают, кстати.

Хотя, ещё соображаю: здесь иной случай, чем с Ленноном.***) Очень уж высоколбые читатели в Агату вообще не заглядывали, ибо презирают. (Они ведь, в сущности, такие же тупицы, как и те первые. Беда всех очень умных людей в том, что они тоже дураки) В этом паталого-снобическом случае, ни Пуаро, ни мисс Марпл, также не будут узнаны. Снобы останутся уверенными в том, какой же мудака этот саканский (пока кто-то, может, через год, за кружкой пива им не растолкует что к чему)

Про роботов. Дело не в том, кто это слово услышал, а в том, кто его придумал. А придумал его, по Ave Media, Холмс. И Конан Дойла никакого не было: это всё реальный Холмс написал.

И поделом ему: то он Диккенсу подражал, то открытие Эдгара По себе присвоил. Он, кроме того, и буквально списывал. Смотри:

1) — То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, — сказал Холмс. («Пляшущие человечки» Дойла. Это в переводе Чуковских. Мбуть ты исканешь по инглнету оригинал и это место найдёшь?)

2) I doubt if a human mind can invent such a system which another human mind would not be able to solve, if enough attention was given to it. (Edgar Poe — Golden Bug)

Обрати внимание, что даже этот кусок (прямая речь Леграна) у Эдгара написан почти стихами. Вообще, конечно, мне жалко Конан Дойла немного, потому как я его люблю. Так добросовестно, усичиво переписал Жука... А получилось плохо.

Материалы подготовила Алина Маева

ПРИМЕЧАНИЯ

*) Для тех кто, может быть, не знает, это место может показаться тёмным. Слово РОБОТ было придумано не в конструкторском бюро. Его впервые ввёл Карел ЧАПЕК (1890-1938) в одной из своих фантастических пьес. (Если кто мне напомнит, как эта пьеса называлась, буду только рада) Нечто подобное произошло со словом КВАРКИ, придуманным Джойсом, и, вероятно, произойдёт со словом БЛАСТЕР, придуманным каким-то фантастом (когда это оружие, наконец, изобретут).

***) Речь идёт о переписке по поводу рассказа ТОЛЬКО ТЫ И Я. Смотрите там в конце файла, либо в рубрике ВЫБРАННЫЕ МЕСТА

Александр Соколов

Ночь в полнолуние, или По ту сторону...

Предлагаемая вашему вниманию пьеса была написана в 1999 г. и поставлена театральным коллективом Творческого объединения «Интрига».

Спектакль неоднократно демонстрировался на сцене Новосибирского государственного драматического театра «Старый Дом»

Подробную информацию, касающуюся постановки, можно увидеть на странице спектакля

2000 © Александр Соколов

ДЕЙСТВИЕ 1 БЭЙКЕР-СТРИТ

Темно... Темно со всех сторон. Зажигается свет, и видна скудная, почти больничная обстановка комнаты: две заправленных кровати, стул, столик со стоящим на нём патефоном, в углу — большое, в человеческий рост зеркало, рядом — выход, по всей видимости, в другую комнату. В противоположном углу сцены находится дверь, ведущая на улицу. Дверь надёжно заперта. На одной из кроватей, прямо поверх одеяла спит, не раздевшись, доктор Ватсон. Неожиданно он просыпается, вскакивает и обводит комнату тревожным взглядом.

Ватсон: Холмс! Миссис Хадсон! Картрайт! Господи, я один, совсем один посреди этой чёртовой квартиры. Так и знал. Бросили!

Ватсон уходит в другую комнату. Через некоторое время распахивается дверь с улицы и появляется миссис Хадсон. Закрыв дверь на ключ, она решительно проходит внутрь, по середине комнаты останавливается и обводит всё вокруг хозяйским взглядом; затем проходит в соседнюю комнату, но через мгновение появляется вновь, на ходу завязывая фартук, подходит к зеркалу, стирает с него пыль, затем направляется к одной из кроватей, поднимает подушку — как будто что-то ищет. Раздаётся звонок. Миссис Хадсон идёт открывать дверь. На пороге стоит Картрайт — мальчик-слепой в чёрных очках и с палочкой в руках.

Миссис Хадсон: Картрайт? Почему без газет? Идите, и без свежей прессы не возвращайтесь!

Выпроводив Картрайта, миссис Хадсон закрывает за ним дверь, подходит к патефону, заводит его и ставит пластинку. Сквозь шипение и треск пробивается торжественный мужской голос.

Голос из патефона: Был конец ноября. Ненастным туманным вечером Шерлок Холмс и доктор Ватсон сидели у пылающего камина в кабинете на Бэйкер-стрит.

Звучит музыка. Миссис Хадсон уходит за кулисы.

ЧЕМОДАНЧИК ДОКТОРА ВАТСОНА

Открывается дверь, и на пороге комнаты появляется Шерлок Холмс — с пистолетом и отмычками в руках. Он входит внутрь, вертя на дуле пистолета кепку; бросив на кровать кепку и отмычки, рассеянно смотрит на пистолет, приставляет его к голове, затем подходит к зеркалу и повторяет эту операцию, косясь на своё отражение. Приставив дуло пистолета к сердцу, он обнаруживает нечто в своём нагрудном кармане. Холмс достаёт из кармана находку — ампулу, замечает лежащий на полу чемоданчик, берёт его, садится на свою кровать, открывает чемоданчик, и, перерыв его, из большого количества различной медицинской дребедени извлекает пустой шприц и жгут. Удовлетворённый результатами поисков, Холмс закрывает чемоданчик и прячет его под кровать. Далее он неторопливо закатывает рукав, перетягивает руку выше локтя, наполняет шприц и готовится ширнуться. В это время появляется Ватсон, который в процессе следующего диалога только раз рассеянно бросает взгляд в направлении Холмса, не замечая его занятий, сам же внимательно изучает пространство сцены.

Ватсон: Здравствуйте, Холмс!

Холмс: А, Ватсон, это вы? Доброе утро.

Ватсон: Да уж, как же, доброе! Похоже, сегодня мы опять остались без свежих газет.

Холмс: А зачем вам газеты? Всё ещё надеетесь вычитать в них что-либо интересное?

Ватсон: Ну, не знаю, всё какое-то развлечение.

Холмс: Не беспокойтесь. Будет вам и белка, будет и свисток... и свежие газеты тоже. Всё будет.

Ватсон: Хочется верить.

Холмс: Вы что-то потеряли, друг мой?

Ватсон: Да, вот что-то никак... Миссис Хадсон!

Из-за кулис появляется миссис Хадсон, подходит к Ватсону.

Ватсон: Вы не знаете, куда подевался мой чемоданчик?

Миссис Хадсон: Не знаю, доктор. Давайте поищем вместе.

Ватсон: Давайте, давайте. Ну и где же он, я вас спрашиваю? Почему в этом доме вечно все куда-то пропадает?

Миссис Хадсон: Не волнуйтесь, доктор, у вас опять поднимется давление. Наверное, как всегда, сами задевали его куда-нибудь...

Ватсон: Ну да, конечно! — сам, исключительно сам. Во всём, как всегда, виноват Ватсон: свежей прессы нет, чемодан пропал... Да где же он? Кто, я вас спрашиваю, мог на него позариться? Очередной подозрительный посетитель мистера Холмса? Это не дом, а проходной двор какой-то! Чёрт знает что.

Миссис Хадсон (*обнаружив чемодан под кроватью Холмса*): Да вот же он. А вы переживали.

Ватсон: Да, в самом деле! Как же он сюда попал? (*Открывает чемодан*) А где, собственно... (*Обращает внимание на занятии Холмса*) Так!

Миссис Хадсон (*устало*): Мистер Холмс, вы опять взялись за своё! Что сегодня, морфий или кокаин?

Холмс: Кокаин. Семипроцентный. А у вас что, интерес, так сказать, практический? Наконец-то хотите попробовать?

Миссис Хадсон: Нет уж, благодарю покорно! А это что такое? Отмычки?! Так я и знала. До какой жизни вы докатились, мистер Холмс! (*Резко разворачивается, уходит за кулисы*)

Холмс (*вслед уходящей миссис Хадсон*): Возможно, вы и правы; я готов даже поверить, что наркотики вредят здоровью. Но! — они удивительно стимулируют умственную деятельность и проясняют сознание. Ну, хоть вы-то со мной согласны, Ватсон?

Ватсон: Нет. Подумайте, какую цену вы за это платите! Если я не ошибаюсь — а на этот раз я точно не ошибаюсь — в чемоданчике лежал пустой шприц. Откуда же взялся кокаин, позвольте вас спросить? Молчите? Так я вам отвечу! Вы потра-

тили ту золотую гинею, которую так и забыли мне вернуть! Ну, знаете ли, Холмс!..

Холмс: Успокойтесь, доктор... Да, и могу я вас попросить об одном одолжении?

Ватсон: Денег у меня нет!

Холмс: Нет, нет, друг мой, речь сейчас идёт не о деньгах.

Ватсон: Ну, хорошо. Что я должен делать?

Холмс: Вы знаете, Ватсон, что для сыщика важнейшим качеством является наблюдательность. Посмотрите внимательно по сторонам. Теперь во-он там в углу. Посмотрели? А теперь загляните под кровать. Итак, ваши выводы. Что вы увидели?

Ватсон: А что я должен был увидеть? *(вытаскивает из-под кровати кость)* Вот это?

Холмс: Нет. Унылые серые будни, друг мой. Жизнь в Лондоне течёт спокойно и размеренно. Но мой мозг, Ватсон, бунтует против безделья. Мне скучно! Подайте безработному сыщику на средство для прочистки мозгов!

Ватсон: Холмс, не юродствуйте! *(прячет кость под кровать)*

Холмс: Не юродствуйте? Дайте мне дело! Дайте мне настоящее дело — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу однообразное, унылое течение жизни. *(мечтательно)* Великие преступления!.. Гениальные преступники!.. Где они?

ТУМАН

Холмс: Лондонский преступник — бездарный тупица. Гляньте-ка в окно, Ватсон. Видите, как вдруг возникают и снова тонут в клубах тумана смутные фигуры? В такой день вор или убийца может невидимкой рыскать по городу, как зверь... дикий зверь в джунглях, готовясь к прыжку. И только тогда... и даже тогда его увидит лишь сама жертва.

Ватсон: Жертва...

Холмс: Жертва... Скажите, Ватсон, а вам... вам никогда не бывает страшно?

Ватсон: Вам-то какое дело?

Холмс *(не обращая внимания):* Вы никогда не ловили себя на том, что... будто кто-то крадёт за вами... — тихо, осторожно... как зверь... Не оборачивайтесь! Вы его вспугнёте. *(доверительно)* Знаете, я... временами чувствую тень, странную тень за

моей спиной. *(вскакивая)* Эй, кто здесь? Что за шутки? Я не знаю, где вы прячетесь, но вылезайте. Я... я иду искать... Я иду искать...

Ватсон: Что вы задумали?

Холмс: Выследить, заманить в ловушку, и убить зверя! *(подходит к зеркалу)* Теперь-то я знаю, где он прячется. Теперь-то я знаю...

Ватсон: Холмс, прекратите! Тут у вас уже мистика какая-то поперла! Вы же трезвый рационалист, сыщик, а занимаетесь... не знаю... черти чем! Посмотрите внимательно по сторонам: никто в углах не прячется? Зелёных чёртиков не наблюдаете? Странные гости на нас не выпрыгнут откуда-нибудь... из зеркала?

Холмс: Мистика, говорите? А... хотите попробовать? Давайте, вы получите первый опыт расширения сознания. Берёте два зеркала, ставите их друг против друга...

Ватсон: И что?

Холмс: Как что? Получите бесчисленное количество отражений... бездну. Посмотрите, посмотрите туда: полчища Шерлоков Холмсов на бескрайних просторах нашей уютной квартиры! А вы знаете, забавно, Ватсон. Вообразите, что я и есть тот самый... нет, любой из полусотни... из тысячи тех, что имеют достаточно оснований покушаться на мою жизнь: Шерлок Холмс против Шерлока Холмса! Какой достойный противник! Как вы думаете, долго бы я оставался в живых, ускользая от собственного преследования? О, это была бы красивая смерть: неожиданный звонок, приглашение встретиться — и всё кончено!

Звонит звонок. Холмс и Ватсон вздрагивают.

Ватсон: Как вы сказали? Неожиданный звонок...

Холмс: Да что с вами? Вы же не боитесь всякой мистики?

Ватсон: Нет... И что вы собираетесь делать?

Холмс: Позвать миссис Хадсон, ведь ключи от двери у неё, а я лишился всех своих отмычек. Верно?

Ватсон: Верно.

Холмс: А вы выглядите каким-то обеспокоенным, друг мой!

Ватсон: Я? Обеспокоенным? С чего бы это?

Холмс: Действительно, с чего бы? Миссис Хадсон! Миссис Хадсон! Да, похоже, она крепко на меня обиделась. Ватсон, будьте любезны, позовите её, пожалуйста.

Ватсон: Холмс, я не могу. У меня внезапно разыгрался... ревматизм!

Холмс: Да? Как не вовремя! Миссис Хадсон! Миссис Хадсон! *(Из-за кулис появляется миссис Хадсон)* Вы не слышали — в дверь, кажется, звонили.

Миссис Хадсон: Нет, мистер Холмс, не слышала.

Холмс: Тем не менее, будьте так добры, откройте, пожалуйста!

Миссис Хадсон: А вы уверены? По-моему, не было никакого звонка.

Ватсон: Да, Холмс, и я тоже ничего не слышал!

Холмс: Да вы что?! Я, по вашему, сошёл с ума, у меня галлюцинации?

Звонок повторяется.

Холмс: Теперь слышите? — поздравляю. Добро пожаловать в наш тесный сумасшедший круг!

Ватсон *(преграждая миссис Хадсон дорогу):* Миссис Хадсон, не открывайте!

Миссис Хадсон: Почему?

Ватсон: А вдруг там кто-нибудь... кто-нибудь не тот?!

Миссис Хадсон: Кто же там может быть... не тот?

Ватсон *(оглядываясь по сторонам):* Мистер Шерлок Холмс!

Миссис Хадсон: Доктор Ватсон, когда же вы наконец повзрослеете и прекратите свои дурацкие розыгрыши! *(Подходит к двери, открывает).*

Ватсон: Миссис Хадсон, кто там?

Миссис Хадсон: Кто-то именно тот, кого так долго ждали. *(Холмсу)* Картрайт, сэр. Принёс свежие газеты.

Миссис Хадсон забирает у Картрайта прессу, даёт ему монетку на чай; тот выдерживает паузу, ожидая, не перепадёт ли ему ещё чего-нибудь, после чего уходит. Миссис Хадсон, вручив газету Холмсу, который сразу же начинает её изучать, уходит за кулисы, на прощание одарив Ватсона укоризненным взглядом. Ватсон, оставшийся без дела, ставит чемоданчик себе под кровать и замечает там лежащий костыль.

КОСТЫЛЬ

Ватсон вытаскивает костыль и начинает его осматривать — на этот раз явно заинтересовавшись своей находкой.

Ватсон: Миссис Хадсон!

Возвращается миссис Хадсон.

Ватсон: Миссис Хадсон, вы не знаете, откуда здесь взялся этот предмет?

Миссис Хадсон: Бог мой, где вы его нашли?

Ватсон: Да вот тут, под кроватью.

Миссис Хадсон: Под кроватью? Ах, да, да, припоминаю: был тут с утра один странный посетитель. Он долгое время дождался мистера Холмса, а потом как сквозь землю провалился...

Ватсон (*перебивая*): И дождался он мистера Холмса, конечно же, сидя на моей кровати?

Миссис Хадсон: Да, доктор, именно так. Сидя на вашей кровати.

Ватсон: Замечательно! Да уж! Ах, эта добрая старая Англия! Уютная квартирка на Бэйкер-стрит, милая гостиная, пылающий камин... Мой дом — моя крепость! Вы никогда не замечали, как тесно и душно среди этих стен? Но нет, что вы, не беспокойтесь! И здесь уже повеяло свежим ветром перемен! (*начинает насвистывать что-то одному ему известное*)

Холмс (*на миг отвлекаясь от изучения газеты*): Не свистите в доме, Ватсон, это плохая примета. Денег не будет.

Ватсон: Уж кто бы говорил, Холмс! Повеяло, чувствуете, повеяло свежим ветром перемен! К чему все эти глупые великосветские условности? Заявляется посетитель, и не находит ничего лучшего, как развалиться в сапогах на чужой кровати.

Миссис Хадсон: Он не развалился, доктор, не выдумывайте, и не в сапогах! Он просто сидел и ждал мистера Холмса.

Ватсон: И данный предмет принадлежит именно этому образчику благородных манер?

Миссис Хадсон: Вы знаете, доктор, я точно не уверена, но больше просто не на кого подумать. Если только вы сами не притащили откуда-то эту гадость.

Ватсон: Я?

Миссис Хадсон: Хотя... Вы знаете, припоминаю! Он действительно передвигался на костылях.

Ватсон: Но позвольте, как же он мог в таком случае взять и уйти...

Миссис Хадсон (*уходя за кулисы*): Ах, и не спрашивайте, доктор! Это был воистину странный гость!

Ватсон: Сумасшедший дом! Или вы со мной не согласны, Холмс? Эй, господин знаменитый сыщик! Всё ещё надеетесь вычитать в прессе что-либо интересное?

Холмс: Да, вы знаете, никак не могу оторваться.

Ватсон: Что-либо из криминальной хроники? (*выхватив у Холмса газету, несколько мгновений пристально изучает, затем брезгливо отстраняется*) Как вы можете это читать?! Не жизнь, а беспредел какой-то!

Холмс: Да что вы говорите! Привыкайте, доктор, привыкайте: жизнь у нас у всех одна — собачья. (*Услышав последнее слово Ватсон нервно отшатывается, на что Холмс реагирует крайне заинтересованно*) Что с вами? Я сказал что-то не то?

Ватсон: Да нет, ничего. Не обращайтесь внимания.

Холмс: Но я же вижу — что-то случилось.

Ватсон: Так, пустое. Просто... (*после некоторой паузы, переборов себя*) ненавижу собак.

Холмс: Что за глупые причуды? Милые животные...

Ватсон: Милые... Ну конечно, милые! (*доверительно*) Знаете, мне в детстве снился сон. Часто-часто, почти каждую ночь. Как будто иду я по болоту... куда, зачем, не знаю... и вдруг откуда-то из-за спины раздаётся вой... я медленно оборачиваюсь и вижу, что за мной гонится собака... большая, страшная собака! Я бегу со всех ног, но она всё ближе и ближе... всё ближе и ближе...

Холмс: Милый доктор, да у вас, оказывается, литературный дар! Вам надо писать рассказы в духе Эдгара По: озолотитесь. Ну, и чем же всё кончилось?

Ватсон: Ничем. Повзрослел. Вырос. Из старой одежды и глупых детских страхов. Вот только собак... не люблю!

Холмс: А людей?

Ватсон: Что людей?

Холмс: Людей любите?

Ватсон (*с сарказмом*): Просто обожаю!

Холмс: Поразительная доброта. Вот, например, что вы можете сказать о хозяине того предмета, что у вас в руках?

Ватсон: Ах, об этом... Право, Холмс... (примеривая к себе костыль) Ну, это человек... повыше среднего роста... у которого, по моему, далеко не всё в порядке с головой! Вам есть что добавить?

Холмс: Ну что вы! Я искренне завидую вашей дьявольской пронизательности. Полно, друг мой, я умываю руки.

Ватсон: И слава богу. Хватит! Я не желаю больше разговоров об этом воистину... странном посетителе... таинственном госте... рассеянном остолопе!

Холмс: Ватсон, вы злитесь?

Ватсон: Кто, я злюсь?

Холмс: Вы злитесь! Успокойтесь, доктор, и никогда не позволяйте эмоциям управлять вами! Вдруг окажется, что наш таинственный посетитель — вполне симпатичный человек...

Ватсон: Ну уж нет. После всего того, что он натворил? Знаете, Холмс, это глупые шутки.

Холмс: Ну хорошо. Но... вообразите на минутку, что это не просто некий субъект, обожающий располагаться на чужих кроватях и повсюду разбрасывающий свои костыли, а, например... (*разглядывает Ватсона и далее как бы невзначай перечисляет его приметы*) врач, и ваш коллега... крайне рассеянный... темно-волосый, с карими глазами, ростом... шесть футов три дюйма... и в настоящий момент он занят тем, что стоит посреди комнаты и с изумлённым видом вертит в руках костыль. Вам этот портрет никого не напоминает?

Ватсон: Нет.

Холмс: Жаль. Да, ну и каких комплиментов он бы удостоился...

Ватсон (*перебивая*): Комплиментов?! Полная ничтожность и убожество... убожество и ничтожество... Какой-то шут гороховый. Смеётесь? Bravo, Холмс! Что же вы остановились на полпути? Портрет нарисован — осталось вытащить на свет божий его воистину счастливого обладателя. Давайте рискнём. Давайте, давайте, вы получите первый опыт расширения сознания. Смелее, мистер Холмс: медленно подходим к зеркалу, делаем страшные глаза и произносим: «Эй, как вас там... господин таинственный гость! Я не знаю, где вы прячетесь, но вылезайте. Раз-два-три-четыре-пять, сплюнув через плечо, я открываю глаза, я иду искать, эй, теплей, теплей, горячо!»

Сквозь закрытую дверь в комнату входит, опираясь на один костыль, доктор Мортимер. Его замечают Холмс и вошедшая в комнату за мгновение до этого миссис Хадсон; Ватсон же, находясь спиной к нему, ещё долгое время остаётся в неведении о присутствии незнакомца. Миссис Хадсон находится в лёгком шоке от его появления, ибо дверь на улицу — она в этом абсолютно уверена! — была заперта. Холмс несколько обескуражен странным совпадением: перечисленные им приметы абсолютно точно подходят как Ватсону, так и таинственному посетителю.

Холмс: Да, Ватсон. Я всегда попадаю в точку, иногда даже самым неожиданным для себя образом... Но до чего ж похож!

Ватсон: Что вы несёте? Что случилось?

Холмс: Чудо, свершилось чудо, дорогой друг! Но до чего же похож!

Ватсон: Да кто на кого похож?

Холмс: Не обращайтесь внимания, доктор. Так, пустое.

Ватсон: И что же вы замолчали, Холмс? Вам больше нечего добавить?

Холмс (устало): Что, всё ещё продолжаем наши игры? Вам не надоело?

Ватсон: Что вы, я, пожалуй, подожду... какой ещё бред придёт вам в голову. Раз-два-три...

Холмс: Ну, хорошо. Тогда я рискну вставить ещё пару фраз. (Глядя на доктора Мортимера) Итак, запоминайте! Описание хорошо сохранившегося экземпляра таинственного гостя, обладающего редким даром проходить сквозь закрытые двери: в запачканном грязью потёртом плаще... (доктор Мортимер достаёт из кармана часы и, посмотрев время, снова кладёт их в карман) хотя, заметьте, человек-то явно небедный!.. из чего вывод: этакий... я бы сказал, себе на уме!

Ватсон: Это всё, Холмс?

Холмс: Почти. Итак, человек небедный — когда-то... но в последнее время... (с профессиональной ловкостью залезает в карман доктора Мортимера, вытаскивает часы и кладёт их себе в карман) уже нуждающийся в средствах... рассеянный...

Ватсон: Повторяетесь! Что-нибудь ещё?

Холмс: ...представляющий несомненную опасность для окружающих, а также... обратите внимание, Ватсон, это важная деталь! — много времени проводящий в прогулках по болотам.

Ватсон: Нет, это невозможно! Ваши, так сказать, *(с расстановкой)* пред-по-ло-жения... — полная чушь...

Миссис Хадсон: Доктор!

Ватсон: Ну, хорошо... высосаны из пальца и имеют единственную цель — досадить мне. Благо их нельзя тотчас же проверить. Но подождите — вот вернётся этот придурковатый посетитель... и я вас выведу на чистую воду!

Холмс: Это не пред-по-ло-жения, Ватсон! Это факты, а факты — вещь упрямая.

Ватсон: Ах, да, да, конечно! Ваш знаменитый дедуктивный метод! Поразительно! Новое в науке! Герасимов воссоздал портрет Ивана Грозного по черепу, а Холмс реконструировал человека по костылю. Бурные овации!

Холмс: Ватсон, прекратите паясничать! Ну уж вам-то пора усвоить: мой дедуктивный метод — это инструмент точного и холодного анализа, а не бабушкин пасьянс, и не допускает случайностей, толкований и ошибок!

Ватсон: Да? И как же вы в таком случае объясните... *(неожиданно замечает доктора Мортимера и, подойдя ближе, пристально рассматривает его — как некий музейный экспонат)* Темноволосый, глаза карие, рост... Обманули! Опять обманули!

Миссис Хадсон: Доктор Ватсон, познакомьтесь! Это доктор Мортимер, давешний посетитель мистера Холмса, и ваш коллега. Доктор! Изумительно! Вы так похожи... Просто отражение друг друга.

Ватсон *(с неодобрением осматривает Мортимера):* Ну уж нет! Послушайте, вы правда доктор? *(Мортимер кивает головой)* Врач? Какой ужас! *(Мортимеру)* Коллега... *(вздыхает, делает паузу, рассматривает Мортимера, качает головой)* Коллега, вы по рассеянности забыли свой костыль!

Доктор Мортимер: Какое счастье! А я никак не мог припомнить, где я его оставил: здесь или в пароходной компании. Потерять такую вещь — это было бы просто ужасно!

Холмс: Итак, доктор Мортимер, сейчас, когда справедливость восторжествовала, и предмет возвращён своему законному владельцу, я надеюсь, вы объясните нам...

Ватсон: ...какого чёрта вам надо?!

Холмс: ...что же привело вас сюда?

Доктор Мортимер: Видите ли, мистер Холмс... Я, право, не знаю, с чего начать... В общем, выражаясь фигурально, вы продаёте, я покупаю.

Ватсон: Но с головой у него не в порядке, это точно!

Холмс: Простите, но, боюсь, я не совсем вас понял.

Доктор Мортимер: Да всё очень просто, мистер Холмс! Вы — сыщик, и у меня есть для вас дело.

Пауза, после которой доктор Мортимер немедленно становится всеобщим центром внимания

Холмс: Дело? Вы не шутите? Настоящее дело?

Доктор Мортимер: Самое настоящее, мистер Холмс!

Ватсон (*недовольно*): Небось неразрешимая задача? Запутаннейший случай?

Доктор Мортимер: Абсолютно точно!

Холмс (*нетерпеливо*): Ну!.. Чего же вы ждёте, говорите!

Миссис Хадсон: Чаю, доктор Мортимер?

Доктор Мортимер: Огромное спасибо, с удовольствием.

Холмс: Господи, не сейчас. Ну, говорите же! Я жду.

ПРОКЛЯТИЕ РОДА БАСКЕРВИЛЕЙ (ЛЕГЕНДА)

Доктор Мортимер: Видите ли, мистер Холмс, в библиотеке Баскервиль-холла хранится любопытная рукопись. Это запись одного предания — колыбельной, которую поют матери всем маленьким Баскервилям вот уже пять веков. Если позволите, господа, я вам её спою. (*После некоторой паузы, светло и нежно*) Спи, моя радость, усни, птички уснули в пруду, рыбки уснули в саду, и звери спят, и игрушки спят, и ты — засыпай, баю-бай, засыпай!.. Веди себя хорошо, маленький Баскервиль, веди себя хорошо! (*Чуть повысив голос*) Не топи больше котят в проруби, не отрывай больше голову птичкам, не лги, не убивай, не грабь, не кощунствуй! Потому что если ты будешь это делать — ты слышишь, маленький Баскервиль! — за тобой придёт собака... (*Выдержав паузу, обводит собеседников безумным взглядом и в дальнейшем уже не скрывая переполняющих его эмоций*) Боль-

шая, страшная собака... мерзкое чудовище, огромный чёрной масти зверь, светящийся в темноте мертвенным светом... зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак! Она разорвёт тебя на части, маленький Баскервиль, она сожрёт твои хрупкие кости. И от неё не спрятаться, от неё не скрыться! И никогда — слышишь, маленький Баскервиль! — никогда не гуляй по торфяным болотам, особенно в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно... Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы всем нам на погибель не даровать свободу тёмным страстям, причинившим столько зла всему роду Баскервильей. (*Переведа дух, нежно и ласково*) Ну что ты, спи, мой маленький, спи! Ой, да ты совсем мокренький! Спи, солнышко!

ЗАДАЧА

Доктор Мортимер (*оглядывая всех поочерёдно, изучая произведённый эффект*): Ну, каково?

Холмс: Да, да. Несомненно! Запутаннейший...

Ватсон: Запутаннейший случай!

Холмс: Неразрешимая задача!

Ватсон: Как и было обещано.

Доктор Мортимер: Как, по-вашему, это неинтересно?

Холмс (*надевая фрак, подходит к двери*): Почему же, очень интересно, например... Ватсону. Когда у него родятся маленькие ватсоны, миссис Ватсон будет читать им на ночь сказку: «Не спи, маленький Ватсон! За тобой придёт страшный коккер-спаниель Ватсонов!»

Доктор Мортимер: Хорошо, мистер Холмс. Тогда мы познакомим вас с более современным материалом...

Ватсон (*перебивая*): Холмс, что это на вас?

Холмс: Это называется фрак, Ватсон.

Ватсон: И куда это вы так вырядились?

Холмс: В оперу, друг мой, в оперу. Доктор Мортимер, всё это было просто безумно... безумно интересно!

Доктор Мортимер: Но, мистер Холмс, ведь речь идёт о недавнем преступлении!

Холмс (*задержавшись на пороге*): Преступлении... О-о-ой... Моя доброта меня погубит. (*Вытаскивая из кармана часы*) Ладно, я даю вам ровно пять минут.

Доктор Мортимер: Хорошие у вас часы, мистер Холмс, прямо как у меня.

Холмс (*пряча часы*): Доктор, время пошло!

Ватсон: Время, время!

Доктор Мортимер (*вначале несколько растерянно, но потом всё больше увлекаясь*): Время... Ну, хорошо. Итак, вообразите себе, джентльмены, графство Девоншир, откуда я имею честь прибыть. О, Девоншир... Край необычайной красоты! Затерявшаяся в лесах и болотах жемчужина Англии — Гримпенская трясины. Редкая птица долетит до её середины, мистер Холмс! А вы видели когда-нибудь, как встаёт солнце над болотом? Как поутру выступает роса на замшелых вековечных камнях? А музыка, музыка болот? Вы знаете, трясины иной раз издаёт очень странные звуки: то ли ил оседает, то ли вода поднимается на поверхность... Ком подкатывает к горлу, слёзы выступают на глазах: Господи, спасибо тебе, Господи, за великое счастье — родиться, жить и... умереть в Девоншире!

Холмс: Доктор Мортимер, к делу, ближе к делу!

Доктор Мортимер: Ах, да... Извините, увлёкся! Итак, вообразите, джентльмены, что мы находимся в самом сердце Девоншира — в Баскервиль-холле, так сказать, гнезде этого старинного рода. Перед самым домом, мистер Холмс, есть знаменитая тисовая аллея...

Ватсон: Вы как хотите, а я больше не желаю выслушивать весь этот бред. Господи, ну за что мне это?!

Доктор Мортимер: ...посреди аллеи есть калитка, которая ведёт на торфяные болота. Три дня назад в самом конце аллеи был обнаружен... обглоданный до костей труп сэра Чарльза Баскервиля!

Ватсон: Убийство!..

Холмс: Убийство!

Миссис Хадсон: Убийство?!

Холмс (*быстро*): Когда наступила смерть?

Доктор Мортимер: Около полуночи.

Холмс: И что же... удалось задержать преступника?

Доктор Мортимер: Нет! Но на небольшом расстоянии от сэра Чарльза я обнаружил совершенно свежие и чёткие...

Холмс (*перебивая*): Не продолжайте. (*Уверенно*) Это были следы.

Доктор Мортимер: Следы.

Холмс: Мужские или женские?

Доктор Мортимер: Ну, как вам сказать... В некотором смысле, конечно, женские...

Холмс и Ватсон (*окружая миссис Хадсон*): Ах, женские!..

Доктор Мортимер: Ну, в некотором смысле... Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

СЭР ГЕНРИ БАСКЕРВИЛЬ

Холмс: Замечательно! Дело, у нас появилось дело, дорогой Ватсон! И какое — загадочное убийство!

Ватсон: Надеюсь, это будет честный бой?

Холмс: Ну так!.. Вы кем сегодня будете?

Ватсон: Обвинителем!

Холмс: Нет, давайте-ка лучше защитником. Вам понравится.

Миссис Хадсон: Прошу всех встать. Слушается дело № 128, 25 ноября 1899 года, окружным судом дома 221-б Бэйкер-стрит, Лондон. Прошу садиться. Свидетель, поднимите правую руку и повторяйте за мной: «Клянусь говорить правду и только правду». Приступайте, господа.

Холмс: Вы опросили возможных очевидцев?

Доктор Мортимер: Конечно!

Ватсон: Ну, ну, и что же?

Доктор Мортимер: В ту ночь никто из фермеров ничего подозрительного не наблюдал. Хотя, заметьте, было полнолуние! Небо было ясное, без туч... Словом, окажись кто-нибудь из них случайно в ту ночь на болотах, мы бы имели свидетеля преступления!

Ватсон: Или ещё один труп.

Холмс: Какие сантименты! Продолжайте!

Доктор Мортимер: Да, но вот что мне удалось разузнать: кое-кто из местных жителей ещё до трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона, и не похожее ни на какое другое животное, известное науке.

Холмс: Так!

Доктор Мортимер: Естественно, во всей округе царит ужас! Выходить на болото ночью никто не отваживается... (*гордо*) разве только самые отчаянные смельчаки!

Холмс: Так вы подозреваете кого-то из этих смельчаков? Умно! Каковы же были причины ненавидеть покойного? Ну, скажем... зависть. Зависть к его богатству и положению со стороны человека небедного, но ощущающего некоторое стеснение в средствах. Какой ум! Какие уловки! Вот он, достойный противник! Пустить следствие по ложному пути, запугать всех некоей мифической собакой, а самому жестоко расправиться с сэром Чарльзом! Судя по характеру нанесённых увечий, убийца — либо медик, либо мясник... Но явно видно человека образованного, это вам не девонширский фермер, тут чувствуется острый ум, школа! Следовательно?... — врач!

Ватсон: Холмс, это должен быть человек, отлично знающий болота...

Холмс: ...этакий подвижник, следопыт...

Ватсон: ...исходивший все тропки...

Холмс: ...вынюхавший все входы-выходы. Ватсон, вы знаете, я уже представляю его себе: в запачканном грязью потёртом плаще...

Миссис Хадсон: ...роста, наверное, повыше среднего...

Ватсон: ...с тёмными, как и все девонширцы, волосами...

Холмс: ...предположим, карими глазами...

Миссис Хадсон: Человек этакий... себе на уме...

Холмс: ...Да, и умело маскирующий свою опасность для окружающих...

Ватсон: ...притворяющийся немощным и слабым...

Холмс: немощным и слабым... Костыли!

Ватсон: Костыли!

Миссис Хадсон: Костыли!

Холмс: Он передвигается на костылях! (*Ватсон, Холмс и миссис Хадсон окружают Мортимера*) Вот вам и описание убийцы. Необходимо разослать его во все газеты... Миссис Хадсон!

Миссис Хадсон: Что, мистер Холмс?

Холмс: Срочно найдите Картрайта, он нам понадобится. Вот... и решение задачи, доктор Мортимер!

Ватсон: Вот вам и решение задачи...

Миссис Хадсон: Доктор Мортимер!..

Холмс: Что, что вы говорите?

Доктор Мортимер: Я не знаю, кого вы подозреваете, мистер Холмс, но местные жители готовы умереть со страху от одной мысли выйти ночью на болота! И на всякий случай спешу сообщить вам, что я в ночь убийства находился здесь, в Лондоне. У меня алиби, господа... Проверьте...

Холмс: Несомненно, это придётся сделать. Да... Какая жалость! Такая красивая гипотеза... Миссис Хадсон! Не торопитесь: обойдёмся пока без Картрайта. Ну, и каковы ваши версии случившегося, доктор Мортимер?

Доктор Мортимер шатается и начинает медленно опускаться на пол. Холмс и Ватсон подхватывают его и усаживают на кровать.

Все (наперебой): Доктор Мортимер, что с вами? Ох уж мне эти сельские доктора! Вам плохо?

Доктор Мортимер: Где я? (*оглядывается по сторонам*) А-а... О чём мы говорили?

Холмс: Каковы ваши версии?

Доктор Мортимер: Извините, мистер Холмс, у меня версий нет. Я пришёл спросить вашего совета, что нам делать. К тому же, спешу сообщить вам, это ещё не последняя наша проблема.

Ватсон: Не последняя? Замечательно!

Доктор Мортимер: Ровно в двенадцать часов... (*ищет по карманам часы*) странно... где же... как мне кажется, буквально с минуты на минуту... сюда должен прибыть единственный наследник Баскервиль-холла — сэр Генри Баскервиль.

Раздаётся звонок. Миссис Хадсон идёт открывать дверь.

Холмс (вытаскивает часы, сверяя время, и снова прячет их в карман): О! Он пунктуален, как истинный баронет.

В комнату врывается сэр Генри, одетый в больничную пижаму. За его спиной маячат два санитары. Сэр Генри сначала ведёт себя несколько настороженно, но по прошествии некоторого времени успокаивается и несколько адаптируется к обстановке.

Холмс (доктору Мортимеру, кивая на сэра Генри): Это он?

Доктор Мортимер (*со вздохом*): Да... Последний отпрыск рода Баскервильей, единственный наследник покойного сэра Чарльза.

Ватсон (*с сомнением*): Этот? (*тревожно*) А санитары за чем? Он что, буйный?

Доктор Мортимер: Да нет, что вы, не бойтесь, смирный. (*Санитары уходят*). Просто полностью невменяем — не понимает ни слова. Одно положительное качество: нем как рыба. (*безнадёжно*) А-а, вообще ничего не понимает. Попробуйте сами.

Миссис Хадсон: Какой чистый взгляд! Ну просто ангел!

Ватсон: Ага. Свалившийся с небес на нашу голову.

Холмс: Как же это всё произошло?

Доктор Мортимер: Трагическая, но в сущности — совершенно тривиальная история. Понимаете, его отец эмигрировал из Девоншира задолго до рождения сына и обосновался... где бы вы думали? — в Америке! Там он женился, там и появился на свет сэр Генри. Пребывание вне благодатного девонширского климата, что не удивительно, сильно отразилось на его умственных способностях. Да и чего ждать-то! Дикая человек, американец.

Ватсон: Дикая человек... Да, есть в его взгляде что-то безумное.

Холмс: Ну что же, Ватсон, события раскручиваются.

Ватсон: Да. И причём — самым подозрительным образом!

Холмс: Подозрительным?

Ватсон: Ну конечно! Уж не вы ли, Холмс, полчаса назад заходились в истерике: «Дело! Дайте мне дело!» И что же? Пожалуйста: как по заказу — сваливаются на голову два проходимца. Скажете, случайное совпадение, да? Или же... кто-то всё это подстроил... (*подозрительно поглядывая на миссис Хадсон*) Кто-то всё это подстроил...

Миссис Хадсон: На что это вы намекаете?

Ватсон: Уж не ваших ли это рук дело, дорогая миссис Хадсон?

Миссис Хадсон: Доктор, что вы себе позволяете! По вашему, я могу быть замешана в преступлении, я... — хладнокровный убийца?

Ватсон: Ну нет, что вы. Вы это сделали из лучших побуждений. Увидев, как мается без дела великий сыщик, вы придумали ему занятие.

Миссис Хадсон: Я, к вашему сведению, в последнее время даже не покидала Лондона.

Ватсон: И не надо! У вас был сообщник... *(подходит к Мортимеру)* сообщник... Как быстро вы спелись. Ну, признайтесь, ведь это всё подстроено, правда?

Сэр Генри, оставшийся без внимания, находит на кровати Холмса пистолет и подходит к зеркалу.

Холмс: Ватсон, а вы, я вижу, входите в раж.

Ватсон: Войдёшь тут! Со всех сторон тебя окружают подозрительные типы. Интересно, сколько ещё психов сможет вместить в себя наша милая уютная квартирка. Того и гляди — лопнет! *(Выстрел. Зеркало разлетается вдребезги. Несколько мгновений длится общее оцепенение, после чего первым в себя приходит Ватсон)* Ну вот. Испортили зеркало.

Холмс (обречённо): Это плохая примета, доктор.

Ватсон: Да ладно, не берите в голову. Свихнулись уже со своими приметами.

Холмс: Вы не понимаете. Мир лопнул! Прощайте, Ватсон.

Ватсон: Что с вами, Холмс?

Холмс: Я устал, доктор. Смертельно устал.

Ватсон: Устал! Скажите лучше, кончилось действие укола! Кокаин, семипроцентный...

НАПУТСТВИЕ

Доктор Мортимер: Миссис Хадсон! Простите мне моё любопытство... Но этот человек — действительно Шерлок Холмс? Видите ли, я несколько иначе представлял себе знаменитого сыщика...

Миссис Хадсон: Он столько времени провёл в изучении повадок отбросов общества, что и сам стал во многом... Как говорится, с кем поведёшься... Но я глубоко уважаю мистера Холмса за его поразительный интеллект, проницательность...

Доктор Мортимер: Да, да, конечно! Так что же нам делать, мистер Холмс?

Холмс: Вам? Безо всяких отлагательств ехать в Девоншир...

Звенит звонок. Миссис Хадсон открывает дверь; на пороге появляется Картрайт.

Миссис Хадсон: Картрайт, сэр!

Холмс: Картрайт! Вы удивительно вовремя. Вот что. Берите телеграфный бланк и записывайте: «Готовы ли приезду сэра Генри». Адресуем так: «Баскервиль-холл, мистеру...»

Доктор Мортимер: Бэрримору, управляющему.

Холмс: «Бэрримору, управляющему».

Записав телеграмму и получив от миссис Хадсон на чай, Картрайт уходит.

Холмс: Так вот. (*Мортимеру*) Вам надлежит безо всяких отлагательств ехать в Девоншир, но с одной оговоркой: его (*указывает на сэра Генри*) ни в коем случае нельзя отпускать туда одного.

Ватсон (*живо*): Как это — одного? Доктор Мортимер ведь возвращается домой.

Холмс: Само собой. Но там явно требуется присутствие ещё одного верного человека, который будет оберегать сэра Генри, как любящая мать бережёт своего больного ребёнка.

Ватсон: И кого же вы наметили на эту роль, позвольте полюбопытствовать?

Холмс: Доктор Мортимер! Сэр Генри! Миссис Хадсон! (*указывает на Ватсона*). Вот вам человек, на которого можно положиться в трудную минуту, в чём я убедился на собственном опыте. Достоинейшая кандидатура!

Ватсон: Холмс, вы мне льстите, причём совершенно незаслуженно. Господа! Миссис Хадсон! Я вынужден отказаться от столь заманчивого предложения, ибо никогда не прощу себе, что перешёл дорогу такому выдающемуся человеку, как Шерлок Холмс! Вот вам кандидатура, в достоинствах которой сомневаться не приходится... не так ли, Холмс?

Холмс: Ватсон, Ватсон, что мы с вами, препираться будем? Вы переутомились в Лондоне, друг мой, но ничего: свежий воздух Девоншира излечит вас. (*Перебивая готового возразить Ватсона*) Я считаю этот вопрос решённым, я настаиваю в конце концов!

Ватсон оглядывается на миссис Хадсон.

Миссис Хадсон: Ничего не поделаешь, доктор!

Вокруг Ватсон смыкается кольцо всех остальных персонажей, увлекая его к двери.

Ватсон: Так, понимаю. Вы все... все заодно! Ну уж нет! Я не поеду! Холмс, вы что, с ума сошли?! Я — в компании с этим сумасшедшим баронетом и впавшим в детство сельским коновалом? Я не поеду. Вы что, не поняли? Я действительно не поеду. Нет!!!

Ватсон вырывается из кольца обступивших его людей, потом медленно оборачивается на них. Кольцо вновь смыкается вокруг него.

Ватсон: Обложили... со всех сторон. Так что же, выбора нет?

Холмс: Это судьба, Ватсон! В лице этого, как вы выразились, сельского коновала к нам сегодня заглянула ваша хромая судьба.

Ватсон: Господи, за что мне всё это? Ну, чего вы ждёте? *(отчаянно)* Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл, и не пожалею потраченного времени! *(пауза, после чего он повторяет последнюю фразу уже задумчиво)* Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл, и не пожалею потраченного времени...

Все *(наперебой)*: Вы будете присылать нам подробные отчёты... Какое счастье, коллега!.. А когда наступит самый опасный момент...

Ватсон *(обрывая)*: Не надо! Ненавижу эти прощания. Ради бога, сделайте вид, что мы вышли на минутку и сейчас же вернёмся.

Миссис Хадсон: Пора!

Миссис Хадсон провожает уходящих Ватсона, Мортимера и сэра Генри. Заперев за ними дверь, она уходит в соседнюю комнату. Оставшись один, Холмс берёт пистолет, подходит к зеркалу, приставляет пистолет сначала к виску, затем, передумав, к сердцу. Занавес. Выстрел. Антракт.

ДЕЙСТВИЕ 2

БАСКЕРВИЛЬ-ХОЛЛ

Почти пустая сцена, в углу которой, отгораживая небольшое пространство, стоит решётка. На сцену из кулис выходит Бэрримор с ведром и шваброй в руках. Осмотревшись по сторонам и убедившись в собственном одиночестве, он начина-

ет мыть пол. Из другой кулисы в пространстве, огороженном решёткой, появляется сэр Генри и начинает передвигаться вдоль решётки — как зверь в клетке. Через некоторое время к нему присоединяется Ватсон.

Ватсон (замечает Бэрримора): Извините, любезный, а что это за здание?

Бэрримор (поднимает глаза на Ватсона): Это? (склоняется к ведру) Баскервиль-холл!

Ватсон: Да? Какое счастье, добрались наконец! А вы, стало быть, Бэрримор, управляющий! Пропустите нас, любезный!

Бэрримор: С какой это стати? Вы, собственно, кто?

Ватсон: Ну как это кто? Мы же посылали телеграмму.

Бэрримор: Какую телеграмму? Мы никакой телеграммы не получили.

Ватсон: Как? Не по-лу-чи-ли? А-га! То-то я смотрю, что на меня с таким удивлением... Но позвольте... Мы давали вам телеграмму... в шестьдесят три слова!

Бэрримор: Ц... Ц... Шестьдесят три слова! Какая жалость. Ведь телеграммы теперь так плохо ходят. Совсем, вернее, не ходят.

Ватсон: Как же теперь быть?

Бэрримор: Послушайте, как вас там... господин с телеграммой! Шли бы вы... от греха подальше!

Ватсон: Да как же...

Бэрримор: Ну как вы не понимаете! Не могу я вас пропустить, не имею права! Да я-то всей душой, но вот пропущу — и будут крупные неприятности. Так что идите... не травите душу.

За решёткой появляется доктор Мортимер.

Доктор Мортимер: Бэрримор, это (*указывает*) новый хозяин Баскервиль-холла — сэр Генри Баскервиль, а это (*указывает*) мистер Ватсон.

Бэрримор: Ну вот, теперь всё в порядке. (*Открыв ворота решётки, пропускает всех троих по очереди, после чего запирает ворота*) Добро пожаловать, сэр Генри!.. Мистер Ватсон!.. Вы ведь врач, не так ли?

Ватсон: Да, а... как вы догадались?

Бэрримор: По запаху: от вас пахнет лекарствами. Но ничего, я люблю этот запах. Господа, располагайтесь, а я распоряжусь об ужине. (*Уходит за кулисы*)

Ватсон: Странный тип... Скажите, Мортимер... вы ему доверяете?

Доктор Мортимер: Кому? Бэрримору? А, понимаю, вы начинаете очерчивать круг подозреваемых! Думаете, это он?.. Исключено, дорогой коллега, совершенно исключено.

Ватсон: С чего это вы так уверены?

Доктор Мортимер: Видите ли, род Бэрриморов находился в услужении у Баскервилей с незапамятных времён... Бэрримор — это редкий случай собачей преданности своему хозяину!

Ватсон (*нервно*): Как вы сказали? Собачьей...

Доктор Мортимер: Да, собачьей... И к тому же, у Бэрримора есть совершенно чёткое алиби. Видите ли... некоторое время назад он был моим пациентом — трудным пациентом, доложу вам. Я думаю, как врач врача вы меня поймёте. Его мучили кошмары... В общем, немудрено: эта легенда, которую местные жители наизусть знают с детства, любого доведёт до сумасшествия... Да, так вот. Ему снилось, как будто он выходит ночью на болото... потом откуда-то из-за спины раздаётся вой... он оборачивается и видит, что за ним гонится собака... большая, страшная собака! Очень, я вам скажу, впечатлительный тип. Традиционные методы лечения результата не дали, и пришлось прибегнуть к народным, шаманскими, колдовскими методам.

Ватсон: И что же?

Доктор Мортимер: Как рукой сняло ... все кошмары давно позади. Вот только... к собакам до сих пор... неравнодушен.

Ватсон: А вы, доктор Мортимер?

Доктор Мортимер: Что я?

Ватсон: Вы собак не боитесь?

Доктор Мортимер: Вы знаете, тоже боюсь. Просто до смерти. (*Почувствовав, что разговор приобретает неприятный ему оборот, резко меняет тему*) Да, но послушайте, доктор Ватсон, я всё хотел вас спросить; вы знаете, этот вопрос так и глохнет меня от самого Лондона: как становятся сыщиками?

Ватсон: У вас что, интерес, так сказать, практический?

Доктор Мортимер: В некотором смысле... Я понимаю, что это сложно... Ну как, например, вы пришли к этому занятию? (*что-то ищет по карманам*)

Ватсон: Простите, вы что-то потеряли?

Доктор Мортимер: Да, вы знаете, глупейшая история... Я стал таким рассеянным — сначала эти приключения с костылём, а теперь вот задевал куда-то часы, и не могу найти!

Ватсон: Вот вам и ответ на ваш вопрос: поживите немного в доме, в котором вечно всё пропадает, и у вас сразу проснётся инстинкт сыщика.

Доктор Мортимер: Ах, вот оно что: так сказать, бытие определяет сознание. Доктор, я крайне признателен вам за откровенность, и в благодарность хочу открыть одну маленькую тайну, касающегося нашего расследования.

Ватсон: Тайну? Какую же?

Доктор Мортимер: Вы знаете, доктор, я не рискнул заговорить об этом там, в Лондоне, при мистере Холмсе, когда он расспрашивал меня о версиях случившегося. Мистер Холмс — трезвый рационалист; помните, как скептически он отнёсся к легенде... Но вам я могу довериться. Вы знаете, я очень надеюсь, что здесь, в нашем расследовании, мы наконец-то столкнулись с неким таинственным древним культом!

Ватсон (*опешив*): Что вы имеете в виду?

Доктор Мортимер: Вы знаете, наш Девоншир — это просто само совершенство! О, Девоншир... Край необычайной красоты!..

Ватсон (*перебивая*): Да, да, да... (*поморщившись*) Коллега, (*доктор Мортимер расцветает*) прошу, давайте ближе к делу!

Доктор Мортимер: Так вот, признаюсь вам: размышляя о прелестях милого сердцу края, я с ужасом обнаружил в нём один, но чудовищный изъян!

Ватсон (*с лёгким сарказмом*): Один изъян? (*Оглядываясь по сторонам*) Господи, да какой же?

Доктор Мортимер (*увлечённо*): Понимаете, доктор, я твёрдо убеждён, что столь древний и загадочный край просто обязан иметь некий необъяснимый... непонятный культ. (*Достав из кармана два кусочка мела, бросает один Ватсону, и начинает увлечённо рисовать на земле большой круг*) Чертите, доктор, чертите! Ну, знаете, вот в той же Индии... Вы ведь служили в Индии, я слышал?

Ватсон (*присоединяясь к занятию, смысл которого пока ускользает от него*): Да, полковым врачом. В Индии и в Афганистане.

Доктор Мортимер: Ну тогда вы точно должны знать. Впрочем, причём тут это, просто как образованный человек, врач... Я толкую о культе богини Кали.

Ватсон (*сбитый с толку, с выражением полного непонимания сути вопроса*): Ну да... конечно...

Доктор Мортимер: Такой страшный, кровавый, волнуемый культ! Господи, доктор, если бы вы знали, как я им завидую! А у нас... Эх... Я думаю, тут во всём виновата излишняя цивилизованность. Мы оторвались от своих корней, доктор, понастроили эти... города... И потеряли что-то очень важное... Может быть, даже, самое важное... Иногда я горжусь своим образованием, иногда я проклинаяю его. Мы чересчур цивилизованны!

Ватсон (*в сторону*): Конечно! Чересчур... Заметно!

Доктор Мортимер: Так вот, возвращаясь к нашему делу. Какое было бы счастье, если бы это был древний кровавый культ... Представьте себе: над Девонширом восходит луна, жрецы поют свои шаманские песни, от которых в жилах стынет кровь, и вот... на закляние выводят жертву — человеческую жертву, доктор! Кульминация! Хор берёт самую высокую ноту...

Из-за кулис раздаются странные звуки, очень отдалённо напоминающие пение вперемешку с подвыванием.

Ватсон (*испуганно*): Что это такое?

Доктор Мортимер (*несколько обескуражено*): Фермеры говорят, что так воет собака Баскервилей, когда ищет свою жертву. Мне и раньше приходилось её слышать, но сегодня что-то уж слишком громко.

Ватсон: Вы же образованный человек, вас такой чепухой не проведёшь. Как вы объясните этот вой?

Доктор Мортимер: Трясина иной раз издаёт очень странные звуки: то ли ил оседает, то ли вода поднимается на поверхность, то ли ещё что, кто знает?

Ватсон: Нет, нет! Это голос живого существа.

Из-за кулис появляется распеваящий Бэрримор. В руках у него поднос, на подносе — чашки с чаем.

Ватсон: Бэрримор, что это?

Бэрримор: Чай, господа.

Ватсон: Нет, что вы ... поёте?

Бэрримор: Ах, это? Девонширские народные песни, сэр. Это колыбельная, которую поют матери всем маленьким бэрриморам вот уже пять веков (*раздаёт чай*).

ДОПРОС

Доктор Мортимер: Располагайтесь, господа! (*Растягиваясь на полу*) Да, да, прямо здесь. Быть ближе к земле — это старинный девонширский обычай.

Ватсон (*спохватившись*): Бэрримор, вы, конечно, знаете легенду про чудовищную собаку, которая преследует род Баскервильей?

Бэрримор: До чего же здешние фермеры суеверный народ! Просто поразительно! Ведь они чуть не все готовы поклясться, что видели на болотах это чудовище. Легенда совершенно овладела воображением сэра Чарльза, и она-то и привела его к такому трагическому концу.

Во время разговора Бэрримор поочерёдно берёт у доктора Мортимера костыль, обнюхивает его, затем переходит к чемоданчику Ватсона, далее добирается до чемодана сэра Генри, копается в нём, перерывая вещи.

Ватсон (*со вздохом*): Трагическому концу. Да, Бэрримор, унесите вещи, а мы пойдём немного отдохнём с дороги.

Доктор Мортимер: Да, немного отдохнём, а потом я покажу сэру Генри и доктору Ватсону наши достопримечательности.

Ватсон: Что вы, какие достопримечательности? Я вовсе не хочу...

Доктор Мортимер: Нет, ну как же, доктор! Побывать в Девоншире и носа не высунуть из Баскервиль-холла? И потом, наше расследование...

Ватсон: Что вы задумали?

Доктор Мортимер: Выследить, заманить в ловушку, и... покончить с убийцей сэра Чарльза!

Бэрримор: Господа, я просто восхищаюсь вашей смелостью! Вы не боитесь — ночью на болотах?

Доктор Мортимер: Ну что вы, Бэрримор, чего бояться? Имея такого провожатого, как я, сэр Генри и доктор Ватсон могут быть совершенно спокойны — они не заблудятся никогда! Я знаю эти болота как свои пять пальцев!

Бэрримор: Да, сэр, этого я не учёл. Приятной вам прогулки! (*Подхватив сумку сэра Генри и чемоданчик Ватсона, уносит их за кулисы. Сэр Генри уходит за ним вслед. Доктор Мортимер начинает движение в сторону кулис, но Ватсон останавливает его.*)

Ватсон: Доктор Мортимер...

Доктор Мортимер: Да?..

Ватсон: Один нескромный вопрос.

Доктор Мортимер: Слушаю вас.

Ватсон (*понижая голос*): Скажите, зачем вам костыли? Я же видел: вы прекрасно обходитесь без них.

Доктор Мортимер: Привыкайте, доктор Ватсон. В Девоншире иной раз бывает страшновато. Места у нас... тревожные! И лучше казаться слабым... беспомощным... безобидным. Иначе сожрут ненароком... как несчастного сэра Чарльза.

Ватсон: Так вы считаете...

Доктор Мортимер: Ничего я не считаю, не берите в голову. Да, и потом, костыли могут служить прекрасным оружием защиты. По-моему, это пострашнее, нежели посох монахов Шаолинь. Слыхали?

Ватсон: Ну да, конечно... Как вы сказали, Шао...

Доктор Мортимер: Вот так всё и началось. А потом — привык. Теперь без них — никуда!

Ватсон и доктор Мортимер уходят. На сцене в огороженном решёткой углу на заплетающихся ногах появляется Картрайт; в его высоко поднятой руке — телеграмма. Дойдя до решётки, он начинает растерянно передвигаться вдоль неё, не в силах пробраться на другую сторону, потом с обречённым видом замирает.

Занавес.

ПРОГУЛКИ ПО БОЛОТАМ

Пустая сцена. На ней появляются Ватсон и доктор Мортимер

Доктор Мортимер: Да, коллега, занесло нас с вами черти куда.

Ватсон: А тут ещё полнолуние.

Доктор Мортимер: Да, и впрямь, луна полная.

Ватсон: Такая крупная и кровавая.

Оба вздрагивают.

Ватсон: Вам страшно, коллега?

Доктор Мортимер: Не-е-ет, дорогой коллега, с чего бы это мне было страшно?

Ватсон: А что же это вы дрожите, дорогой коллега?

Доктор Мортимер: От холода, коллега, от холода.

Ватсон: И в самом деле, нежарко.

Доктор Мортимер: Нежарко.

Ватсон: Нежарко.

Доктор Мортимер: Доктор, а не хотите ... согревающего?

Ватсон (*заинтересованно*): Согревающего?

Доктор Мортимер (*достаёт фляжку*): Совсем по чуть-чуть, только чтобы не замёрзнуть. (*Отхлёбывает из фляжки*).

Ватсон: Да, чтобы не замёрзнуть (*отхлёбывает из фляжки*).

Доктор Мортимер: А этому (*заметив появившегося на сцене сэра Генри*) предложим?

Ватсон: Вот ещё, добро переводить.

Доктор Мортимер: Правильно.

Пьют ещё по разу.

Доктор Мортимер: Замечательные здесь места!

Ватсон: Да уж, замечательные!

Сэр Генри уходит за кулисы.

Доктор Мортимер: Эти болота никогда не примелькаются. А сколько тайн они хранят — бескрайние, пустынные, загадочные!

Ватсон: Сколько тайн... Скажите лучше, сколько грязи они в себя вобрали! Не понимаю. Объясните мне, что я делаю здесь, посреди этих болот? Я — коренной лондонец!.. — в отличие от некоторых.

Доктор Мортимер: Я тоже.

Ватсон: Ну да, конечно... Что? Что вы сказали?

Доктор Мортимер: Я — коренной лондонец, доктор Ватсон. Родился, вырос, учился там.

Ватсон: Да, но позвольте... Как же вас занесло...

Доктор Мортимер: О, это презабавная история. После учёбы я работал в Чарринг-Кросской больнице, и всё шло в общем-то хорошо. Но потом я стал ощущать некое беспокойство: вы знаете, вдруг сделалось тесно, душно среди этих стен, захоте-

лось свободы, простора... Я узнал — вот ведь неожиданное совпадение! — что в Девоншире как раз освободилось место врача...

Ватсон (*перебивая*): Освободилось? Что это значит — освободилось?

Доктор Мортимер: А, это тёмная история. Старый доктор неожиданно куда-то запропастился... как в воду канул...

Ватсон (*под нос*): ...небось, заблудился как-то ночью на болотах.

Доктор Мортимер: Тем не менее, я с радостью согласился принять эту должность.

Ватсон (*саркастично*): И Девоншир принял вас с распростёртыми объятиями?

Доктор Мортимер: Знаете, нет. Меня ждало жестокое разочарование. Местные фермеры — удивительно тёмный, невежественный народ, не верящий в чудеса современной науки, и они предпочитали моему лечению услуги каких-то подозрительных знахарок. В общем, признаться честно, за всё время моего пребывания в Девоншире у меня было лишь два пациента — сэр Чарльз Баскервиль и его управляющий.

Ватсон: И вы сдались?

Доктор Мортимер: Нет, что вы! А как же клятва Гиппократа? Истинный учёный призван нести свет знания несмотря ни на что. Я понял: для того, чтобы успешно бороться с врагом, сначала его нужно понять, изучить.

Ватсон: Ну и как... изучили?

Доктор Мортимер: О да, знаете, я открыл для себя целый мир: колдовские мази, заклинания, таинственные обряды, чудные сказки, ритуалы, предания, легенды...

Ватсон: Предания, легенды...

Доктор Мортимер: Да, вот тогда-то я и обнаружил этот таинственный документ. Ящик Пандоры...

Ватсон: Что?

Доктор Мортимер: Нет, ничего. Я уже и жалею, что наткнулся на него.

Ватсон: Что ж так?

Доктор Мортимер: Видите ли, он произвёл странное впечатление на двух моих пациентов. Трезвый скептик, рационалист сэр Чарльз изменился до неузнаваемости, сделался закон-

ченным фаталистом и стал жить в ожидании скорой смерти, а Бэрримор...

Ватсон: Что?

Доктор Мортимер: Тогда-то и начались его кошмары. Помните, я вам рассказывал.

Ватсон: Кошмары... Да уж, неудивительно. *(оглядывается по сторонам вначале с некоторым сарказмом; затем на его лице появляется тревога)* Доктор, вы не знаете, куда подевался сэр Генри?

Доктор Мортимер: Сэр Генри? Был где-то здесь...

Ватсон: Пропал. И мы пропали. Доктор, что же мы скажем мистеру Холмсу? Помните, он просил, чтобы мы берегли сэра Генри...

Доктор Мортимер: ...как любящая мать бережёт больного ребёнка...

Ватсон *(упавшим голосом):* ...чтобы не оставляли его одного... Да, уж, я представляю себе, что скажет Холмс. «И вот я вижу вас, а где же сэр Генри? Где? Сэр Генри, ах! Вы подвели меня, Ватсон! Вы подвели меня, Ватсон... Друг мой, вам нельзя доверить серьёзное дело!»

Доктор Мортимер: Доктор, успокойтесь, ведь сэр Генри только что был здесь!

Ватсон: Только что?

Доктор Мортимер: Ну да, недавно... Сегодня... Мы найдём его, доктор, мы обязательно найдём его!

Ватсон и Мортимер уходят за кулисы

ПРЕВРАЩЕНИЕ

На сцене появляется Бэрримор; он медленно проходит на середину, осматриваясь по сторонам и приплюхиваясь. Остановившись, он на несколько мгновений замирает, а затем начинает биться в конвульсиях; внезапно он садится, почти падает вниз, на землю, собираясь в комок, но чуть погодя снова встаёт на ноги. Однако, не изменив внешности, он совершенно меняет повадки. Теперь это зверь, передвигающийся в низкой посадке, прыжками, и с удовольствием, хотя и без особой необходимости, опирающийся на четыре конечности. Поведя на месте мордой из стороны в сторону, испустив вой, зверь начинает метаться по сцене, после чего исчезает в кулисах.

СМЕРТЬ НА БОЛОТАХ

Из-за кулис появляются доктор Мортимер и Ватсон, волооча за собой сэра Генри.

Доктор Мортимер: Послушайте, коллега...

Ватсон: Коллега?! Господи, ну какой я вам коллега! Дорогой доктор Мортимер, вы прекрасно знаете, как я вас уважаю, но, простите меня, пропивать... то есть зарывать свой талант на этих болотах?! Гиппократ Девоншира! Светило медицины, щедро изливающее свое дар на болотную грязь! Прожить жизнь среди этих (*брезгливо*) фермеров?! Кстати, чем вы их лечите? Пьявками? — благо их тут, судя по всему, в избытке. (*Мортимер обиделся*) Ну хорошо, хорошо, не принимайте близко к сердцу. (*Указывает на сэра Генри*) Итак, (*выдавливает из себя слово*) коллега... Вот приближается выдающийся случай блеснуть своими познаниями. Пациент перед вами. Ваш диагноз, доктор!

Доктор Мортимер: Кто, этот? А! (*машет рукой*) Полностью невменяем, не понимает ни слова...

Ватсон: Во-о-от, во-о-от, я так и думал! Ошибочка вышла, дорогой доктор Мортимер! Ошибка, если не сказать большего — шарлатанство! Ну ладно, ладно. Итак, вы утверждаете, что пациент полностью невменяем? (*Мортимер кивает головой*) Ложь! Возмутительная ложь! Я открыл, что он, оказывается, всё понимает! (*Поражённый некой мыслью*) Слушайте, Мортимер! А помните первую заповедь сыщика: подозревать того, кому всё это выгодно? Вдруг преступник — это молодой Баскервиль?! А что? Жестоко расправился со своим дядюшкой... и заполучил наследство. А ведь как прикидывался, как прикидывался! Какой чистый взгляд — ну просто ангел! Слишком, я бы сказал, чистый. Убил... и корчил из себя немого... чтобы не проговориться! (*Наблюдая за сэром Генри*) Смотрите! Он абсолютно всё понимает! Только сказать, к сожалению, ничего не может.

Доктор Мортимер: Как собака.

Ватсон: Да, как собака.

Доктор Мортимер: Доктор, не произносите этого слова! Мы накличем беду. Помните? «Ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно...»

Раздаётся вой.

Доктор Мортимер: Боже мой, что это?

Ватсон: Не знаю. Говорят, что такие звуки — не редкость на болотах.

Доктор Мортимер: Нет, доктор Ватсон, это выла собака.

Испуганный сэр Генри быстро уходит со сцены.

Ватсон: Сэр Генри, стойте! Мортимер, что вы там копаетесь, догоняйте! *(бросается за сэрром Генри)*

Доктор Мортимер: Сейчас! *(Доктор Мортимер ковыляет в другую сторону, затем замечает, что остался один, разворачивается).* Доктор Ватсон, как вы считаете... Доктор Ватсон!

Доктор Мортимер движется за кулисы; внезапно у него за спиной раздаётся вой. Мортимер медленно разворачивается в ту сторону, откуда он слышен. На сцене появляется собака. Доктор Мортимер приседает на землю, бросает костыли. Несколько мгновений и он, и собака сохраняют неподвижность — ждут, кто шевельнётся первым. Собака прыгает. Гаснет свет. В темноте раздаётся громкий предсмертный крик доктора Мортимера.

ОТЧЁТЫ ДОКТОРА

Сцена имеет тот же вид, что и в начале второго действия. Из кулис появляется Ватсон с костылями в руках. Вид у доктора явно нездоровый. Дойдя до середины сцены, Ватсон роняет костыли на землю и укладывается на пол. На сцене появляется Бэрримор, подходит к Ватсону, обнюхивает его, понимающе кивает головой, уходит и возвращается с некоей жидкостью в гранёном стакане.

Ватсон: Что это, Бэрримор?

Бэрримор: Лекарство от похмелья, доктор.

Ватсон *(выпивая):* Спасибо, Бэрримор!

Бэрримор: Тяжёлая ночь, сэр?

Ватсон: Да, знаете, не ночь, а какой-то страшный сон... настоящий кошмар.

Бэрримор: А... Сон разума порождает чудовищ?

Ватсон: Что это, снова девонширский фольклор?

Бэрримор *(с сожалением):* Где-то так, сэр.

Ватсон: Да, вы не знаете случайно, куда это подевался доктор Мортимер?

Бэрримор: Нет, сэр. Доктор, простите мне моё любопытство... Но где вы обнаружили *(указывает на костыли)* это?

Ватсон: Да там, на болотах. Уже под утро. Вот ведь послал бог провожатого! Потерял свои чёртовы костыли и сам канул куда-то... как в воду. *(Переводит взгляд на Бэрримора)* А вы выглядите каким-то не выспавшимся, Бэрримор. Что, тоже тяжёлая ночь?

Бэрримор: Да, сэр, я не спал до самого утра. Беспокоился, что вы заблудитесь. Всё искал вас на болотах.

Ватсон: Ну и как, успешно?

Бэрримор *(чуть раздражённо)*: А вы как думаете, сэр?

Ватсон: Ах, да... Бэрримор, вы что, уже уходите? Вы знаете, эти болота навевают на меня смертельную тоску. Не церемоньтесь, оставайтесь, давайте... позавтракаем вместе.

Бэрримор: Спасибо, сэр, я уже сыт *(облизывается)*.

Бэрримор уходит. Впрочем, одиночество Ватсона длится недолго: с той стороны решётки появляется Картрайт.

Ватсон *(заметив его)*: Картрайт! Картрайт! Если бы вы знали, как я рад вас видеть! Что это у вас? Телеграмма? *(берёт из рук Картрайта телеграмму)* От Холмса! Милый Холмс! «Готовы ли приезду сэра Генри...» Что за чёрт! А, впрочем, неважно. Берите телеграфный бланк и записывайте. *(На сцене снова появляется Бэрримор — с ведром и шваброй в руках. Прислушиваясь к содержанию телеграммы, которую диктует Ватсон, он принимается мыть пол. На земле валяются костыли, которые мешаются то диктующему и не глядящему под ноги Ватсону, то сосредоточенному на своих делах Бэрримору. Избавляясь от этой помехи, Ватсон и Бэрримор поочередно перекадывают костыли под ноги друг другу)* Отчёт доктора Ватсона. Баскервиль-холл. Дорогой Холмс! По моим письмам и телеграммам вы узнаете всё, что произошло за последнее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живёшь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу унылость этих болот, этих необъятных просторов... а впрочем, не лишённых даже какой-то мрачной прелести. Постскрипtum.

Бэрримор и Ватсон *(поочередно не раз запинаясь об костыли, схватив каждый по одному)*: Как вы меня достали с этими чёртовыми костылями!

Ватсон: Нет, не то. Зачеркните. Постскрипtum. Кстати, куда-то запропастился доктор Мортимер. *(Бросив на пол костыль и прихватив с собой ведро и тряпку, Бэрримор уходит)*

Время замирает. Мгновение, когда оно начинает двигаться вновь, застаёт сэра Генри поверженным на землю. Кошмар отступил, Ватсон, на всякий случай держащий дистанцию от Бэрримора, который снова приобрёл человеческие черты и повадки, обходит сцену.

Бэрримор: Что случилось, доктор?

Ватсон: Да так... я устал. Смертельно устал. Мерещится всякая чушь. (Заметив лежащего сэра Генри) Послушайте, что, что с вами? Вам плохо, сэр Генри? (*Помогает тому подняться*)

Сэр Генри: Сэр Генри? Нет, я такого не знаю.

Бэрримор: Заговорил!

Сэр Генри (*обводя всё непонимающим взглядом*): Господи, где это мы? Куда нас занесло?

Ватсон: Успокойтесь! Вы что, не узнаете эти места? Мы на вашей родине, в Девоншире...

Сэр Генри: На родине... На родине... Как вы здесь живёте? Как вы можете так жить — по горло в грязи?

Ватсон: О, это местная достопримечательность — знаменитые девонширские болота!

Сэр Генри: Болота? Да, похоже. Они навевают смертельную тоску... (*озирается по сторонам, но явно видит что-то не то, что видно другим персонажам*) Что это? Ничего не видно. Эй! Где вы? Что за шутки? Куда вы пропали? Темно. Темно со всех сторон. (*С широко закрытыми глазами обходит сцену*) Я... я иду искать. Я иду искать. Теплей... теплей... (*словно наткнувшись на невидимую преграду*) горячо! (*отчаянно*) Что... что мы делаем здесь? Прочь отсюда, на волю! (*Начинает медленно отступать назад*) Пустите меня! Пустите! (*Падает на пол*) Нет! (*Замирает*)

Бэрримор и Ватсон склоняются над ним. Сэр Генри не подаёт признаков жизни

Ватсон (*взглянув на Бэрримора*): Вы плачете?

Бэрримор: Вам этого не понять, доктор.

Ватсон: Да отчего же? Я попытаюсь.

Бэрримор: Что вы можете знать о преданности слуги? Ведь наши предки — Бэрриморы и Баскервили — жили вместе на этой земле вот уже пять веков.

Ватсон (*под нос*): Пять веков посреди этого болота? Какой ужас!

Бэрримор: О! Быть преданным слугой — это великое искусство. Предугадывать все мысли, все желания хозяина, раствориться, стать его безмолвной тенью... Нет, вам никогда этого не понять.

Ватсон: Да уж, воистину: нечеловеческая преданность.

Бэрримор: Просто собачья.

Ватсон (*вздрыгнув, меняет тему разговора*): Так что же с ним?

Бэрримор: Паранойя! (*Заметив недоумение на лице Ватсона, объясняет*) Это когда вам кажется, что вас кто-то преследует, что-то вам угрожает. А то, чего вы так боитесь, придёт за вами. Обязательно.

Ватсон: Так что же делать?

Бэрримор: Бежать — туда, где никто уже не достанет. (*Посмотрев на сэра Генри*) Впрочем, это тоже только кажется.

Ватсон: Да, в самом деле. Тут творится... чёрт знает что.

Бэрримор: Нет, доктор. Тут творится чёрт знает что. (*Постукивает пальцем по голове*) Тут. (*Уходит в кулису*)

Ватсон подходит к решётке, пытаясь открыть дверцу, но та не поддаётся. Появляется Бэрримор с простыней в руках

Бэрримор: Вы что-то потеряли, доктор?

Ватсон: Выход. Чёрт возьми, где здесь выход?

Бэрримор: Выход? Интересный вопрос. Помните — у Гессе: плата за вход — разум...

Ватсон: Ну?

Бэрримор: Тогда что же плата за выход?

Ватсон: Что?

Бэрримор: Жизнь?

Ватсон: Что это значит? Это вы о чём?! Пугаете меня? Не пройдёт — я уже пуганый. Да что же мне, никогда не выбраться с этих чёртовых болот?

Бэрримор (*накрывает простыней сэра Генри*): Нет, что вы, это я так, фигурально выражаясь. Философствую на досуге.

Ватсон: Философствуете... Пустое это всё. Плата за выход... Мы-то с вами живы... Ведь правда?

Бэрримор: Как сказать, как сказать... Знать бы точно, кто живой, а кто мёртвый.

Ватсон: Знать бы точно... *(глядя на сэра Генри)* Так говорите, паранойя?

Бэрримор: Отчётливая. Помяните моё слово!

Ватсон: Да... Свихнёшься тут с вашими легендами.

Бэрримор: Ну, доктор, вы же не верите в эти собачьи сказки?

Ватсон: Нет. А вы?

Бэрримор: Тоже нет. Но вы знаете, временами мне кажется, что эта собака... что она где-то рядом *(уходит за кулисы)*

Ватсон: Рядом... Рядом... *(склонившись над сэром Генри)* Не дышит. Бесполезно. Ну вот. Снова остался один. *(Вспомнив, бросается к решётке)* Картрайт! Картрайт! Исчез. Растворился. До боли подозрительная личность, однако. Мальчик-слепой... О, подождите! Мы все, все подохнем... и тогда-то и явится Картрайт с телеграммой и спляшет у нас на могиле! Господи, я один, совсем один посреди этих чёртовых болот. Так и знал. Бросили! *(вытащив из кармана бумагу и карандаш, начинает писать письмо.)* Отчёт доктора Ватсона. Баскервиль-холл. Дорогой Холмс! По моим письмам и телеграммам, надеюсь... *(бросает бумагу на землю)* вы уже знаете всё, что произошло за последнее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живёшь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу унылость этих болот, этих необъятных просторов, впрочем, не лишённых даже какой-то мрачной прелести. И, чёрт возьми, куда-то запропастился доктор Мортимер! Господи, ну за что мне это всё? Я хочу домой. Так нет же! «Мы обещали Холмсу, что останемся здесь!» «Дело, у нас появилось дело, дорогой друг! И какое — загадочное убийство!» Ну, и где же он, этот ваш чёртов зверь?

Бэрримор *(вырастая у него из-за спины):* Рядом, доктор. Он всегда рядом.

Занавес

ПАРАНОЙЯ

На сцене — обстановка Бэйкер-стрит. По сравнению с первым действием на сцене недосчитывается одной кровати. Перед кроватью на полу лежит доктор Ватсон. Из кулис появляется миссис Хадсон, подходит к Ватсону.

Миссис Хадсон: Милый доктор, что с вами?

Ватсон (*вскакивая, оглядываясь по сторонам*): Миссис Хадсон? Где я?..

Миссис Хадсон: В Лондоне, на Бэйкер-стрит. Успокойтесь, с вами всё в порядке.

Ватсон (*потрясённо*): На Бэйкер-стрит?

Миссис Хадсон (*безмятежно улыбаясь*): На Бэйкер-стрит.

Ватсон: И... вы говорите, всё в порядке? Всё хорошо?

Миссис Хадсон: Ну конечно же, всё хорошо.

Ватсон: Дома. Наконец-то дома! Слава Богу!

Миссис Хадсон: Слава Богу!

Бэрримор (*за кулисами*): Слава Богу!

Ватсон: Слава Богу!

Миссис Хадсон: Слава Богу!

Бэрримор (*за кулисами*): Слава Богу!

Ватсон, придерживаемый миссис Хадсон, садится на кровать. Он улыбается, но потом внезапно, поражённый мыслью, обращается к миссис Хадсон.

Ватсон: Вы знаете, что странно... Я ничего не помню. Чем всё закончилось?

Миссис Хадсон: Что?

Ватсон: Ну... это... собака... Баскервиль-холл...

Миссис Хадсон: Так вы ничего не помните?

Ватсон: Мы почти подошли к разгадке, а потом... Провал. Как отрезало. Чёртов Девоншир!

Миссис Хадсон (*неожиданно строго*): Не смейте так говорить, доктор!

Ватсон: Да? Я что же, сказал что-то не то?

Миссис Хадсон: Начнём с того, что ругаться в присутствии дамы — это дурной тон, доктор Ватсон. А потом, в отличие от вас, я не забываю, где мои корни.

Ватсон (*обескураженно*): Так, стойте. Вы что же, родом из Девоншира?

Миссис Хадсон: Нет, доктор, родилась я в Лондоне. Но моя прабабушка приехала сюда как раз из тех мест.

Ватсон: Да? И что же заставила её покинуть сей благословенный край?

Миссис Хадсон: О, это тёмная история. Её сестра погибла там, на болотах, при весьма странных обстоятельствах.

Ватсон: Вы никогда об этом не рассказывали...

Миссис Хадсон: А вы никогда об этом не спрашивали (уходит за кулисы).

Ватсон: Сумасшедший дом! *(Замечает вернувшуюся из-за кулис с шприцем в руках миссис Хадсон)* Что это?

Миссис Хадсон: Вы должны принять это, доктор. Вам обязательно нужно всё... всё вспомнить... во всех подробностях... а это прояснит ваше сознание. Ну!

Ватсон: Нет! Нет, я не могу... Нет, ни за что! Холмс, ну скажите... *(тревожно озирается по сторонам)* Кстати, а где Холмс?

Миссис Хадсон: Мистер Холмс не хочет вас видеть. Вы подвели нас, вы струсил, вы сбежали! Вам нельзя доверить серьёзное дело, доктор Ватсон. Что вы делаете здесь, в Лондоне? Ваше место — в девонширской глуши. Вы не доктор, вы — сельский коновал и не более того!

Ватсон: Я струсил? Я сбежал? Я старался... старался как мог, а вы... Вы бросили нас там, на этих чёртовых болотах! Вы предали нас — вы и Холмс! Там творилось такое! Ад! Крошечный ад! И где были вы? Где, я вас спрашиваю?!

Звонок в дверь. Миссис Хадсон подходит к двери, открывает её. На пороге стоит Картрайт с телеграммой.

Миссис Хадсон: Интересно! Телеграмма. «Отчёт доктора Ватсона. Дорогой Холмс! По моим письмам и телеграммам...»

Ватсон *(вырывая у неё из рук):* Это она! — моя телеграмма...

Миссис Хадсон: Ну что вы, доктор, успокойтесь! Садитесь. Сейчас я принесу вам чаю. Садитесь, садитесь!

Ватсон садится на кровать. Миссис Хадсон уходит за кулисы.

Ватсон: Не понимаю... Ничего не понимаю. Сговорились... Они все сговорились за моей спиной. Стоп. А что, если... Холмс? А что? Скучающий сыщик решил переквалифицироваться в преступники, и... Нет... Нет, что вы... Должно же во всей этой грязи оставаться что-то чистое, святое... Нет, это был не он. Тогда кто же?

Из кулис появляется Бэрримор в фартуке миссис Хадсон и с подносом, на котором красуется чашка, в руках.

Бэрримор: Ваш чай, сэр!

Ватсон спокойно берёт чашку, потом медленно оборачивается на Бэрримора.

Ватсон: Бэрримор? Что вы делаете здесь? Почему вы не в Баскервиль-холле?

Бэрримор (*удивлённо*): Где? (*чуть насмешливо*) Ах, вот вы о чём. Забавно. Скажите, доктор, а вы уверены, что знаете, где сейчас находитесь?

Ватсон: То есть как... Дома. Ну конечно же дома.

Бэрримор: Ах, ну да, как же, как же: уютная квартирка на Бэйкер-стрит, милая гостиная, пылающий камин... Поздравляю: вы придумали себе замечательную клетку. (*Ватсон встаёт и пытается по возможности неслышно протраться к двери*) Вы куда-то торопитесь?

Ватсон: Да... То есть нет.

Бэрримор: Правильно. Вы знаете, в чём подвох, доктор? Бежать, в общем-то, и некуда.

На пороге комнаты появляются два санитары, которые крепко хватают Ватсона. Из кулис появляется миссис Хадсон в белом халате и со шприцем в руках.

Миссис Хадсон (*Бэрримору*): Итак, ваш диагноз?

Бэрримор: Паранойя! (*Заглядывает Ватсону в глаза*) Отчётливая паранойя. Пациенту всё время кажется, что его кто-то преследует, что-то ему угрожает. А временами он становится буйным и начинает искать какого-то несуществующего (*облизывается*)... уже... сельского коновала. Отчётливая паранойя!

Миссис Хадсон делает Ватсону укол. Санитары укладывают Ватсона на кровать.

Миссис Хадсон (*над Ватсоном, а затем уходя вместе с санитарями за кулисы*): Вот так-то лучше! Ничего страшного! У вас немного поднялось давление. Вы чуть-чуть подлечитесь, и снова станете тем же весёлым, здоровым человеком!.. всё тем же весёлым, здоровым человеком... Вылечитесь! (*После некоторой паузы — с сомнением*). Может быть... (*Бэрримору*) Идёмте, доктор. Здесь мы не поможем уже никому.

Бэрримор (*нагнувшись к лежащему Ватсону*): Ну, смелее, доктор: убейте зверя! Теперь-то вы знаете, где он прячется? (*уходит за кулисы*)

Проходит некоторое время, после чего Ватсон приподнимается на кровати.

Ватсон: Эй! Кто-нибудь! Да отзовитесь же, чёрт бы вас побрал! Мне страшно! Мне страшно одному! *(Обнаруживает что-то под подушкой, извлекает на свет божий свою находку — пистолет. Встаёт с кровати, закрывает глаза, и медленно движется по комнате)* Раз-два-три-четыре-пять, сплюнув через плечо, я закрываю глаза, я иду искать, эй... теплей... теплей... *(натывается на зеркало)* горячо! *(Открывает глаза, медленно поднимает пистолет, целится в своё отражение. Занавес. Выстрел)*

ПОСТСКРИПТУМ

Пустая сцена. Из-за кулис выходит миссис Хадсон и, подойдя к патефону, заводит пластинку.

Голос из патефона: Был конец ноября. Ненастным туманным вечером... Был конец ноября. Ненастным туманным вечером... Был конец ноября. Ненастным туманным вечером...

Миссис Хадсон переставляет иглу. Звучит музыка. Из-за кулис появляется Ватсон. Он сосредоточенно идёт к центру сцены, пока не натывается на миссис Хадсон. Испугавшись, он пятится от неё к краю сцены. Там его подхватывают санитары. В их руках Ватсон слабеет, ему приносят костыли и заботливо сопровождают до кровати, где его усаживают и забирают у него костыли. Через несколько мгновений Ватсон сползает на пол, делает несколько резких движений, поводяками напоминая зверя из «Превращения». Его снова усаживают на кровать. Тогда, взяв в руки костыль, он разыгрывает немую сценку — диалог Холмса и Ватсона («Что вы можете сказать о хозяине того предмета...»). Миссис Хадсон с помощью санитаров укладывает доктора на кровать, причём все попытки забрать у него костыль оказываются тщетными. Санитары и миссис Хадсон уходят за кулисы. Через некоторое время Ватсон вскакивает с кровати, вытаскивает из-за пазухи пистолет, прячет его под подушку, после чего берёт в руки костыль, ложится на кровать, смотрит на костыль, смеётся, потом неожиданно плачет, поворачивается спиной и затихает. Затемнение. В темноте с разных концов сцены к Ватсону приближаются блуждающие огоньки. Они складываются в нимб и опускаются вниз, после чего гаснут. Темно. Темно со всех сторон.

раздел пятый

МЕДНЫЕ БУКИ

(непривычный Холмс)

Артур Конан-Дойль
Женская привычка²³

С долгим паровозным гудком поезд вошёл в долину, блиставшую всеми красотоми Хирфордшира. Ни тихая речная вода, ни зелёный луч заката не оторвали Шерлока Холмса от мыслей о страшном преступлении. Два дня назад Грайс Петерсон был убит в спальне собственного замка. Строгости в охране поместья и личный телохранитель не помогли владельцу акций богатейшей компании «Парадол-чэмбер». Самое удивительное в этой истории заключалось в том, что наглый убийца оставил под дверью дубликат ключа. Но где искать кинжал со следами?

Когда мы выходили из поезда и садились в экипаж, Шерлок Холмс повторно извинился передо мной:

— Простите меня, но в этом деле мне не обойтись без партнёра с крепким сложением и твёрдыми нервами.

— Что заинтересовало вас в этом заурядном убийстве? — спросил я.

— Орудие преступления! — воскликнул Холмс. — Его поискам мы посвятим все силы. Убийца неспроста унёс с собой орудие преступления. В этом поступке я вижу начало увлекательной игры. Нам бросили вызов и пришло время поднять белую перчатку!

В замок мы прибыли в сумерках. В огромной столовой нас ждала безутешная вдова.

— Что вы скажете о телохранителе вашего мужа? — с ходу спросил Холмс.

— Он импотент, — простодушно ответила графиня.

²³ рассказ публикуется впервые

— Тогда что вы можете сказать о многочисленных горничных, вашим мужем нанятых до и после свадьбы? — поинтересовался великий сыщик.

— Истерички, не склонные к лесбийской любви, — грустно молвила графиня.

— А теперь перейдём к вашей персоне, — напористо продолжил Холмс. — Готовы ли вы и впредь помогать в расследовании убийства вашего мужа? И как далеко вы намерены зайти в содействии двум лучшим сыщикам туманного Альбиона?

— Я готова на всё, — выдохнула графиня, перебирая складки чёрного платья.

— Ловлю вас на слове, — как истинный лондонец, пошутил Холмс в предвкушении заслуженного ужина.

После ужина Холмс, демонстрируя незаурядную храбрость, велел рассчитать нерадивого охранника. Без промедления недотёпа отправился в Лондон. В замке остались двое мужчин и шесть женщин.

Воспользовавшись салфеткой со стола, мой друг составил список подозреваемых.

— Сегодня мы с Ватсоном побеседуем с русской и французской. Завтра вечером освободите от исполнения обязанностей еврейку и шведку. Разговор с мулаткой и с вами, графиня, отложим до послезавтра.

— Мистер Холмс, мы никак не ожидали от вас такого поведения! — возмутилась хозяйка замка, осознав, что попала в хитроумную ловушку.

— В Лондоне терпеливую мать-природу презирают и поносят, но за городом она побеждает. У вас здесь такой чистый воздух, что любому мужчине захочется посадить на колени первую попавшуюся красотку, — ловко парировал Холмс выпад мужененавистницы. — В противном случае подозрения падёт на вас и в вашей невиновности мне не удастся убедить нашего тупого друга Лейстреда.

Услышав в мужском голосе прямую угрозу, графиня Петерсон смирилась с непривычной для неё ролью сводни.

В первую ночь Холмс развратничал с горничной, вывезенной из заснеженной России.

С дикой энергией, присущей его натуре, Холмс набросился на женское мясо. Он быстро, по-боксёрски стремительно, раздел

несчастную женщину и овладел ею прямо на рабочем столе. Длинные нервные руки властно легли на обнажённую женскую грудь. Мужские ягодицы беспрерывно сотрясались, уподобляясь чемоданам в багажной сетке дилижанса. Так вот для чего демон вырвался из нашей квартиры на Бейкер-стрит, окружённый грудами своих старых книг! Увлечения музыкой, приступы честолюбия и дремотное состояние кокаиниста сменились на ретивость породистого жеребца-производителя.

Холодный, точный, но удивительно уравновешенный ум спас меня от нравственного падения. Как вы догадываетесь, в ту ночь и я не присоединился к англо-русской парочке. Я только стоял и держал женщину за щиколотки. Согнутые в коленях ноги женщина положила Холмсу на плечи, поэтому я был дважды полезен. Я помогал пытливой плоти поглубже проникнуть в тайны женского организма. И оберегал голову друга — этот чувствительный инструмент изошрённого мыслителя — от возможного удара расшнурованным ботинком.

Под утро я взял под локоть француженку и отвёл её к себе в комнату. Надо ли пояснять, что к завтраку мы оба не вышли!

Вторая ночь начиналась с требования Холмса: «Ватсон, овладейте еврейкой на моих глазах, иначе творческое вдохновение навсегда покинет меня!» Вытащив пылающий кок из шведской задницы, я галантно исполнил просьбу друга. Еврейка вертелась подо мной с энергией червяка, перерубленного скальпелем. Остаток ночи непобедимый сыщик искал улики в чёрном треугольнике волос между ног у рослой шведки.

Мой друг был мыслящей машиной, созданной для наблюдений над человеческими пороками и слабостями. Но не в их осуждение. Скандал в Богемии помог мне увидеть Шерлока Холмса в качестве влюблённого. Но великий сыщик в постели со случайными женщинами? Я чувствовал, что оказался не на своём месте.

Третья ночь была самой безумной.

В Индии мне, как многим из половозрелых англичан, довелось участвовать в самых невообразимых оргиях. Но, положив руку на свой поникший член, признаю: в сравнении с варваром Шерлоком Холмсом, по ночам измывавшимся над несчастными женщинами, истинным джентльменом оставался вождь варварского племени, насилующий юных и старых пленниц.

Сначала вдвоём мы ласкали графиню, затем Холмс помочился на радостно улыбавшуюся мулатку.

— Я знаю, о чём вы думаете, — сказал Холмс, наблюдая за тем, как я нервно тереблю мокрый сосок на груди африканской красавицы. — Вы думаете: «вот передо мной мыслящая обезьяна, достойная попасть под лупу великого Дарвина!»

Я промолчал потому, что впервые в жизни Холмс ошибался. Дело в том, что об его распутстве я думал в гораздо крепких выражениях.

Утром я с трудом выбрался из-под двух храпящих тел — из-под колена русской женщины и локтя шведки. На страстный поцелуй мулатки с еврейкой я смотреть не мог и поэтому отвёл взгляд в сторону семейного комода. Там, перед треснувшим зеркалом, стояли обнажённые мужчина и женщина. Они испепеляли друг друга огненными взглядами. Мужская гордость Холмса в рабочем состоянии едва не достигала пупка; сосцы графини напряглись, будто по ним провели сковородкой.

— В чём вы меня обвиняете? — наконец воскликнула графиня.

— Лишение жизни из-за неспособности исполнять супружеские обязанности — ещё далеко от истинного Зла, в которое убийство превращается тогда, когда, без всякого намёка на выгоду, убийца получает чувственное удовольствие, — философски размышлял сыщик, стараясь попасть спермой в пупок аристократки.

— Вы правы, — вдруг согласилась графиня, разглаживая белую жидкость по животу. — Прошлой ночью вы оба впервые меня удовлетворили как женщину...

Дождавшись разоблачительных признаний, из-за портьеры шагнул инспектор Лейстред. Двум полицейским он велел сковать несчастную женщину и в тюремной карете отвезти её в Скотланд-Ярд.

Чуть позже в купе вагона мы втроём решили выкурить по сигаре.

— Хозяин замка был убит саблевидным осколком, аккуратно вынутым из треснувшего зеркала на семейном комоде, — объяснился Холмс, бросая недокуренную сигару в открытое окно.

— Вот дело, где у представителей закона не было никаких шансов найти орудие преступления! Ибо оно и не покидало спальню! — молвил сыщик, доставая скрипку из футляра.

— Но как вам удалось вычислить столь изощрённого и умного убийцу? — спросил Лейстред.

— Видите ли, уважаемые друзья, у женщин есть инстинктивная привычка. Где бы они не оказались, они первым делом смотрятся в зеркало. Увы, женская натура всегда возьмёт вверх над любимыми обстоятельствами. Итак, все женщины, которых Ватсон приводил... гхм-м... с которыми меня знакомили, не без удовольствия смотрелись в огромное зеркало на старинном комод. И только одна из моих новых знакомых не соизволила опра- вить причёску перед зеркалом... Ах, графиня... Что касается преступления, совершённого женщиной, то, уверяю вас, нет более веских улик, нежели женские привычки.

— Холмс, вы гений! — вскричал инспектор Лейстред.

Шерлок Холмс подвёл итог нашей дорожной беседе:

— Ирония судьбы заключается в том, что покойный Грайс Петерсон на деньги, вырученные от продажи коллекции редкого холодного оружия, обзавёлся шестью потенциальными преступниками.

Я промолчал всю дорогу, хотя великий сыщик порядком нам поднадоел с исполнением на скрипке грустной цыганской мелодии.

С тех пор участницы наших оргий в Хирфордшире для Шерлока Холмса навсегда остались «этими женщинами».

Такова предыстория роковых событий, ускоривших мою женитьбу. Я стал господином собственного домашнего очага, что навсегда отдалило меня от «мыслящей обезьяны». И пусть свидетелем будет Чарльз Дарвин: если я когда-нибудь увижу жену, флиртующую с прежним соседом по Бейкер-Стрит, моя рука не дрогнет. Как известно почитателям моего литературного таланта, в Афганистане из пистолета я попадал в серебряную монетку.

1904 год

Тимур Валуа VII

Хрен знает какое дело Шерлока Холмса, или дело «О пропаже кожаных трусов»

— Холмс, вам налить шерри?

— Немного Ватсон.

— Хорошо Холмс... Вы знаете, никак не могу привыкнуть к вашим трюкам с переодеванием. То вы кэбмен, то вы ворчливый старичек, то вы старушка из бара «Паганель». Но больше всего... ваше шерри... я не могу понять, как вы определяете качества людей по внешности.

Шерлок Холмс в это время курил свою трубку и смотрел в окно.

— Нет ничего проще, мой дорогой друг! Кстати интересный экземпляр, подойдите сюда Ватсон! Посмотрите на этого молодого человека, что вы скажете о нём?

— Вот этот элегантный юноша? Хммм... Наверное, он работает при дворе. Хорошие манеры, походка. Не обделён вниманием женщин, любит красиво отдыхать и одеваться.

— Браво, очко в вашу пользу!

— Ещё обладает хорошим аппетитом, это видно по нему сразу. Вот вроде и всё, больше на первый взгляд ничего не скажешь.

— Да нет мой друг, одним словом — он просто голубой, молодой человек, и сейчас он идёт к нам.

— Да бросьте Холмс, нельзя сразу определить ориентацию человека. И потом, говорю вам как медик, люди с гомосексуальной ориентацией скрывают свои грехи.

Холмс сел в своё кресло возле камина. Вошла миссис Хадсон.

— Мистер Шерлок Холмс, к вам пришли. По виду это голубой дворянин.

В гостиную вошёл молодой человек ростом чуть повыше Холмса, был одет со вкусом, кожаные брюки, пиджак, стильная футболка. Руки его закрывали изящные перчатки. По ухоженной бородке и аккуратной стрижке можно было догадаться, что моло-

дой человек благородных кровей. Не сказав ни слова, он сел напротив великого сыщика, и обратился к миссис Хадсон:

— Апельсинового сока, пожалуйста.

Холмс, пристально посмотрел на него, как бы изучая и проговорил:

— А вы, скотина.

— Да и причём очаровательная, но сейчас речь не об этом. Моё имя Тимур Валуга Седьмой. Вам оно о чём-нибудь говорит?

Ватсон уставился на Шерлока и понял, что сейчас сыщик будет удивлять молодого человека своей дедукцией. Холмс бросил в сторону щёголя:

— Давно из Франции, у вас фамилия французская.

— Я не из Франции.

— Давно с Ближнего Востока, у вас имя восточное!

— И не с Ближнего Востока я!

— Ммм... Давно из Италии, у вас пиджак от Роберто Кавалли.

— Я не из Италии.

— Чёрт! Давно из Германии, у вас футболка от «Даниэль Хэтчер»?

— И не из Германии я, — сказал Валуга, достав Собрание «Дворянские».

— Не может быть! Неужели вы из Англии? На пачке сигарет написано Лондон.

— И не из Англии я...

Ватсон понял, что должен принять участие в этом разговоре. Заметив загорелое лицо юноши, он сразу вспомнил Калькутту:

— Давно из Индии?

Холмс выпалил:

— Ватсон заткнитесь, такой загар только в Турции.

Валуга улыбнулся:

— Да, лето я провёл в Турции, а сам я родом из Москвы.

— Ватсон, дорогой друг, сходите и принесите мне энциклопедию, и давайте посмотрим, что у нас есть на литере «М».

Ватсон открыл шкаф, достал толстую книгу, сдул с неё пыль, и стал искать слово «Москва».

— Так-так-так... Манты... Молоко... Монматр... Мориарти... Ооо... Нашёл «Москва»!

— Читайте, Ватсон!

— Холмс, тут два слова: «Рашн мафия».

Холмс привстал с кресла и принялся что-то бормотать. Валуа разобрал лишь слова: «фак и маза фак». На Ватсоне не было лица. Шерлок, выпалил:

— Послушайте, я уже ничего не должен ни солнцевским, ни курганским, ни казанским, ни чеченским. За то, что я занимаюсь детективным делом, я перечислил все деньги сполна. Какие могут быть ещё ко мне вопросы?

— Раз деньги перечислили, значит, всё нормально, — спокойно ответил Валуа, — я к вам по делу. Вы мне найдёте одну вещь, а я вам щедро заплачу, в подтверждении моих слов, возьмите тысячу рублей. Посмотрите, здесь Пётр I ещё нарисован. Держите аванс.

Ватсон улыбнулся, потирая руки... Российские деньги были на очень хорошем счету и котировались выше, чем доллар. Шерлок принял свою обычную позу и проговорил:

— Рассказывайте!

— Хорошо... Я Валуа Нарцисс Российский, по венам протекает голубая кровь... Я приехал в Лондон погостить. В туманном Альбионе царит вечная идиллия и красота эпохи королей. Страна традиций. Мои предки не раз воевали с вами, но война окончилась и настало время дружбы и взаимопомощи. Так вот! Просыпаюсь я у себя в номере после великолепной ночи, в обществе приятной дамы, но обнаружил, что пропали мои кожаные трусы. Спереди было написано «Тимур», а сзади «Валуа» и чуть ниже римская цифра «VII»...

— А почему ниже и цифра «VII»? — спросил Ватсон голосом Виталия Соломина.

— Потому что я Седьмой в последней восточной династии. И вот я их потерял. Весьма ценный подарок, который был сшит на заказ у Джорджио Ферре в союзе с Робертом Чарльзом. Если вы их не найдёте, я буду грустить... Без кожаных трусов — я не Нарцисс Российский. Вы понимаете меня?

Холмс выпустил дым тонкой струйкой, отпил шерри и снова принялся думать.

— Чертовски запутанное дело! Чертовски запутанное дело! Я и мой ассистент берёмся за него.

Молодой человек встал, галантно снял перчатку и пожал руку Холмсу. Ватсон не успел вовремя подбежать и дотронуться до руки щёголя, она скрылась в перчатке от Фенди. По одной линии ступая мерно и красиво, Валуа покинул гостиную, но обернувшись сказал:

— Я остановился в гостинице «Монарх»... Номер 777.

Холмс кивнул. Когда Валуа ушёл, сыщик по-прежнему думал, а Ватсон в это время одевался. Надев клетчатое пальто и кепи, взяв трость, он направился к выходу.

— Дорогой друг, вы куда? — окликнул его Шерлок.

— В ресторан «Трясогуска» есть перепелов, мне так легче думается.

— Ватсон, отбросьте амбиции. Все знают, что вы идёте играть в бильярд, у вас трость заделана под кий. Так что торжества потом, а сейчас идите и пришлите ко мне Картрайта. Помните того мальчугана? Ну коллбоя из «Собаки Баскервилей». Он мне еду носил в пещеру. Помните или нет?.. По лицу вижу, что вспомнили... Идите, а я читаю прессу. Кстати, вы сказали миссис Хадсон не класть газеты в туалет?

— Шерлок, сразу видно, что вы занятой человек и не ходите в уборную. Вы невнимательны, миссис Хадсон, никогда не кладёт в туалет «Таймс». Так что, вы можете смело идти в туалет, там лежит свежий номер «Дейли».

— В туалет я как раз не хочу, — задумчиво вымолвил Холмс.

Доктор ушёл, а Холмс стал изучать подшивку газет, за последнюю неделю. Великий мозг сыщика заработал. Обратив внимание на высокий лоб, можно было заметить, как по венам бегают кровь, кровь гения на века. Его лицо было непроницаемым, выпуская небольшие клубы дыма, Холмс думал. Его тонкие, чувствительные пальцы медленно листали страницы газет. Пальцы Холмса нравились женщинам, они говорили о его глубокой и внутренней душевной организации. Холмс отпил кофе, и опять принялся вчитываться в каждую строчку. Он читал между строк. По мнению сыщика, читать между строк — истинное наслаждение, он видит то, что обычно журналист скрывает от простых читателей. Так Холмс прочитал заметку: «Хозяйка дома на Парк-Лейн, 14, покончила жизнь самоубийством». Но Холмс прочитал между строк и раскрыл её самоубийство: «Хозяйка до-

ма на Парк-Лейн, 14, была зверски задушена и отравлена. Это сделал её племянник от двоюродного брата троюродной сестры, у которой муж служил в чине полковника в министерстве иностранных дел, последний любил своего пуделя Долли, и носил брюки без нижнего белья». Холмс саркастично улыбнулся, почему он не стал журналистом, он мог бы писать статьи, которые читали бы в Англии, Франции, России, в США. Сыщик откинулся на спинку кресла, взял скрипку и растрепав свои уложенные волосы, заиграл свои любимые «Четыре сезона», а именно «Зиму» из Антонио Вивальди. Он был растрёпанным, и тонул в музыке, в музыке своей души. Он был великим Растрепычем и «Растрептровичем». Холмс представлял себя, как сидя в офисе Таймса, на машинке отбивает очередной компромат на злого Мориарти, который целый год водил за нос жителей Лондона тем, что он не ездит на кэбе с номером 600. Как он ненавидел преступный мир Лондона. Но больше всего он ненавидел Джека-Потрошителя, который выпотрошил начисто кошелёк миссис Хадсон и украл её пенсию, на которую в наглую жили Холмс и Ватсон. Теперь же, они вынуждены харчеваться на свои. Да! Тяжёлая проза жизни.

— Мистер Холмс... мистер Холмс... мистер Холмс, — раздавался занудный, противный, деревянный голос миссис Хадсон, — мистер Холмс, мистер Холмс к вам пришли.

Холмс всегда игнорировал миссис Хадсон. Он посчитал сколько раз она сказала «мистер Холмс» и уже обдумывал, как на лестнице дать ей 5 пинков.

В дверях показался Картрайт, коллбой из гостиницы «У Темзы». Он сел на колени Холмсу, и поинтересовался, зачем его вызывали?

— Да, Картрайт. Хорошо что ты пришёл. Слезь-ка сначала с моего колена, я его отбил на прошлой неделе. Больше не буду ходить по тёмным улочкам Лондона, и как это угораздило Лейстрейда испугать меня там, надеюсь его жена сможет по-прежнему рожать детей от него, — сказал Холмс увлечённо почесав колено.

— К делу Картрайт. Обойдите все гостиницы Лондона, и давайте швейцару по шиллингу. Попроситесь посмотреть урны и складские помещения с одеждой, вы должны найти кожаные трусы с вышитой надписью «Тимур Валуа VII». Вот вам ещё 20

шиллинг для горничных. Очень тебя прошу Картрайт, только как можно быстрее.

— Хорошо, сэр. Ты свистни, тебя не заставлю я ждать. Бегу, нет лечу.

Холмс, опять начал думать. Эйфория и экстаз прошли... Он просто с молчаливой ненавистью наблюдал за миссис Хадсон, которая убиралась в гостиной. Шерлок скучал, как он не любил бездействие! Он подставил подножку старушке и та упала со словами:

— Я и в другой раз могу прийти убраться.

Гений XIX века решил, что яичница с беконом не помешает. После трапезы, Холмс снова начал читать газеты. Но ничего путного пока не находил. В дверях показался Ватсон, Шерлок бросил на него взгляд и промолвил:

— Ай-ай-яй Ватсон, вы неисправимы! Опять ваши шалости юности. Вызывали пожарных инспекторов. Не надоело вам делать ложные тревоги?

— Но чёрт возьми, как вы догадались?

— Элементарно, мой друг. У вас на заднице большой след от ноги. Сапог очень большой. Судя по размеру, а так же по копоти, такой след мог оставить только пожарный. Вы не были в пожаре, вы не пожарный инспектор, вы не нажрались. Следовательно, вы не успели скрыться, вас заложил мальчуган, кстати, когда вы его били, вы отняли у него школьную тетрадь, она у вас за поясом спрятана. И таким образом, вы получили достойного пендаля от инспектора.

— Да Холмс, вы как всегда правы. Всё элементарно, когда вы объясните. Ладно, пойду штудировать фармакологию, я буду у себя.

Вскоре пришёл Картрайт с огромным мешком и сказал, что он не нашёл кожаных трусов, но зато принёс этот мешок. Из комнаты вышел Ватсон. Шерлок стал вытаскивать из мешка одежду. Здесь были костюмы хабалок, шарфы из пёрышек, кожаные кепки с клепками, кожаные юбки и платья.

— Холмс, что это за наряд разбойника, — испуганно спросил Ватсон.

— Это Картрайт принёс...

В комнату зашла миссис Хадсон и увидев этот бедлам произнесла:

— Такое только на концерте Элтона Джона увидишь...

Лицо сыщика озарилось.

— Ватсон немедленно переодевайтесь. Я на 80 процентов уверен, что мы разобрались с этим делом. Миссис Хадсон, вы будете моими 20 процентами неверия. Ватсон, отправьте её в клуб лесбиянок искать кожаные трусы. Ватсон! Хватит грустить в углу, прикиньте нашу хозяйшку. Возьмите бритву и ножницы со стола. А когда отправите её в клуб, приезжайте домой, оденьтесь в наряд, который я вам оставлю и поезжайте на кэбе до «Националя», а дальше садитесь в другой кэб под номером 5232, который будет стоять неподалёку от входа в отель. Скажите кэбмену пароль: «Веселее вместе» и получите ответ: «Кому как и каждому своё». Всё поняли?

— Зачем такая конспирацБЯ?

— Чтобы никто не догадался.

На следующей день, в квартире на Бейкер-стрит показался Валуа, зайдя в гостиную, он увидел Холмса одетого в женские колготки. Под прозрачной материей, которая возбуждает мужчин, проглядывались изящно кривые и неволосатые ноги сыщика. Лицо было намалёвано как у актёра из театра пантомимы. Неподалёку сидел Ватсон, куря свою сигару. Доктор сидел с обнажённым торсом, в свиных кожаных джинсах и в кепочке с клепками. Валуа был слегка удивлён и спросил:

— Ребята, вы чего? Вы случайно не того?

— Нет, мы не того, — ответил Холмс, — мы это того, нашли ваши кожаные трусы, у того, у кого вы их оставили, и не спрашивайте ничего... ничего... потому что, мы сейчас того, от того, у кого вы их оставили.

— Но всё же, я принёс вам за работу хорошие деньги. Скажите, мне интересно!

— Хорошо... Вы оставили их у Элтона Джона.

— Ах ты, блин. Ну да, я приезжал в гости к друзьям, пошли к Элти, мы играли в карты на раздевание, ну я и разделся, а потом пришла знойная женщина, и я вмиг оделся, позабыв про них. Шер, я тебя не особо напряг?

— Не панибратствуйте, молодой человек. Не называйте меня Шер!

— Хорошо... Шер... Простите! Шерлок.

В углу раздалось хихиканье Ватсона, который начал бормотать себе под нос:

— Шер... Шер... Только подумать... Шер... Шерри... МонШер... Шербет... Шервуд... Шершень... Шерше-ля-фам... Шербург... Шер...

Холмс не выдержал:

— Ватсон заткнитесь! Боже мой! Вы не забрали миссис Хадсон из клуба лесбиянок. Быстрее за ней, мигом...

Пока Ватсон ездил за «Хадсоной», Холмс приводил себя в порядок, Валуа попивал апельсиновый сок и рассматривал свои кожаные трусы. Через некоторое время, в дверях показался доктор с миссис Хадсон, голова которой была начисто выбрита, а старое брненное тело было облачено в кожаное декольте.

— Ватсон, прошу, отправьте миссис Хадсон готовить завтрак, пока у меня от её внешнего вида не испортился аппетит.

— Друзья, — сказал Валуа — мне пора, рад был познакомиться. Будете в Москве, спросите Нарцисса Российского. Не пропадёте, дух авантюризма живёт во мне, правда блестящего приёма не обещаю, но отдых будет великолепным. Кстати вот ваши деньги и подарок от меня лично — Собрание «Дворянские». Удачи!

Валуа пожал сыщикам руки, похлопал по лысине миссис Хадсон. На улице он зашёл в кафе попить кофе. В это время Холмс и Ватсон беседовали у камина, за чашкой кофе, раскуриваясь сигаретами подаренными Нарциссом. Ватсон как всегда начал с вопросов:

— Шер... Прости!.. Шерлок, и всё-таки мне много не ясно в этой истории. Как вы догадались, что трусы у Элтона Джона?

— Когда миссис Хадсон назвала его имя, я сразу понял. Что делать нарциссам и прочей самовлюблённой нечисти в Лондоне? Вся пёстрая публика собиралась на его концерте пять дней назад. Именно столько дней прошло со времени пропажи трусов юноши. Поскольку, вы видели, как он хорошо держится на людях, значит он знаком с манерами и этикетом, отсюда, наш друг не мог остаться незамеченным продвинутым бомондом Лондона. Соответственно после концерта щёголи зашли в гости к Элтону. Хотя я сомневался, что трусы у него, поэтому и отправил миссис Хадсон в клуб к лесбиянками. Знаете, Ватсон, мы мужчины любим смотреть на лесбиянок, ничего не поделаешь. Так что воз-

можно Валуа был у них в гостях и они его могли зажечь на стриптиз. Вы же видели его фигуру, явно подтанцовывает.

— Да бросьте Холмс, опять ваша дедукция! Но я обязательно напишу об этой истории.

— Не стоит, Тимур Валуа и так напишет о ней. Тем более он всё-таки галантный джентльмен и упустит момент о том, что мы делали у Элтона Джона. Так что дома у певца у нас с вами было многоточие, потом троеточие... потом кавычки и вопросительные знаки, а далее выход из скобок и панический бег. Но мы остались с вами мужчинами, не так ли?

— Да, да, да... И всё-таки мне будет не хватать Валуа, я себя почувствовал на десять лет моложе. Мне было очень интересно с ним.

— Мне тоже, — сказал Холмс и затянулся сигаретой.

Валуа вышел из кафе и легко виляя бёдрами, шёл по улице, женщины оборачивались, провожали его взглядом, кэбы тормозили и предлагали бесплатно подвести. А на втором этаже дома на Бейкер-стрит, бликовала на солнце наголо побритая голова миссис Хадсон, которая долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Сплюнув, она недоумённо сказала:

— По замашкам вроде бы пидар, но на пидара не похож. Держится изящно и манерно, но не пидар, значит отставной пидар или нарцисс. Ну и слово-то «Нарцисс», вечно французы придумают что-нибудь — эдакое, а простые англичане язык ломают... Ладно пойду сварю ещё кофе...

© 2000 Тимур Валуа VII

Содержание

раздел первый

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ (материалы о А.К.Дойле)

В. Акшин. Сэр Артур Конан Дойл.....	5
А. Давидсон. Забытый Конан Дойл.....	16
Ф. Морозова. Сэр Артур Конан Дойл и духи	22
Г. Фролов. Забытая сенсация	33
Вл. Гаков. Бросивший вызов.....	35
Е. Головин. Артур Конан Дойл и спиритуализм	42
В. Корнейчук. Боксёр на дуэли.....	53
М. Кубеев. Шутка на званом приёме	56
И. Мелдрис. Конан-Дойль отравил конкурента.....	57
Р. Оуэн. Учёный, который обнаружил влияние Библии на рассказы Конан Дойля.....	60
Н. Петров. Фантазий огненные крылья	63
С. Поберовский. Следствие ведёт Конан Дойл	68
Л. Саврасов. Сэр Артур и спиритизм.....	73
Л. Тетюхина. McDonalds против Конан Дойля	76
Дж. Вандеман. Дедуктивная связь.....	78

раздел второй

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК (материалы о Шерлоке Холмсе)

М. Фрай. Притча о человеке с рассечённой губой	88
Вл. Гаков. Кругосветное путешествие Холмса	91
Л. Горалик. Шестёрка мирового масштаба.....	106
М. Гуревич. Happy Birthday, Mr Holmes!	110
И. Иртеньев. Элементарный Холмс.....	112
Ю. Кагарлицкий. Нерегулярные полицейские части Бейкер-стрит ...	114
К. Карева. Исчадия ада	118
Д. Клугер. Баскервильская мистерия.....	124
Л. Козлов. Озарённые Холмсом	138
А. Локтев. Громкое дело Шерлока Холмса.....	141
Ю. Лотман. Выход из лабиринта.....	144
Д. Льюиз. Истинность в вымысле.....	167

А. Масалов. Семь процентов разгадки	198
А. Л. London — near the Baker Street	200
Н. Манвелов. Счастье лондонцев, что я не преступник	207
А. Мирзамухамедов. А Шерлоку Холмсу до сих пор идут письма	213
Е. Перемышлев. История из подполья	215

раздел третий

ПЁСТРАЯ ЛЕНТА (театр и кино)

С. Бехтерев. Рядом с Холмсом и Ватсоном — Конан Дойль с Секретарём	219
Н. Гладких. «Воспоминания о Шерлоке Холмсе»	221
О. Комарова. Страшные сны доктора Ватсона	223
Е. Кузьменко. Холмсы бывают разные	225
Е. Ланкина. Шерлок Холмс попал в историю	230
В. Попов. Как Шерлока Холмса оставили без кокаина	231
Е. Сальникова. Кризис Конан Дойла	232

раздел четвёртый

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ (современная Шерлокиана)

М. Делирий. Загадка пенсионера «Вальдберг»	235
Ю. Конан-Дойл. Исчезновение набожной тётушки	270
Г. Гацура. Необыкновенное расследование Шерлока Холмса	280
Е. Коркина. Ядовитая улитка	286
А. Конан Дойл. Преступление в Фаулкс Расе	288
А. Лазаревич. Самое простое дело Шерлока Холмса	289
С. Саканский. Тайна рыжей цветочницы	297
А. Соколов. Ночь в полнолуние, или По ту сторону	311

раздел пятый

МЕДНЫЕ БУКИ (непривычный Холмс)

Артур Конан-Дойль. Женская привычка	352
Тимур Валуа VII. Хрен знает какое дело Шерлока Холмса	357